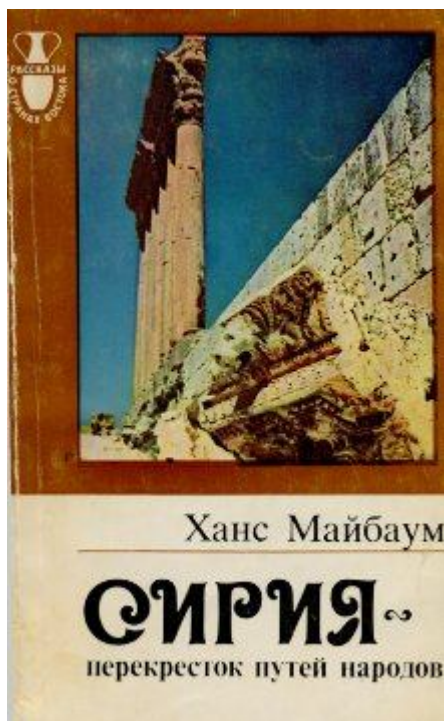

Ханс Майбаум

Сирия - перекресток путей народов

«Ханс Майбаум. Сирия - перекресток путей народов»: Наука; Москва; 1981

Аннотация

Книга автора из ГДР Х. Майбаума не только рассказывает о Сирийской Арабской Республике, ее прошлом и настоящем, но и знакомит читателя с историей и современностью всего Ближнего Востока. Рассказы об истории удачно переплетаются с описанием путешествий автора по Востоку.

Ханс Майбаум

Сирия — перекрёсток путей народов

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

Первое убийство

Наша история, к сожалению, не восходит непосредственно к Адаму и Еве. Сад Эдема находится, по-видимому, в соседнем Двуречье, и каждый гость Ирака, если захочет, может в этом убедиться. Энергичные бюро путешествий доставляют туристов, интересующихся историей возникновения рода человеческого, из Багдада за 500 километров южнее — в Курну, к тому месту, где Тигр сливается с Евфратом и уже как Шатт-эль-Араб устремляется к Персидскому заливу.

Здесь был рай — по крайней мере в этом клянутся служащие бюро путешествий и бургомистр небольшого местечка, — где Еве удалось соблазнить своего Адама — событие, тысячекратно повторяющееся ежедневно и достойное упоминания лишь потому, что тогда оно совершилось впервые. Табличка-указатель — это все, что сегодня еще напоминает о саде Эдема.

Но сейчас нас занимает не само грехопадение, а те важные последствия, которые оно

имело для рода человеческого вообще и для нашей истории в частности: если бы эта встреча осталась без последствий, то старания, усилия и искусство, которые создатель проявил при сотворении Адама и — надо признаться — Евы тоже, были бы потрачены напрасно. Или же в дальнейшем при сотворении каждого человека ему пришлось бы самому прикладывать руки, что, несомненно, скоро бы наскучило ему. Таким образом, род человеческий забывал его по крайней мере от этой заботы. Сотворенный однажды, он дальше размножался сам!

«И Адам познал Еву, жену свою, — сказано сдержанно в Ветхом завете, — и она зачала и родила Каина и сказала: „Приобрела я человека от господя“»; «И еще родила брата его, Авеля. И был Авель пастырь овец; а Каин был земледелец». После того как оба выросли, они как сообщает Библия, поссорились, по-видимому из-за того, что господь неодинаково оценил их труд. Каин почувствовал себя обойденным. «И сказал Каин Авелю, брату своему: „Пойдем в поле“». «И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его».

И тут начинается наша история.

Согласно арабскому преданию, в основу которого легли преимущественно христианские и еврейские легенды, ото первое в истории человечества преступление совершилось неподалеку от вершины горы Касьюн (высота — 1200 метров), вокруг которой раскинулся Дамаск. Шекспир, тоже, по-видимому, знал об этом. В первой части «Генриха VI» епископ Уинчестерский говорит Глостеру:

Ты отойди, не двинись ни на шаг.
Здесь твой Дамаск, будь Каином проклятым,
Коль хочешь, брата Авеля убей.

Пер. Е. Бируковой

Библия не очень ясно излагает причину, побудившую совершить это кровавое преступление, зато в арабском варианте о ней говорится вполне конкретно: здесь замешана женщина! Оба, и Каин и Авель, любили свою сестру — в Библии о ней не упоминается, — оба хотели на ней жениться. Вероятно, Авель, который был моложе, имел больше шансов. Вот почему Каин убил его. Стало быть, ревность послужила мотивом самого древнего убийства!

Дорога к месту преступления проходит по узким, круто поднимающимся переулкам аль-Акрада, Курдского квартала. Когда я карабкаюсь вверх мимо детей, они смотрят на меня с любопытством, несколько недоверчиво и полунасмешливо. Они следуют за мной, сначала боязливо, потом смелее, и скоро меня сопровождает целая ватага ребят. Наиболее храбрые кричат «хэллоо», «мисьео» и «гудбай». Привлеченные криками, в дверях показываются женщины с лицами, закрытыми покрывалами, что характерно для этой местности, и, завидев мужчину, быстро исчезают. Некоторые рискуют выглянуть еще раз, когда я уже прошел мимо. Что ищет здесь одинокий «уруби», европеец? Пища для разговоров у колодца обеспечена.

Дорога становится круче. Здесь, наверху, совсем другая, здоровая жизнь. Глиняные домишки лепятся один над другим. Кое-где встречаются и одноэтажные каменные дома, защищенные от постороннего глаза высокими глиняными стенами. Когда случайно открываются ворота, то видишь небольшой внутренний двор, на удивление уютный и чистенький. Цветущие кусты и деревья оживляют картину и дают благодатную тень.

Наконец добрался до верхнего яруса домов. Город кончился, и ватага ребят отстала от меня. Им стало жарко и скучно. «Только иностранцы и сумасшедшие способны в такую жару лезть в гору!» — вероятно, думают они.

Узкая тропинка проходит по каменистой осыпи. Еще четверть часа, и я у цели: на месте преступления! Передо мной древнее каменное сооружение. Арабский географ Ибн Баттута, для своего времени больше других путешествовавший по свету, упоминает о нем в путевых заметках середины XIV века. Магарат ад-дам — «Пещера крови» — называют его арабы.

Стена окружает старую мечеть. Пещера уходит глубоко в скалы. Она стоит такого трудного подъема. Но не только из-за древних углублений, где услужливый сторож показывает капли крови, имеющие якобы отношение к библейскому убийству, но и ради удивительно красивого вида, открывающегося отсюда на Дамаск, стоило подняться. Незабываемое зрелище! Как воротник к шее, прижимается верхняя часть города к подножию Касьюна. Едва различим лабиринт улиц и переулков старого города с топкими минаретами и зеленоватыми или отливающими светлым серебром куполами мечетей, которых здесь не менее двухсот пятидесяти.

Мне нужно немало времени, чтобы сориентироваться. Наконец в море домов различаю главные улицы и несколько заметных точек. Вон там большой прямоугольник мечети Омейядов. Как и во всех арабских жилищах мимо которых я только что карабкался вверх, высокая стена окружает внутренний двор, откуда посетитель попадает в молельный дом. Далее видны купола мечетей и три стройных минарета.

Я узнаю центральную площадь с высокой бронзовой колонной посреди, воздвигнутой в честь открытия телеграфной линии между Дамаском и Хиджазом. Но в памяти дамаскиицев и всех арабов это событие, символизирующее освоение Ближнего Востока империалистами с их далеко идущими военными целями, занимает значительно меньше места, чем событие, связанное со зверским умерщвлением десятков сирийских патриотов, повешенных на этом месте 6 мая 1910 года по приказу турецкого главнокомандующего.

Неподалеку от центральной площади я различаю широкую Бейрутскую улицу, идущую вдоль реки Барады, а позади нее великолепно расположенную территорию ярмарки, выделяющуюся огромным обелиском с флагами стран-участниц. Восточнее — площадь, окруженная безвкусными зданиями контор. Отсюда до самой горы Касьюн тянется современный жилой квартал. Улицы здесь шире, очертания домов привлекательнее, между ними раскинулись площади и скверы. Эти новые кварталы Дамаска ничем не отличаются от современных кварталов больших городов.

Взгляд скользит над морем домов, устремляясь к опоясывающей Дамаск широкой зеленой зоне — Гуте, сады и поля которой дают по несколько урожаев в год. Дамаск (особенно Гута) — дар Барады. Разветвляясь на бесчисленное множество каналов и канальцев, она обводняет местность, насколько у нее хватает сил, и, полностью исчерпав себя, пропадает в песках пустыни.

Сирийцам нравится, когда им говорят, что их столица — самый древний город на земле. Он действительно относится к древнейшим из населенных мест мира. Название Димашк (Дамаск) встречается уже в египетских текстах 18-й династии (примерно в 1500 году до н. э.) и на ассирийских табличках. Книга «Бытия» Ветхого завета, которая относится к числу древнейших исторических книг, в сообщении о поражении царей Содома и Гоморры касается этого города.

Согласно официальной статистике, в Дамаске проживает 850 тысяч жителей. Но что такое официальная статистика, да еще на Востоке! В лучшем случае это 850 тысяч зарегистрированных сирийцев. Но поскольку многие жители сельской местности уходят в город в поисках лучшей работы и более высокого заработка, то для достижения своих целей они находят пути и средства вопреки желанию властей. Естественно, что осуществление контроля над плотностью населения в городских жилых кварталах и регистрация жителей наталкиваются на некоторые трудности. Поэтому, надо полагать, настоящее число жителей в Дамаске давно перевалило за миллион.

Мысль о том, что на том самом месте, где я сейчас стою, много тысяч лет назад так же стояли люди и смотрели вниз на город, размышляя о жизни его обитателей, об их радостях и нуждах, как-то по-особому волновала меня. Конечно, десять тысяч лет по сравнению с возрастом пашей земли — четыре миллиарда лет — лишь миг. Даже если бы история человечества началась примерно миллион лет назад, и то десять тысяч лет — всего сотая часть. Тем не менее сколько надежд, сколько счастья, разочарований и боли довелось испытать людям за это время. И чему только по научилось прилежное человечество:

возделывать землю, приручать и делать полезными животных, добывать и обжигать глину, излагать письменно свои мысли и уметь читать написанное, прясть шерсть и шить одежду, выплавлять и закалять металл. Но одновременно они научились и уничтожать себе подобных и усовершенствовали технику уничтожения своих жилищ и самих себя. Роду человеческому понадобились тысячи лет, чтобы освоить планету, на которой он живет; прошло еще две тысячи лет — и он научился покидать свою планету и снова на нее возвращаться. Вместе с тем ему удалось открыть такую гигантскую силу, которая способна ее уничтожить. Если человечество хочет и дальше жить, оно должно наконец исключить войну как средство решения спорных вопросов, а также ликвидировать режимы, извлекающие из нее пользу. И только тогда человечество вступит в свою настоящую историю, а все прошедшие тысячелетия станут его предысторией.

Арабский вариант легенды об убийстве Авеля рассказывает, что Каин, не зная, как поступить с мертвым братом, водрузил его на плечи и носил его так сорок лет (данные о времени, разумеется, значительно колеблются), пока не увидел, как с неба упали два ворона и стали бороться. Один из них убил другого и зарыл. Каин воспринял увиденное как знак волн божьей. Он выкопал яму, положил в нее Авеля и засыпал его землей. Так совершилось первое захоронение. Это место также можно посетить.

Я уезжаю из Дамаска по дороге, ведущей на Бейрут. Меня сопровождает Ахмед Кош, молодой сирийский учитель, который хорошо знает обычаи и нравы своей родины и имеет многочисленных родственников. Обрывистые скалы поднимаются по обеим сторонам узкой долины. Ни кустика, ни травинки не растет на гребне горного хребта. Но дорога, пересекающая несколько предместий и затем сворачивающая со своего основного направления, идет вверх по течению Барады через сочно-зеленые долины. Ее сопровождают рельсы узкоколейки, соединяющей Дамаск с Бейрутом. Расстояние между обоими городами по воздуху составляет всего 80 километров, а длина железнодорожного пути, пересекающего две высокие горные цепи — Антиливан и Ливан, — почти вдвое больше. Поезду нужно для этого 10 часов, не удивительно, что большинство предпочитает автомобиль.

Наша машина обгоняет поезд. Сегодня пятница, у мусульман праздничный день. Тысячи жителей столицы используют свободные дни, чтобы выехать в зону отдыха — Зебдани, курортное место, расположенное недалеко от Дамаска на высокогорном плато, зажатом между голыми горными хребтами Антиливана. Хотя ореховые деревья на железнодорожной насыпи и зачастую скалы, сквозь которые проложена дорога, находятся в опасной близости от рельсового пути, сотни молодых людей висят на наружных стенках вагона, стоят на подножках, выступающих наружу, судорожно ухватившись за открытые окна. Никто не пытается воспрепятствовать такому легкомыслию, да это и не возымело бы действия. Сначала я подумал, что вагоны переполнены. Ничего подобного! Ахмед показал на пустые купе. Это волнует и веселит, потому что рискованно. Молодые люди, смеясь, машут нам, а когда поезд поровнялся с абрикосовой рощей, оттягиваются на руках особенно далеко, чтобы сорвать с веток плоды; некоторые спрыгивают на повороте: отсюда им ближе добираться в свою деревню. Ну что может случиться! Все в руках Аллаха! Ну а если что и произойдет, то это судьба. «И в несчастье проявляется воля Аллаха», — цитирует Ахмед из своих запасов пословиц.

Два локомотива тянут поезд. Я думаю, один только для того, чтобы свистеть, что он и делает почти непрерывно: машинисту, вероятно, доставляет удовольствие и пассажирам тоже. К радости машиниста, мы довольно долго едем вровень с поездом. Ахмед показывает табличку на паровом котле, которая заставляет меня застыть в немом почтении. «Хемниц 1896», — читаю я с благоговением.

Дорога пролегла через живописные деревни, утопающие в зелени тополей, апельсиновых, абрикосовых и ореховых рощ, взбирающихся по крутому склону горы. Такое расположение позволяет жителям видеть местность далеко вокруг над крышей живущего ниже соседа. Крыша эта служит для просушки белья или зерна, а летом на пей спят. Еще 35 километров — и мы подъезжаем к деревне Сук-Вади-Барада (Базар на реке Бараде).

Отвесные голые скалы окружают долину. На одной из вершин, на высоте 1200–1400 метров, поднимается белый купол мавзолея — могила Авеля. Здесь, так говорит легенда, Абель, наконец, обрел покой.

Путь к вершине горы нелегкий. От машины требуется многое. Мы рады, когда наконец добираемся до цели. И здесь тоже каменная стена, внутри которой два больших помещения. Могила длиной 6 метров и шириной 1 метр покрыта плотным слоем ковриков и платков — зеленых, желтых, красных.

Мы недолго остаемся единственными посетителями. Скоро остановилась машина с иорданским номером. Поразительно, сколько арабов может уместиться в одном автомобиле. Я насчитал семерых взрослых — один за другим они выползли из автомобиля, как из рога изобилия. А ребятишек мне так и не удалось пересчитать. Посетители привезли с собой платки и положили их на могилу, один из них прикрепил к стене метровую свечу. Женщина подвела к могиле больного ребенка, оторвала от его рубашки лоскут материи и привязала к железной решетке, где уже висело много подобных лоскутов. Ахмед объяснил, что мать надеется таким образом вернуть ребенку здоровье. Я заметил, что все это очень злит Ахмеда. «Ну, теперь ты видишь, какие проблемы нам нужно еще осилить!»

Я успокаиваю его. В высокоиндустриализированной ФРГ есть знахари и гадалки, их услугами пользуются даже видные деятели. Он кивает:

— Да, это верно, все зависит от общественной формы.

Он радуется, что машина из Иордании. Позднее Ахмед говорит, что речь идет об античной Абиле, расположенной недалеко от деревни Сук-Вади-Барада, — столице римской тетрархии Абилены. От древней дороги, проходившей по течению Барады, в нескольких километрах отсюда, сохранились кое-какие остатки. Связь легенды об Авеле с этим местом основывается, стало быть, на смешении имен.

Но заблуждения весьма живучи, и я сам не раз убеждался в этом. В конце концов легенда отсылает нас к истокам истории человечества, к святым, творящим чудеса. Что по сравнению с этим воспоминания двухтысячелетней давности? Руины этого периода в некоторых районах Сирии можно встретить в каждой деревне. Римские колонны служат там подпорками в жилищах, хлевах и курятниках, а коринфские капители — скамейками для стариков. Ну что ж, удовлетворимся тем, что мы побывали на могиле Авеля!

Десятитысячелетний Иерихон

Теперь оставим легенды об Адаме и Еве и их детях и обратимся к данным науки о ранней истории человечества. Они тоже ведут на Ближний Восток. К древнейшим находкам человеческого скелета относятся, в частности, найденные в иорданской долине, под Убайдийей, части черепа, пролежавшие в земле более пятисот тысяч лет. Первые экземпляры рода человеческого, называемые *homo erectus* (человек прямоходящий), жили ордами, были охотниками и собирателями растений. Они изготавливали из галечника примитивные каменные орудия, пока наконец не научились делать ручное рубило. Пустынная и голая сейчас, эта местность была покрыта когда-то пышной растительностью. Густые леса гор и долин изобиловали многими видами животных.

Кости, возраст которых исчисляется сотнями тысяч лет, найденные в пещерах Палестины, Ирака и Ирана, сильно отличаются от тех, что были найдены под Убайдийей. Эти различия свидетельствуют о значительном скачке в развитии человечества, приблизившем его к человеку нового периода (*homo sapiens*), многочисленные свидетельства которого были обнаружены в Передней Азии.

Спустя несколько тысячелетий, в конце среднего периода каменного века, происходит новый важный переворот в истории человечества — переход от охоты и собирания, от использования продуктов растительного и животного мира для поддержания человеческой жизни, к возделыванию земли и разведению скота, то есть к сознательному производству средств для жизни. Этот грандиозный переворот начался, вероятнее всего, также в Передней

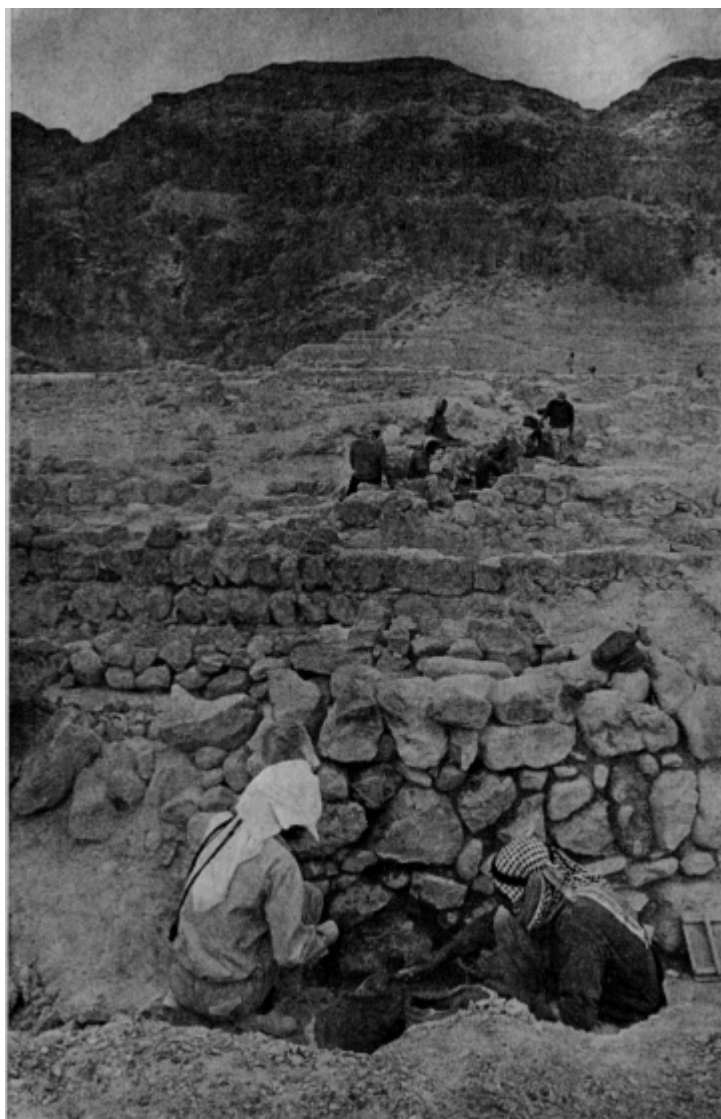
Азии. Он привел к небывалому росту производительности труда, благодаря чему постепенно исчезали черты первобытного общества; он явился также предпосылкой для того, чтобы людям не нужно было кочевать, какномадам, постоянно подыскивая места для стоянок, уголья для охоты и пастбища для скота, а они смогли бы осесть в плодородных и климатически благоприятных областях. В связи с формированием классов постоянные поселения развивались в города-государства.

Я хорошо понимаю, что навлеку на себя гнев моих сирийских друзей, но в интересах правды должен сказать: есть места еще более древние, чем Дамаск. И это относится прежде всего к Иерихону, оазису неподалеку от того места, где Иордан впадает в Мертвое море.

Как воды Барады питают Дамаск, так и Иерихон питается водой источника Айн-эс-Султан. Его именем арабы называют холм севернее города — Тель-эс-Султан. Уже в конце прошлого столетия он привлек внимание археологов и до сих пор считается одним из важнейших мест археологических находок предметов раннего исторического периода.

В 1907 и 1908 годах немецко-австрийская группа исследователей под руководством профессоров Эрнста Зеллина и Карла Ватцингера впервые приступила к раскопкам у горы Султана. Она скоро натолкнулась на две параллельно идущие крепостные стены из высушенного на солнце кирпича. Наружная стена имела толщину 2 метра и высоту 8–10 метров, а толщина внутренней стены достигала 3,5 метра.

Археологи определили, что эти стены были возведены между 1400 и 1200 годами до н. э. Понятно, что их быстро отождествили с теми стенами, которые, как сообщает Библия, рухнули от мощных звуков труб израильских племен. Согласно Библии, город был завоеван и сожжен, все живое уничтожено. Полководец Иисус Навин пощадил лишь блудницу Рехаб (Раав), потому что она прятала людей, посланных им на разведку в Иерихон.

**Все, что осталось от «древнейшего города мира», после того как он был разрушен
иерихонскими трубами**

Во время раскопок археологи натолкнулись на слои строительного мусора, представлявшие для науки еще больший интерес, чем находки, подтвердившие сведения Библии о войне. Но первая мировая война приостановила дальнейшие научные исследования. Прошло больше двадцати лет, пока группа англичан под руководством профессора Джона Гарстанга смогла продолжить раскопки, затем работа была прервана из-за сложной политической обстановки. И только после второй мировой войны, в 1953 году, английскому археологическому отряду во главе с доктором Кетлин М. Кеньон удалось сделать открытие, ставшее сенсационным. Оно совершенно изменило наши представления о начале развития человечества. Исследовательская группа мисс Кеньон пробилась сквозь 40 культурных слоев и обнаружила наконец сооружения новокаменного периода с громадными постройками, относящимися к тому времени, когда, казалось бы, должны были жить только кочующие племена, добывающие себе пропитание охотой и собиранием растений и плодов. Мощные каменные стены с оборонительными башнями высотой 10 метров защищали пространство примерно в 2,5 гектара, где круглые, похожие на палатки дома населяло примерно 2 тысячи человек. Чтобы точнее определить возраст этих сооружений, были применены новейшие научные методы, например радиоуглеродный метод. Физики-атомщики при исследовании изотопов установили, что можно определить возраст предметов по соотношению радиоактивного и стабильного изотопов углерода. Путем

зондирования было установлено, что самые древние стены этого города относятся к VIII тысячелетию, то есть их возраст — примерно 10 тысяч лет. На основании этих исследований историки получили абсолютно новую картину развития и технических возможностей, которыми располагало человечество 10 тысяч лет назад.

Впрочем, мисс Кеньон не нашла одного — черепков, надежного источника археологических оценок. Жители круглых домов еще не знали гончарного дела, поэтому ученые полагают, что это был период предкерамического неолита.

Иерихон расположен западнее реки Иордан. Территория в июне 1967 года была оккупирована Израилем. Когда я в мае того же года собирался в поездку, я не предполагал, что Иорданская впадина станет ареной боев и мирную тишину нарушат взрывы гранат и стоны умирающих.

Путешественника, покидающего столицу Иордании, Амман, ожидает хорошая дорога. Она идет через горы, лишенные растительности, на юго-запад и круто падает с высоты 1200 метров, устремляясь к Иордану, до которого от горы — всего 5–10 километров. Амман расположен примерно в 800 метрах над уровнем моря, устье Иордана — около 400 метров ниже этого уровня. В 30 километрах от города на обочине дороги возвышается камень, от которого как бы исходит магическая сила, действующая по крайней мере на всех проезжающих там европейцев: все останавливаются, выходят из машины и позируют перед фотоаппаратами. «Си левел» («уровень моря»), — оповещает камень, почему-то по-английски, а не по-арабски. Мы пересекаем ординарную нулевую точку, как говорят специалисты. Начиная отсюда, местность лежит уже ниже уровня моря.

Но спуск продолжается. У километрового столба с отметкой 38 перед наблюдателем в раскаленном воздухе раскинулась удивительная панорама: внезапно каменистые склоны горы обрываются к Иорданской впадине. Светлым серебром отливает широкая поверхность Мертвого моря. Севернее от него зеленой кляксой среди коричневых скал лежит древний Иерихон — цель пашей поездки. Теперь, уже ввысь (на высоту 800 метров), уходят коричневые скалистые горы на западном берегу Иордана. Там — Иерусалим.

Машина пересекает безрадостную голую местность, напоминающую своими кратерами картины лунной поверхности, и приближается к Иордану, расположенному на 392 метра ниже уровня моря — к реке Судеб на Ближнем Востоке. Только на расстоянии нескольких метров от реки справа и слева по берегам пробивается оживляющая ландшафт зелень. Сразу же за Мостом короля Хусейна боковая дорога сворачивает к озеру, которое со времен седой старины называется Мертвым морем. Я решил переночевать в отеле, носящем такое же название. Кто может устоять перед соблазном отдохнуть в этом знаменитом месте, где все в превосходной степени? Это самая низкая точка на земной поверхности. Озеро — самое соленое на земле: в одном литре воды содержится 200 граммов соли (в Средиземном море — 35 граммов, около берегов Балтийского моря — от 2 до 4 граммов). И оно самое известное среди христиан, иудеев и мусульман из-за упоминаний в Ветхом завете.

Я не погрешу против истины, если скажу, что пребывание на озере никакого удовольствия не доставляет. Нестерпимо жарко. Влажность воздуха крайне высокая. Ни ветерка. Кондиционеры в отеле не работают. Вода из душа идет тоненькой тепловатой струйкой. А купание в озере не освежает. Соленая, очень теплая вода держит тело на поверхности, так что плыть можно в любом положении. Требуется усилие, чтобы согнуть в воде руку; она выпрыгивает, как резиновый мяч, лишь только расслабляешь мускулы. Поэтому то, что рассказывают об императоре Веспасиане, весьма правдоподобно: чтобы убедиться в чудодейственной силе моря, он приказал бросить в море нескольких пленных, связав их по рукам и ногам. Конечно, они не утонули.

Однако через несколько минут соль начинает жечь лицо. В наиболее чувствительных местах тела возникает неприятный зуд. А когда брызги попадают в глаза, их жжет так нестерпимо, что сдуру начинаешь тереть глаза мокрыми руками, после чего пулей выскакиваешь на берег и опрометью бежишь под теплый пресный душ. Там, где топкая струйка не попадает на тело, мгновенно образуются белые кристаллы соли, так что жжение

еще долго не проходит.

На следующее утро меня будит гул голосов. Высовываюсь из окна и вижу необычную картину: современный туристский автобус, окруженный толпой немолодых дам, которые, не жалея глоток, говорят все одновременно. Одни из них изнывают от жары в строгих, закрытых платьях, другие, наоборот, облеклись в мини-юбки или шорты, и смотреть на них не очень приятно. Толстый переводчик с трудом утихомиривает их на плохом английском языке и начинает свою лекцию:

— Мы находимся в самой низкой точке земной поверхности; здесь, на этом озере, стояли города Содом и Гоморра, на которые бог за грехи их обрушил с неба огонь и серу; здесь жена Лота превратилась в соляной столб. Длина озера — восемьдесят пять километров, а максимальная ширина его — шестнадцать километров. Наибольшая глубина — четыреста метров. Его питают Иордан и несколько небольших речек, оттока оно не имеет. Однако притока воды не хватает, чтобы возместить испарение. Поэтому в течение тысячелетий уровень воды упал на сто двадцать метров. В этом тайна его исключительно высокого и постоянно увеличивающегося содержания соли, что в сочетании с относительно высоким процентом бромидов и хлористого магния исключает существование там живых организмов. Рыбы, попавшие в озеро с быстрым течением Иордана, живут не боле одной минуты, и, насквозь просоленных, волна выбрасывает их на берег. Дамы, пожалуйста, поторопитесь, автобус отправляется через пятнадцать минут.

Дамское общество снова зашумело, а некоторые из дам, особенно отважные, под неистовый визг остальных погрузили ноги в воды Мертвого моря с таким видом, будто это был первый шаг в преисподнюю.

Зайдя в бар, я увидел там гида и сел рядом, предложив ему порцию топики. Не переставая вытирать пот с лысины, он объяснил мне причину полного отсутствия мужчин в группе туристов. Оказывается, все эти женщины — американки, вдовы, мужья которых еще при жизни заключили страховые договоры с известным туристским агентством. Оно обязалось в случае смерти мужа за соответствующие взносы, сумма которых зависит от его возраста и состояния здоровья, смягчать боль скорбящих вдов четырехнедельным путешествием по наиболее интересным туристским маршрутам мира.

— Вот так они и носятся, — мой собеседник смотрит нервно на часы и продолжает, — от Тауэрского моста к Эйфелевой башне, а оттуда к Колизею, потом к Акрополю, а по пути от могилы Христа непременно посещают казино «Ливан» и — к Мертвому морю с заездом в Иерихон. На последние два места запланировано пятьдесят минут, значит, с вычетом времени на дорогу, по двадцать минут на каждое.

Он хлопает в ладоши и загоняет свое пестрое общество в автобус. Уже включен мотор, и я быстро решаю ехать вслед за этими своеобразными туристами.

Всего несколько километров, и транспарант, натянутый поперек улицы, приветствует посетителя: «Welcome to Iericho!» («Добро пожаловать в Иерихон!»). Более резкого контраста, чем контраст между серо-коричневой, почти лишенной растительности, каменистой местностью и сочно-зеленым оазисом, едва ли можно представить. Высокие пальмы растут по обеим сторонам дороги. Мы проезжаем несколько прекрасных вилл. В садах — цветущие кустарники, разнообразные деревья. Красным и золотым отливают финиковые пальмы. Перед современным зданием кино — большая группа эффектно одетых молодых людей. Но автобус не останавливается: 20 минут на Иерихон. Примерно километра два от города — и мы у цели. Проволочный забор огораживает территорию раскопок. Само собой разумеется, путь в далекие тысячелетия не бесплатный. Я покупаю себе билет; у дам все оплачено заранее. Прихрамывая, опираясь на костыль, подходит сторож. Гид еще быстрее говорит заученное: «Самый древний город в мире... знаменитые стены Иерихона... упоминаются в Библии... разрушен звуками...» Показывая некоторые валы и рвы, предупреждает, чтобы не подходили слишком близко к выкопанным археологами траншеям.

По туристок сдержат уже невозможно. Они растекаются по всей территории раскопок. Счастье, что в особенно опасных местах натянуты канаты, предупреждающие полет в

прошлое. В некоторых шахтах посетителю разрешается спуститься по ступенькам в глубину. Самые храбрые не отказываются и от этого — все-таки оплачено. Беспрестанно щелкают фотоаппараты. «Ten thousand years ago!» («Десять тысяч лет назад!»), «It's wonderful isn't it?» («Удивительно, не правда ли?») — слышу восторженные возгласы.

Пытаюсь вмешаться и сказать обладательнице восхитительной пестрой шляпки, что она стоит перед стеной, относящейся к первой половине II тысячелетия до н. э., а вал VIII тысячелетия находится в противоположном углу территории раскопок, но возбужденная женщина не дает мне говорить. Она жадно хватается за возможность поделиться с кем-нибудь, кто не относится к обществу туристов, своими впечатлениями о мире и обрушивает на меня бурный поток восторженных восклицаний, из которых я, к сожалению, не понял и половины. Только одно мне было ясно: здесь говорит тот, кто, уж конечно, знает мир! Англичане очень милы: их легко понять. Французы, наоборот, давно уже не так галантны, как утверждают: они говорят на очень смешном языке, а их Эйфелева башня нисколько не выше, чем Эмпайр Стэйт Билдинг. Вот в Италии ей понравилось гораздо больше, особенно город, где ездят не в автомобилях, а в гондолах. Мадам не сразу вспоминает название города, и я прихожу на помощь ее памяти. Под конец падающую башню в Пизе она перемещает в Неаполь, а Везувий — в Сицилию, и я перестаю исправлять такие мелочи. Опустив глаза и покраснев, она сообщает, что, собственно говоря, в арабские страны она не хотела ехать, потому что слышала, будто здесь крадут женщин и увозят их в пустыню, в гаремы шейхов. Я уже не помню, успокоил ее мой ответ или разочаровал.

Гид снова хлопает в ладоши, смотрит на часы и приглашает ехать дальше. А я все еще не сказал моей собеседнице, что она так и не увидела самые древние в истории человечества стены. Ну да ладно, она, впрочем, как и ее спутницы, к концу путешествия по свету все так перепутает, что ей будет не до этих каких-то двух тысячелетий.

Когда автобус отъехал, я возвратился к месту раскопок, к руинам, неммым свидетелям далекого прошлого. Можно легко различить стену вала с вырубленным в скале рвом в 9 метров шириной и 3 — глубиной. Полностью откопана башня. Я сажусь на краю траншеи и предлагаю хромому сторожу сигарету. Тот садится рядом со мной и закуривает. Беседуем на английском. Он был солдатом в Арабском легионе при Глабб-паше, а ногу ему прострелили в 1949 году во время первой арабо-израильской войны. Словно угадав мои мысли, он показывает на мощные крепостные сооружения, которые говорят о том, что жители этих ранних поселений тоже не чувствовали себя в безопасности. Сторож рассказывает, что во время раскопок были найдены даже останки убитых. Поселение было завоевано, вероятно, в VII тысячелетии — так думают археологи. «Война и снова война, уже десять тысяч лет!» — горестно говорит он и стучит костылем по своей деревянной ноге. Мы оба не подозреваем, что в этот момент полным ходом идет подготовка Израиля к нападению на соседние арабские государства и через каких-нибудь три недели война принесет новые страдания в долину Иордана.

Приглашает царь

И снова прошли тысячелетия. Вероятно, в VII тысячелетии люди научились использовать металл, выплавлять из руды медь и обрабатывать ее. Почти в то же время возникло искусство обработки глины — керамика; обожженные глиняные сосуды вытеснили каменные, деревянные и кожаные.

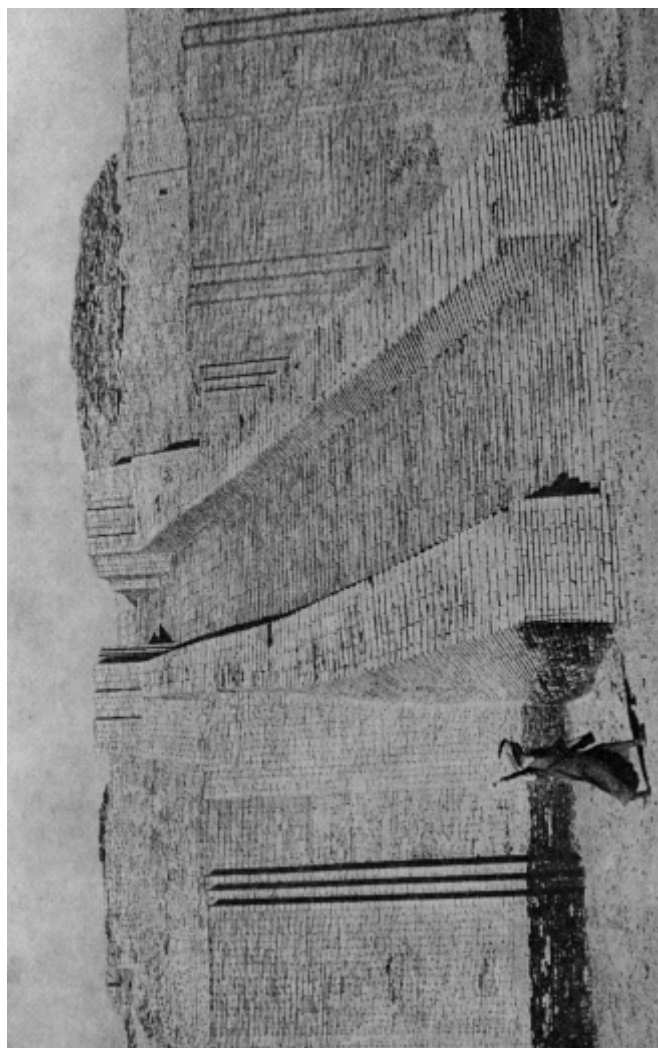
С ростом эффективности труда человек мог уже производить больше, чем ему было необходимо для личного потребления. Возникло разделение труда, и появилась возможность жить за счет эксплуатации рабочей силы других. В результате этой эволюции в VI тысячелетии существовавший ранее общественный порядок, основывавшийся на правилах совместной жизни равноправных членов племени, постепенно сменился другим — образовались классы. Все более прогрессирующее общественное разделение труда привело к развитию самостоятельных ремесел. На месте первых станов возникли поселения, потом

города, распространившие свое влияние на большие территории. Особенно успешно этот процесс проходил в долинах крупных рек, таких, например, как Евфрат, Тигр и Нил, где уже в VI тысячелетии плодородие земель было значительно повышено с помощью хитроумной системы каналов. Такие значительные строительные мероприятия требовали строгой системы организации труда, которую можно было осуществить только посредством сильной центральной власти.

В конце IV тысячелетия развитие классового общества завершилось образованием государства. Слава шумерских городов-государств, таких, как Урук, Ур, Лагаш в Южной Месопотамии, ставших носителями самой передовой культуры своего времени, дошла до наших дней. Шумеры создали одно из величайших достижений человеческого гения: на рубеже IV и III тысячелетий им удалось передать человеческую речь с помощью знаков и, таким образом, создать систему письма. Но и оно не было результатом внезапного вдохновения. Развитию письма предшествовал длительный процесс, начавшийся с изображения предметов и затем через этап развития письма, при котором вместо рисунков предметов конкретные понятия выражались посредством ряда знаков-символов этих предметов, приведший наконец к определенной ступени, когда знак уже больше не был связан с конкретными предметами и тем самым мог применяться и для обозначения абстрактных понятий.

Наряду с шумерскими культурами на юге Двуречья в III тысячелетии на севере развились города-государства аккадцев, говоривших на восточноеврейском языке. В Ниневии, Ашшуре и Мари возникли цветущие государства, занимавшие во второй половине III тысячелетия обширные территории. К этому времени (примерно 2300 год до н. э.) появились первые значительные личности, имена которых донесла до нас история. Одному аккадскому военачальнику низкого происхождения (по легенде его еще грудным младенцем мать положила в корзину и пустила по реке, а нашел его некий водонос и воспитал) удалось с помощью войска захватить власть и создать первое по-настоящему великое царство Востока. Он взял себе имя Шаррумкен, что означает ни мало ни много как «истинный царь» (это имя, которое впоследствии носили также два ассирийских царя, нам лучше всего известно в его древнееврейской передаче в Библии как Саргон) Шаррумкен подчинил шумеров и продвинулся, как говорится в сообщениях того времени, «до кедрового леса и серебряных гор» — определение, под которым нетрудно угадать Ливанские горы и горы Тавра. При Шаррумкене Аккад был заново отстроен как царский город. Вскоре его царство простиралось от Верхнего моря (Средиземного) до Нижнего (Персидского залива). Во всех больших городах царства возникали грандиозные строения из кирпича, который сначала сушили на солнце, а потом обжигали в печах. Вся центральная часть страны между Евфратом и Тигром была усеяна многоэтажными ступенчатыми башнями — зиккуратами, по которым боги должны были спускаться к верующим.

Западноеврейским кочевым племенам, на которых распространяется общее понятие «амориты», примерно в 2000 году до н. э. удалось наконец распространить свою власть на большую часть территории Сирии и Ирака. Хаммурапи правил в 1792–1750 годах огромным государством из Вавилона. Он нападал на своих союзников, которые помогали ему сломить сопротивление аккадцев и шумеров, и уничтожал их, среди них были и цари государства Мари. Однако ему не удалось распространить свое господство на побережье Средиземного моря, в то время уже контролируемое фараонами. Но наибольшую славу принесла ему кодификация существующего права. Хотя уже до него другие цари составляли своды законов, его труд является самым всеобъемлющим в древнюю эпоху, и он был первым, кто облек это мероприятие в такую выразительную форму. Он приказал высечь на большом обелиске 282 параграфа. В конце текста он призывает свой народ: «Пусть он заставит прочесть мной написанный памятник, и пусть он услышит мои драгоценные слова, а мой памятник пусть покажет ему его дело. Пусть он увидит свое решение, пусть успокоит свое сердце пусть сильно скажет: Хаммурапи, владыка, который для людей как родной отец... справедливо управлял страной!

Зиккурат Ура

К наиболее важным поселениям этого раннего периода человеческой истории относятся Библ на ливанском и Угарит — на сирийском побережье Средиземного моря, а также Мари в сирийской части Евфрата. Так как оба средиземноморских города играют в истории Финикии очень большую роль, мы перенесем посещение этих мест в следующую главу, а сейчас обратимся к Мари.

Этот город долго оставался вне поля зрения археологов. Раскопки шумерских и аккадских городов вызвали широкий интерес, а в обнаруженных там материалах снова и снова упоминались царство Мари и его роскошная столица. Во время раскопок в Вавилоне была найдена даже статуя Пузур-Иштар, царя Мари. (Голова этой статуи находится в настоящее время в Переднеазиатском музее Берлина.) Обнаруженные в Ниппуре глиняные таблички характеризуют Мари как важный экономический и политический центр. Заметки, относящиеся к более позднему времени, указывают, что в конце III тысячелетия Мари достигло небывалого расцвета. Во многих местах были найдены восторженные сообщения путешественников, посетивших Мари и прославлявших красоту города, жизнерадостность его жителей и образцовый порядок в стране. Так, царь Угарита послал своего сына в Мари, и он тоже подтвердил, что даже самые красочные описания бледнеют перед действительностью. Понятно, что такого рода сообщения лишили археологов сна; им было известно только, что город должен находиться где-то на половине пути между Вавилонией и Средиземным морем. Первые попытки обнаружить город окончились неудачей. И тут помог случай — отец многих открытий, Шел 1933 год. В это время Сирия была подмандатной территорией Франции. В Абу-Кемале, небольшом местечке на границе Сирии с Ираком,

изнывал от скуки начальник французского военного поста лейтенант Кабанэ. Он проклинал судьбу, забросившую его в это забытое богом место на краю Сирийской пустыни. Население оседлое, и ему трудно в песках найти и защищать то, что его правительство именует «французскими интересами и привилегиями». Внезапно с деревенской улицы до него донесся шум, вырвавший его из раздумий. Лейтенант Кабанэ быстро пристегивает ремень. Взволнованно жестикулируя, и комендатуру проталкиваются арабы. Все говорят одновременно, но он не понимает ни слова. Тогда те начинают кричать в надежде, что так их лучше поймут. Наконец лейтенант разобрал: это жители соседней деревни Телль-Харир, которые хотят ему сказать, что они похоронили одного деревенского жителя... К черту, думает лейтенант, У меня с живыми достаточно неприятностей, какое мне дело до мертвых! Нет, месье лейтенант опять неправильно понял. Не о мертвом речь. Дело в том, что при захоронении мертвого нашли другого мертвеца — из камня!

Лейтенант Кабанэ насторожился. Ему, как и многим европейцам, пришлось долгое время жить на Востоке. Естественно, он не ушел от чар, исходящих от древней истории, следы которой встречаешь буквально на каждом шагу. Он открыл в себе любовь к археологии. Эта привязанность вынудила его оставить мысли о неблагодарности судьбы, схватиться за фуражку и идти с арабами к могиле. Там, в 11 километрах от Абу-Кемалья, он убеждается: во время похорон арабы натолкнулись на древнюю статую из камня. Она представляет собой человека, одетого в длинную юбку, украшенную богатой, равномерно расположенной, тонко сбегающей вниз бахромой. Лейтенант приказал аккуратно откопать фигуру, сам счистил с нее землю — поступок, воспринятый стоящими вокруг жителями деревни с большой неприязнью, так как он казался им не подобающим для лейтенанта, — и унес к себе. Там Кабанэ ставит фигуру на стол и под ее внимательным, смущающим взглядом пишет длинный, подробный рапорт начальству по службе обо всем случившемся.

И теперь происходит... Нет, сначала решительно ничего не происходит! Нетерпеливый лейтенант, преисполненный надежды, что каменная фигура избавит его от повседневной скуки, чувствует себя разочарованным. Проходят месяцы, жизнь продолжается, как будто бы ничего и не было. Он снова пишет рапорты, такие же, как и прежде: о размолвках среди деревенских жителей; о встречах с представителями английской администрации, которым поручена «защита британских интересов и привилегий» в соседнем Ираке, по другую сторону границы; о бедуинах, которые, как и тысячи лет назад, кочуют от одного пастбища к другому, нимало не заботясь о решениях конференции в Сан-Ремо, определившей границы подмандатной территории; о подозрительных лицах, появляющихся ночью и натравливающих население против Франции, а затем снова исчезающих, прежде чем их можно схватить, и доставляющих лейтенанту одни неприятности.

И вдруг, когда лейтенант почти уже забыл о летнем открытии и его надежды давно превратились в прах, он получает бумагу, скрепленную печатью, и с волнением читает, что на пути в Абу-Кемаль находится экспедиция известных ученых, чтобы начать раскопки в Телль-Харире. Он едва осознает это. Возглавляет группу профессор Андре Парро, один из известнейших археологов и ориенталистов. И причиной всему его рапорт!

Уже в декабре прибывает исследовательская группа. Ей не терпится осмотреть холм, и лейтенант Кабанэ горд, что может их сопровождать. У профессора Парро прямо камень с души свалился: место почти нетронут. Нетерпеливому любителю-археологу Кабанэ поставили в заслугу, что он устоял перед искушением копать на свой страх и риск; по незнанию он мог причинить много вреда.

Археологи взялись за работу. Но вместо того чтобы копать, чертят, рисуют и фотографируют, высчитывают и вымеривают. И только 23 января 1934 года профессор Парро в первый раз вонзает лопату в грунт.

Это был звездный час археологической науки.

История археологии знает немало предприятий, проводившихся в исключительно трудных климатических и прочих условиях, когда успех приходил много позднее, а иногда и вовсе не приходил, когда приходилось преодолевать болезни и попадать в опасные для

жизни ситуации. Она имеет своих героев, отдавших ей жизнь или принесших ей жертву, чтобы открыть человечеству путь в его прошлое. Едва ли существует какое-либо другое археологическое предприятие, которое привело бы к такому успеху, да еще так быстро, как раскопки Мари.

Несколько лопат, воткнутых, разумеется, не случайно, после тщательных расчетов (в археологии больше, чем где-либо, имеет значение выражение «известно где!»), — и исследовательская группа наталкивается на еще одну каменную фигуру. Длиннобородый мужчина, на нем одежда из косматой шкуры, оставляющая правое плечо открытым, представляется сам. Его визитная карточка нацарапана на открытом плече клинописью. И, затаив дыхание, профессор Парро расшифровывает: «Ламги-Мари я... царь Мари... Великий жрец-правитель бога Энлиля, который посвящает свою статую Иштар».

Ламги-Мари, давно известный по древним текстам властитель, соглашается лично открыть онемевшим от удивления ученым дорогу в свое царство почти через четыре тысячи лет. Великолепие, которое он им покажет, превзойдет все ожидания.

За несколько периодов раскопок — летом они прерывались из-за убийственной жары, потом их приостановила вторая мировая война — исследовательская группа осваивает холм площадью в 80 гектаров. Один только царский дворец, гордость династии, занимает 2,5 гектара. В ходе работ откопано более 300 помещений и дворов: покои властителя и его чиновников, храмовые дворы, рабочие помещения для писцов и ремесленников. Все здания города были построены из глиняного кирпича. Здесь тоже в центре города возвышается зиккурат, который, как уже упоминалось, призван склонить богов спуститься с неба и принести жителям счастье, здоровье и богатство. Были откопаны даже школьные помещения.

Профессор Парро сообщает о своих впечатлениях: «Оборудование кухонных и купальных помещений может использоваться и сейчас, четыре тысячи лет спустя после гибели города, не требуя ремонта».

Самое важное для ученых богатство таят огромные архивные и библиотечные помещения. Уже во время первого периода раскопок археологи обнаружили 1600 табличек с клинописным текстом — число, возросшее в процессе последующих раскопок до 23 600. Понадобились колонны грузовиков, чтобы вывезти находки. Таблички рассказывают о жизни и деятельности при дворе и в жилых кварталах столицы. Одни содержат литургические правила, другие — указания царя чиновникам, третьи — отчеты о строительстве каналов, списки около двух тысяч ремесленников, указания надсмотрщикам, поручения архитекторам, расчеты с торговцами. Был найден весь архив государственного аппарата. Работа, которой хватит до конца жизни многим ученым, способным разгадать тайну табличек, перенесена в Париж. Их расшифровка откроет нам мир прошлого.

Государство Мари создали западносемитские племена. Известно, что примерно к 3000 году до н. э. город был уже населен и вырос в значительный центр. Он вел оживленную торговлю с многими странами; его богатство вызывало зависть и восторг других государств. Город много раз разрушался, между прочим и царем Шаррумкеном, и отстраивался заново. На рубеже III и II тысячелетий, когда в начале правления династии аморитов город окончательно смог освободиться от господства шумеров, он достиг расцвета. Затем, на 33-м году правления Хаммурапи, он был завоеван и после восстания горожан в ответ на жестокости отряда вавилонских захватчиков так сильно разрушен, что вообще исчез из истории.

При раскопках наряду с глиняными табличками было обнаружено много статуй. На основе соглашения с сирийскими властями их поделили: половина была отправлена в Лувр, половина осталась в стране, сначала в Алеппо (Халеп), позднее в Дамаске. За статуей Ламги-Мари, почитавшего Иштар, последовали бюсты других властителей, облаченных также в лохматые шкуры. Вскоре появилась и собственной персоной сама богиня. Она пришла к нам из 1800 года до н. э. и сегодня является главным объектом внимания современного, хорошо оборудованного и богато оснащенного музея в Алеппо: Иштар,

богиня плодородия. Ее статуя почти в человеческий рост — 1,42 метра — вырублена из белого известняка. В руках она держит слегка наклоненную вперед вазу, из которой с помощью очень хитрого механизма, вмонтированного внутри статуи, ключом била вода. Сильно облегающее платье оставляет открытыми ее босые ноги. На обнаженных руках — браслеты. Шею украшает тяжелое, в шесть рядов, жемчужное ожерелье. Украшение из рога на голове статуи свидетельствует о том, что это — божество. Богиня улыбается. Первоначально она была выкрашена в яркие тона, что, по-видимому, усиливало ее привлекательность. В волосах остались следы красной краски.

От этой скульптуры, так же как и от других найденных в Мари скульптур, исходит своеобразная прелесть. Они сильно отличаются от шумерских, в облике которых, как известно, проглядывает строгость.

Среди особенно ценных находок, помещенных в музей Алеппо, есть большой бронзовый лев. Бронза в странах Двуречья была уже известна примерно в 4000 году до н. э., то есть приблизительно на 2500 лет раньше, чем в Центральной Европе. Этот лев — интересный пример использования бронзы в древнем изобразительном искусстве.

Помимо статуй ученые извлекли на поверхность фрески, краска которых удивительно хорошо сохранилась, а также раскрашенные терракотовые сосуды, изделия из перламутра и золота, ожерелья, браслеты, драгоценные камни, печати и много сосудов из глины, некоторые из них 1,5 метра высотой. Были найдены даже две модели жилых домов, выполненные из глины, — вероятно, эскизные проекты архитекторов для их заказчиков: восемь комнат равномерно размещены вокруг четырехугольного внутреннего двора, окруженного стеной.

Прежде чем расстаться с Мари и его сокровищами, следует упомянуть еще об одной небольшой скульптурной группе. Она, как мне кажется, совсем несправедливо стоит на заднем плане одной из витрин Алеппского музея. Правда, у обеих изображенных здесь фигурок отсутствуют головы. Наверное, какой-нибудь солдат из войска Хаммурапи отбил их. Может быть, он увидел в статуэтке что-то предосудительное, так как, несомненно, она изображает любовную пару — мужчину и женщину, сидящих, тесно прижавшись друг к другу. Он обнимает свою подругу, как бы защищая ее, она протягивает ему, видимо с некоторой нерешительностью, руку. Эта скульптура свидетельствует о том, что и четыре тысячи лет назад людям были свойственны те же чувства радости и боли, что испытываем мы сейчас.

По предметам изобразительного искусства, по содержанию глиняных табличек можно судить о том, что труд крестьян, ремесленников и торговцев, а также труд певцов и музыкантов пользовался огромным уважением. Должно быть, очень жизнерадостный народ жил в этом высокоорганизованном государстве в период его расцвета. Ни один художник не считал необходимым изваять статую воина, и клинописные знаки ничего не сообщают о завоевательных походах против других народов. Но нередко говорится о том, что жители Мари стремились предотвратить нападения грабителей, среди которых часто упоминаются бени йамин (веньямин). Это открытие вызывает большой интерес, так как название этого народа встречается в Ветхом завете в связи с Авраамом, родоначальником еврейского народа. Многие расценивают упоминание бениаминитов писцами Мари как доказательство того, что приблизительно в это время племена евреев появились в Северной Месопотамии и через государство Мари двинулись на юг, где мы их еще встретим.

Тот, кто познакомился с историей открытия Мари, прочел сообщения профессора Парро, будет с бьющимся сердцем ждать встречи с этим древним городом-государством.

Дорога от Дамаска до Мари по суше долгая: нужно проехать 800 километров по петляющему, переполненному транспортом шоссе. Друзья советуют мне лететь самолетом сирийской пассажирской авиакомпании до Дейр-эз-Зора, и я следую их совету. Дряхлый, дребезжащий ДС-3 поднимается в воздух с дамасского аэродрома. Я сижу с пятью другими пассажирами на деревянной скамье, установленной вдоль фюзеляжа. Нас несколько раз крепко швырнуло. Сквозь небольшие окошки самолета я вижу не слишком много и,

раздосадованный, иду в носовую часть. По-видимому, я внушаю пилоту, единственному члену экипажа, доверие, так как, поняв мой интерес, он любезно освобождает мне пустое кресло помощника пилота. Теперь я могу от души фотографировать. Когда я среди песков увидел каменные степы и, сравнив по карте, удостоверился, что это арабский замок Эль-Гарби в пустыне Каср-аль-Хейр, пилот из симпатии ко мне опустил ДС-3 на несколько сот метров. Над Пальмирой (современный Тадмор), легендарным городом царицы Зенобии, он даже сделал круг.

Полет над пустыней длится еще добрых полчаса, прежде чем мы прибываем в Дейр-эз-Зор. Пилот приземляется на скромном аэродроме города. Я хотел взять такси до Мари, но мне не сразу удалось это: водитель, к которому я обратился, отмахнулся, как только я назвал место, куда нужно ехать. Поехав в Мари, я наверняка разочаруюсь, говорит он. Там нечего смотреть. 130 километров туда, 130 — обратно, да еще по такой жаре. Его брат — владелец хорошего рыбного ресторана, не лучше ли мне... Но я не хочу в ресторан, я хочу в Мари. Водитель пожимает плечами и запрашивает цену, во много раз превышающую положенную, и наконец садится за баранку. Машина везет нас по очень хорошему шоссе по направлению к Багдаду. По обеим сторонам дороги раскинулась широкая равнина.

Скучный, однообразный ландшафт. Наконец, оставив позади 130 километров, мы увидели табличку: «В Мари». Через несколько сот метров после поворота подъезжаем к крестьянскому дому, откуда выходит мужчина и машет мне блокнотом. Теперь не остается никаких сомнений: я прибыл в нужное место. Служащий администрации музея получает деньги за вход. Преисполненный надежд, я выхожу из машины. Всякий раз испытываешь волнение, когда приближаешься к месту, в котором люди тысячи лет назад жили, работали, создавая культурные ценности. Через несколько шагов экскурсовод останавливает меня и сообщает, что я стою на зиккурате. Я не вижу даже следа ступенек. Песчаный холм — и ничего больше. Только зал с его внушительной двадцатishестиметровой длиной да множество проходов, дворов, стена, достигающая в некоторых местах 5 метров высоты. Можно увидеть огромные, почти в человеческий рост, и очень широкие в диаметре глиняные кувшины, которые служили, вероятно, для хранения запасов продовольствия. Вся территория усеяна черепками, я мог бы загрузить весь багажник «настоящими глиняными черепками из Мари». Остальное разрушено эрозией.

То, что пережило под защитой масс земли четыре тысячи лет, не выдержало и тридцати лет после окончания раскопок. Все столбы, опорные балки, колонны, статуи давно вывезены и вызывают удивление и восторги в больших, оснащенных кондиционерами залах музеев. А что осталось, развевает ветер.

БЛЕСК ФИНИКИИ

На пути в Бейрут

В архиве Мари находился также архив царского ведомства внешней торговли. Многочисленные отчеты о ввозе и вывозе свидетельствуют о тесных торговых отношениях с некоторыми царствами на восточном побережье Средиземного моря, объединенными сегодня под названием, которым пользовались греки, — Финикия, хотя ни в какой период истории они не составляли единого государства. Эти «государства», границы которых чаще всего совпадали с городскими стенами столицы, были в свое время центрами мировой торговли. Сюда сходились караванные пути многих направлений. Самыми важными были маршруты, проходившие от Персидского залива, конечного пункта морского пути из Индии, через Вавилон, Пальмиру и Дамаск к Средиземному морю, и дорога благовоний, по которой кроме прочих ценностей переправлялись всевозможные пряности с юга Аравийского полуострова за две тысячи километров. Предметы производства большинства известных в то время стран сбывались в финикийских городах-государствах: золото из Нубии, серебро с гор

Тавра, медь с Синая, пряности и слоновая кость из Индии, глазированные вазы с Крита, стекло и керамика, парча и полотно из Дамаска. Здесь можно было купить мази, притирания и масла, а также красящие и косметические вещества для нужд придворных дам. Особенно большим спросом пользовалась синяя ляпис-лазурь, так как голубые веки тогда — четыре тысячи лет назад — были в большой моде.

Но финикийские государства были не только важными торговыми центрами, но и центрами высокоразвитых ремесел. Финикийцы славились искусством обработки дерева и техникой судостроения, что сделало их достойными партнерами в торговле. Кедровый лес Ливанских гор был желанным товаром для многих стран. Финикийские столяры принимали участие в строительстве храмов в Вавилоне, Фивах и Иерусалиме; суда, построенные на финикийских верфях, очень охотно покупали фараоны. А когда хетты научились получать железо и сталь и наступил новый век, финикийцы были первыми, кто освоил метод плавки и заковки.

Но ни один из дошедших до наших дней продуктов производства не пользовался такой славой, как красящее вещество пурпур. Его добывали из особой разновидности моллюсков, обитавших на дне Средиземного моря. Сначала извлекали их из раковин, а затем толкли в бочках. Кашицеобразную массу поливали водой и нагревали. Подлежащую окраске ткань опускали в горячий раствор и сушили на солнце. Во время сушки на ткани появлялась краска. Еще и сейчас на месте античных красильных возвышаются метровые холмы из ракушек моллюсков. Сложный процесс производства сделал пурпурные ткани очень дорогими, приобретать их могли лишь состоятельные люди, и пурпур в течение тысячелетий оставался символом высокого общественного положения.

Исторические источники не очень подробно сообщают о происхождении финикийцев, но известно, что около 3000 года ханаанские племена (часть волны западносемитских кочевых племен, вышедших, вероятно, из центральной части Аравийского полуострова) распространились по сирийской земле и осели на побережье Средиземного моря, смешавшись с уже живущими там народами, а позднее приняв и новых пришельцев. С возникновением классового общества они объединились в несколько городов-государств, расположившихся вдоль побережья. В обстановке постоянной угрозы вторжения со стороны Египта, алчущих наживы племен амореев, хеттов, хурритов, ассирийцев, арамейцев и, наконец, персов, они смогли все же обеспечить себе безбедное существование благодаря развитому сельскому и лесному хозяйству, а также ремеслам и торговле. Одновременно они создали культуру, которая, обогатившись культурными достижениями многих народов, пересекших это пространство, распространилась далеко по всему Ближнему Востоку и оставила человечеству непреходящие ценности.

Руины древних финикийских городов-государств расположены на современном сирийско-ливанском побережье так близко друг от друга, как нанизанные на шнурок жемчужины. Важнейшие из них с севера на юг — Угарит, Арвад, Амрит, Библ, Сидон и Тир. Исходным пунктом нашего путешествия по Финикии будет Бейрут, столица Ливанской Республики.

Магистраль Дамаск — Бейрут проходит по необычайно красивым местам, контрастно отличающимся друг от друга — зеленым долинам, каменистым пустыням, глубоким ущельям, плодородным плоскогорьям, высокогорным перевалам, покрытым в течение двух месяцев снегом. Завершается она крутым спуском к залитому солнцем берегу Средиземного моря.

Я еду на маршрутном такси, наиболее распространенном транспорте страны, где нет развитой железнодорожной сети. Цена за проезд сравнительно скромная, и водитель ждет, громко выкрикивая место назначения, пока не наберется достаточно пассажиров.

Апрель, солнце теплое, по средневропейским понятиям — великолепная летняя погода. Мне не приходится долго ждать. Через несколько минут в машину протискиваются со своими мужьями две укутанные в покрывала женщины, которых я бы сдержанно назвал статными. По местным масштабам машина теперь занята до пределов допустимого. Но

следом втискивается молодой человек, очевидно студент, и, наконец, женщинам передают ребенка. Теперь, кажется, мы можем ехать, но водитель не торопится нажать на стартер. Он еще раз выходит из машины и исчезает в конторе по найму такси.

— Разве машина не полностью загружена? — глубоко обеспокоенный, спрашиваю я студента. Несколько недель назад я был свидетелем того, как к водителю такого же переполненного автомобиля подошел полицейский. По невежеству я думал, что он хочет сделать внушение по поводу перегруженности машины. Ничего подобного! Он протиснулся в машину — между водителем и левой передней дверью! Студент успокаивает меня. Такси заполнено достаточно, но дорога еще не свободна. Ночью в горах снова выпал снег, и поэтому перевалы через горы Антиливан и Ливан закрыты.

Нам ничего не остается делать, как набраться терпения. Я уже слышал, что связь между Дамаском и Бейрутом с декабря по апрель прерывалась иногда на несколько дней, а иногда и недель.

Однажды мой коллега выехал январским утром в Бейрут, чтобы купить кое-какие необходимые вещи для собравшейся рожать жены. Между тем новые снегопады накрыли перевалы, а сильные штормы сделали непроезжей ведущую на север береговую трассу, по которой можно обогнуть оба перевала. Когда через две недели он наконец вернулся в Дамаск, то был уже отцом десятидневного мальчика.

Проходит час, второй. Вдруг в конторе зазвонил телефон: «La rue est libre!» («Дорога расчищена»). Можно отправляться.

Сначала путь лежит вдоль Барады. По берегам — зеленые деревья и кустарники. Приветливые рестораны так и манят остановиться. Яркое солнце гонит мысли о зиме и снеге. Машина пересекает предместья, которые, чем дальше мы удаляемся от Дамаска, тем больше приобретают деревенский вид. Табличка на обочине дороги подтверждает: «Bue libre» («Расчищенная дорога»). Водитель набирает скорость. Поразительно, что он способен выжать из дряхлого, дребезжащего форда.

Вскоре мы оставляем дорогу вдоль Барады, и сразу же растительность скудеет, а потом и вовсе исчезает. Начинается пустынная равнина — «Сахара-эд-Димас». Дорога, поднимаясь все выше, становится более извилистой. Время от времени навстречу нам попадают большие стада коз и овец. Меня удивляет, как в этой, казалось бы, лишенной всякой растительности местности животные отыскивают себе какой-то корм. Часто по обеим сторонам дороги замечаю остатки древних караван-сараев, которые можно было бы назвать предшественниками современных кемпингов. За поворотом — покрытая снегом вершина Джебель-эш-Шейх, самой высокой горы в южной части Антиливана, достигающей 2814 метров над уровнем Средиземного моря и 3200 метров над уровнем Иорданской впадины. Издревле эту гору считают священной. Ханаanei почитали ее как обитель всевышнего. Она неоднократно упоминается в Ветхом завете под названием Баал Хермон (Ермон). Римляне возводили на ее отрогах многочисленные культовые сооружения.

Все круче становятся скалы по сторонам шоссе. Вдруг — трудно поверить глазам своим — появляется первый снег, и сразу же нас окружает зимний ландшафт.

Через 40 километров подъезжаем к сирийскому пограничному пункту: длинная цепь автомобилей свидетельствует об интенсивном движении через границу. Бросается в глаза большое число грузовиков, многие ярко раскрашены и иллюминированы цветными лампочками. Старая асфальтовая узкоколейка, проложенная через горные цепи Антиливана и Ливана, абсолютно не приспособлена для транспортировки грузов, поэтому наиболее важные из них доставляются из Бейрутского порта в Дамаск машинами. Даже снабжение Иордании и ее столицы Аммана осуществляется таким же способом, так как в небольшую гавань Акаба, расположенную в самой северной точке Красного моря, из Европы можно попасть только кружным путем — через Суэцкий канал.

Паспортные формальности закончены быстро, но транспорт таможенный контроль проверяет довольно основательно. Кому не повезло, тот весь свой багаж выкладывает рядом с машиной, некоторые грузовики разбираются, можно сказать, на составные части. Такой

строгий контроль вызван необходимостью пресечь контрабанду наркотиками. Но с какой бы строгостью ни действовали пограничные стражи, им очень трудно выловить профессионального контрабандиста. Один полицейский из Дамаска рассказал мне, что контрабандисты спрятали маленькие ампулы с гашишем в молодые кочаны капусты. Наркотики были переправлены через границу, а махинация раскрылась совершенно случайно: таможенник решил взять лично для себя несколько кочанов.

Наконец осмотр закончился, и, уложив вещи, мы двинулись дальше. Дорога все еще идет в гору. Через четыре километра — на высоте почти 1500 метров — мы достигли перевала и проходящей по водоразделу Антиливана границы с Ливанской Республикой. Неожиданно дорога круто уходит вниз. Машина скользит по заснеженной поверхности, по мои арабские спутники спокойны и безучастно смотрят в окно. Они чувствуют себя уверенно в руках Аллаха. Еще 5 километров — и появляется Маснаа, ливанский пограничный пункт. На флаге — стилизованное изображение кедрового дерева, символа страны. Все повторяется снова: предъявление паспортов, осмотр багажа... Но наконец и это позади.

Как только мы миновали пограничный пункт, перед нами открылась незабываемая панорама: вдаль, в блеске солнечных лучей, среди голубых холмов — покрытые снегом склоны Ливана, а прямо перед нами — широкая коричнево-зеленая долина Бекаа. На переднем плане в седловине между двумя холмами прилепилась очаровательная деревушка.

Крутой спуск продолжается. Снег скоро исчезает. В Бекаа весна вступила в свои права. По краям дороги цветут крокусы. Сверкает зелень молодых злаков. Широкие поля покрыты виноградником. Местами талые воды с гор образовали небольшие озера. Плодородное плоскогорье, важнейший сельскохозяйственный район протяженностью более 120 километров с северо-востока на юго-запад, имеет здесь ширину почти 20 километров. Минув его, за Шторой, красивым туристским городком, дорога снова идет на подъем. Начинаются Ливанские горы.

Вид сзади над плоскогорьем Антиливана необычайно красив. Но долго предаваться созерцанию не приходится. Дорога очень извилиста, и пропасти, появляющиеся то справа, то слева, все шире разевают свои пасти. Через несколько минут мы снова попадаем в зону снегов. Скоро массы снега, отодвинутые снегоочистителями к склонам горы, образуют стены высотой в человеческий рост. В машине становится нестерпимо холодно, так как отопление не работает, а я одет совсем не по-зимнему. Ребенок кричит, как только мать отнимает у него грудь.

По-видимому, опять очень скользко: машина движется неуверенно. Впереди затор: колонна доверху нагруженных грузовиков, которые ползут по гололеду со скоростью 8–10 километров в час и наконец совсем останавливаются. Наш водитель тоже отводит ручной тормоз, но у меня кровь стынет в жилах: машина начинает медленно скользить по гладкому грунту назад! Мы — на повороте; но правую сторону от дороги пропасть метров двести глубиной, к ней-то мы и приближаемся. Выпрыгнуть не могу: зажат между студентом и одним из супругов. Но вдруг толчок: столкнулись с идущей сзади машиной. Мы все замерли. Крепко ли держится та машина, или она тоже поползет к пропасти? Но нам повезло: машина стояла прочно.

— Малеш, — произносит водитель, небрежно махнув рукой. Все это должно было означать: нет причин волноваться. Ему удастся осторожно тронуться с места. Но пользы от этого не слишком много. Две машины в надежде на Аллаха и вопреки всякому здравому смыслу сделали попытку обойти нас слева, но неудачно, как это и нужно было предвидеть: спустя считанные минуты они наталкиваются на встречный транспорт. В мгновение ока возникает неопиcуемая суматоха: как два вражеских войска, стоят на гладкой, как лед, дороге автомашины, радиаторы к радиаторам. По обеим сторонам линии фронта прибывают новые автомашины, заполняя до отказа дорогу. Ситуация кажется безвыходной. Никто теперь уже не может продвинуться и на дюйм ни вперед, ни назад.

Если читатель думает, что шоферы в бешенстве набросились на главных виновников

этого дорожного происшествия, то он не имеет ни малейшего представления о национальном характере арабов. Вокруг меня сияющие физиономии. Только младенец кричит еще громче. Из всех автомашин вылезают мужчины и начинают основательно обсуждать ситуацию. Они как будто рады перемене обстановки, и их нисколько не беспокоит потеря времени и, естественно, неизбежность опоздания. Они тепло беседуют друг с другом, даже холод на них не действует. Темпераментно жестикулируя, предлагают самые различные способы решения дорожной проблемы. Очевидно, никто не в состоянии что-либо сделать, так как все остается на своих местах. Они весело наблюдают за дипломатом какой-то европейской страны, который подходит к ним с побагровевшим от гнева лицом и старается как можно деликатнее объяснить, что должен встретить в 12 часов в бейрутском аэропорту какого-то министра. Все слушают с приветливой миной и утвердительно кивают. В который раз я слышу стереотипное «инш Аллах», что означает «если хочет Аллах», а также все варианты между «надеюсь» и «как-нибудь уладится». Скоро дипломат охрип; он перестает ругаться и покоряется судьбе. Между тем дети лепят снеговиков. Некоторые ставят их на капоты машин и даже лепят их вокруг антенн. Так проходит час. Автоколонна растянулась, должно быть, на несколько километров. Наконец появляется полицейский. Он оценивает ситуацию, пока все наперебой рассказывают, что произошло на дороге, и задумчиво покачивает головой. Потом он исчезает. Время бежит. И вдруг откуда-то появившийся армейский офицер берет на себя инициативу и верховное командование. Из нескольких жаждущих деятельности мужчин он сколачивает рабочую бригаду и приказывает им засыпать обломками скал яму, находящуюся впереди метрах в ста. Так ему удается создать дополнительный участок дороги. Проходит еще два долгих часа, пока колонна грузовиков может двигаться дальше. До перевала Ливанских гор мы добираемся быстро, а там снова Спуск. Вскоре зимний ландшафт остается позади. Сегодня уже в третий раз.

Дорога расширяется и тянется мимо предместьев с роскошными, иногда похожими на замки виллами. Меня удивляет, что жалюзи почти на всех окнах опущены.

— Здесь никто не живет? — спрашиваю я студента.

— Ну почему, живут, — слышу в ответ. — На месяц, на два — летом, когда очень жарко, владельцы этих вилл приезжают сюда.

С недоверием рассматриваю великолепные постройки. Летние дома я представлял себе совсем иначе. Но студент прав — дома принадлежат богачам из Бейрута, представителям высшего класса, в летние месяцы бегущим от влажной духоты столицы. Все чаще к ним присоединяются также богатые арабы из других стран Ближнего Востока, особенно нефтяные миллионеры из Кувейта и Саудовской Аравии, которые пришли к выводу, что приятнее проживать свои деньги в горах Ливана, чем в Швейцарии или на Ривьере. Там хотя и все самое лучшее, но их мало кто понимает и считается с их религиозными и прочими обычаями и привычками.

Студент прерывает рассказ и показывает в окно — вдали под нами сверкает и искрится, отражая солнечные лучи, Средиземное море. Вскоре показался Бейрут, столица страны. И снова нас очаровывает раскинувшаяся панорама. Краски моря меняются от горизонта к берегу — от молочно-серого тона через светло-голубой к темно-зеленому с белыми пенистыми гребнями. Насколько хватает глаз, протянулся широкий желтый, залитый солнцем пляж. Прямая линия берега, выгибаясь, языком уходит в море. Это яркое пятно, чем ближе мы приближаемся к городу, тем отчетливее разбивается на дома, улицы, автомобили, пешеходов. Параллельно морю, подступая к самому берегу, тянется цепь холмов, покрытых густыми лесами. Вдоль шоссе — цитрусовые рощи. А над холмами поднимается мощный, покрытый снегом массив Ливанских гор.

Чем ближе к центру столицы, тем оживленнее движение транспорта, тем импозантнее и выше строения. На набережной один за другим высятся многоэтажные здания отелей, жилых домов. На улицах — толпы веселых, модно одетых людей. Такова картина благосостояния, которую Бейрут предлагает взору приезжего.

Сирийский студент не разделяет моих восторгов. Он предлагает взглянуть налево, и то,

что я там увидел, отрезвляет меня. В самом центре города — поселение из будок и канистр, обитатели которых живут в невероятно примитивных условиях.

На небольшой площади теснятся чуланы, бараки, крытые гофрированной жестью, драные палатки бедняков. Все это окружено стеной: если уж нищету нельзя устранить, то по крайней мере она не должна бросаться в глаза.

— Здесь живут те, у кого нет работы и кто не может платить за квартиру. — Голос студента звучит грустно. — Это в основном палестинцы, беженцы из оккупированных Израилем областей, — Помолчав немного, он продолжает:

— Таких гетто несколько в городе. Это тоже Бейрут! Да, и это тоже Бейрут. Своеобразный город. Сказочно красив и отталкивающе уродлив.

Кто видел эти социальные контрасты, тот лучше поймет причину жестоких боев, которые потрясают страну в последние годы. Когда я вспоминаю о Бейруте, меня охватывает глубокая печаль. В кровавых столкновениях, начавшихся в конце 1975 года, вооруженные банды реакционных правохристианских сил, неправомерно представляя интересы ливанцев-христиан (маронитов), пытались с помощью военной силы удержать давно пошатнувшиеся привилегии той части буржуазии, которая хотела бы постоянно держать мусульманское большинство населения страны в политическом и социальном подчинении.

Последствия этой преступной политики национального предательства, которая практиковалась часто совсем открыто в тесном содружестве с Израилем, ужасны. Многие районы Бейрута и других населенных пунктов Ливана уничтожены пожарами. Тысячи ливанцев и палестинцев погибли, среди них немало женщин и детей. Сотни тысяч потеряли имущество и кров, большинство из них вторично стали беженцами и увеличили число тех, кто уже многократно пострадал от израильской агрессии. Так новые препятствия встали на пути мирного решения ближневосточной проблемы.

Визитные карточки завоевателей

«Phoenicia» («Финикия») написано громадными буквами на самом большом и дорогом отеле Бейрута. Он относится, как указано в путеводителе, к «особому классу люкс». Это значит: он еще лучше трех других отелей класса «люкс», отмеченных пятью звездочками. Красивое здание отеля «Финикия» построено по проекту Антуана Табета, лауреата международной Ленинской премии за укрепление мира между народами, но было бы несправедливо ответственность за высокие цены за номера взваливать на архитектора.

Когда я договаривался о встрече с Хасаном, молодым сотрудником национального музея в Бейруте, которого я знал еще со времени его учебы в Лейпциге, то называл отель «Финикия».

— Только перед отелем, — крикнул он мне вслед. — Так дешевле.

Хасан — жизнерадостный молодой человек, всегда полный озорных идей, «настоящий» левантинец. Его отец был солдатом французской колониальной армии. К ужасу войскового начальства, он настоял на том, чтобы ему разрешили жениться на своей ливанской подруге, и вскоре после женитьбы уволился со службы. Обосновавшись на родине жены, он открыл небольшую лавку, потом стал отцом множества дочерей, и, как заверил меня Хасан, одна была краше другой. Отец постоянно надеялся, что по закону вероятности когда-нибудь да и родится мальчик. Его вера была вознаграждена: Хасан завершил длинный ряд потомства.

Я решил попросить Хасана сопровождать меня в поездке по стране финикийцев, потому что он хорошо знает древнюю историю Востока, и я надеялся, что с ним приятно будет путешествовать. К счастью, он смог на несколько дней освободиться от работы. Мы расположились на степе перед отелем, защищавшей от морских волн улицу с интенсивным движением. Несколько пожилых бейрутцев ловили рыбу, сидя на той же степе. Вокруг нас кипела светская жизнь: за поворотом мелькали элегантные спортивные машины; мужчины, которым, по-видимому, было незнакомо слово «работа», вытянулись на стульях перед

отелем; прогуливались, покачивая бедрами, женщины в одеждах кричащих тонов, знакомые, вероятно, лишь с определенного сорта работой. В небольшой яхт-гавани стартовали бегуны на водных лыжах. Хасан обратил мое внимание — абсолютно излишне — на молодых стройных девушек, в изящных позах скользящих по воде и, может быть, только здесь, в пенящихся волнах, демонстрирующих свою смелость. Он иронизирует по поводу пожилых мужчин, сидящих за рулем лодок. У них лишь костюмы спортивные, хотя они и считают себя спортсменами, потому что у них достаточно денег, чтобы купить себе яхту и... девушку. Одна из девушек, скользящая на лыжах, ухватившись за канат одной рукой, другой посылает игривый воздушный поцелуй, и элегантный мужчина в лодке радуется, думая, что он предназначен ему. Но я давно уже заметил, что девушка кивает Хасану.

— Ты ее знаешь? — спрашиваю. Он улыбается и не отвечает.

— Знаешь, — произносит он наконец вместо ответа, — когда я смотрю на наших девушек, я вижу, что из них получился в известной мере хороший результат встречи многих народов.

Я ничего не могу возразить.

— Эта прибрежная полоса, — продолжает Хасан, — видела столько пришельцев, попиравших народ с помощью жестокой военной силы. Что же оставалось населению, как не приспособливаться к ним и быть для тех или иных владык, в зависимости от обстоятельств, необходимыми, какими были ремесленники, поставщики зерна, торговцы. Таким образом они смогли выстоять и выжить. Одни завоеватели исчезали, чаще всего вытесненные другими. А что осталось, слилось с финикийцами.

Вот так всегда у Хасана. Начинает говорить о хорошеньких девушках и заканчивает историей Востока или, наоборот, говорит на историческую тему, а потом приземляется возле хорошеньких девушек.

Внезапно Хасан спрыгивает со стены. У него возникла идея.

— Знаешь что, я покажу тебе визитные карточки наших завоевателей. — Я смотрю на него с некоторым недоумением.

— Да, ты правильно расслышал: визитные карточки! В конце концов каждая страна имела завоевателей. В этом нет ничего особенного. Но вот у нас они оставили свои визитные карточки. Правда, они из камня, но зато и более прочные. Нигде в мире ничего подобного не встретишь. Поедем?

Разумеется, я согласился. Мы садимся в его крошечный «ситроен» — передвижной «поднос», над которым натянуто что-то вроде брезента, и едем. Паш путь лежит по автострате мимо порта, в непосредственной близости от моря. С правой стороны дороги круто поднимается цепь холмов, выстроились в ряд виллы. Нас обгоняют мощные шикарные легковые автомобили. Кажется, что выступ горы преграждает путь, но тут же начинается туннель. Вынырнув из туннеля, Хасан тормозит на берегу небольшой речки, вливающей свои коричневые от глины воды в море.

— Это Нахр-эль-Кальб (Собачья река), часто упоминающаяся во многих древних текстах, — говорит Хасан. — Одному лишь дьяволу известно, почему завоеватели высаживались именно здесь и отсюда начинали вторжение в страну. Может быть, бухта была удобной для таких маневров, а может быть, тут — самый легкий переход через горы. Как бы то ни было, здесь они себя часто увековечивали.

Хасан ведет меня к высоким скалам, сквозь которые мужественные строители дорог проложили туннель. Отчетливо видны многочисленные рельефы с фигурами и надписями, выдолбленными на скалах. Некоторые сильно выветрены, изображения можно различить с трудом. Хасан поясняет мне значение различных стел и таблиц.

Здесь, правда, не видно свидетельств давней борьбы между египетскими и аморейскими войсками за овладение Сирией; забыли оставить свои визитные карточки и гиксосы, властвовавшие над всей территорией вплоть до Египта (в 1800–1600 годах до н. э.), а также хурриты, утратившие в XIII веке господствующее положение над Сирией. Каменная книга истории начинается примерно с 1300 года до н. э., с Рамзеса II. Хорошо различимы два

рельефа, выбитые в честь фараона. Оба показывают, как он приносит пленного в жертву своему богу. Хетты, пришедшие около 2000 года до н. э. с севера, распространились в Малой Азии и примерно в 1500 году, покорив Вавилон, свергли господство преемников Хаммурапи и хурритов над Сирией, завершили в XIII веке до н. э. жестокую борьбу с Египтом за удержание в своих руках завоеванной страны. В битве при Кадеше на Оронте, неподалеку от современного города Хомса, войска Рамзеса II сражались против хеттского царя Муватталиса.

Четыре большие колонны войск столкнулись тогда — в 1296 году до н. э. — с войсками хеттов, оснащенными быстрыми боевыми колесницами. Рамзес чуть было не попал в плен, но в последнюю минуту был спасен своими. Битва не принесла победы ни одной из сторон. В результате этого и других походов обе стороны оказались настолько истощены, что заключили договор о ненападении — первый в истории. Договор был скреплен затем браком между Рамзесом и хеттской царевной, которая, по сообщениям свидетелей, «лицом была прекрасна, как богиня».

Хасан показывает еще на четыре стелы, из которых только на одной можно кое-что разобрать.

— За хеттами последовали «народы моря», которые пришли в XII веке, вероятно, из центральных областей Средиземноморья. После победы над хеттами они предприняли большое наступление на Египет, который с большим трудом смог удержать Рамзес III. Часть «народов моря» во время отступления обосновалась на южном побережье и овладела территорией к югу от Тира, постепенно ассимилировавшись с населением прибрежной полосы. Одно из племен «народов моря», пелештеты, или, как их называет Библия, филистимляне, дало стране название — Палестина. Вскоре вторглись другие завоеватели. Наряду с еврейскими племенами это были арамеи — тоже племена семитского происхождения, вышедшие из арабской пустыни и приблизительно в 1000 году основавшие на сирийской земле крупное государство со столицей Дамаском. За ними последовали в VIII веке ассирийцы, которые тоже не смогли удержаться от того, чтобы не оставить каменные визитные карточки на Собачьей реке.

Хасан показывает мне много стел, оставленных ассирийцами. К сожалению, только на одной можно различить фигуру. Она изображает царя Асархаддона, а текст на ней повествует о его военном походе в конце VII века в Египет.

— Между прочим, тебе, берлинцу, царь и его стелы должны быть хорошо известны, — замечает Хасан.

Я пожимаю плечами. У нас было столько своих собственных королей, как уж тут в чужих разбираться.

Хасан напоминает мне, что слепок со стелы стоит в Переднеазиатском музее в Берлине. Там находится еще одна стела с изображением Асархаддона, на которой он выглядит очень могущественным. Перед ним на коленях пленный сын фараона, а рядом — царь финикийского города Сидона. Оба пленные едва достают — чтобы сделать наглядным соотношение сил в пользу Асархаддона — до колен царя, и оба привязаны к одной веревке, протернутой через губы.

Я обещаю Хасану чаще ходить в Переднеазиатский музей. В награду он показывает мне еще один клинописный текст, в котором вавилонский царь Навуходоносор, правивший в VI веке до н. э., описывает свою победу над ассирийцами и свой поход в Финикию. Ассирийцы, более полутора тысяч лет оказывавшие сильное влияние на судьбу государств, расположенных на территории нынешней Сирии, а последние 300 лет (из этих полутора тысяч) при царях Салманасаре, Тиглатпаласаре, Саргоне, Синаххерибе и Ашшурбанипале, резиденции которых, так же как Ниневия, Ашшур и Дур-Шаррукин, выросли в центры мировой культуры, определяли положение этих государств, после поражения, нанесенного им Нововавилонским царством, утратили какое-либо историческое значение.

Надписям нет конца. Хотя отсутствуют персы, владевшие страной более 200 лет после победы над Нововавилонским царством и давшие ей относительно мирную жизнь, но греки и

римляне не могли допустить того, чтобы не вписать себя в книгу как непрошенных гостей. Есть много поверхностей, где отсутствуют изображения. Турки же не оставили здесь абсолютно никаких следов.

Наконец приходят современные грабители. Одна стела свидетельствует о попытке французского вторжения в 1860 году, и, поскольку, очевидно, уже не было свободного места или из-за лени, колониальные солдаты не стали выравнивать поверхность скалы, а для надписи воспользовались местом, подготовленным 3000 лет назад, убрав всего-навсего голову фараона Рамзеса II.

Еще одна памятная таблица свидетельствует об агрессии англичан в 1918 году, когда они вместе с французами воспользовались результатами освободительной борьбы арабов против турецких колонизаторов, и, наконец, третья — рассказывает о высадке англичан вместе со «свободными французами» генерала де Голля в 1941 году.

Я склоняюсь перед последней плитой. Она единственная, которая описывает событие, отвечающее интересам живущих здесь народов, — вывод колониальных войск в 1946 году.

Препятствия при изучении страны

После вводной лекции по истории Ближнего Востока, которую мне преподавала каменная историческая книга на Нахр-эль-Кальбе, я почувствовал себя достаточно подготовленным, чтобы совершить поездку по древним местам финикийцев. По великолепная погода и живописность окружающей природы мешают нам продолжить нашу программу обучения в быстром темпе. Хасан настаивает на том, чтобы я не только «цеплялся за старые камни», но и любовался новыми красотами его родины. Я должен непременно посмотреть пещеры в районе источника Собачьей реки.

В то время меня не очень тянуло созерцать подземные пещеры, поскольку пещеры Рюбеланда и Заальфельдские гроты фей на многие годы удовлетворили мою потребность в подобного рода зрелищах.

Но Хасан с презрением отмахивается. Эти гроты он тоже знает еще со времен учебы, но они не выдерживают никакого сравнения с пещерами на Собачьей реке. Спровоцированный таким заявлением, я соглашаюсь на экскурсию. Красивее и больше, чем наши сталактитовые и сталагмитовые пещеры? Ну, это он должен мне еще доказать!

До источников всего несколько километров. Знаменитая Собачья река, долгое время служившая границей между сферами влияния египтян и хеттов, небольшая. Ресторанчик с ларьком сувениров у входа в пещеры снова напоминает мне Рюбеланд, где точно так же вытягивают деньги из посетителей. Но, уже пройдя ворота, я вижу, что наши сталактитовые и сталагмитовые пещеры не идут с этими ни в какое сравнение. Здесь не требуется втягивать голову, чтобы не ушибить ее, или, что наверняка еще важнее, не повредить свисающие вниз сталактиты. Скоро мы стоим в огромном зале, скалистые стены которого отливают разноцветными красками. Более десятка лодок ожидают пассажиров. Когда паша лодка заполняется людьми, мы пускаемся в плавание по Собачьей реке, протекающей здесь, под землей, мимо причудливых образований, возникших в результате известковых отложений в течение миллионов лет. Прогулка длится больше часа, и тем не менее, как сказал лодочник, это лишь меньшая часть подземного лабиринта; значительная часть маршрута для туристов еще не открыта. Выходя наружу, приходится закрывать глаза: так сильно ослепляет солнечный свет. С готовностью я подписываю прекрасно сделанную цветную открытку с видом, в которой Хасан выразительно восхваляет пещеры как самые длинные и красивые в мире. Открытку он отправит нашим общим знакомым в Лейпциг.

На обратном пути к приморскому шоссе мы проходим мимо пятнадцатиметровой статуи Христа. Лучи солнца падают на громоотвод над головой спасителя, создавая яркое сияние и блеск. Я вновь вспоминаю, что Ливан в отличие от своих соседей, также арабов, страна, где преобладает не мусульманское, а христианское население. Хасан подтверждает это.

Однако христиане в Ливане делятся на многочисленные группы и группки, самую большую из которых составляют марониты, называющие себя так по имени монаха Марона. Наряду с маронитами существуют приверженцы римско-католической церкви, греко-православной, греко-униатской, сиро-православной, армяно-григорианской, армяно-католической церкви, а также несториане и копты. В стране проживает, кроме того, еще немного протестантов.

Подобным образом разрознены и мусульмане. Среди них мы находим суннитов и шиитов, исмаилитов и друзов — членов религиозных общин, воспринявших многие неисламские элементы религии.

Я до некоторой степени ошеломлен таким многообразием.

— А какой ты веры? — спрашиваю я Хасана. Он католик, узнаю я. Но потому, как он об этом говорит, я понял, что его стойкость в вопросах религии сильно поколеблена столкновением с множеством групп, каждая из которых считает, что именно она служит «настоящему» господу по-настоящему правильно и владеет единственно душеспасительным учением.

Поскольку мы все равно уже коснулись темы религиозных направлений в Ливане, Хасан уговаривает меня взглянуть на «Notre Dame du Liban» (Ливанскую богородицу). В пяти километрах от устья Собачьей реки на склонах выше городка Джунийя стоит статуя, воздвигнутая в XIX веке, высотой с четырехэтажный дом. Чтобы избежать езды по извилистым дорогам или просто трудного подъема, в 1967 году была построена подвесная канатная дорога, начинающаяся на побережье и за несколько минут доставляющая посетителя к мощному цоколю статуи Мадонны.

Разумеется, Хасану удастся устроить так, что мы входим в четырехместную кабину в обществе хорошенькой девушки; она охотно слушает, как Хасан рассказывает об окрестных достопримечательностях. Неожиданно, когда мы находимся, должно быть, на высоте 200–300 метров над уровнем моря, движение прекратилось, кабину тряхнуло несколько раз, и наконец на полдороге она остановилась. Мы повисаем между небом и землей. Я с недоверием смотрю на Хасана. Он пожимает плечами и знаками уверяет меня, что он тут ни при чем. Одновременно он пользуется случаем, как бы защищая, обнять дрожащую от страха девушку.

Я любуюсь великолепной панорамой далекого моря, Бейрутской косой, апельсиновыми рощами. Непрерывной цепью ползут грузовики по современной автотрассе, мимо здания «Casino du Liban», которое, согласно программе, должны посетить уже знакомые нам туристы из Америки.

В то время как Хасан энергично и, как мне кажется, успешно пытается помочь своей соседке преодолеть страх, вызванный раскачиванием кабины, канат снова приходит в движение, и подъем возобновляется. Через несколько минут мы прибываем на верхнюю станцию подвесной дороги — 520 метров над уровнем моря. Разумеется, нам предстоит подняться по лестнице, которая бесконечно петляет вокруг мощного цоколя Мадонны до самых ее ног, и еще раз насладиться прекрасным видом. Но смотровая площадка очень мала, а сзади напирают новые толпы туристов, так что нам недолго удастся удержать свои позиции, и мы спускаемся вниз. Чтобы подчеркнуть власть церкви и ее финансовые возможности, у ног Мадонны поместили макет будущей площади.

Так как новая подруга Хасана категорически отказывается возвращаться на берег по канатной дороге, я подгоняю машину наверх и узнаю, что они решили вечером идти в соседнее казино на ревью, и мне ничего больше не остается, как согласиться и оплатить билеты, поскольку Хасан отводит меня в сторону и просит одолжить ему денег. Кроме того, он сообщает мне, что девушку зовут Шанталь, что она из Лиона и гостит у дяди и к тому же просто очаровательна.

У нас еще достаточно времени, чтобы посмотреть казино. Оно состоит из нескольких контрастных элементов: театра-ревью примерно на тысячу мест, с расчетом названного «Амбассадорс» (теперь я наконец-то знаю, где проводят время послы), театрального зала,

зала классических представлений, зала для американских представлений и ресторана. С террасы посетителю открывается замечательный вид на бухту Маамельтейн, яхт-гавань Джунийя и на Бейрут. День постепенно гаснет, и вспыхивают цепочки огней, отражаясь в море. Легкий ливанский бриз создает соответствующее настроение для предстоящего вечера.

Входим в зал, расположенный амфитеатром. Элегантно одетые господа оказываются на самом деле официантами и провожают нас к столу. Вход свободный; посетитель оплачивает только стоимость ужина. Еду надо проглотить за очень короткое время. Различные блюда появляются одно за другим как по мановению волшебной палочки. Наполовину полные тарелки выхватываются прямо из-под носа. Ровно в 22 часа ужин закапчивается — начинается ревю.

Программа идет — разглашает тайну Хасан — по меньшей мере уже пять лет подряд, вечер за вечером, и билеты почти всегда бывают проданы. Шоу длится в течение получаса, причем самое сильное впечатление производят сценическая техника и превосходная подвижность сцены.

По дороге в Бейрут мы обмениваемся богатыми впечатлениями дня. Вот только к финикийцам не съездили. Их мы оставляем на следующий день.

От бога Эла до изобретателей алфавита

Хотя мы и не выспались, наутро отправляемся в дорогу очень рано. Едем на север, все время вдоль берега моря, мимо устья Собачьей реки, Notre Dame du Liban и милого сердцу «Casino du Liban». Через окно машины до нас долетает аромат цитрусовых. Первая цель поездки — Библ. Этот город тоже претендует на то, чтобы считаться древнейшим на земле. Первый, кто утверждал это, был финикийский ученый Филон, самый знаменитый сын города. Филон жил в I веке н. э., значит, его утверждению уже 1900 лет. Хотя Филону и не были известны методы углеродного зондажа, применяемого при определении археологических находок, но он клялся всем, что для него свято, что бог Эл, один из титанов, младший сын Урана и Геи, «сразу же после начала времен» (так звучит указание времени у Филона) поселился здесь, в Библе, и обнес свой дом валом, когда основывал «счастливый век». И действительно, бог Эл сделал неплохой выбор для своего местожительства — это может подтвердить каждый, кто посетит прелестный городок на берегу Средиземного моря.

Хасан поведал мне историю Библа: самые нижние слои, обнаруженные при раскопках, относятся, скорее всего, к VI тысячелетию до н. э. В конце IV тысячелетия город был крупным торговым и культурным центром и находился в тесных отношениях с египетским царством того времени. Здесь грузили ливанский кедр для двора фараона. Об этом рассказывает интересная находка, хранящаяся в настоящее время в музее Палермо. «Доставлено 40 судов с кедровым деревом, — говорится в одном из отчетов, который ведомство по иностранным делам фараона Снофру около 2700 года до н. э. высекло на диоритовой плите. — Построено судно из кедрового дерева... 100 локтей... изготовлены двери для царского дворца из кедрового дерева». Серебро с гор Тавра и медь с Кавказа, доставляемые караванами в Библ, также грузили здесь и отправляли на судах в египетские гавани.

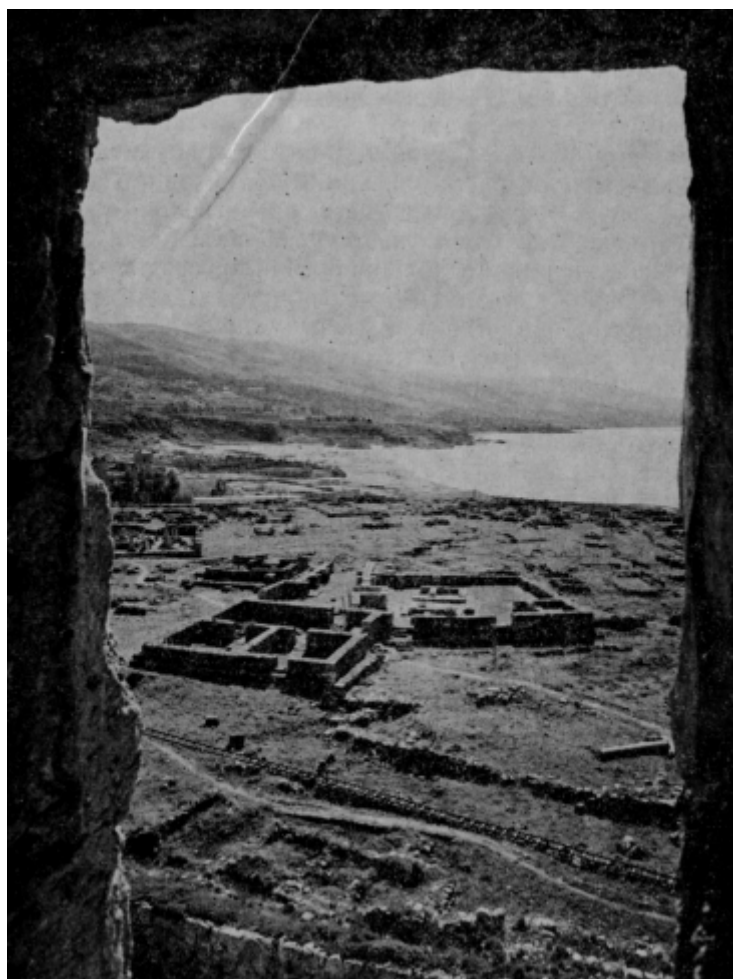
Существует единственное в своем роде свидетельство о событиях тех времен, которым мы обязаны одному египтянину — Синухету, представителю знатного египетского рода, сопровождавшему около 4000 лет назад Сенусерта, сына фараона, в военном походе против ливийцев. После покушения на фараона Аменемхета I Синухет бежал в Палестину, боясь, что его заподозрят в участии в этом покушении. Во время бегства он задержался в Библе. По возвращении на родину Синухет записал свои воспоминания, пользовавшиеся большой популярностью, так как в нашем распоряжении имеется много копий. Синухет очень образно передает впечатления о своих путешествиях. Они свидетельствуют о высоком культурном уровне в финикийских прибрежных городах и Центральной Сирии.

Тесные торговые связи с Египтом привели в результате к зависимости одной из сторон.

Египтяне создали в Библе свои поселения; были построены культовые учреждения; распространялись египетские обычаи. Нигде на побережье Ливана египетское влияние не ощущалось так отчетливо, как здесь. Правители города вскоре стали не более чем египетскими «вассалами», которые к тому же соперничали в подражании своим господам. Эта «вассальная республика» в конце XVIII века до н. э. была завоевана гиксосами, а позднее захвачена стремительно вторгшимися сюда хеттами и «народами моря»; до VII века до н. э. она оставалась под властью ассирийского государства.

Мы едем дальше, на север. Местность по-прежнему сказочно красива, но я уже почти не воспринимаю этого. Человек так быстро привыкает к красоте, что она может даже вызывать у него раздражение. По обеим сторонам дороги тянутся оливковые деревья. Через 20 километров дорогу преграждает крутой выступ скалы. Стена с высоты 80 метров отвесно падает в море. Через гору проходит туннель. Далее открывается прекрасный вид на деревню Шекка и на Триполи. К сожалению, над бухтой Шекка грязно-серая завеса. Множество цементных заводов, важнейших промышленных предприятий страны, день за днем выпускает облака пыли.

Автострада становится шире. Между ней и берегом встречаются своеобразные прямоугольные бассейны, либо вырубленные прямо на скальной поверхности, либо построенные из бетона. Большинство их заполнено водой. Хасан объясняет мне, что здесь добывают соль очень древним, но исключительно эффективным способом, который применяют и сегодня. Множество ветряных колес, установленных на берегу, качают морскую воду в бассейны. Как только бассейн заполняется водой, приток прекращается. Об остальном заботится солнце. Оно выпаривает воду и оставляет соль высокого качества. Добытой таким способом соли достаточно, чтобы покрыть потребности страны, и, кроме того, остается и для экспорта.

Развалины храма богу войны в Библе

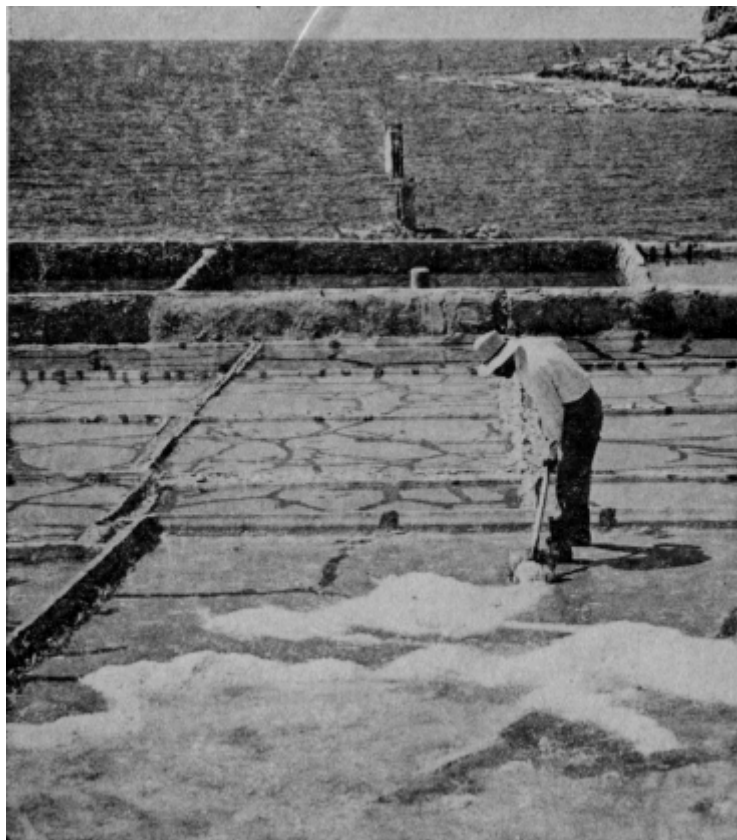
Дорога бежит теперь мимо садов с гранатовыми, фиговыми и апельсиновыми деревьями. Подъезжаем к Триполи (население — 175 тысяч человек), второму по величине городу Ливана и важнейшему торговому и промышленному центру его северной части.

По возрасту и историческому значению город не может сравниться с Библом или другими финикийскими поселениями. Он был основан, по всей вероятности, в VIII веке до н. э. Хотя Триполи почти в три раза старше самых старых городов в наших землях или, например, Вартбурга, но что значит этот возраст для страны, где время постоянно исчисляется тысячелетиями.

К сожалению, мы не имеем возможности осмотреть Триполи. Остаются позади улицы старого города, большая мечеть, построенная крестоносцами в XII веке как собор девы Марии. Издали нас приветствует цитадель, руины крепости графа Раймонда Тулузского, тоже времен крестовых походов. Но мы уже на окраине и едем дальше, в Латакию, откуда начнем осмотр Угарита и других более мелких финикийских поселений. Минуем промышленный район с большим количеством огромных нефтехранилищ.

До ливанско-сирийской границы доехали очень быстро. Сирийский пограничник приветливо кивает, посмотрев мой паспорт. Очень приятно, что гражданин ГДР путешествует по арабским странам. Нашу республику знают и ценят занимаемую ею позицию солидарности с арабами в их антиимпериалистической борьбе. Движение через границу здесь, по-видимому, небольшое. Пограничнику хотелось бы поболтать, но время торопит нас: спешим в Латакию.

На хорошей, не загруженной транспортом трассе Хасан демонстрирует универсальность своей маленькой машины. Слева, между шоссе и берегом, позади остаются многие финикийские поселения. Их мы оставляем на обратный путь.

Добыча морской соли под Триполи

Еще 50 километров, и подъезжаем к Латакии, самому северному приморскому городу

Сирии и важнейшему порту. При въезде в город дорога раздваивается на две широкие автострады, как при въезде в любой другой окружной город страны. Уже поздний вечер, яркий свет больших неоновых ламп освещает путь. За несколько минут минуем центр и устремляемся в состоящую из нескольких бунгало деревню, расположенную километрах в десяти за Латакией у самого моря. Надеюсь там остановиться на ночлег. Узкая дорога прижимается так близко к воде, что временами кажется, будто волны касаются колес машины. Иногда на поворотах свет фар отражается в море. Но вот у широкого проволочного забора дорога кончилась. Здесь ресторан «Blue Beach» («Голубой пляж»). Несколько бунгало в сказочно красивой бухте с прекрасным пляжем стоят у самой воды. Две кабины свободны.

Хотя мы порядочно устали, но близость моря вызывает желание искупаться. Вода освежает. Месяц заливают море серебристым светом. Тихо. Но вот тишину нарушает тавканье одной из бездомных собачонок, которые здесь десятками бродят, как и везде на Арабском Востоке. Вскоре и этот звук замирает. Около самого уха слышится тихий плеск волны. Хасана разглядеть уже не могу. Кажется, что я один на далекой звезде. Не знаю, сколько времени я пробыл в воде, а когда выбираюсь на берег, то нахожу Хасана спящим в его кабине. Я тоже забираюсь в постель и быстро засыпаю.

Наутро нас рано будят лучи восходящего солнца, падающие прямо в изголовье, и это хорошо, потому что у нас впереди грандиозные планы: осмотр Угарита, древнейшего и наиболее замечательного в археологическом смысле места раскопок на восточном берегу Средиземного моря.

Еще лет 50 назад было неизвестно, где находился этот некогда цветущий, упоминающийся во многих древних текстах прибрежный город. Подобно тому, как это было с Мари, на его след навел случай. В 1928 году один крестьянин во время пахоты недалеко от моря наткнулся на несколько равномерно обтесанных камней: оказалось, что они составляют часть хода, ведущего в погребальную камеру. Сообщение об этом было направлено в Париж, столицу государства-мандатария. Руководство отдела восточных древностей Лувра поручило молодому ученому Клоду Шефферу исследовать загадочную находку, и он сделал одно из самых значительных для изучения истории древности открытий этого века — открытие Угарита.

Территория раскопок Угарита — арабы называют эту холмистую местность Рас Шамр — расположена в 5 километрах от Голубого пляжа. Дорога туда проходит мимо плантаций оливковых деревьев и полей подсолнечника. Руины здесь несравненно внушительнее, чем в Мари. Это можно объяснить, во-первых, тем, что найденные в настоящее время очевидные находки относятся преимущественно к периоду на полтысячелетия более позднему; во-вторых — здесь использовался другой строительный материал. В то время как жители Мари строили из глиняных кирпичей, финикийцы сооружали себе дома и дворцы в Угарите из камня.

Начинаем осмотр с античной гавани, которую сейчас арабы называют Мина-эль-Бейда (Белая гавань). Здесь были найдены остатки больших складов для хранения товаров. В портовом квартале можно еще обнаружить руины скромных жилищ XV и XIV веков до н. э. На пути ко дворцу мы пересекаем нижний город. Хорошо сохранившиеся улицы шириной в 3–4 метра окружали большие блоки домов. Очень близко от дворца находился жилой квартал знати. Стены многих вилл достигают двух метров высоты, раньше у них был второй этаж. Во внутренних дворах этих домов расположены колодцы — дома, построенные более трех тысяч лет назад, имели собственное водоснабжение. Они в отличие от моей квартиры в берлинском пригороде были подключены к канализационной сети. В подвалах некоторых домов есть собственные склепы. Умершим в дорогу на тот свет давали воду, вино, растительное масло, мясо и кровь жертвенных животных.

Подходим к руинам царского дворца, находящегося в полутора километрах от гавани Мина-эль-Бейда, на возвышении. Дворец состоит из крепостного сооружения и собственно резиденции. Отчетливо сохранились контуры многочисленных залов, внутренних и передних дворов. В монолитном дворцовом колодце глубиной 11 метров и сейчас еще имеется

пригодная для питья вода. Большое количество других помещений служили рабочими комнатами для царских писцов и архивариусов.

Во время раскопок помощники профессора Шеффера нашли железный клинок в бронзовых ножнах, относящийся к XIV веку до н. э., то есть к периоду, когда впервые начали закаливать железо. Знакомство с железом относится к более раннему времени, но при этом речь шла большей частью о метеоритном железе, которое обрабатывалось для изготовления украшений и культовой утвари, и только позднее возникли железные инструменты и оружие. Потом, в середине XIV века до н. э., хетты научились обрабатывать железо, и скоро ко многим другим изделиям, которыми торговали финикийцы, прибавились железные. Так склонялся к закату бронзовый век, и новый металл дал новому веку свое имя — железный век, начавшийся на Востоке примерно с 1200 года.

Садимся на обломки одной из степ. Отсюда прекрасно видно всю территорию раскопок, лабиринт улиц и переулков, дворов и залов, заросших фенхелем (аптечным укропом). Взгляд достигает моря, где зеленые волны бьются о известняковые скалы. Перед нами дело всей жизни профессора Шеффера. Как имя Шлимана связано с Троей, Лейярда — с Нимрудом, Парро — с Мари, так и имя Клода Шеффера неразрывно связано с Угаритом.

Чтобы раскопки были успешными, кроме таких важных инструментов, как опытный взгляд и терпение, необходимо везение. Например, французскому врачу, консулу и любителю-археологу Ботта, который в 1842 году раскопками Хорсабада, дворца ассирийского царя Саргона II, положил начало периоду открытий в Междуречье, явно не хватило везения: несколько лет, стремясь уйти от скуки, вызванной деятельностью в Мосуле, он на собственные средства копал холм, под которым надеялся найти сказочную Ниневию, по вынужден был прервать раскопки, поскольку ничего важного не нашел, а средства иссякли. Покопай он еще немного, он натолкнулся бы на дворец Ниневии. Таким образом, слава открытия этого города с громадными сооружениями и архивами исключительно большой ценности досталась английскому дипломату Генри Остину Лейярду, которому уже в 28 лет удалось открыть Нимруд.

Профессор Шеффер обладал достаточным опытом. Он начал раскопки у холма, возвышавшегося в 800 метрах от места, где были найдены гробницы. И конечно же, он имел терпение. Каждый год, исключая военные, весной и осенью, он продолжал свои работы в Угарите. Таким образом, были обнаружены пять основных культурно-исторических слоев, каждый из которых делился на несколько подслоев. Самый нижний, основной слой относится к неолиту, примерно к VII тысячелетию до н. э., а самый верхний и важный — к финикийской эпохе, начавшейся в XVI веке и внезапно прервавшейся к концу бронзового века (примерно 1200 год), но всей вероятности, из-за сильного землетрясения.

Но профессору Шефферу также и везло. В многочисленных архивах он обнаружил массу глиняных табличек с большими клинописными текстами. Они сообщают о трудностях, которые испытывали правители Угарита в связи с необходимостью постоянно защищаться от могущественных захватчиков. Это были в первую очередь хетты и египтяне, которые на протяжении почти всего II тысячелетия до н. э. принуждали Угарит лавировать между обоими блоками. В начале II тысячелетия, чтобы защититься от хеттов, город вступал в союз с фараонами династий Среднего царства. Когда же в конце XVIII века до н. э. напали гиксосы, Египет уже не мог помочь: он сам стал жертвой агрессии. Только после уничтожения врагов Угарит смог снова вздохнуть, но он был вынужден считаться с усилившимися фараонами. Во время правления Рамзеса II хетты принудили Угарит выступить со своими войсками в битве при Кадеше против египтян, но скоро Египет вновь одержал победу. Однако независимо от того, как складывалось соотношение сил в этом районе, город, преодолевая трудности и удары судьбы, множил свои богатства.

Глиняные таблички содержали также описи фиксированных налогов, которые должны были платить в царскую казну союзы ремесленников; записи об уплате дани, отчислявшейся Угаритом другим державам, чаще всего хеттам и египтянам, или о получении им самим дани от более слабых городов; мобилизационные списки лиц «Управления призывного района»;

списки населения, занятого на общественных работах; счета по торговым сделкам и указания строителям. В библиотеке были обнаружены многочисленные указания по совершению ритуалов. Прежде всего и во всех деталях изложены правила обрядов культа плодородия, приверженцами которого были финикийцы. «Ветеринарная книга» содержит рекомендации для лечения заболевших животных. Были найдены букварь, словари и тексты упражнений. К библиотеке относились также школа писцов и «бюро переводчиков». К интереснейшим находкам причислена табличка XV века до н. э., на которой записаны слова и мелодия песни. Клинописью переданы ноты. Это самый древний из известных до сего времени пример, являющий собой попытку письменно зафиксировать мелодию.

Пожалуй, наибольшую ценность представляет собой маленький, всего в 10 сантиметров длиной, брусок глины с тридцатью знаками, который помощники Шеффера отыскивали среди многих других глиняных табличек в комнате для писцов царского дворца. Это был один из первых в истории человечества алфавит. Финикийцам удалось усовершенствовать клинопись так, что их знаки теперь обозначали не целые слова или слоги, для чего необходимы были сотни или даже тысячи знаков, — а передавали слова буквами, а последние изображались с помощью клинописных знаков. Это буквенное письмо позднее в преобразованной форме было воспринято греками — они добавили соответствующие их языку гласные — и таким путем достигло Европы.

Табличка с алфавитом, найденная в Угарите

Табличка с алфавитом из Угарита с 30 знаками, передающими согласные звуки языка, относится к периоду расцвета этого финикийского города, по-видимому к XIV веку, может

быть даже к XV, и хранится сейчас как особенно ценный экспонат в стеклянной витрине музея в Дамаске, и я не раз стоял перед нею, полный благоговения перед человеческим гением.

После полудня мы возвращаемся на «Голубой пляж». Здесь, на сирийской земле, наконец-то и я могу показать Хасану кое-что такое, о чем он и не подозревает. Мы берем напрокат ласты и маски и плывем к оконечности скалистого мыса, ограничивающего бухту с левой стороны. «Кладбище крабов» — так окрестил я мыс: в пористой породе очень давно, может быть, финикийцами выдолблены бассейны площадью в шесть — десять квадратных метров и глубиной всего в несколько сантиметров. Когда ветер дует со стороны моря, они наполняются водой, и бесчисленное множество крабов плавает в этих небольших прудах. По бассейны выдолблены не для ловли крабов, а для добывания морской соли способом, о котором говорилось ранее.

Под водой мыс переходит в прямую, как стена, вертикальную перегородку. Она тянется на несколько сот метров в море. Здесь, у стены, прекрасное место для ныряния. На глубине 10 метров и более вода чистая и прозрачная. У края скалы, в прибрежных пещерах мыса, резвятся разноцветные рыбы. Сказочный подводный мир раскрывается перед нами в самых живописных образах и формах. Остаток дня мы проводим в этом нереальном мире и только поздно вечером возвращаемся в свои кабины.

В ресторане мы заказали рыбу, и нам разрешили самим выбрать ее на кухне. Отдаем предпочтение большой, величиной с руку, рыbine, которую повар убивает тут же. Он чистит ее и натирает всевозможными пряностями: чеснок и лимон здесь присутствуют непременно. Потом он слегка поджаривает рыбу на древесных углях и подает со свежим салатом, орехами, морковью и лепешкой. Солнце давно уже зашло за горы, и ужин достойным образом завершает день. И только великое множество мух и комаров и особенно метод борьбы с ними, применяемый в отеле, мешают нам уснуть. На крыше большой веранды ресторана подвешен электрический прибор, похожий на рефлектор. Его яркий свет привлекает насекомых и поджаривает их. При этом возникает довольно сильный шипящий непрерывный звук, по я привыкаю к аккомпанементу этой «жаровни для насекомых» и засыпаю.

Поездка по морю в шторм

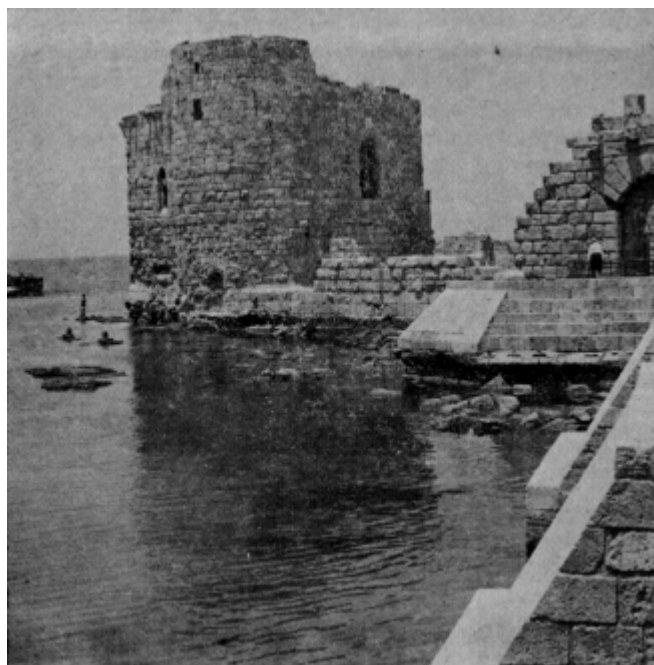
Наша следующая цель — Арвад, остров с очень древней историей, расположенный напротив города Тартуса. У небольшой лодочной станции — группа арабов, среди них несколько женщин, одетых в черное, с лицами, закрытыми покрывалами; им тоже нужно перебраться на остров. Штурман медлит, показывая на небо. Подул легкий бриз, но трудно представить, что он может помешать во время столь короткого плавания. Наконец штурман, убедившись, очевидно, что его опасения напрасны, предлагает нам усаживаться. Мотор начинает тарахтеть, суденышко отчаливает. Но едва мы миновали мол, легкий бриз в гавани обратился сильным ветром и стал неприятно раскачивать наше судно. Нос глубоко погружается в морскую пучину и снова взлетает вверх. Катеру с его слабым двигателем, наверное, трудно продвигаться вперед. Какое-то время кажется, что мы ни на метр не приблизились к острову. Такая поездка — все что угодно, только не удовольствие! Скоро наступает момент, когда женщины, строго соблюдающие обычаи, вынуждены поднять свои покрывала. А шторм все усиливается. Вода, подстегиваемая ветром, заливают крохотную палубу, где мы стоим, крепко ухватившись за поручни.

Через час с небольшим, промокшие до нитки, мы наконец добираемся до Арвада. Я чувствую себя скверно; кажется, силы оставили меня, когда, качаясь, я ступаю на землю. Но дурнота отступает, как только ощущаю твердую почву под ногами. Хасан тоже от соприкосновения с землей обретает новые силы. Правда, он клянется, что это его последняя поездка по морю, и проклинает мою настойчивость пройти по следам финикийцев еще и на острове.

Скоро мы окончательно успокоились, так как путешествие по Арваду оказывается очень увлекательным. Мальчишки предлагают свои услуги в качестве гидов. Красивый, загорелый юноша лет шестнадцати побеждает конкурентов, прогоняет всех охотников за бакшишем и ведет нас по узким переулкам острова. Эту крошечную территорию, размером 800 метров в длину и 500 — в ширину, населяет свыше 2500 человек; расстояние между домами норой не более двух метров. Арвадцы живут рыбной ловлей и добычей губок. Эта работа опасна: чтобы достать губку, нужно нырять на глубину в несколько десятков метров, и, если ловец, привлеченный новой добычей, неправильно рассчитает запас воздуха, зачастую он уже не возвращается на поверхность. Так погиб отец мальчика, однако сам он все-таки стал ныряльщиком за губками. Я поинтересовался, почему он по подыщет себе менее опасную работу. Мальчик принимает позу героя и говорит что-то о традициях и радости риска, но в конце концов нам становится ясной истинная причина: до последнего времени здесь не было никаких других возможностей заработать. Теперь — в связи со строительством нового порта для перевоза собственной, сирийской нефти — возникли более благоприятные возможности найти работу, там трудится, например, его брат, и это большое счастье для всей семьи. Но не всем пока хватает работы в порту, поэтому ему ничего не остается, как пырять за губками и от случая к случаю сопровождать любопытных туристов. К сожалению, заработок от лова губок в последнее время очень скудный, поскольку в наиболее богатых местах промысляют лодки западных стран. Он жалуется и на то, что их самым бессовестным образом обманывают скупщики. Но, добавляет юноша, администрация округа в Тартусе хочет положить конец этому обману и поддержать жителей острова, организовав товарищества по сбыту.

Арвад упоминается уже в Библии, в Книге бытия. Жители острова — финикийцы — превратили его в значительный торговый центр, а потом основали ряд поселений на побережье, из которых выросли, в частности, сегодняшние портовые города Тартус и Банияс. Город на острове лучше был защищен от вражеских войск, чем другие финикийские города, поэтому арвадцы могли отважиться оказывать сопротивление египтянам. Они обнесли остров мощной стеной, долгое время защищавшей их от врагов. Даже во время нововавилонского и персидского господства и после завоевания острова Александром Македонским в 333 году он сохранял определенную независимость.

Возвращение на материк было, к счастью, более приятным. Ветер улегся. Только катер еще не вычистили от следов нашего путешествия на остров. Километрах в десяти южнее Тартуса руины позднего финикийского поселения тянутся до края дороги: это Амрит. Конечно, мы должны остановиться, хотя бы для короткой прогулки. Сохранившиеся еще храмовые сооружения относятся к V и IV векам до н. э. Особенности некоторых жилищ в Амрите заключаются в том, что они не построены из кирпича или камня, а вырублены в скальной породе. Скалы обтесаны с таким мастерством, что остались только тонкие переборки внешних стен и разделяющие перегородки внутри строения. В стенах вырублены окна и двери. После того как Амрит захватили римляне, он утратил всякое значение.

С суши в крепость финикийцев можно попасть только через старый мост

Водные лыжи и зимний спорт

После купания в море под Триполи, во время которого мы снова любовались морскими «нимфами», скользящими в изящном изгибе на лыжах по волнам, Хасан неожиданно предлагает поехать покататься на лыжах в горы. Среди цветущих абрикосовых деревьев, после купания в море, где вода такая теплая, какая у нас в Балтийском море бывает лишь и разгаре лета, да и то в самые солнечные годы, трудно представить, что эта идея может иметь под собой реальную почву. Правда, видны покрытые снегом вершины Ливанских гор, но полуденный час уже позади, и кажется невероятным еще сегодня взобраться наверх.

Но Хасан не дает сбить себя с толку и предлагает мне пари на бутылку виски. Через полтора часа, уверяет он, мы будем в идеальном для зимнего спорта месте. Я ударяю по рукам.

Дорога очень крута и извилиста. Чистенькие деревни, мимо которых мы проезжаем, выглядят так, будто они уже открыты для европейцев. Крыши большей частью из красной черепицы, в домах много окон — признак того, что здесь живут христиане. Мусульмане, сильно привязанные к арабским традициям, предпочитают иной способ постройки: дома обращены во внутренний двор, крыты плоской крышей и снабжены минимальным количеством окон, выходящих на улицу.

Несколько километров пути по узкой, хорошо асфальтированной дороге — и мы на высоте 500 метров над уровнем моря.

Приближаются горы, покрытые снегом вершины приветствуют и манят, а вокруг все зеленеет и цветет. Временами открывается великолепный вид на море. Суда становятся все меньше. По цвету воды можно определить глубину моря. Незабываемо прекрасная поездка!

Все ближе долина реки Нар-Кадиha. Сюда, в эту труднодоступную местность, пришли приверженцы монаха Иоанна Марона, выступившие в VII веке против монофизитских воззрений, которые на Востоке определяли толкование христианского учения. Здесь, в этой долине, они пережили кровавые преследования, так что она считается колыбелью маронитской религии, и ее почитают до наших дней. Марониты основали множество монастырей; самый известный из них — Дейр Каннубин, вблизи которого мы проезжаем и который расположен на высоте 1400 метров, — и поныне является летней резиденцией патриарха маронитской церкви. Основание монастыря восходит ко времени правления

византийского императора Феодосия Великого (примерно к 379 году); поэтому его можно отнести к древнейшим сохранившимся христианским постройкам.

Хасан начинает нервничать и поминутно смотрит на часы. Мы едем уже три четверти часа, а вокруг нас все зелено. Виноградные лозы и тутовые деревья покрывают склоны, снег шапкой лежит на вершинах гор, не доходя до долин. Хасан показывает на черное пятно, виднеющееся над большой и глубокой долиной, — это кедровый лес Ливана.

Дорога ввинчивается вверх под опасным градусом. Повороты настолько узки и круты, что Хасан несколько раз вынужден переходить на первую скорость. Становится прохладнее, и скоро на обочине дороги появляются первые небольшие пятна снега. На 57-м километре от Триполи мы приближаемся к местечку Ле Седр, где на высоте почти 2000 метров стоит несколько небольших отелей и пансионатов. Здесь на полях и склонах гор уже лежит тонкий, но во многих местах еще разорванный снежный покров. О катании на лыжах не может быть и речи.

Но Хасан не сдается. Он не хочет остановиться, даже когда мы проезжаем мимо кедрового леса. Только после моих энергичных протестов и заверений, что время на осмотр не войдет в полтора часа пари, он тормозит перед огромным деревом у ресторана. За небольшим склоном на холме раскинулся знаменитый лесок. В нем всего примерно 400 деревьев, скромные остатки могучих лесов, покрывавших когда-то эти горы и способствовавших обогащению финикийских городов, пока не стали жертвой чужеземных завоевателей.

Некоторые деревья имеют ствол 12 метров в окружности, достигают 25 метров высоты. Двенадцати из них, как уверяет Хасан, свыше тысячи лет. В киоске сувениров продаются фигурки из кедрового дерева, отличающиеся тем же качеством художественного исполнения, что и поделки, выставленные для продажи в киосках Ренштейга, древней пограничной дороги между Тюрингией и Франконией, или на побережье Балтийского моря. Но не будем говорить об этом, посмотрим лучше на само дерево. Оно прочное, гладкое и отливает красноватым блеском горький запах древесины отпугивает червей, что способствует ее прочности.

Кедр сегодня — символ Ливанской Республики. Марониты почитают его как священное дерево, а их патриарх более ста лет назад приказал построить посреди леса часовню и запретил рубить деревья. Каждый год марониты отмечают здесь праздник в честь «кедра господня».

Осмотр рощи занял полчаса. Несмотря на то что это время не входило в пари, у Хасана не осталось в запасе и десяти минут. Он спешит и уже через пять минут победоносно останавливает машину около великолепного зимнего спортивного центра. Четыре или пять канатных подъемников тянут любителей спорта вдоль склонов вверх к месту спуска, где много снега и откуда лыжники скользят вниз.

Хасан выиграл пари с преимуществом в пять минут. Значит, я должен ему бутылку виски. По сначала мы решаем подняться на сидячем канатном подъемнике еще на один ярус до самой вершины горы. Этот подъем завершает нашу прогулку. Он продолжается не более четверти часа, в течение которых мы ощущаем одиночество горного мира. Поселок Ле Седр и роща становятся все меньше; до нас не доносится больше ни звука. И только когда мы приближаемся к мачте, слышно тихое скрипение каната, бегущего по колесу. Лохмотья облаков, проплывая мимо, окутывают нас на несколько секунд. Взглядом охватываем рощу, ущелья Кадиха, долину. Тишина такая, что давит на унт. Поднявшись на высоту 2300 метров и преодолев еще свыше 1000 метров, мы останавливаемся. Вокруг толстое снежное покрывало. Несколько загоревших, как орех, девушек растянулись в шезлонгах, чтобы загореть еще больше. Идем, утопая в рыхлом снегу. Перед нами — вершина Корнат-ас-Сауда — 3083 метра, самая высокая в Ливанских горах. Она близка, но недостижима для нас. Снег слишком глубокий, и мы проваливаемся на каждом шагу.

По и отсюда чудесный вид: вдали снежная шапка Хермона; отчетливо виден берег моря и Триполи — маленькое пестрое пятнышко, треугольником вдающееся в море. В очень

ясную погоду, особенно поздней осенью, после первых дождей, отчетливо проступают Троодосские горы на Кипре, расположенном в 250 километрах отсюда. Но сегодня неразличима даже линия горизонта. Небо сливается с морем. Ни Хасану, ни мне разговаривать не хочется. Картина, раскинувшаяся перед нами, вызывает чувство благоговения. Какой прекрасной может быть Земля, когда на ней царит мир!

Ночная жизнь Бейрута

На обратном пути Хасан предлагает распить бутылку виски в бейрутском ночном кабаре. Я будто бы раньше высказывал такое желание, и он уже договорился о встрече с Шанталь, которая горит нетерпением побывать в одном из злчных мест Востока. Я должен был признаться, что, действительно, как-то легкомысленно намекал на что-то в этом роде, но выражаю сомнение, надо ли туда идти втроем. Может быть, тогда пригласить одну из его многочисленных сестер? Но это Хасан категорически отвергает. Подобные заведения не для них, и, кроме того, я не должен ломать себе голову из-за неравного количества партнеров. «Проблема» отпадет сама собой, добавляет он таинственно.

Хасан с трудом находит место вблизи отеля «Финикия», чтобы поставить машину, потом ведет Шанталь и меня мимо ярко освещенных витрин, заполненных фотографиями почти нагих красоток, и наконец подводит к неосвещенной подвальной лестнице. Внизу — полная темнота и оглушающий шум. Инстинктивно протягиваю вперед обе руки и ощупью пробираюсь мимо столов. Постепенно глаза привыкают к темноте, и я, кажется, различаю одетого в ливрею официанта; меня подталкивают к небольшому диванчику позади столика. Шанталь и Хасан усаживаются напротив. Разговаривать почти невозможно. Динамики визжат так пронзительно, что в ушах появляется колющая боль, а лицо, чувствую, искажается. Когда я поднимаю глаза — перед нами миска с сырой, нарезанной вдоль морковью и еще одна — с фисташками и земляными орехами, а официант ждет заказа. Я знаю, что должен делать, и говорю:

— Whisky, une bouteille (Виски, одну бутылку). — А потом наклоняюсь к уху Шанталь и кричу ей изо всех сил: — Здесь ужасно шумно!

Она смотрит на меня, непонимающе пожимает плечами и беззвучно произносит губами:

— Я тебя не понимаю, здесь очень шумно!

Я безнадежно машу рукой. Мне вспоминается шутка из моего детства: два мальчика едут на велосипедах друг за другом. Тот, что едет сзади, кричит тому, что впереди: «Фриц, у тебя стучит предохранительный щиток!» Фриц отвечает: «Я не понимаю, что ты говоришь, у меня стучит предохранительный щиток!»

Между тем началось шоу. Мае приветствует девушка в наглухо застегнутом фраке. Но движению губ я догадываюсь, что она говорит по-французски или по-английски, но не понимаю ни слова. Звук сопровождающей музыки был слегка убавлен, но я как глухой. Потом на сцену выходит безобразный, горбатый, крошечный человечек, который неуклюже танцует вокруг конферансье и что-то клянчит. Медленно она начинает снимать одежду и бросать ее горбуну. Сначала цилиндр, за ним — перчатки. Растопыривая пальцы одной руки и касаясь кончиков пальцев другой, она долго возится с перчатками. Вероятно, этот драматургический элемент стриптиза рассчитан на то, чтобы повысить напряжение. Мучительно видеть, как бедное горбатое существо уродливо подпрыгивает, чтобы поймать одежду, которую бросает ему девушка, прыгает до тех пор, пока она не снимает с себя все, и в этот момент занавес падает.

Виски стоит перед нами, словно поданное рукой волшебника. Бумажка со счетом лежит под бутылкой. Я осторожно заглядываю в нее. Шанталь и Хасан наблюдают за моим лицом, поэтому я должен призвать все свое самообладание, чтобы скрыть замешательство. Цена соответствует сумме, которую я могу позволить себе истратить за пять дней. Когда я немного оправился от испуга, то опять концентрирую свое внимание на сцене. Там —

сильный шторм. Штурман — блондинка в длинном светлом парике — борется с бушующей стихией. Шторм становится сильнее — он треплет и рвет все вокруг, пока девушка — вы уже трижды догадались, в чем дело, — не начинает терять одежды. Ветер сметает их на край сцены, то бишь я хотел сказать — в море. Скоро девушке приходится бороться со стихией совсем раздетой. Чтобы этому сценическому «шедевру» придать больше реальности, бедную девушку опрыскивают водой. Я надеюсь, что воду предварительно подогревают. Во всяком случае, девушка держится мужественно. Буря проходит; солнце сияет во всей своей красоте, а наша блондинка достигает спасительной гавани. Дело для нее закончилось благополучно, но для меня весьма опасно, ибо другая девушка искала у меня защиты, только я ее не сразу заметил. Заботливо наливая виски в свой стакан, она очень непосредственно обращается ко мне:

— Permettez moi? (Вы позволите?).

Хасан и Шанталь с любопытством смотрят на меня и ухмыляются. Девушка выглядит совсем неплохо, если вообще об этом можно как-то судить при таком освещении. Она небольшого роста, стройная, у нее изящные колени, карие глаза, темные длинные волосы. Она могла бы быть ливанкой. Музыка приглушена и позволяет обменяться несколькими словами, и мне, наверное, надо что-нибудь сказать. Но что? Должен ли я встать, поклониться, назвать свое имя? Нужно ли сказать: «Bonsoir, mademoiselle» («Добрый вечер, мадемуазель»)? Я решаю завести разговор о стране и людях.

— Beirut est joli n'est-ce pas? (Бейрут красив, не правда ли?) — говорю я. Она с трудом отвечает и при этом улыбается.

— Oui, Monsieur, un ville très jolie (Да, меcье, город очень красива).

С ее французским далеко не уйдешь.

— Un ville, — сказала она, путая род, надеюсь, только в грамматике. Как настоящий джентльмен, я спрашиваю:

— Do you prefer English? (Вы предпочитаете говорить по-английски?)

— Yes (Да), — отвечает она, и из-за ее сияющей улыбки я мог бы говорить с ней даже по-японски. Разговор начинает налаживаться, хотя постоянно прерывается шумом радиоустановки. Давно ли я здесь, спрашивает она. Что я потерял в Сирии, здесь же «fage more amusing» (намного интереснее). Была ли она в Дамаске, спрашиваю я в свою очередь. О да, понял я, но ей там не понравилось. Ночной ресторан мрачен, а мужчины не имеют ни малейшего представления о настоящем культурном танце.

Действительно, в Дамаске, к счастью, восточный танец живота ценится пока еще выше, чем глупые танцы-прыжки, подобные тем, что сейчас показывают на сцене. Кроме того, настоящий стриптиз в Дамаске запрещен, а это — обман, говорит она. В конце концов посетители платят огромные деньги за виски, чтобы насладиться настоящим стриптизом. Ей неприятно, что она должна разочаровывать посетителей, не предложив им того, что могла бы предложить. Должен признаться, в этом понятии о профессиональной этике есть что-то подкупающее. Может ли она сегодня вечером... Разумеется, с готовностью отвечает девушка и смотрит на бутылку, которая по неизвестным мне причинам уже пуста. Долго ли я пробуду еще здесь и не хочу ли выпить с ней еще немного виски? Я нервно съеживаюсь и судорожно улыбаюсь, когда перед нами будто из-под земли появляется официант, но не родился еще герой, который в такой ситуации отрицательно покачал бы головой. Мысль, что я хотел бы кое-что привезти домой с Востока, отодвигается теперь на задний план, и, признаюсь, сравнительно легко.

Звучат аплодисменты, и четыре девушки покидают сцену. В изящных весенних одеждах они начали хоровод в духе народного танца, пока неожиданно не появился рогатый черт, который — я думаю, вы уже догадались — срывал с них одежды и склонял их к бурному буги. Потом на сцену вышел волшебник и достал из цилиндра — какой сюрприз! — не голых девиц, а обыкновенных голубей и кроликов. Это был настоящий отдых.

Только я собираюсь возобновить разговор с моей соседкой, как она извиняется: служба зовет — и через несколько минут появляется на сцене с партнершей, в руках которой —

стакан для игральных костей. Действия следующего номера легко обозримы, и его можно описать. Девушки начинают бросать кости, и та, которая наберет меньшее число очков, должна сбросить с себя одежду. Сцена задумана так, что обе заканчивают одновременно. Я отношусь к числу тех, кто аплодирует с особым энтузиазмом. Скоро девушка снова садится рядом со мной, и, пытаясь найти выражения, необходимые, чтобы оценить ее выступление, я прихожу к выводу, что мой словарный запас весьма беден.

Интересуюсь, не из Бейрута ли она, по это предположение девушка с негодованием отклоняет. Ну, теперь я должен угадать. Из какой-нибудь европейской страны? Certainly! Франция отпадает: девушка слишком плохо говорит по-французски. Я называю Италию. Она отрицательно качает головой. И не из Греции, и не из Испании; северные страны тоже исключаются: она совсем не похожа на девушек из этих стран. Остается не такой уж большой выбор, и у меня возникает мысль, которая веселит меня:

— Are you from West Germany? (Вы из Западной Германии?) — спрашиваю я колеблясь, но она утвердительно кивает:

— Yes, I was born in Hannover (Да, я родилась в Ганновере).

Я мог бы догадаться! Федеративная Республика Германия выделяется среди других стран Западной Европы как главный поставщик не только промышленных товаров и военных кадров в рамках сухопутных сил НАТО, но и как поставщик кадров для увеселительных кварталов многих городов мира. Разумеется, девушка хотела бы знать, откуда приехал я. Не желая заставлять ее теряться в догадках, так как это стоило бы мне еще одной бутылки виски, я отчетливо произношу:

— From the GDR! (Из ГДР!).

Сначала мне показалось, что она не поняла: здесь, в бейрутском ночном ресторане, можно скорее встретить жителя с Луны, чем гражданина нашей республики. Но гут я заблуждался, недооценивая тех, у кого в программе путешествий стоит Бейрут. Девушка же прекрасно обо всем осведомлена и, быстро сориентировавшись, справляется:

— Then we can continue in German (Тогда будем продолжать по-немецки).

Я, конечно, ничего не имею против. Но в нашем разговоре тотчас появляется нотка социально-критического характера, и, я должен сказать, моя республика выигрывает.

Мне вспомнился случай в Каире. При посещении пирамид я узнал, что бедуины, которые дают своих верблюдов туристам, чтобы покататься или сфотографироваться, в разговоре с туристами из ФРГ называли их «бис-марками». Но когда они столкнулись с туристами из ГДР и те сказали им, что это имя их шокирует, арабы быстро переключились на слово «мир». Я признаю, что реакция довольно наивная, и все же она говорит в нашу пользу. Хвалить пашу республику можно на разный манер.

Так и малышка, которую какой-то злой ветер занес в ночные рестораны Востока, сразу сообразила, какие слова у нас в ходу. Теперь посыпались такие слова, как «прибыль» и «эксплуатация». Через несколько минут узнаю всю ее биографию. Даже если немного опустить из всего, что она мне рассказала, то и оставшегося достаточно, чтобы представить себе весьма печальную картину. Девушка ничему другому не училась, как только раздеваться, и довольно рано сообразила, что при благоприятных условиях может на этом хорошо заработать. Один импрессарио из Гамбурга заключил с ней контракт, предусматривавший два года работы на Востоке. Управляющий обещал ей высокие дивиденды, которые ей принесет там ее тело. Может быть, моя знакомая рассчитывала также на место в гареме нефтяного шейха, но в этом она не признается. Условия договора, обуславливающие место работы, целиком зависят от нанимателя. Девушка понятия не имеет, где будет в следующем месяце: в Анкаре, в Каире или в Аммане. Она должна лишь каждую ночь дважды играть свою глупую роль, кроме того, и это, как я понимаю, самая неприятная и трудная сторона ее работы, оставаться с гостями до закрытия ресторана, то есть до пяти часов утра. В перерыве между выходами ей не разрешается ни бездельничать, ни исчезать с кавалерами, которые хорошо платят; ее долг — опекать, обслуживать посетителей, а это главным образом значит: побуждать их больше пить, чем она сможет существенно увеличить

свой бюджет, ибо получает десять процентов с каждой бутылки, заказанной за ее столиком. Она, конечно, знает, что разрушает себе печень, если поддается соблазну заработать побольше на выпивке.

— Шесть стаканов виски — моя норма, — говорит она, — и ни стакана больше. — И по секрету сообщает, что часто содержимое стакана выплескивает под стол. Теперь мне ясно, почему моя первая бутылка так быстро опустела. Девушка клянется, что она танцовщица и хочет любой ценой сохранить это свое социальное положение, отчаянно защищаясь от опасности опуститься до проститутки в каком-нибудь публичном доме или, более того, работать на какого-нибудь сутенера. И еще она боится заболеть, ибо тогда ее уволят. Хозяину нужны только здоровые девушки. Она хочет остаться здоровой, выдержать и зарабатывать деньги до тех пор, пока находятся желающие платить за то, что она раздевается.

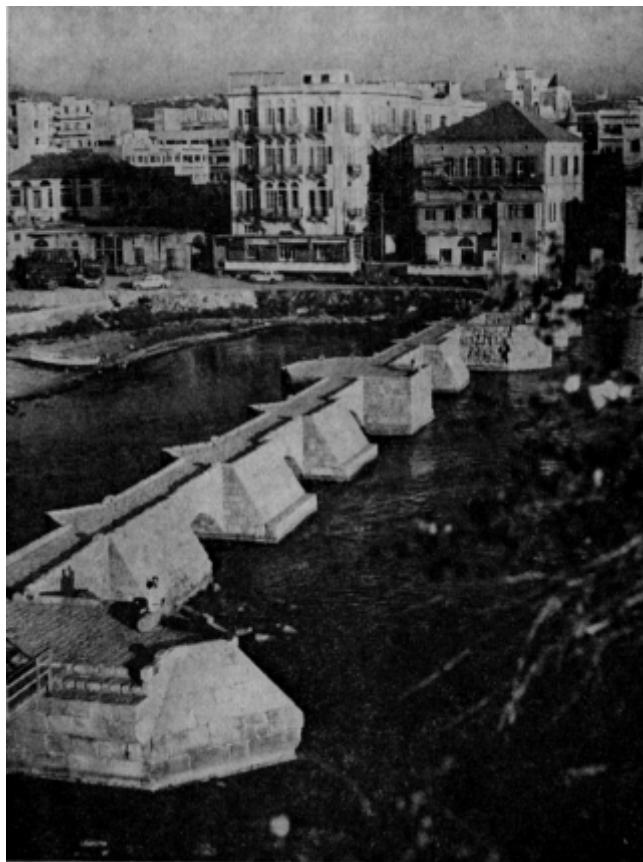
Рассказывая о себе, девушка не жалуется и не бравирует. Она давно научилась понимать, что так устроен мир, в котором она живет, и что многим приходится еще хуже, чем ей. Кроме того, она считает, что смотреть на нее — удовольствие. Может, ей повезет, и она найдет кого-нибудь, кто захочет встретиться с пей на следующий день в одном из приморских загородных ресторанов. Может быть, даже попадется кавалер, который возьмет ее на содержание на оставшиеся недели в Бейруте до поездки в Анкару или в Тегеран. Что я не буду этим кавалером, она давно поняла, ибо осведомлена о моем дневном бюджете, и не сердится на то, что я не заказал третьей бутылки, чтобы дать ей возможность заработать. Может быть, ей даже немного жаль, что на остаток ночи ей придется искать более платежеспособного клиента, ведь она здесь не для того, чтобы развлекать гостей, а чтобы успешно заставлять их пить. Таким образом, прощаемся мы как хорошие друзья.

Мне не хочется больше оставаться здесь: устал. То, что происходит на сцене, отвратительно. Сейчас за занавесом скрылись две девушки, выступавшие в развевающихся одеждах по образцу римских туник, и теперь они должны изображать взаимную любовь. С меня достаточно этого нагромождения патологии. Хасан и Шанталь дают понять, что предпочли бы другое место, где им будут меньше мешать. По знаку появляется официант и пытается взять с меня на двадцать ливанских фунтов больше, но я не настолько пьян. Мы покидаем «сарай». Маленькая танцовщица, сидя рядом с невероятно толстым господином, машет нам на прощание. Официант убирает с их стола бутылку и приносит новую. «Не забывай о своей печени, девочка!» — хочется крикнуть ей, но какой в этом смысл?

Воздух был изумительно прохладен, когда мы, прощаясь, стояли на улице.

Культ Баала

Ранним утром мы снова отправляемся в путь. Хасан привозит с собой Шанталь. Древние финикийские города — Сидон и Тир (современные Сайда и Сур) — последние цели нашего путешествия. Мы покидаем Бейрут по авеню дю Пари, крутыми поворотами огибающей оконечность Бейрутского мыса, центра города, едем мимо красивых отелей и высотных жилых домов. На окраине города за деревянными заборами прячется несколько фешенебельных обособленных пляжей с помпезными названиями наподобие «Акапулько» или «Ривьера», а за ними далеко протянулся общественный песчаный пляж шириной в 20–30 метров. Местность здесь очень благоприятная для выращивания плодовых деревьев. Горы, поднимающиеся всего в нескольких сотнях метрах от побережья, защищают деревья от песчаных бурь пустыни. Большинство культур приносит по два урожая в год. Апельсиновые рощи перемежаются с абрикосовыми, зачастую отгороженные живой изгородью из кипарисов. Вдоль дороги тянутся также лимонные, миндальные и ореховые сады. Дамур, первый за Бейрутом городок, расположен среди тутовых насаждений; здесь работает несколько шелкопрядилен. Вскоре начинаются банановые плантации. Кусты довольно растрепаны — вероятно, это следствие весенних бурь, — но на них уже видны молодые плоды, укрытые прозрачными полиэтиленовыми голубыми мешочками.

Портовый город Сайда

Еще 50 километров, и подъезжаем к Сайде. Сегодня город насчитывает 50 тысяч населения, среди них почти 20 тысяч беженцев из Палестины.

Сидон, как и многие финикийские города, расположен на полуострове, глубоко вдающемся в море; перед ним находится остров. Первое, куда мы идем, — это морская крепость Калат-эль Бахр, поднимающаяся на этом острове. Таким образом, здесь на сравнительно небольшой территории теснился «Сидон ям» («Морской город»), который продолжился на материке до самых отрогов Ливанских гор как «Сидон садэ» («Сидон на суше»).

Согласно еврейскому историку Иосифу Флавию, современнику Филона Библского, название города возникло в связи с упоминанием в библейской истории о сотворении мира перворожденного сына Ханаана — Сидона. Во всяком случае, уже 3500 лет назад, примерно в 1500 году до н. э., город наряду с Угаритом играл важную роль среди других финикийских городов. Жители Сидона создали широко разветвленную торговую сеть в районе Средиземного моря. Западные торговые поселения они постепенно превратили в настоящее колониальное государство. Слава об их товарах распространилась далеко. Гомер тоже славил способных во всех ремеслах сидонцев.

И только когда в IX веке до н. э. ассирийцы напали на Сирию, положение изменилось. «С Оронта пришел я, — описывал впоследствии ассирийский царь Ашшурнацирпал II свой военный поход, — ...завоевывал города... устроил большую резню среди них, разрушал, сокрушал, уничтожал, сжигал огнем. Живых воинов брал я в плен. Сажал их на колья, что перед их городами. Их кровью окрашивал я горы, как пурпурную шерсть. В большом море омыл я мое оружие...»

Финикийские города попытаются, как это часто случалось в прошлом, выплачивая дань, договориться с завоевателями, стать им полезными и даже необходимыми. Но террор завоевателей принял, по-видимому, такие размеры, что даже финикийцам не оставалось

другого выбора, кроме сопротивления. В VII веке они прекратили выплату дани и открыто восстали против чужеземного господства. Ассирийский царь Асархаддон немного промедлил с контрударом, так как ему сначала необходимо было навести порядок у себя дома: его отец Синаххериб погиб от руки убийцы, и братья пытались оттеснить его от наследования. Как только это было улажено, он двинулся против Сирии. Он овладел мятежным Сидоном и разрушил его. Царь Абдимилкути был, как сообщает упомянутая уже стела в бейрутском музее стран Передней Азии, посажен на цепь и увезен в плен. На многие десятки лет прекратилось развитие города, к тому же ассирийцы, как они сами сообщают, вывозили горы серебра, золота, свинца и меди. Еще раз удалось оправиться бидону, и еще раз возмутился город против завоевателей. Персидский царь Артаксеркс III приказал сжечь город дотла. Как пишет в своей «Исторической библиотеке» историк Диодор Сицилийский, в пламени погибло более 40 тысяч человек. Поэтому Александру Великому во время его завоевательных походов не стоило никакого труда захватить Сидон.

Вследствие тяжелых разрушений, причиненных ассирийцами, построек финикийского периода почти не сохранилось. В морской крепости можно еще обнаружить каменные руины, указывающие на существование культовых сооружений финикийцев в честь бога Мелькарта. Лучше же всего сохранились культовые постройки и места захоронений за пределами города. В нише стены одной из пещер в 1855 году обнаружен саркофаг Эшмуназара II. Он считается особенно ценным экспонатом Лувра.

Хасан ведет меня к холму в центре города диаметром 100 метров и высотой 45 метров, на котором расположено мусульманское кладбище. Эта гора — огромная свалка отходов важнейшей отрасли древнего Сидона — производства пурпура. Она состоит из миллионов ракушек. По-видимому, не желая загрязнять окружающую среду, сидонцы не оставляли отходы на месте производства, а вывозили их на специальную свалку, которая за много столетий выросла в холм.

Хотя памятников строительного искусства финикийского периода осталось совсем немного, но и по тем, что есть, можно очень хорошо проследить деятельность многочисленных последующих народов, оказавших влияние друг на друга. При сооружении морской крепости, после взятия города арабами в 677 году, арабские мастера, строители крепости, использовали в качестве опорных балок поваленные колонны с явными признаками эллинистического и римского архитектурных стилей. Рыцари-крестоносцы, захватившие город в 1111 году, построили крепость, а на месте акрополя, античной части города, находившейся на суше, возвели замок, но в конце XIII века должны были снова сдать город под напором арабов. Так и Сайда выступает перед нами в роли музея истории древности и раннего средневековья.

Едем дальше. Первое впечатление от Сура, древнего Тира — разочаровывающее. Сегодня он представляет собой провинциальное гнездо на юге Ливана, расположенное на полуострове, глубоко вдающемся в море. Закрытие находящейся всего в нескольких километрах южной границы с Палестиной после образования государства Израиль прервало связь с югом и затормозило развитие города. И тем не менее когда-то город был важнейшим финикийским поселением. Греческий историк Геродот утверждал, что к его времени с момента основания Тира «прошло 2300 лет». Поскольку он жил в 484–425 годах до н. э., то основание города следует отнести примерно к 2750 году до н. э. — дата, совпадающая с волной переселения семитских народов, ханаанеян, и поэтому ее можно считать правдоподобной.

Заметим с самого начала: повсюду здесь в большом количестве встречаются строения или остатки строений — эллинистических, римских, византийских, арабских, турецких. По памяти о финикийцах отсутствует. Тир — первоначально остров — долгое время находился в тени Сидона. Его расцвет начался примерно в начале I тысячелетия до н. э., приблизительно в то время, когда объединились племена иудеев и израильтян. При Хираме I, царе Тира, был создан могучий флот. Его суда не только бороздили воды Средиземного моря, но и отваживались ходить в Атлантику. При нем были основаны поселения в Сицилии,

на Кипре, в Северной Африке и Испании, он развил торговые отношения со многими странами, вплоть до Западной Африки и Англии.

Особенно тесные дружественные отношения возникли с еврейскими соседями. Тир продавал царю Давиду, властителю Израиля, кедровое дерево, секреты его обработки и даже посылал мастеров, которые помогали строить храмы. При Соломоне, сыне Давида, молодое государство Израиль достигло еще большего расцвета, и связи его с Тиром стали еще более тесными. «И послал Хирам, царь тирский, слуг своих к Соломону», — говорится в Ветхом завете; дворец Соломона Библия называет домом «из дерева ливанского». Оба государства заключили торговое соглашение, на основе которого Хирам приказал доставить строительный материал на 800 верблюдах через пустыню Негев к северной оконечности Красного моря и построить там флот из 10 кораблей, которые были необходимы Соломону для торговли с царицей Савской.

В IX веке один из преемников Хирама, Этбаал, отдал даже свою дочь израильскому царю Ахаву в жены. Это привело к распространению культа Баала и поэтому очень критически было отмечено Библией: «Ахав, сын Амвриев (Омри), воцарился над Израилем в тридцать восьмой год Асы, царя иудейского, и царствовал Ахав, сын Амврия, над Израилем в Самарии двадцать два года»; «И делал Ахав, сын Амврия, неугодное пред очами господа более всех, бывших прежде него»; «...Он взял себе в жены Иезавель (Изевель), дочь Ефваала (Этбаала), царя сидонского, и стал служить Ваалу и поклоняться ему»; «И поставил он Ваалу жертвенник в капище Ваала...»

Соблазн, исходивший от финикийского культа плодородия, наделал, по-видимому, много хлопот их пуританским соседям, так как Библия затрагивает этот вопрос во многих местах. Уже при первом соприкосновении кочевых племен с обольстительным миром финикийцев стойкость и строгость иудейских и израильских мужей подверглись суровому испытанию, и не каждый выдержал его. «... И начал народ блудодействовать с дочерьми Моава», — говорится у Моисея. Но старейшины общин принялись за дело жестко и без оглядки. Кого заставляли, убивали на месте. «Финес (Пинхас), сын Елеазара, сына Аарона священника встал из среды общества и взял в руку свою копье»; «И пошел вслед за израильтянином в спальню и пронзил обоих их, израильтянина и женщину в чрево ее...»; «Умерших же от поражения было двадцать четыре тысячи» — так лаконично сказано в Библии.

Но устрашение подействовало, по-видимому, ненадолго. История молодого еврейского государства свидетельствует о непрекращающейся борьбе со сторонниками культа Баала. Библия порицает даже самого Соломона. «И полюбил царь Соломон многих чужестранных женщин, кроме дочери фараоновой, моавитянок, аммонитянок, идумеянок, сидонянок, хеттеянок»; «Из тех народов, которых господь сказал сынам Израилевым: „не входите к ним, и они пусть не входят к вам, чтобы они не склонили сердца вашего к своим богам“. К ним прилепился Соломон любовью»; «...И стал Соломон служить Астарте, божеству сидонскому...». И поэтому наказал его бог разделением государства.

Позднее пророки Илия и Элиша вели борьбу самым жестоким образом. Они боролись с культом Баала как с религией имущих, и когда царская семья, казалось, снова сошла с пути истинного, особенно после заключения брака Ахава с Изевель, Элиша приказал полководцу Иегу истребить всех, и раньше всех Изевель (ее муж уже погиб в борьбе с арамеями) и царя Иорама, ее сына. Храм Баала в Иерусалиме он приказал разрушить, а на его месте соорудил общественную уборную.

Филои Библский на основе заметок жреца Санхунйатона, который жил в VII или VI веке до н. э., описал культ Баала, а найденные в Угарите таблички с жреческими записями подтверждают данные Филона о действиях, связанных с совершением этого культа. Центральной фигурой культа была богиня Астарт, сестра или жена бога Эла, который поселился в Библе, чтобы основать век блаженства. Евреи называли ее Ашгарт. Она считается прежде всего богиней плодородия, подобно Иштар, почитаемой другими восточными народами. Наверное, у нее было очень много почитателей. Повсюду в Финикии

встречаются воздвигнутые в ее честь храмы, и часто при раскопках находили ее изображения. Чаще всего она представлена нагой. Символы плодородия — змеи и голуби — были ее символами и имели большое распространение на Востоке. Культовые действия носили, по-видимому, характер оргиастических праздников, во время которых акт совокупления имел значение служения богу.

И здесь, в самой южной части торговой метрополии финикийцев, с началом вторжения ассирийцев положение стало угрожающим. Одному из царей, Пигмалиону, в IX веке еще, по-видимому, удалось отбить нападения ассирийцев. Во время правления этого царя, как утверждают, его сестрой Элиссой, которая после провала заговора овладела флотом и бежала, был основан Карфаген. И в это же время заволновались греки и начали оспаривать у Тира господство на Средиземном море, а тем самым и его роль мировой торговой метрополии.

Нападения ассирийцев становились все более опасными. Царь Элулай вынужден был отступить на маленький остров, расположенный перед городом, где он смог противостоять агрессивным попыткам царя Салманасара V, да и Саргону II пришлось снять десятилетнюю осаду. И только сын его Синаххериб смог в 701 году взять город и превратить Тир в зависимое государство. Колониальная держава Тира распалась. Карфаген не только обрел самостоятельность, но и вытеснил финикийцев как торговую державу Средиземноморья. Однако даже в этих трудных условиях они еще раз совершили подвиг большой исторической важности: по поручению фараона Нехо примерно в 600 году до н. э. их суда отправились из Красного моря за богатствами Африки. Они обогнули южную оконечность Африки, достигли Гибралтара — Геркулесовых столпов — и после трехлетних странствий возвратились в Египет. Это путешествие до сих пор приводит исследователей все к новым умозаключениям. В последние годы многие из них пытались на судах, изготовленных по образцу финикийских, пересечь Атлантический океан, чтобы тем самым доказать, что истинными открывателями Америки были финикийцы.

Когда вавилонский царь Навуходоносор II пытался овладеть Тиром, на его пути встала крепость. В ходе двух осад на протяжении 16 лет он так и не взял город. И еще раз Тир пережил небывалый расцвет, когда население его целиком перебралось на остров. Городские стены достигали тогда 50 метров высоты. И лишь Александру Македонскому удалось прервать развитие города, захватив его в 332 году до н. э. после семимесячной осады: он приказал из камней древней материковой части города соорудить огромную, почти восьмисотметровую дамбу через воды Средиземного моря и таким образом подобрался к стенам морского города, пробив в нем брешь. Большая часть Тира была разрушена, население уничтожено или угнано в рабство. Дамба же стала узким перешейком, связывающим островной город с сушей. Она существует и поныне, так что древний Тир полностью утратил островной характер. С мировым значением города было покончено, и при Селевкидах и римлянах, византийцах и арабах он продолжал свое существование как захолустный, провинциальный городок. Стены великолепных финикийских строений завоеватели использовали для возведения собственных зданий. Море затопило некоторые части древнего Тира. Но память о его былом блеске жива и стоит того, чтобы она сохранялась и дальше.

ПО СЛЕДАМ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО И ГАЯ ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ

Новая эра

«Drei drei... drei... bei Issos Keilerei» («Три... три... три... под Иссом¹ побоище»). С

¹ Исс — город в древней Киликии (в Малой Азии), где в 333 году до н. э., в начальный период похода, Александр Македонский нанес решительное поражение персидскому царю Дарию.

помощью этого довольно примитивного стишка мой учитель истории попытался закрепить в памяти учеников дату начала завоеваний Александра Великого, и, как видите, небезуспешно. Пусть методисты думают что угодно, но дату битвы под Иссой я уже никогда не забуду. А вот исторические подробности давно выветрились из моей головы к тому времени, когда на Востоке я наткнулся на следы Александра Македонского.

После победы над персами он двинулся в Сирию и, завоевав один за другим все финикийские города, покорив Египет, направился далее на Восток, чтобы стать властителем самого цветущего государства своего времени. Но его политические и военные планы — объединить Персию, блистательную корону тогдашнего Востока, с Грецией, стремительно возвышавшейся державой просыпавшейся Европы, — потерпели неудачу.

Несмотря на победоносные походы, которые привели Александра Македонского к Инду, его могучая империя развалилась, когда, ослабленный чрезмерным трудом и лишениями, он умер от болезни в 323 году до н. э. в Вавилоне. Но от встречи и последующего сплетения греческой и восточной культур появились удивительные, выдающиеся шедевры человеческого гения, восхищающие нас и сегодня.

Но сначала смерть Александра Македонского привела к ожесточенной борьбе между его преемниками — диадохами, и снова борьба разгоралась в первую очередь за обладание Сирией. Главными соперниками были Птолемей, захвативший Египет, и Селевк I, правивший из Вавилона. Династии Селевкидов удалось наконец около 200 года до н. э. укрепиться в Сирии.

Селевкиды составили себе имя в истории прежде всего как градостроители. Многочисленные города, основанные в эту эпоху, носят имена властителей рода Селевкидов. Уже о Селевке I сообщается, что он построил двадцать восемь городов, из них девять он назвал Селевкиями, несколько по имени отца — Антиохиями и по имени матери — Лаодикеями. Самые большие города — Антиохия (на Оронте) и Селевкия (на Тигре) — насчитывали по полмиллиона жителей.

Город обычно в плане имел вид четырехугольника; улицы, пересекавшиеся под прямым углом, делили его на правильные квадраты. Территория города была обнесена стеной. Там все строилось по греческим образцам: театры, гимнасии, бани, храмы. Греческий язык был официальным государственным языком и постепенно вытеснял арамейский, на котором, однако, долго еще говорил народ.

Вскоре новая держава постучалась в ворота Передней Азии. Стал завоевывать себе мировую империю Рим. В 64 году до н. э. на восточном побережье Средиземного моря высадился с войском полководец Помпей, чтобы привести к повиновению понтийского царя Митридата. Уже в том же (или в 63-м) году он захватил Дамаск. С образованием римской провинции Сирии началось господство Рима на Востоке, продолжавшееся почти четыреста лет — до 324 года, когда центр империи переместился из Рима в Византию.

Для римских властителей Восток в те времена был прежде всего областью, которая давала возможность быстрого обогащения. Так, грабительский поход в Сирию сделал полководца Помпея самым богатым и могущественным человеком Рима; в 59 году до н. э. он фактически правил всей империей, став членом первого триумvirата, в состав которого входили еще миллионер Красс и разбогатевший на разграблении Галлии Юлий Цезарь. Каждый из них рассматривал этот союз как исходный пункт в борьбе за единоличную власть. После того как Красс погиб в Сирии — При разделе сфер влияния ему досталась Сирия, — началась решающая борьба между Цезарем и Помпеем. Когда Цезарь подтянул свои испытанные в боях войска, Помпей бежал на Восток к Птолемам, к последней из оставшихся еще династий диадохов. Но Птолемеи из страха перед приближающимися войсками Цезаря приказали убить Помпея — поступок, который Цезарь в лицемерном возмущении использовал для того, чтобы ограничить власть Птолемеев. Он посадил на трон их сестру Клеопатру как полноправную царицу и соправительницу. По пьесе Шоу мы знаем,

что любовная связь Клеопатры со стареющим полководцем продолжалась недолго. Цезарь должен был возвратиться в Рим, где вскоре был убит.

Но убийцам Цезаря тоже не слишком повезло. Их разгромила политическая группировка, вошедшая в историю под названием «Второй триумвират», в состав которого входили Октавиан, Антоний и Лепид. Мир был поделен между новыми хозяевами. Снова тот, кто получил при дележе сфер влияния Восток — а это был Антоний, — оказался в убытке.

Опираясь на центральные области Египта и Сирии, он в качестве супруга Клеопатры правил еще несколько лет, но, потерпев поражение в нескольких битвах с войсками Октавиана, покончил жизнь самоубийством вместе с Клеопатрой. Его противник, приняв имя Август, что означает «высокий», «великий», стал неограниченным властителем Римской империи, а Египет и Сирия остались римскими провинциями. Попытки продвинуться дальше за пределы этих областей и покорить Двуречье потерпели неудачу, натолкнувшись на сопротивление парфян.

Тот, кто сегодня видит каменистые поля Сирии, вряд ли может себе представить, что когда-то здесь была житница Рима. Многочисленные сообщения тех времен свидетельствуют о том, что еще за 2000 лет до н. э. эти области были очень плодородны. К коренному изменению климатических условий привела прежде всего беспощадная вырубка густых кедровых лесов, покрывавших тогда горы. Она же уничтожила кропотливый труд поколений.

Трудно правильно классифицировать степень культурного развития Сирии рубежа новой эры. Рим пытался придать стране свой характер. Но сохранившиеся следы встреч греческой и восточной культур, которые мы именуем эллинизмом, прочно вошли в облик этих районов Востока и продолжали оказывать влияние и при римском господстве. Если кому-либо так уж необходим ярлык, чтобы определить эту эпоху в культурно-историческом плане, то в этом случае можно рекомендовать термин «эллинистическо-римская культура».

Римские властители на Востоке, их наместники и местные зависимые правители старались подражать Риму в расточительности. Еще и сейчас можно обнаружить многочисленные великолепные постройки тех времен, не уступающие в строительном искусстве зданиям на полуостровах греков и итальянцев. Численность памятников так велика, что на каждом шагу даже в самых отдаленных уголках страны наталкиваешься на чудесные сокровища, забота о которых потребовала бы целой армии археологов.

На автомобиле к Селевкидам

Для автомобилиста из Европы езда на Востоке является школой высокого мастерства. Тот, кто в течение нескольких лет обошелся без аварии, может сказать о себе, что умеет водить машину. Теперь для него вряд ли существуют непредвиденные ситуации. Самое главное для водителя, получившего права в ГДР и желающего ездить на Востоке, состоит в том, чтобы как можно скорее забыть правила уличного движения. Единственное правило, которое следует усвоить, — это то, что нет никаких правил, на которые можно было бы положиться. Водитель в любой момент должен быть готов ко всему, и прежде всего к самому непредвиденному, невероятному, невообразимому. И между тем, к великой для себя неожиданности, он заметит: а транспорт-таки движется! Все регулируется взаимопониманием и предупредительностью.

Разумеется, на Востоке тоже имеются дорожные знаки, но никто не обращает на них внимания. Например, сигналить — самое большое удовольствие дамасских автомобилистов, и поскольку гудок, включенный даже на полную мощность, их уже больше не удовлетворяет, они вмонтировали специальные сигнальные устройства, выбрасывающие одновременно целую серию коротких, пронзительно-требовательных звуков. В то же время в Дамаске и во всех столицах сирийских губернаторств существует запрет на сигнализацию. Таблички на всех подъездных дорогах и внутри городов напоминают об этом запрете.

Следует отдать справедливость: пренебрежение к дорожным знакам, едва ли доступное пониманию жителя Европы, имеет свои положительные стороны. Водитель вынужден концентрировать все свое внимание на движении, а не на дорожных знаках; он не станет останавливаться, размышляя о том, как следовать предписанию, а будет разумно реагировать на конкретную ситуацию, возникшую в потоке машин.

Дома я довольно часто досадовал по поводу фетишизации правил и предписаний, а на Востоке я проклинал коварную манеру езды. У нас, вне всякого сомнения, легче водить машину. Шофер, едущий у нас по главной улице, не смотрит ни направо, ни налево, ни туда, откуда выходят улицы. Желтый квадрат перед перекрестком придает ему чувство удивительного превосходства над бедными чертенятами, выползающими из боковых улиц, и, что еще хуже, у него появляется сознание ложной неуязвимости.

Тот, кто в конце рабочего дня попытается выехать из боковой улицы на главную — об этом я мог бы много чего порассказать, — должен ждать до посинения, если поблизости нет полицейского. На Востоке даже на самой оживленной центральной улице редко случается так, что нужно пропускать более двух машин. Как только водитель замечает, что из боковой улицы выезжает машина, он дает ей возможность проехать, останавливает свою и, следовательно, всю колонну, движущуюся по главной улице. Наш «регулируемый» метод езды вызывает множество споров о правах и грубости, в то время как регулирование, основанное на принципе взаимной согласованности, требует, может быть, большего напряжения, но воспитывает взаимную предупредительность. «Езди и давай ездить другим» — вот, по-видимому, девиз водителей Востока.

Взаимная согласованность действий осуществляется с помощью левой руки. Обычно благодаря теплоту климату левое переднее стекло машины открыто; если локоть водителя лежит на раме, все нормально; рука слабо повисла — осторожно, ехать медленно, дорога не просматривается; ладонь прижата книзу — нужно резко затормозить; легкое движение кистью говорит о том, что можно делать обгон; вытянутая рука предупреждает о повороте. Этих немногих движений достаточно для согласованности действий. Если в машине включен стоп-сигнал или даже мигалка, можно с уверенностью сказать, что водитель — европеец, который лишь недавно приехал в страну.

Вооруженный таким опытом, я отправляюсь в Хомс, откуда намереваюсь посетить некоторые наиболее известные греко-римские поселения в Центральной Сирии. Со мной едет Ахмед Хош, мой симпатичный гид по историческим местам Сирии. Уже на Парламентской улице я должен пропустить несколько запряженных лошадьми повозок, двигавшихся мне навстречу по улице с односторонним движением. Если пренебрежение правилами уличного движения водителями моторных средств передвижения основано, так сказать, на неофициальной договоренности, то для гужевого транспорта не существует вообще никаких правил. Пока я развлекаюсь этими тонкими сравнениями, мне под колеса катятся огромные тыквы. К счастью, у машины хорошие тормоза, и тыквы остались невредимыми. Бородатый мужчина спокойно, не торопясь, собирает их на дороге и кладет в повозку. Мне приходится долго ждать. Мальчишка, для которого «сопля» — совсем не бранное слово, а соответствует его истинному значению, используя благоприятную обстановку, забирается на мой багажник. Он покровительственно машет мне, чтобы я ехал, и лишь через несколько сот метров спрыгивает. Меня объезжают велосипедисты — так беспорядочно, словно рыбы в ручье. Пожилые мужчины тянут большие, сильно нагруженные двухколесные ручные тележки; они висят на оглоблях так, что, боюсь, в любой момент могут быть подняты в воздух опрокинувшимся назад грузом.

Наконец-то выехал на окраину города. Дорога тянется еще несколько километров через Гуту и потом держится параллельно горной цепи Антиливана. Крестьяне в коричневых длинных, до земли, рубахообразных одеждах (галабийях) пашут на поле у дороги, лавируя между оливковыми деревьями и виноградными лозами.

За Гутой ландшафт приобретает серо-коричневый тон. Яркая зелень исчезла; на восток простирается Сирийская пустыня, которая заканчивается примерно через 600 километров в

Двуречье. Дорога круто поднимается; по бокам ее отвесно падают глубокие ущелья. Но русло реки сухое. В арабском языке есть два обозначения для реки: существует строгое различие между «нахр» — рекой, постоянно несущей воды, и «вади», то есть руслом, по которому вода течет лишь очень короткое время в году — несколько дней или даже часов. Обкатанные обломки пород в вади свидетельствуют о том, какой громадной силой обладает вода в дни таяния снегов. Русло реки многократно перекрыто высокими бетонными надолбами, напоминающими противотанковые заграждения, — они предназначены для задержания падающих камней.

Подъем становится еще круче. Время от времени мы проезжаем мимо разбитых автомобилей — следов катастрофы. Перед нами ползет груженный доверху грузовик. Он выпускает такое облако газа, что кажется, будто наступила ночь. Я делаю попытку обогнать его. И как раз в этот момент водитель по непонятной мне причине и без всякого предупреждения резко сворачивает влево. Из всех сил нажимая на тормоз, сквозь чад с трудом различаю, что другой грузовик медленно карабкается по откосу — очевидно, тот водитель, желая обогнать его, не совсем точно рассчитал силу двигателя своей машины: маневр не удался. Теперь и второй увеличил скорость. Соперничая, оба приближаются к вершине горы, занимая всю ширину дороги. Если появится встречная машина, столкновение неизбежно. Но все идет хорошо, и когда наконец начался спуск, левому грузовику обгон все же удался; я благополучно миную обе машины и облегченно вздыхаю.

Чувствую потребность кое-что дополнить к моим замечаниям относительно положительных сторон езды на Востоке. Это касается прежде всего движения городского транспорта; оно таит в себе почти немыслимое для нас безрассудство с чертами фатализма, что особенно губительно для езды на междугородных трассах. Здесь сильно ощущается слепая вера в то, что Аллах уж как-нибудь все уладит и не имеет смысла вмешиваться в его дела.

Мы проезжаем мимо стада верблюдов — наверное, голов в двадцать — картина, ставшая редкостью! Стадо пасется. Это значит, что животные то тут, то там своими упругими языками выдергивают из земли между камнями высохший стебелек или колючий чертополох. Верблюд исключительно непритязательное животное. Он был одомашнен уже за 2000 лет до н. э. семитскими племенами, населявшими эту местность. Приспособление верблюда под транспортное средство революционизировало сообщение значительно сильнее, чем контейнеры в наше время. Верблюд обладает способностью выпивать огромное количество воды про запас и потом долгое время обходится без нее, поэтому его можно использовать для перевозок на дальние расстояния в безводных районах, то есть он оказался особенно пригодным для преодоления пустынь. Без верблюда была бы невозможной торговля с Кавказом, с городами Персидского залива и Двуречья, а также транспортировка товаров по «дороге благовоний».

И все же после четырехтысячелетней монополии верблюда как средства передвижения автомобиль примерно 50 лет назад подорвал ее, и с тех пор это животное постепенно утрачивает свое значение. Верблюд сегодня по сравнению с грузовиком убыточен, поэтому стадо верблюдов — теперь уже редкое зрелище.

Мы пересекли окружной город Небек, расположенный на высоте почти 500 метров. Два осла с любопытством уставились на нас. Ослица-мать перешла на левую сторону, а ослик все еще стоял на месте и, когда я почти поравнялся с ним, прыгнул к матери, заставив меня резко затормозить. Слегка испуганно рассмотрев меня через ветровое стекло и утратив всякий интерес ко мне, ослик побежал дальше.

Дорога, прямая, как стрела, бежит по однообразному, слегка наклоненному к северу плоскогорью. Наконец после 170 километров пути мы подъезжаем к Хомсу, римской Эмессе, отправному пункту нашей экскурсии. Заезжаем к родственникам Ахмеда, хотим там переночевать. Я никогда не видел раньше этих людей, и мы приехали, не предупредив заранее, но приняли они нас с таким радушием, которое свойственно лишь народам сельской социальной структуры и жителям малонаселенных мест. Чрезвычайно трудно сократить

церемонию приветствия. Сначала Ахмед подробнейшим образом рассказывает о здоровье своих родителей и сестер, племянников и племянниц — а у него их множество, — потом выпиваем по чашке хорошего арабского кофе и, только поклявшись вечером вернуться, через час покидаем гостеприимный дом.

Проехав по магистрали Дамаск — Халеб 20 километров, приближаемся к очень важной в истории древней Сирии реке Оронт (по-арабски аль-Аси). Мы пересекаем ее у Растана, античной Аретузы (Арафусы), через плотину, возведенную с помощью Народной Республики Болгарии несколько лет назад. Еще менее чем через час мы в Хаме, живописном городке, хорошо сохранившем свой средневековый восточный колорит. История города уходит корнями в V тысячелетие до н. э. На рубеже II тысячелетия до н. э. Хама была столицей крупного Арамейского царства, пока ее полностью не разрушили ассирийцы. Только Селевкиды, неутомимые градостроители, заново отстроили ее, назвав Епифанией. Если Хама и сегодня еще является излюбленным притягательным центром для всех, кто приезжает в Сирию, то причиной этому прежде всего огромные водоподъемные колеса (нории), конструкция которых восходит к античной строительной технике.

Ахмед предлагает остановиться. Прислушиваемся. В воздухе повис негромкий своеобразный гудящий звук. Мы проезжаем еще несколько сот метров и останавливаемся у Оронта. Перед нами вращаются несколько водяных колес, каждое с многоэтажный дом. Высота самого большого водяного колеса, стоящего на окраине города, — 20 метров; правда, оно построено «всего» 600 лет назад арабами.

Ахмед объясняет рациональность конструкции. Близко расположенные на внешнем обводе водяного колеса друг подле друга лопасти связаны между собой досками таким образом, что образуют небольшие резервуары, которые наполняются водой, как только они появляются из реки. Когда благодаря вращению колеса резервуар оказывается наверху, вода из него выливается в начинающийся на этом месте акведук, а оттуда драгоценная влага поступает на большие расстояния. Вращение деревянных осей колеса в шарнире каменной стены вызывает монотонный звук, разносящийся по всей округе.

Симпатичный город настойчиво приглашает остаться, но нужно ехать, и мы сворачиваем с главной магистрали, ведущей в Алеппо, на запад. Дорога пересекает плодородную равнину с землей красно-коричневого цвета. Через несколько десятков километров снова натываемся на Оронт, но теперь он течет в широкой долине, внизу, далеко под нами. Арабы называют эту долину Эль-Габ, что означает «болото», «трясина». Редкое название для местности в стране, где все наводит мысль о пустыне и засухе. И тем не менее название соответствует действительности. Здесь, в долине, протянувшейся на 60 километров, сельское хозяйство должно роптать вопросы иные, чем те, которые оно решает в остальных районах страны, где недостаток воды препятствует развитию сельскохозяйственного производства и все силы концентрируются на том, чтобы с помощью системы каналов сделать пустыню плодородной. Избыток воды, особенно весной, когда Оронт, наполненный талыми водами, сбегаящими с гор Нусайрия, являющимися продолжением Ливана на севере, превращает долину в болотистую низменность, и поэтому сирийское государство ассигнует большие суммы на осушение болот. Там, где это уже удалось сделать, долина стала плодородной пашней.

После нескольких крутых поворотов дорога идет теперь по краю долины. К сожалению, весеннее половодье разрушило эту дорогу. Во многих местах она изрыта широкими поперечными канавами — приходится часто притормаживать. Ахмед обращает мое внимание на большое количество сглаженных холмов в долине. На Ближнем Востоке такой холм повсюду называют «телль». Это бывшие поселения, некогда цветущие города, жители которых погибли во время землетрясения и эпидемий или были изгнаны иноземцами, так что история в буквальном смысле слова поросла травой. Стоя на одном месте, можно увидеть с десятков теллей, и каждый из них — потенциальное место для раскопок!

— Может быть, — говорит Ахмед, — под покровом лежащего перед нами телля спят развалины столицы древнего Митанни, государства хурритов, которое все еще не

обнаружено, и мы заняли бы почетное место в истории археологии, если бы начали здесь копать. Но, может быть, богатые находки скрывает этот тельль или вон тот, километрах в двух отсюда.

Мы отказываемся от вечной славы и едем дальше. Дорога становится все хуже. Вдруг она вообще кончается. Участок пути в несколько сот метров систематически разрушался и размывался силой воды. В то время как я размышляю, удастся ли мне вывести низко сидящую машину по обходной дороге снова на твердую почву, около нас останавливается «длинноногое» такси. Водитель, по-видимому, хорошо знает ситуацию на дороге и сообщает, что много раз ездил обходным путем. Паша машина застряла довольно глубоко, но ничего страшного. Мне только нужно следовать за ним. Попросив своих многочисленных пассажиров выйти из машины, он по грязи прокладывает мне путь. Когда такси проехало вперед 50 метров, я двинулся следом.

Я отношусь к тем автомобилистам, которые ощущают физическую боль, если во время езды с их машиной плохо обращаются. Звук, появляющийся при неправильном включении передачи, причиняет мне такую же боль, какую причиняет бормашина зубу с живым нервом. Я чувствую, как камни царапают дно автомобиля, и приподнимаюсь, как всадник перед барьером, будто таким образом я могу разгрузить машину. Скрежещет все больше — очевидно, камни задевают коробку передач, я чувствую это по переключению. Но назад возврата нет. Я испытываю страшные муки. Четверть часа кажутся вечностью, но вот наконец твердая поверхность дороги.

Водитель такси спешит мне навстречу, смеется. «Ал-хамду-ли-лла», — говорит он, что, вероятно, означает «слава богу». Я утвердительно киваю головой. Тем временем подошли его пассажиры. Ахмед садится в машину. Я запускаю мотор и хочу включить скорость, но безуспешно. Ничего не получается ни при первой, ни при второй скорости, ни при заднем ходе. Включить можно только третью передачу. Что делать? Но водитель такси тут как тут. Он садится на мое место, пробует сам, но с тем же успехом. Открывает капот, осматривает коробку передач, двигает ее туда-сюда — безрезультатно. Ну, теперь ничем не помешать его готовности помочь. Мои протесты он отвергает движением руки и советует попробовать обходной путь. Он ручается, что машина пойдет. Я должен потерпеть всего несколько минут. Водитель достает инструмент и ложится под машину. Проходит четверть часа, полчаса; солнце давно уже в зените и палит нещадно. Я снова и снова пытаюсь доказать, что в крайнем случае могу ехать и на третьей передаче, — не помогает.

У меня есть время понаблюдать за пассажирами. Для них поездка затянулась уже на час, и они не имеют ни малейшего отношения к коробке передач моей машины, по никто не ропщет. Вежливо интересуются, спрашивают, откуда я и куда. Мужчины дают дельные советы водителю. И действительно, через два с половиной часа работы все уладилось. Передачи легко включаются.

Я не сомневаюсь, что водитель ждет хорошего бакшиша. Ахмед не советует мне это делать, но должен же я хотя бы возместить ему потерю времени! Хочу вложить ему в руку десять сирийских фунтов, и лицо его становится ледяным. Если бы я пришел к нему в мастерскую, переводит Ахмед, это другое дело. Здесь же шоферы подчиняются законам гостеприимства и взаимопомощи, вот почему он не может принять денег. Несколько смущенно пожимаю водителю руку. Я получил хороший урок арабского гостеприимства.

Можем ехать дальше. Скоро издали нас приветствует акрополь античного города Апамен, он расположен в ста метрах над долиной, как бы венчая ее.

«Калаат Мудик», — написано на небольшом дорожном указателе. Арабское слово «калаат» означает «крепость». Дорога, поднимаясь, пролегла мимо высоких средневековых крепостных степ. Проезжаем небольшой косогор, где крестьяне разложили для просушки круглые лепешки из навоза, похожие на большие деревенские хлебы. За косогором, перед въездом в деревню, эти уже высохшие лепешки сложены в небольшие круглые башенки. Так у нас крестьяне складывают колотые дрова за сараем. Высохший навоз служит также топливом. Конечно, сирийские крестьяне знают, что их полям необходимо удобрение, но чем

же они должны топить в местности, где нет лесов?

На территории античного акрополя сегодня находится деревня Калаат Мудик. Проходя по ее улицам, мы на каждом шагу наталкиваемся на следы греков и римлян. Сам город Апамея с его великолепными улицами и дворцами возвышается километрах в двух севернее деревни. Своим значением Апамея обязана также Селевку I. Город назван именем персидской принцессы, на которой был женат Селевк. Александр Македонский — он находился в зените своего могущества, — завоевав огромное царство, осуществил тогда идею, которая ярко характеризует его цели и образ мыслей: для слияния двух империй Запада и Востока — Греции и Персии — он потребовал, чтобы его военачальники женились на персидских принцессах и знатных женщинах двора. Он устроил в Сузах массовую свадьбу, на которой будущий Селевк I тоже получил жену, а именно принцессу Апаму.

В период господства Селевкидов поселение превратилось в цветущий город. После Антиохии на Оронте и Селевкии на Тигре он стал не только по тем временам самым большим городом в государстве, но и в современном понятии крупным городом. Еще в римскую эпоху, когда его значение заметно упало, согласно официальной переписи населения, там было зарегистрировано 117 тысяч только полноправных граждан.

Город окружала крепостная стена с семью воротами. Шестнадцать параллельных улиц пересекали такое же количество поперечных, и город делился, таким образом, на правильной формы кварталы. Главная улица — Кардо Максимус — имела длину 1800 метров. Ее ширина — 37 метров, из них 20 метров занимала проезжая часть. Такая ширина была необходимой, если учесть, что интенсивность движения транспорта тогда была весьма значительной. По обеим сторонам улицы во всю длину тянулись коринфские колонны, на которых стояли когда-то бюсты высокопоставленных особ. Само собой разумеется, в городе были бани, театр (длина боковой стороны здания составляла 145 метров) — самое грандиозное строение той эпохи, предназначенное для зрелищ. Согласно сообщениям греческого историка и географа Страбона, жившего на рубеже нового тысячелетия, в городе имелся большой конный завод с 30 тысячами кобылиц и 300 жеребцами.

Я уже побывал на многих античных городищах, но к Апамее у меня особое чувство. С ней я познакомился еще до начала раскопок, а потом, во время многочисленных посещений, видел, как опытные и усердные сотрудники из управления по охране древностей Сирии воскрешали город.

Когда я в первый раз приехал в Апамею в 1966 году, она еще безмятежно спала под прахом столетий. Можно было различить лишь очертания города, контуры пересекающихся под прямым углом улиц слабо вырисовывались в некоторых местах на поверхности земли, скудно поросшей сорняком. Трудно было представить, что под этим «покрывалом» прячется большой античный город. То тут, то там, маня археологов, из земли торчали остов колонны или часть каменной стены. Бельгийские ученые уже замеры территории, но средств начать раскопки у них не было. И тогда в 1967 году сирийское управление по охране памятников древности сделало первые шаги, точнее, впервые выкопало траншеи, обнаружив опрокинутые землетрясением (в XII веке) колонны главной улицы. В последующие годы с помощью автокрана были подняты и тщательно составлены цилиндрические части колонн. Ловкие руки откопали цепную мозаику, украшавшую жилища знатных граждан более 2000 лет назад.

Сегодня я приехал, чтобы проститься с Апамеей, местом, которое относится к наиболее интересным на Ближнем Востоке археологическим раскопкам. Мой взгляд блуждает над длинными улицами с изящными колоннами, еще соединенными во многих местах навесами. Отсюда управлялась богатая, плодородная страна, которая впоследствии из-за алчности завоевателей была отброшена на уровень нищеты и которая сегодня, освободившись от иностранных эксплуататоров, пробивает себе дорогу к лучшей жизни.

Баальбек

Баальбек можно назвать жемчужиной эллинистическо-римской культуры. Его храмовые сооружения относятся к наиболее выдающимся и самым значительным постройкам римлян на Востоке; они считаются самыми монументальными из тех, что римляне создали на территории между Рейном и Кавказом.

Мы оставили Хомс часа полтора назад, чтобы осмотреть Баальбек и вечером послушать один из концертов в рамках баальбекского фестиваля, дававшихся в помещении храма. Дорога бежит мимо Оронта и затем вдоль берега самого большого внутреннего озера Сирии, озера Хомс, длина которого восемь километров, а ширина — четыре. Оно искусственное, его глубина — всего три метра. Не очень высокая плотина из тесаных камней протяженностью два километра перекрывает реку, берущую начало на Ливанском плоскогорье, и позволяет местным рыбакам вылавливать более 100 тонн рыбы в год. Озеро прежде всего дает возможность оросить 20 тысяч гектаров земли между Хомсом и Хамой.

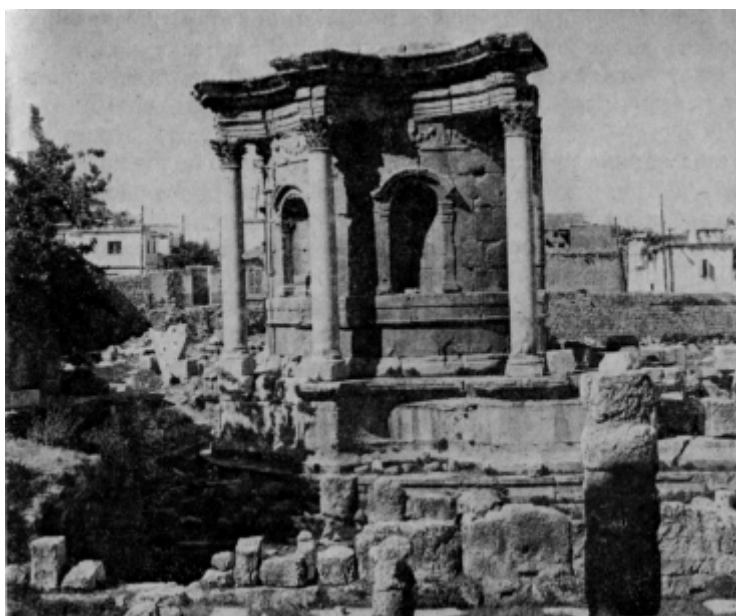
Отъехав немного от сирийско-ливанской границы, мы увидели великолепные колонны Баальбека. Само название города дает понять, что это поселение, основанное финикийцами и посвященное богу Баалу. Возможно, название означает «владыка из Бекаа», поскольку город расположен в той плодородной долине Бекаа, раскинувшейся между Ливаном и Антиливаном, с которой мы уже познакомились по пути из Дамаска в Бейрут. Здесь, среди прелестного ландшафта, вблизи обеих горных цепей, всю весну покрытых снегом, приверженцы Баала и его друг Ашерат, Астарты и Анат построили первые храмы и основали большой город.

Впадина Бекаа расположена на высоте около 1200 метров над уровнем моря, образуя водораздел на плоскогорье. В одной его части берет свое начало из многочисленных источников Оронт и течет на север, по направлению к Турции; в другой стороне начинается важнейшая река Бекаа и всей Ливанской Республики, Литани, и, орошая поля Бекаа, устремляется на юго-запад через южные отроги Ливанских гор в долину севернее Сура, не достигая Средиземного моря.

Сейчас, в августе, горы свободны от снега. И хотя уже начался жаркий период, здесь хорошо. Именно климатические условия способствовали популярности Баальбека. Во всяком случае, все гости — желанные и нежеланные — чувствуют себя тут превосходно.

Когда Александр Македонский во время своего похода на Египет проходил через Баальбек, он приказал некоторым своим военачальникам поселиться там. Пришельцы тотчас же стали покушаться на местные храмы: они заявили, что Баал есть не кто иной, как Гелиос (бог Солнца у древних греков), и переименовали город в Гелиополь. Так оставалось почти три столетия, пока римляне не уничтожили государство Селевкидов. Помпей во время своего грабительского похода также не миновал Баальбек и позаботился о том, чтобы с ним в город торжественно вошли римские боги. Баал стал Юпитером, а подруги Баала — Венерами. Цезарь, выйдя победителем из борьбы с Помпеем, тоже двинулся на Восток, о богатстве которого воины Помпея рассказывали поразительные истории. Ему так понравился Баальбек, что он переименовал город, назвав его именем своей любимой дочери Юлии. Уже при императоре Августе (27 год до н. э. — 14 год н. э.), который, очевидно, хотел показать жителям Востока, гордившимся своим богатством и блистательными постройками, что Рим способен не только завоевывать и разрушать, началось возведение новых сооружений. Особенно отличились в этом деле Нерон, а позднее императоры Септимин Север, Каракалла и Филипп Аравийский, правившие во II и III столетиях. И только когда император Константин в начале IV века ускорил распространение христианства, а сам обосновался в Византии, расцвету Баальбека наступил конец. Константин запретил культ Венеры и его оргиастические формы, восходящие к почитанию богини Астарты. При императоре Юлиане в Баальбеке еще раз на короткое время были введены «языческие культы», но император Феодосий (конец IV века) ответил на это приказом разрушить прекрасные здания. Из камней разрушенных строений при нем были построены собор и церковь. Императору Юстиниану удалось даже перенести восемь великолепных колонн из розового гранита в новую столицу, Константинополь, чтобы использовать их при возведении знаменитой св. Софии, —

доказательство того, что создать такие колонны заново считалось делом значительно более трудным, чем доставлять их через горы и моря. Невосполнимые ценности погибли.

Развалины Баальбека, древнейшего культурного центра

По ступеням пропилеев хотелось бы подняться с чувством благоговения. Но благоговение достается нам с трудом. Со всех сторон нас окружили подростки, которые хотят быть нашими гидами. На ломаном французском и английском языках они настойчиво предлагают свои услуги. Я уже достаточно хорошо знаю таких гидов. Их лингвистических познаний, равно как и знаний по истории искусств, хватает лишь на то, чтобы перед дверью сказать: «This is a door» («Здесь дверь»), а перед колонной: «Old column» («Древняя колонна»). По избавиться от них невозможно, и тогда решаемся взять гидом старика, стоявшего несколько в стороне и с улыбкой наблюдавшего за толкотней подростков. И не ошиблись. Услуги старика несколько дороже, чем мальчика, но зато тот знает дело, не один десяток лет живет здесь и был очевидцем и помощником на всех стадиях раскопок и так гордится храмовым сооружением, будто сам его создал.

— My name is Nasser, like the former Egyptian president, but I am not related to him (Меня зовут Насер, как и бывшего президента Египта, но я не имею к нему никакого отношения), — представляется он.

Ширина монументальной входной лестницы, узнаем мы, 43 метра; во времена нашествия крестоносцев ее убрали, чтобы превратить храм в крепость, но в XX веке восстановили. Она ведет на площадку храма, расположенную на 8 метров выше. Лестница заканчивается 12 колоннами, которые одновременно поддерживали фасад крытой колоннады. Сейчас опытные руки трудятся над ее реставрацией. Вся территория храма сотни лет была погребена под землей, и только в тридцатые годы археологи откопали ее; уже тогда наш гид участвовал в раскопках.

Мы проходим пропилеи через большие центральные ворота, раньше предназначенные только для жрецов, и оказываемся во дворе. Перед взором предстает захватывающее зрелище: шесть устремленных ввысь громадных колонн, расположенных в глубине сооружения.

— Смотрите не только на колонны Юпитера, — предупреждает гид, — хоть колонны эти и венец всего строения, но они лишь часть его. Вы должны постичь гармонию целого!

Позади шестиугольного переднего двора — великолепный двор с алтарем длиной 135 и шириной 13 метров. 84 колонны из розового гранита отделяли входы в помещения со двора, так что молящиеся, защищенные от дождя и солнца, могли удобно проходить к обоим

алтарям, установленным в центре двора, где возвышалась статуя бога Гелиоса-Юпитера и где проводились торжественные церемонии.

Экскурсовод обратил наше внимание на то, что алтари смогли откопать в тридцатые годы нашего столетия, после того как убрали остатки собора, возведенного при императоре Феодосии, чтобы восстановить изначальную красоту античного сооружения. Он показывает нам барельеф на двух бассейнах у алтарей с изображениями богов с символом любви и смерти, а также нимф и медуз. Вода проведена сюда по глиняным трубам из источника, находящегося в 8 километрах от храма. Здесь совершались ритуальные омовения, в том числе и жертвенных животных.

Направляемся по площади, усеянной поверженными колоннами и обломками огромных капителей, к развалинам «большого» храма Юпитера. Археологи Баальбека десятки лет еще не будут безработными.

Храм Юпитера стоял на мощном фундаменте, заложенном на 8 метров выше алтаря. И вновь монументальная лестница ведет наверх, к одному из самых грандиозных сооружений греко-римской античности. Нет другого храма, который был бы подобен этому по величию, высоте и богатству — ни в Афинах, ни в Риме.

Площадь основания храма образует прямоугольник размером 88X48 квадратных метров. Его окружали 54 колонны из желтоватого известняка, достигавшие в диаметре 2,2 метра и высоту 20 метров. Они состояли из трех поставленных друг на друга цилиндров и несли на себе систему балок пятиметровой высоты, богато украшенных головами быков и львов, изображениями пальмовых листьев, розеток, гирлянд.

Молча стоим перед шестью колоннами, соединенными друг с другом системой балок. Они пережили вандализм и стихийные бедствия, и теперь можно только догадываться о былом величии и блеске этого архитектурного сооружения и восторгаться его грандиозной красотой. Справедливо сказал однажды французский писатель Барре: «Если шесть колонн Баальбека упадут, мир утратит какую-то часть своего великолепия».

Немного ниже от храма Юпитера, в нескольких шагах от него, нарушая соблюденную до сих пор симметрию всего ансамбля, стоит очень хорошо сохранившийся «малый» храм. Длина его — 69 метров, а ширина — 36, он значительно превосходит по размеру знаменитый афинский Парфенон. Его колонны, достигающие 19 метров, только чуть-чуть ниже колонн храма Юпитера. Этот храм тоже окружала галерея, поддерживаемая 50 колоннами, большинство из которых стояли или были поставлены археологами. Самая красивая часть храма — ворота высотой 13 метров и шириной 6,5 метра, ведущие во внутреннее святилище. Роскошно украшены опорные балки и подпорные стойки: колосья, цветы мака, виноградная лоза окружают богов любви и вакханок. Внутреннее святилище также великолепно украшено. Повсюду встречаются веселые мотивы, свидетельствующие об умении щедро благодарить богов и самозабвенно, жизнерадостно служить им.

В путеводителе малый храм значится как «храм Вакха». Но наш гид говорит, что это название, по всей вероятности, ошибочно. Все указывает на то, что он посвящен культу богини Астарты (Венеры).

Великолепие всего храмового комплекса вызывает чувство восторга и преклонения перед мастерством архитекторов, строителей и ремесленников, живших почти две тысячи лет назад, когда в Центральной Европе не было ничего, даже приблизительно похожего. Как высок, вероятно, был уровень цивилизации, если могли создавать такие произведения!

Но наряду с восторгом постепенно появляется и чувство пресыщенности. Я до смерти устал не только от беготни под палящим солнцем, но и от созерцания, я бы сказал, от избытка прекрасного. Самое большое сооружение! Самая большая площадь основания! Мощнейшие фундаменты! Самые высокие колонны! Богатейшие украшения! Великолепнейшее исполнение! По-видимому, старик угадал мои чувства и говорит:

— Римляне в отличие от греков не так хорошо умели соблюсти чувство меры. А тогда даже красота может вызывать скуку.

Именно так, мелькает у меня в голове. Искусство уходящего времени. Оно может —

как здесь — еще раз стать грандиозным, по оно несет в себе уже зародыши распада. Оно, говоря языком современности, декадентское.

Наш посредник берет меня под руку:

— Пойдемте, я покажу вам нечто такое, что даст вам возможность отдохнуть.

Он ведет нас назад, к входу. Меньше чем в двухстах метрах отсюда находится место свежих раскопок, где возвышается храм, тоже, наверное, посвященный Венере. И снова наш гид прав, называя этот храм «оазисом в архитектуре гигантизма». Уже основание храма само по себе оригинально и отличается от других здешних построек. У сооружения прямой фасад с двойным рядом колонн. Основание охвачено полукругом, через равные промежутки прерываемым пятью нишами. Вероятно, такая форма должна была напоминать раковину с зубчатыми краями, один из символов Венеры. Создание храма приписывают знаменитому сирийскому архитектору Аполлодору из Дамаска, главному архитектору императора Траяна, строительной деятельности которого обязаны многие великолепнейшие постройки античного времени. С момента, когда храм Венеры был откопан и реконструирован англичанином Вудом, его модель служила образцом для сотен павильонов, строившихся в парках состоятельных европейцев.

Храм в Баальбеке по воле императора Августа должен был стать одним из чудес света. Здесь есть чему удивляться и чем восхищаться. Особенно поражает техническое решение проблем. Вырубить, доставить, отгрузить и установить колонны такого диаметра даже с помощью современной техники — нелегкое дело. Баальбекские колонны были вырублены в каменоломнях Асуана в Египте и отправлены по Пилу и Средиземному морю в Триполи и оттуда по старой римской дороге через Хомс доставлены в Баальбек. Фантастическая работа! Каким же мощным должен быть фундамент...

Экскурсовод ведет нас на террасу, откуда открывается великолепный вид на город и окружающие его сады Бекаа и дальше на Ливанские горы. Он обращает наше внимание на громадный отесанный блок фундамента и говорит, что благодаря ему удалось добиться господствующей над местностью высоты. На внешних стенах храма расположены монолитные блоки гигантских размеров. Их длина — примерно 10 метров, а размер боковых стен — 4х3 метра. Наконец еще три камня, длиной от 19 до 20 метров и размером боковых стен 3,75х4,5 метра. До сих пор никто не может объяснить, как зги камни перевозили и укладывали. Но всяком случае, нынешним архитекторам это доставило огромные трудности, так что от намерения выложить весь фундамент такими блоками пришлось в конце концов отказаться. Камни, использованные позднее для этой цели, имели значительно меньшие размеры.

По рекомендации гида мы побывали в каменоломне на краю города, где вырубались блоки. Здесь находится одна громадная, тщательно тесанная глыба длиной 21,5 и боковыми гранями 4,20х4,80 метра — еще большей величины, чем поразившие нас камни. Вес ее определен в тысячу тонн. Но попытка доставить этот гигант на строительную площадку потерпела неудачу. Так и лежит, будоража умы всех, кто его созерцает. Каким образом почти 2000 лет назад перевозили подобные грузы?

Загадка баальбекских камней снова и снова приводит к смелым умозаключениям. Даже очень серьезные ученые наших дней, исходя из соображения, что транспортировка такого груза невозможна без современных технических средств, пытались подтвердить гипотезу о том, что тысячи лет назад Землю, должно быть, «посещали» инопланетяне, оснащенные высокоразвитой техникой, которые якобы с помощью каменных глыб соорудили стартовую площадку для полета на родные планеты. Может быть, эта мысль сомнительна, но она свидетельствует о том, что тайна баальбекских камней еще не раскрыта.

Вечером идем на концерт баальбекского фестиваля. В 1955 году театр впервые выступил с «Троянской войной» Жпроду и «Антигоной» Ануя на подмостках храма, и с тех пор каждое лето там даются концерты и театральные постановки, в 1957 году получившие название «Международный фестиваль Баальбек». Из года в год популярность этих фестивалей растет. Здесь выступали с гастролями известные во всем мире художественные

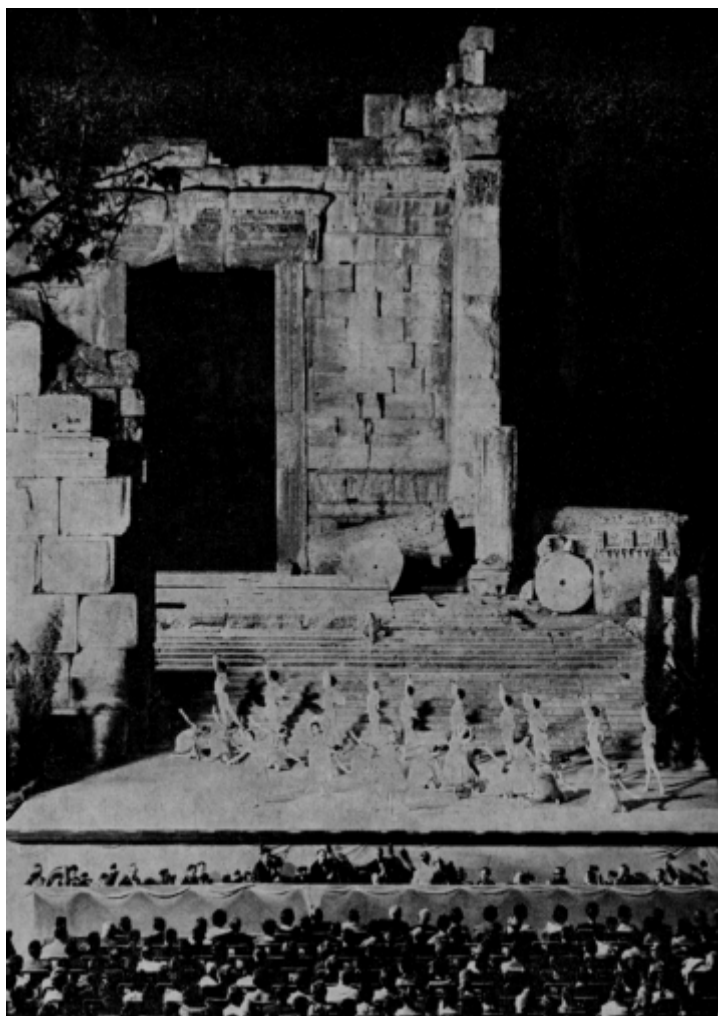
коллективы, такие, как балет московского Большого театра, ансамбль «Березка», королевский балет Великобритании, парижская опера, «Балет XX века». Здесь восторженно аплодировали также оркестру лейпцигского Гевандхауза.

Мы собрались слушать самую известную современную арабскую певицу — Умм Кульсум из Каира. Она умерла в начале 1975 года. Все 4000 мест проданы, хотя несколько подростков еще слоняются поблизости у входа и шепчут «Do you want ticket to see Oum Koulsum?» («Не хотите билет на Умм Кульсум?») Я спрашиваю у одного из них о цене. Он требует с учетом наценки примерно 25 марок. День у этих ребят прошел успешно: желающих приобрести билеты здесь предостаточно.

Солнце зашло, ночная тьма спустилась на Баальбек. Бесконечная цепь автомобилей ползет, словно светящийся сказочный дракон. Никогда раньше я не видел столько лимузинов. Куда ни глянешь — лакированная сталь, сияющий хром, сверкающее стекло. На многих машинах флажки-вымпелы: это послы аккредитованных в Бейруте или Дамаске государств, приехавшие послушать звезду Востока и показать себя или туалеты супруги.

Великолепие и богатство, переливающиеся из мощных легковых автомашин в театр, едва ли можно описать. От темных и светлых волос, от стройных и полных ног, от гладких и морщинистых шей исходят блеск и сияние. Большинство женщин в длинных туалетах. Драгоценные меха надежно защищают от вечерней прохлады. Мужчины в основном в смокингах, многие — в цветных. Мы не сразу привыкаем к этой «ярмарке тщеславия» и чувствуем себя неловко среди шумных экспонатов. К счастью, у нас при себе оказались галстуки, которые мы в спешке с трудом просовываем под воротник.

Сейчас вход в театр не через пропилеи, а через туннель длиной метров в сто, протянувшийся сквозь громадный фундамент алтарного двора, мимо подвальных помещений, служивших раньше лавками и пристанищем для пилигримов. Когда мы снова выходим наружу, нас ослепляет свет десятков прожекторов, направленных на античные строения. Лестница, ведущая в храм Вакха, служит сценой. На площадке перед ней, перпендикулярно высокой каменной стене, отгородившей алтарь, поставлены ряды стульев. Наши места в последних рядах, и нас, к счастью, больше не окружают снобы из Европы и из-за океана, мы — среди арабов, пришедших послушать высокопочитаемую певицу. Это по большей части мужчины, и лишь изредка то тут, то там я замечаю среди них женщину.

Один из вечеров баальбекского фестиваля

Картина, открывшаяся нашему взору, незабываема. На правой стороне, в глубине, освещенные прожекторами, устремляются в ночное небо шесть колонн храма Юпитера. Перед нами возвышается колонный фасад храма Вакха, окаймляющий сцену. Слева в противоположность роскошной архитектуре храмов стоит арабская башня, скромное крепостное строение времен династии Мамлюков.

Тишина опустилась над рядами, как только небольшой арабский оркестр начал располагаться над храмом. И тут же взрыв аплодисментов: появилась звезда. Умм Кульсум выходит на сцену. Ахмед предупредил меня, что это не молодая эстрадная звездочка. Статная, уже пожилая женщина появляется на ступенях храма. Ахмед говорит, что ей больше шестидесяти. Мы сидим слишком далеко, чтобы определить ее возраст, но, может быть, так оно и есть — ведь свои первые лавры она пожинала уже в 1934 году. Умм Кульсум начинает очень тихо выводить чуждую, непривычную европейскому уху мелодию. Звуки вливаются друг в друга, ряды их часто повторяются. Инструменты сопровождают голос той же мелодией, иногда лишь в другой тональности. Глухие и звонкие удары, выбиваемые на барабанах, задают ритм, Низкий голос становится полнее, громче. Песня длится уже более десяти минут. Неожиданно в конце песенной фразы раздались аплодисменты — из наших, из последних рядов. Голос Умм Кульсум укутывает, как одеяло, обволакивает людей, сидящих вокруг меня. Они ослабляют узлы галстуков и восхищенно смотрят на сцену. Даже Ахмед — обычно олицетворение флегматичности — отбивает на своих коленях ритм песни, и глаза его блестят. А сильный голос ведет фразу за фразой все той же песни. Когда певица наконец заканчивает, аплодисменты перекачиваются вперед, к сцене, и даже дамы и господа из высшего общества в своих парадных туалетах загораются и с энтузиазмом аплодируют.

вместе с остальными.

Каждого, кто приехал на Восток, повсюду сопровождает арабская музыка. Она струится с утра до вечера на всех диапазонах волн из домов, лапок и кафе. Большинство приезжих сначала воспринимают ее как чужую, даже раздражающую. Нашему уху привычна полифоническая музыка, где мелодии сплетаются в искусную гармонию. Арабская музыка, наоборот, бедна гармоническими и полифоническими элементами. Она служит прежде всего иллюстрацией к слову, художественной передаче мысли и, таким образом, очень тесно связана с поэзией. При исполнении одной и той же мелодии чередуются солисты, хор и оркестр. Поэтому сначала арабская музыка кажется европейцу монотонной. Она и является таковой в буквальном, но ни в коем случае не в переносном смысле — мелодия восточная гораздо богаче нюансами, чем европейская. Октава, состоящая у нас из двенадцати звуков, там имеет в два раза больше звуковых ступеней, благодаря чему создается впечатление, что один звук вливается в другой.

Арабская музыка до сих пор не записана. Нотного письма не существует. Песни наследуются из поколения в поколение, они — это доказывает сегодняшний вечер — живут в народе. Они — прочная составная часть его мыслей и чувств. Поет Умм Кульсум, и ее голос очаровывает тысячи людей. Ее голос экстатически повышается. Нервным движением она разрывает шелковый платочек, который был в ее руках, и кусочки, дрожа, падают на пол. Ей тут же подали другой платок. Настроение резко поднимается, как по спирали. В глазах моих соседей восторг; мужчины вокруг меня как одурманенные. Некоторые встают, кричат, хлопают в такт ладонями. Ее песни становятся все длиннее, по, когда певица кончает петь, ликующие аплодисменты заставляют повторить последнюю фразу. Умм Кульсум привела нас в неописуемый восторг. Разумеется, не чем иным, как только голосом, повергающим слушателей в состояние упоения, радости и блаженства. Сказочная сцена сделала все, чтобы вечер стал незабываемым.

Дочери Зенобии

Когда мы возвратились, в Хомсе меня ожидали сразу два сюрприза. Среди гостей, собравшихся у родственников Ахмеда, чтобы поболтать с приехавшими из «Аллемания Демократика», сидит молодая женщина. На Востоке и сейчас такое случается редко, особенно в провинции. Женщин — членов семьи не увидишь во время серьезных разговоров. Невозможно увидеть даже хозяйку, чтобы поблагодарить ее за гостеприимство. Это неприлично. Ей разрешается приготовить еду и передать ее в дверь через щель — и больше ничего. В некоторых домах и щель считается слишком большой вольностью, поэтому двери снабжены особым раздаточным окном. Кушанья ставят на вращающуюся подставку, где под прямым углом скрещиваются две поперечные стенки высотой с это окно; подставка вращается вокруг своей оси, как тарелочка для размена денег на железной дороге, и никто, таким образом, не увидит лица хозяйки дома. Если женщины семьи не на кухне, то они находятся в специально предназначенном для них помещении, отвлеченно называемом «гаремом», — понятие, которое ни в коей мере сейчас не означает наличия нескольких жен и любовниц.

Второй сюрприз я обнаружил, когда представился. Уверенная в себе женщина непринужденно здоровается со мной. Только Ахмед, когда мы сели, начал вдруг что-то лепетать. Ее зовут Лейла, говорит он, и она дочь хозяина дома Мухаммеда Твейра и до сих пор была дальней родственницей Ахмеда; степень родства не так-то просто объяснить, ну, что-то вроде дальней кузины. Меня удивляют сбивчивые объяснения и смущение Ахмеда. Как это: была родственницей? Да пет, продолжает смущенно бормотать Ахмед, я не так его понял, она и сейчас родственница, только уже не дальняя, а в известной степени близкая. Собственно говоря, она его невеста. Вот это сюрприз. Я поздравляю обоих и рад за Ахмеда. Его невеста — настоящая восточная красавица. Ее темные прямые волосы падают на плечи. Кожа овального, с правильными чертами лица очень белая: девушка в соответствии с

местными представлениями о красоте по возможности мало бывает на солнце. Глаза карие, ресницы длинные и черные, ноги стройные, изящные. В противоположность своим подругам на этих широтах, она свободно держится в мужском обществе.

Беседуем на английском. Студенческая молодежь предпочитает этот язык, хотя, или именно потому, что Сирия была подмандатной территорией Франции. Вся интеллигенция, получившая образование до 1945 года, прекрасно говорит по-французски, но из чувства протеста против колониальной политики французов, влияние которых еще и сегодня ощущается на каждом шагу, после войны молодежь перешла на английский язык. Вероятно, у нее не было случая познакомиться с преимуществами британского колониального господства.

Некоторые из присутствующих мужчин не знают английского, поэтому Ахмед и его невеста переводят. Она учительница. Поскольку я тоже когда-то учительствовал, мы сразу же погрузились в педагогические проблемы. Лейлу в первую очередь интересуют вопросы воспитания девочек. Отсюда рукой подать до темы «равноправие». Беседа на эту тему приводит ее в возбуждение — в глазах огонь, щеки горят, и она становится еще красивее. Время от времени Ахмед умиротворяюще вмешивается в разговор и делает это по-арабски. По-видимому, не желая, чтобы я понял, он говорит ей: «не отклоняйся от темы, девочка», «не надо столько экспрессии» и другие выражения, которые имеются под рукой и у наших мужчин, когда вопрос заходит о равноправии и задевает за живое.

Лейла абсолютно не хочет замечать успехов, достигнутых за последние годы, с момента освобождения страны от гнета французских мандатных властей. Ахмед пытается доказать, что они есть. Она видит стакан наполовину пустым, в то время как Ахмед считает его наполовину наполненным.

Лейла рассказывает о своей работе, о том, как осуществляется закон о всеобщем обязательном начальном обучении, который, вмешивается Ахмед, был принят уже в 1944 году и относится к самым прогрессивным законам о школьном образовании из всех существующих в странах, находившихся до последнего времени в условиях колониального господства. Конечно, подтверждает Лейла, закон хороший, но в отношении девочек он не применяется. Хотя девочек в Сирии, как и во всем мире, приблизительно столько же, сколько и мальчиков, школ для них значительно меньше, чем для мальчиков. В губернаторстве Дамаск имеется 251 школа для мальчиков и всего 114 школ для девочек, в которых к тому же значительно меньше мест; в губернаторстве Хомс — 109 и 37, Хассак — 137 и 11. Такое же несоответствие и в классах. В большой деревне вблизи Хомса, где она ведет вторые и четвертые классы, из 60 детей только 16 девочек.

Мне показалось, что я неправильно понял, но Лейла подтверждает, что в ее классе, который рассчитан на 25–30 учеников, их 60, а у ее коллеги даже по 70 человек в каждом классе.

Сирийские женщины завоевывают сегодня право участвовать в общественной жизни

Тут снова вмешивается Ахмед и говорит, что 15 лет назад в большинстве сирийских деревень вообще школ не было и что за это время построены сотни новых школ. Я подтверждаю, что не встретил ни одной деревни, где не было бы школы. Как правило, самое современное здание в деревне — это школа.

Когда я спрашиваю о причинах низкого процента посещения школ девочками, Лейла насмешливо кривит губы и оглядывает сидящих вокруг мужчин. Затем она обращается к каждому в отдельности. Завязывается горячий спор, после чего Лейла обращается ко мне:

— Все присутствующие здесь мужчины, за исключением, естественно, Ахмеда, имеют дочерей. Все посылают их в школу и поэтому считают себя очень умными и очень прогрессивными. Но хотя закон о школе предусматривает обучение до двенадцатилетнего возраста, только один из них позволяет дочери так долго посещать школу. И это в Хомсе, в третьем по величине городе страны! Двое мужчин живут в деревне. Их дочери ходили в школу только два года, потом их из школы взяли. И такое в деревне — норма.

— Значит, большинство девочек из сельской местности могут немного научиться читать и писать? — спрашиваю я.

— Так оно и есть на самом деле, — подтверждает Лейла. — Больше половины мы деревенских девочек совсем не посещают школу, а тех, кто посещает, обычно через два года забирают — практически они неграмотны.

— Но почему же девочки не ходят в школу дольше, если существует закон о всеобщем обязательном обучении?

— Почему? — в раздумье повторяет Лейла мой вопрос и затем нерешительно и медленно говорит: — Может быть, лучше спросить: для чего? — Взгляд ее очень серьезен. — Зачем им учиться? Для девочки профессия — вещь с самого начала бесперспективная. В стране не хватает работы даже для мужчин. Безработица еще велика. К тому же у мужчин предвзятое мнение относительно трудовой деятельности женщин.

Ее большие карие глаза обращены прямо на Ахмеда, усердно занятого шнурками на своих ботинках.

— У вас в Европе имеется столько возможностей для женщин, а здесь практически никаких, она не может даже работать ни машинисткой-стенографисткой, ни продавщицей, ни официанткой, — добавляет Лейла.

Это действительно так — я нигде не видел, чтобы женщины работали в магазинах или ресторанах. Уже само посещение большинства ресторанов женщине запрещено.

— Единственная профессия, — продолжает Лейла, — доступная жаждущей знаний женщине, которая хотела бы работать вне дома, — это профессия учительницы. Но и эта возможность существует в том случае, если есть вакантные места. Я, может быть, охотнее стала бы архитектором или инженером. Но в стране для девушек пет полных средних школ со сроком обучения 12–13 лет, ориентирующихся на естественнонаучные и технические дисциплины. Школы такого рода предусмотрены только для юношей. У нас в учебном плане преобладают такие предметы, как литература, язык и «женские искусства».

Лейла смотрит на меня с упреком, так как это название предмета вызвало у меня улыбку, но я тут же опять становлюсь серьезным. Может быть, под таким названием здесь преподают домашнее хозяйство?

— Таким образом, только три процента студентов, изучающих технические дисциплины, составляют девушки.

В разговор снова включается Ахмед. Он говорит о живучести отсталого образа мышления, сложившегося в результате многовекового существования феодальной структуры в стране и преодолеваемого шаг за шагом. Он говорит также о громадных трудностях, стоящих на пути передовых сил к прогрессу.

Лейла рассказывает о своей деятельности во Всеобщей федерации сирийских женщин, где она работает в свободное от школы время, помогая на курсах обучать взрослых чтению и письму. Внезапно она кивает на одного из присутствующих мужчин, который смущенно заулыбался, не понимая, почему на него вдруг все обратили внимание.

— Этот человек мой брат, — говорит Лейла. — Его уважают, он председатель крестьянского союза в своей деревне, по дочь он взял из школы в семь лет, так как договорился с родителями одного юноши, которому сейчас 14, что дети через несколько лет пожениятся. И семья «жениха» потребовала, чтобы девочка не общалась больше со своими сверстниками по классу; кроме того, она должна готовиться к своей будущей деятельности по дому, где ей больше никогда не придется взять в руки книгу, кроме Корана, а для этого ее скромных познаний вполне достаточно.

Я вопросительно смотрю на Ахмеда, но он подтверждает: да, девочка бросает школу, как только ей находят мужа.

— Разве ты не заметил, что в старших классах хорошеньких девочек становится все меньше? — спрашивает он.

Но лучше бы он этого не произносил.

— Он циник, — говорит Лейла.

Однако и я получаю свою порцию, но эта реакция типична, вероятно, не только для арабов. Мужчины здесь не любят умных женщин. Женщина, у которой на Востоке хватает сил учиться, вряд ли имеет шанс выйти замуж.

Беседа принимает крутой оборот. Пытаюсь шутить: но ведь она живое доказательство противоположного — красива, умна и почти замужем! Однако комплимент не возымел нужного действия. Она сердито кривит рот и комкает носовой платок.

— Я не о себе говорю, а об арабских женщинах, которые завидуют своим европейским сестрам, потому что на них мужчины смотрят как на равноправных партнеров.

Лейла, разумеется, сказала это с достоинством, без патетики, но беда в том, что она переоценила уровень развития европейских стран и абсолютно не видит разницы в положении женщин, проистекающей из различного общественного порядка этих стран. Я вспоминаю, что в Германии в начале нашего столетия учащаяся женщина тоже была редким

исключением и что в ФРГ только недавно перестали иметь хождение глупые шуточки в адрес женщин с университетским образованием, а в ГДР 50 процентов всех студентов — женщины. Хотя в ФРГ и нет неграмотных, но мнение, что женщина бросает работу, как только выходит замуж, еще очень широко распространено. В Сирии же я сам был свидетелем того, как под влиянием прогрессивных сил, с изменением социально-экономических условий меняются идеи и идеалы. Я рассказываю о молодой девушке, домашней работнице одного моего сирийского знакомого, которую я однажды видел возвращающейся домой с книгами под мышкой. Оказалось, что девушка не умеет ни читать, ни писать: родители не пускали ее в школу. Она решила, что позже, на вечерних курсах, наверстает упущенное, так как ее идеалы современной женщины разошлись в этом отношении с идеалами ее родителей, а пока девушка повсюду носила книжки с собой, желая уже сегодня походить на этот свой идеал.

Чтобы сохранить мирное течение беседы, Ахмед обращается к историческим темам. Он рассказывает о той важной роли, которую многие женщины играли в древние и средние века на Востоке, и вспоминает о выдающихся женщинах-правителях и поэтах, политиках и философах; среди них были даже полководцы. И самой знаменитой была Зенобия, арабская царица Пальмиры — города в пустыне, куда мы намерены отправиться на следующий день.

Пора прощаться и идти домой. Я смотрю на разгоряченное лицо Лейлы, и мне приходит в голову мысль: а не могла бы она поехать с нами в Пальмиру? Завтра пятница, праздник. Я тихо спрашиваю Ахмеда, что он думает по этому поводу. Оказывается, дискуссия о равноправии женщин пошла ему на пользу.

— Спроси ее. Она сама распоряжается собой, — говорит он, улыбаясь.

К моей радости, Лейла соглашается и обещает провести нас по царству Зенобии.

Держава царицы Зенобии

Прямая, как стрела, дорога протянулась вдоль нефтепровода, идущего от нефтяных промыслов в Северной Сирии через Хомс к Средиземному морю. Вряд ли можно желать лучшего проводника по древнему царству, чем молодая, уверенная в себе невеста Ахмеда. В ее обществе нет места скуке. Как и обещала, она рассказывает о некоторых знаменитых в истории Востока женщинах. Так, о Нефертити и ее дочери Анхесенпаамон, живших в XIV в. до н. э., мы узнаем, что обе были, по-видимому, не только очень красивы, о чем говорят многочисленные изображения, но и деятельны, так как после смерти своих мужей отважились активно вмешаться в политику, стремясь после изнурительных войн с хеттами достичь соглашения. Далее Лейла поведала нам о легендарной царице Савской, властительнице государства на юге Аравийского полуострова (на территории современного Йемена) в начале I тысячелетия до н. э., о которой Библия сообщает, что она с большой свитой посетила царя Соломона, проделав путь в 2 тысячи километров. Потом речь шла о Семирамиде, которую, собственно, звали Шаммурамат; была она вавилонянкой и жила примерно в 800 году до н. э. После смерти мужа, ассирийского царя, она взяла власть над ассирийским царством в свои руки и правила до тех пор, пока ее сын не достиг совершеннолетия. Во время ее правления государство укрепилось и благодаря включению в его состав Мидии границы достигли Каспийского моря. О Семирамиде сложены многочисленные легенды, в которых она предстает как храбрая, обладающая большим художественным вкусом, известная строительница, по одновременно жестокая и... — здесь Лейла запинаясь, подыскивая подходящие слова, — слишком ласковая с мужчинами. Ее имя связывают с «висячими садами» Вавилона, которые, однако, согласно другим сведениям, были подарены Навуходоносором II Вавилонским, тоже страстным строителем, своей жене Амитис, но жил он 200 годами позже. И, наконец, Лейла рассказывает о Клеопатре, египетской царице, подруге Цезаря и жене Антония, сознательно поставившей на карту все имеющиеся в ее распоряжении средства, чтобы уберечь свое восточное царство от римлян. В конце концов она все же потерпела поражение, по сумела умереть с достоинством.

Я не замечаю, как летит время. Только что горизонт еще терялся в бесконечности

пустыни, и вдруг показались пальмы оазиса Пальмиры. Сначала я подумал, что это мираж дурачит меня, но вскоре стали отчетливо видны развалины города. Мы приехали.

Лейла предлагает остановиться у остатков колонн и ведет нас к низкой каменной стене. Смотрим вниз, в темную воронку, откуда поднимается серное зловоние. Это серный источник Эфка, выбрасывающий из подземной пещеры длиной 100 метров каждую секунду 150 литров воды, содержащей серу. С любопытством спускаюсь по ступеням вниз и толкаю дверь. Но едва в полутьме я разглядел несколько мерцающих огоньков, как раздался громкий крик, и пожилая женщина захлопывает перед самым носом дверь. Мне и в голову не могло прийти, что в этой вонючей жиже купаются!

— Сегодня купальный день для женщин, — смеясь, объясняет мне Лейла, когда я, жадно ловя воздух, оказываюсь на поверхности.

— Эту воду и пьют, — успокаивает меня Лейла. Воду источника Эфка используют в медицинских целях, ею также орошают поля. Питьевой водой снабжает другой источник — Сераль.

Лейла ведет меня мимо захоронений в виде башен, высоко торчащих из песка, к скромному отелю на краю большого поля развалин. Конечно же, он называется «Зенобия». Перед отелем уже стоит несколько машин, среди них машина с номером западноевропейского посольства. Мы садимся на античную колонну, лежащую перед отелем, пьем кока-колу и наслаждаемся панорамой всего города, которая начинается храмом Ваала, продолжается улицей с колоннами и кончается у средневековой арабской крепости. Эта впечатляющая картина мне уже знакома: я видел городище с самолета во время полета в Мари.

— Кажется, здесь еще интереснее, чем в Баальбеке, — говорю я Лейле, но мое замечание ей не нравится.

— Баальбек? — бросает она пренебрежительно и продолжает: — Это скопище претенциозных храмов и престижных построек. А Пальмира — это великий город.

Она произносит это так, словно она — сама Зенобия, показывающая гостям столицу своего царства. Я сразу же сдаюсь — не хочется спорить после всего, что я слышал о воинствующей царице, и осведомляюсь о следующем пункте нашего «наступления».

Ахмед предлагает объехать территорию на машине: все-таки это как-никак, а километров шесть. Я чувствую на себе критический взгляд Лейлы и решительно протестую против предложения Ахмеда. Он пристрастен к комфорту. Я за то, чтобы идти пешком.

По пути к руинам Лейла рассказывает историю города. Абсолютно точно известно, что уже в III тысячелетии до н. э. Пальмиру населяли семитские племена. Место это упоминается в ассирийской табличке начала II тысячелетия до н. э., а также в табличке, найденной на территории Мари. Тогда оно называлось так же, как строящееся сейчас поселение неподалеку от древнего города, — Тадмор. Более тысячи лет отсутствовали какие-либо упоминания об этом городе, затем он снова всплывает во времена ранних ассирийских завоевателей. Тогда здесь жили арамеи. Они вместе с арабами и пришедшими сюда через тысячу лет римлянами образовали ядро населения.

Антоний, которому нужны были деньги для его супруги Клеопатры, а также для борьбы с Октавианом (Августом), вскоре после 40 года до н. э. разграбил город. Хотя в качестве буфера между Римом и парфянами город в последующие годы оставался формально самостоятельным (он не был включен в римскую провинцию Сирия), при Тиберии, преемнике Августа, он должен был платить подать и получил название Пальмира — город пальм.

И в этот период продолжало возрастать его значение как торгового центра. С использованием верблюдов в качестве транспортного средства ожили прежние караванные пути через пустыню — самую короткую линию связи со Средиземным морем, — и Пальмира стала важным местом отдыха на полпути между Евфратом и Средиземным морем. Здесь останавливались караваны из Аравии и Персии, из Индии и даже из Китая.

Бродя по развалинам, мы дошли до храма Баала. Это самое большое сооружение

относится к I и II столетиям.

Посередине почти квадратного, окруженного колоннадами дворца, длина боковых сторон которого — 225 метров, на наращенном фундаменте возвышается здание храма.

Наряду с элементами греко-римского архитектурного стиля здесь значительно больше, чем в Баальбеке, ощущается влияние восточных традиций. Например, балки перекрытий венчают острые треугольные зубцы, известные в Вавилоне. К сожалению, бронзовые капители колонн исчезли: храм, по-видимому, грабили мародеры-солдаты. Позднее арабы использовали храм в качестве крепости в борьбе с крестоносцами, и здание сильно пострадало.

Мы входим в храм через огромный портал, украшенный удивительными «транспарантами», выбитыми из камня. Монолитные плиты над Нишами демонстрируют великолепную работу каменотесов. На барельефе изображена жертвенная процессия. Женщины, закрытые покрывалами, шествуют за верблюдами. Эта деталь особенно примечательна, потому что манера декоративного расположения складок удивительно напоминает современную моду, а также и потому, что это изображение доказывает, что женщины носили чадру еще в доисламский период.

Мы покидаем святилище Баала и отправляемся на главную улицу к триумфальной арке, символу Пальмиры. По дороге Лейла рассказывает о двух женщинах из ее родного города Эмессы (Хомса), вошедших в историю. Примерно в 200 году н. э. Юлия Домна, дочь жреца из Эмессы, стала супругой римского императора Септимия Севера. Он освободил Пальмиру — возможно, из любви к своей жене — от поземельного налога. Сестре его жены, Юлии Мэсе, с помощью нескольких придворных интриг удалось посадить на римский трон своего внука Гелиогабала, тоже жреца из Хомса; после того как его убили, императором стал сириец Александр Север. Северы способствовали — под влиянием своих сирийских жен или по причине собственного сирийского происхождения — развитию Сирии и приложили много усилий для дальнейшего расцвета Пальмиры.

Мы подошли к триумфальной арке, построенной около 200 года. Здесь начинается главная улица протяженностью 1100 метров, очень хорошо сохранившаяся. Она состояла из проезжей части шириной 11 метров, обрамленной во всю длину колоннами, и двух крытых тротуаров шириной 6 метров. Колонны, включая фундамент и капители, достигают высоты почти 10 метров. Между ними проходил транспорт. По обеим сторонам тротуара находились лавки ремесленников, которые, поскольку тогда еще не было разделения между производством и торговлей, сами выставляли свой товар для продажи. На половине высоты каждой колонны была консоль — выступ, где стоял бюст высокопоставленного лица этого города. По всей вероятности, бюсты были изготовлены из бронзы, так как ни одного из них не сохранилось. Лейла говорит, что их тоже украли римские захватчики.

Мы проходим мимо театра, построенного в первой половине II века. Он не такой большой, как другие известные нам театры античного времени, которые из-за больших размеров строились обычно за городом. Этот расположен в центре. Ширина сцены — 48 метров, глубина — более 10 метров. Театр был окружен полукольцом колонн и гармонически сливался с архитектурным обликом города.

Сразу же за театром в соответствии с греко-римскими традициями находится окруженная колоннами площадь собраний.

Здесь с особой трибуны ораторы обращались к своим слушателям, сообщали о последних событиях и оглашали указы городской администрации, а позднее и правителей. Отсюда представители сената, правившего Пальмирой до начала II века, оповещали население о своих решениях.

Неподалеку от площади собраний была найдена стела длиной почти 5 метров, относящаяся к 137 году н. э. и представляющая особую ценность; сейчас она хранится в Ленинградском Эрмитаже. Стела содержит написанные на греческом и пальмирском, очень похожем на арамейский, языках решения сената о налогах и тарифах, которыми облагался город, например за пользование водой из источника.

Как и во многих других городах того времени, перекресток главной улицы с наиболее важными боковыми улицами в Пальмире был также украшен особой конструкцией колонн — тетрапилоном (четырёхсторонней аркой). На каждом из четырех углов перекрестка возвышались установленные на высоких цоколях колонны из розового гранита, привезенные в Пальмиру, вероятно, из Египта. Колонны иесlги на себе богато украшенные балки перекрытия. Поблизости от тетрапилона стоят, возвышаясь над другими, несколько колонн. На двух из них находились когда-то бюсты великого правителя Одената и его супруги, прекрасной, мудрой и храброй Зенобии.

Мы садимся на цоколь тетрапилона. Солнце почти в зените. Лейла рассказывает о последнем периоде пальмирского царства. Значение его возрастало в процессе борьбы между Римом и преемниками парфян — Сасанидами. Пальмирские стрелки в римской армии составляли привилегированный отряд. После того как император Валерий, потерпев полное поражение в битве с Сасанидами, вместе с 70 тысячами своих воинов был взят в плен, судьба Рима на Востоке стала полностью зависеть от Пальмиры. В то время здесь господствовал род, имя которого свидетельствует об арабском происхождении. Самый значительный представитель этого рода, упомянутый выше Оденат, стал почти независимым от Рима: он отважился напасть на победоносных Сасанидов, и ему удалось их разбить и осадить их столицу Ктесифон (около современного Багдада). Благодарность за это не заставила себя ждать: Рим назначил его императором, «восстановителем всего Востока».

Хотя Оденат прекрасно сознавал свою роль спасителя Рима и в соответствии с этим вел себя уверенно, тем не менее он был достаточно умен, чтобы не перегнуть палку. Его стремление продемонстрировать свое превосходство перед другими правителями постоянно граничило с осмотрительностью, как бы не спровоцировать Рим. Поэтому он назвал себя не императором, а согласно вавилонской (или иранской) традиции «царем царей». Оденат властвовал в Сирии почти неограниченно до 267 года, когда он был убит в Эмессе. If тут началось великое время для Зенобии, его жены, которую арабы называли Зубайдат, что означает «женщина с прекрасными, густыми и длинными волосами». Современники прославляли ее совершенную красоту, храбрость, мудрость и энергию. Она взяла регентство над своим малолетним сыном, и при ней город пережил последний период расцвета. Особенно плодотворной была деятельность сирийского ученого Лонгина, которого Зенобия сделала своим первым советником. Лонгин стремился оживить идеалы античной Греции. В комментариях к некоторым трудам по греческой философии он старался обосновать существование духовного мира человека независимо от бога. Он создал также произведения по языковому и ораторскому искусству.

Однако римский император Галлиен отказался передать титул Одената его сыну. Зенобия, установившая к тому времени господство почти над всем римским Востоком, за исключением Малой Азии и Египта, не вынесла такого оскорбления. Она ответила ударом и отвергла претензии Рима на территории, завоеванные ее покойным мужем в борьбе против Сасанидов, и когда император попытался добиться своего силой, войска Зенобии разбили его. Мало того, Зенобия, воспользовавшись нападением на Рим готов, послала своего полководца Забду завоевать территории Востока, находившиеся еще под римским контролем, — Египет и Малую Азию. Забда разбил войска противника, занял обе провинции и тем самым усилил власть Зенобии, ставшей отныне самой могущественной властительницей на Востоке.

Но у Зенобии отсутствовало чувство меры. Когда она официально провозгласила независимость от Рима, наделила себя титулом «Августы», а сына своего нарекла Августом, титулом, который по праву принадлежал только римской императорской чете, то натянула тетиву до предела. Но когда она решила чеканить собственные монеты со своим изображением и изображением своего сына, тетива лопнула. Преемник Клавдия, Аврелиан, прекратил переговоры с ее посланцами и предпринял в 271 году грандиозный поход. Один из его полководцев отвоевал снова Египет, а сам он высадился в Малой Азии, разбил под Антиохией пальмирскую армию и преследовал ее до Эмессы. Здесь Зенобия, находившаяся

при своем войске, потерпела полное поражение. Она бежала (по дороге, на которую нам сегодня понадобилось два часа езды на машине) в столицу, а Аврелиан продолжал ее преследовать и осадил город. Предложение капитулировать Зенобия отклонила и спешно принялась за усиление оборонительных сооружений. Римские войска почти окружили город; арабские племена бедуинов, готовые прийти Зенобии на помощь, были отбиты. И все же Зенобия не сдавалась. Она попыталась пробраться на верблюде к заклятым врагам римлян — Сасанидам, чтобы просить у них помощи. Ее план чуть было не удался. В сопровождении лишь нескольких верных людей она после трудного пути через пустыню верхом на верблюде добралась до Евфрата. Тут Зенобию настиг отряд Аврелиана, ее узнали, схватили и доставили в лагерь императора. Пальмира капитулировала. Зенобию — согласно хроникам — заковали в цепи (разумеется, в золотые), и она должна была следовать за триумфальной коляской императора при его торжественном вступлении в Рим. Конец жизни гордой царицы овеян многочисленными легендами. Полагают, будто Аврелиан даровал ей жизнь и виллу неподалеку от Рима, в Тиволи, где она провела остаток лет.

Пальмира не была разрушена. Но когда после ухода римского императора здесь вспыхнуло восстание, во время которого был перебит римский гарнизон, Аврелиан вынужден был возвратиться. Теперь он отдал вновь занятый им город на разграбление. Великолепные здания Пальмиры были разрушены, и постепенно песок пустыни ложился на еще уцелевшие остатки былого величия города.

Мы возвращаемся в гостиницу. В конце дня хочется посмотреть несколько наиболее известных гробниц. Когда Ахмед снова предлагает поехать к некрополям, расположенным довольно далеко друг от друга, на машине, никто не возражает. Лейла везет нас сначала к нескольким родовым гробницам, семейным склепам, похожим на небольшие квартиры. Рельефные бюсты покойников, иногда в окружении своих скорбящих родственников, очень трогательны и естественны. Хорошо видна каждая деталь: черты лица, прически, украшения, складки одежды.

В заключение осматриваем одну могилу, обнаруженную при прокладке трубы. По ступеням узкой лестницы спускаемся в глубину. Поперек лаза над нашими головами проходит труба нефтепровода около метра в диаметре: встреча прошлого с настоящим — более оригинальное сочетание вряд ли можно придумать. Дверь представляет собой монолит весом в Несколько центнеров, но достаточно нажать на нее пальцем — и она легко открывается, так чисто сработаны шарниры.

Мы благоговейно стоим в склепе с тремя Т-образно расположенными проходами. У стен шесть рядов могильных горизонтальных ниш. Каждая закрыта плитой с рельефным бюстом умершего.

Громкое хихиканье разрезает тишину. В одном из проходов появляется молодая женщина, с наигранной боязливостью прижимающаяся к мужу. Я уже встречал их. Это супружеская пара, владельцы машины с посольским номером, которую я видел перед отелем. На женщине кричаще-красного цвета шорты и прозрачная блузка. Конечно, ей холодно здесь, внизу. Она еще теснее жмется к мужу и со страхом рассматривает могилы. Я слышу, как она говорит:

— There is nothing better, than a good file-sistem (Лучше этого склада ничего не придумаешь).

Теперь я знаю, что каждый человек воспринимает окружающий мир с помощью той шкалы понятий, которая ему доступна.

Когда я пытаюсь сосчитать все захоронения, Лейла прерывает меня:

— Здесь их триста девяносто, — подсказывает она.

— Большая семья, — говорю я, но Лейла рассказывает о коммерческой жилке пальмирцев. Хотя гробница построена для одной семьи, она одновременно была нечто вроде объекта капиталовложения. Не использованные в склепе помещения продавались другим семьям, иногда через посредников, которые потом, при последующей перепродаже, запрашивали значительно более высокие цены. Поистине деловой народ! С маклерами по

продаже земли и домов я сталкивался уже много раз. С маклерами на продаже могил мне еще не приходилось встречаться и, к счастью, в этом нет необходимости.

— Наряду с подземными могилами, — рассказывает нам Лейла, — все чаще стали строить башенные могилы: почва была очень каменистой, строить склепы в земле было слишком трудоемким делом, и тогда у пальмирцев возникла идея возводить их, как башни, в высоту. Эта идея быстро распространилась по всему Востоку.

Мы едем назад в направлении Хомса и еще раз выходим из машины в «Долине мертвых». Лейла ведет нас к башне высотой в пять этажей: стены каждого этажа выложены квадратными каменными плитами, позади которых скрываются отверстия, ведущие в склепы. Мы взбираемся по довольно сносно сохранившейся лестнице до верхней площадки. Это как раз подходящее место для прощания с Пальмирой. Солнечные лучи косо падают на руины. Башни и колонны отбрасывают длинные тени. Вдали видны зеленые сады. Позади отеля начинается новый Тадмор, выросший с тех пор, когда в 1928 году управление по охране древностей переселило туда несколько арабских крестьянских семей, чьи предки десятилетия, а может быть, и столетия назад нашли себе приют в развалинах храма Баала.

Лейла рассказывает, что тогда, в 1928 году, началось развитие молодого города, который сам стал производить электрический ток, создал сеть канализации и водоснабжения, построил асфальтированные улицы, музеи и прочие атрибуты современной жизни. На окраине города в пустыне был построен аэродром. Постоянно расширяется обводненная площадь пахотных земель.

Пышно растут оливковые и гранатовые деревья, финиковые пальмы. Возделываются зерновые культуры, даже хлопок хорошо растет; крестьяне увеличивают стада овец и крупного рогатого скота. Город стал центром торговли с бедуинами. Построено много школ, в том числе средняя. Славное прошлое вдохновляет город, которым когда-то правила Зенобия; почитатели славят не только ее красоту, храбрость и энергию, но и мудрость. Последнее свойство, правда, вызывает сомнение: Зенобия потерпела крах из-за неумеренности своих планов. С этим соглашается и Лейла.

— Тщеславие сегодняшних жителей, — с улыбкой говорит она, — приняло другие размеры, соответствующие реальности. Оно направлено на то, чтобы превратить свой Тадмор в столицу некой особой сирийской провинции в пустыне. Жители города считают, что Хомс, становясь промышленным центром, недостаточно заботится об интересах сирийской части населения, проживающей в близлежащих к пустыне областях.

Театр на 15 тысяч мест

«Было много камней и мало хлеба...» — эти строки из стихотворения немецкого поэта и литературоведа Уланда о Ближнем Востоке периода крестовых походов всплывают у меня в памяти, когда я еду по направлению к Буэре, чтобы посмотреть «театр пятнадцати тысяч».

Потом мы хотим поехать в Петру — красный город на скале, расположенный между столицей Иордании и Красным морем. Там состоялась самая значительная схватка между римлянами и арабами.

Едем по очень оживленной главной магистрали Дамаск — Амман. Беспреданно приходится обгонять тяжелогруженный транспорт, движущийся в направлении иорданской столицы, так как снабжение Аммана и практически всей страны осуществляется главным образом по этому шоссе, ведущему также и в бейрутский порт.

За Дамаском миновали несколько деревень, где развалины времен Римской империи разбросаны вокруг, как кирпичи на строительной площадке.

Местность производит мрачное впечатление. Кажется, будто здесь прошел дождь из базальтовых камней. Мы находимся в области вулканической деятельности. С большим трудом осваиваются небольшие участки земли. Обычно для строительства используется тот материал, который имеется в данном районе, поэтому здесь дома построены из серого базальтового камня, что усиливает впечатление угрюмости и печали. Эта область некогда

была житницей Римской империи, где процветали города, такие, как Буера, Канават (Каната), Филиппополь, Аварн, Гераса, Суада.

Проехав около 80 километров, мы оставляем главную трассу, идущую на восток, к Друзским горам, и подъезжаем к воротам местечка Шехба, в котором родился человек, возвысившийся по странному стечению обстоятельств до положения римского императора. Его звали Филипп, он правил с 244 по 249 год н. э. и получил прозвище Араб (или Аравитянин). Тогда было возведено много прекрасных строений, развалины которых сохранились до сих пор.

Наша машина легко мчится по дороге, построенной во времена римского господства. Она выложена из больших, тщательно пригнанных друг к другу базальтовых плит. Мы ненадолго останавливаемся у бань — они встречаются в каждом римском поселении. Здесь их выстроили с особенно широким размахом: в помещении для переодевания уместилось бы несколько современных арабских домов. Далее по мостовой, которой 1800 лет, минуем главную площадь городка и останавливаемся перед храмом из черного базальта. Филипп посвятил его своему отцу, которого он возвел в ранг божества из чувства благодарности, а может быть, из расчета: и сыну бога потом перепадет немного от его сияния. Но гордостью городка является его театр. Эта небольшая постройка диаметром 40 метров, предназначенная для двора и знати, изящно и легко вписывается в городской пейзаж и окрестности.

Прыжок от камерного театра в городе, где родился Филипп, к грандиозному театральному сооружению римской античности измеряется всего часом езды на машине. Но какая разница! Огромное здание начала II столетия в Буере имеет зрительный зал диаметром 100 метров. Тридцать пять рядов, разделенных двумя широкими проходами, концентрически сбегающими к полукругу оркестры, тремя ярусами поднимаются кверху. Две лучеобразно расположенные лестницы делят зрительный зал на три сектора. В проходах имеется множество дверей, ведущих в коридоры и на лестницы и обеспечивающих зрителям быстрый вход и выход. Длина сцены — 45 метров, она отделена кулисой, образованной двумя рядами колонн, расположенных друг над другом: нижний ряд с коринфскими, верхний — с дорическими капителями.

Рекламные проспекты утверждают, что в театре 15 тысяч мест. У меня не было времени пересчитать, но отчего-то подумалось, что стольким зрителям пришлось бы сидеть, тесно прижавшись друг к другу! Даже если цифра несколько преувеличена и мест всего 12 или 10 тысяч, факт остается фактом: здесь существовало культурное учреждение исключительных размеров. Так как число мест в театре 1800 лет назад находилось в разумном соотношении с возможным числом зрителей, то напрашивается вывод относительно величины и значения античной Буеры. В последнем столетии перед наступлением новой эры она была покорена арабами-набатеями, столица которых Петра — цель нашего путешествия. И только когда в начале II века н. э. при императоре Траяне царство набатеев было присоединено к Риму, начался расцвет Буеры. Это поселение стало столицей римской провинции Аравия, центром пересечения торговых путей со всех концов света. Путь с севера на юг, к Красному морю, проходивший через Дамаск, пересекался здесь с дорогой, связывающей южную часть Средиземного моря с Персидским заливом. Так же как и Пальмира на севере пустыни, этот город на юге достиг полного расцвета во время правления императоров сирийской династии. Филипп Араб сделал его столицей. В момент наивысшего расцвета Буера насчитывала 80 тысяч жителей.

Отличное состояние театра вызывает сегодня недоумение каждого, кто туда приходит. Ахмед открывает мне тайну. В XIII веке, когда арабы нашли наконец время, чтобы выбросить вторгшиеся банды европейских рыцарей, называвших себя крестоносцами, огромное сооружение было превращено в крепость, причем зрительный зал просто засыпали землей. Укрепили наружные каменные стены, и бастион был готов. Сирийское управление по охране древностей начало в 1947 году с того, что очистило огромный зрительный зал и сцену от земли. Вот так это сооружение сохранилось для потомков. Оно является объектом исследования многих искусствоведов и историков.

Сегодня в театре тоже много людей. Вместе с ними я поднимаюсь по лестнице зрительного зала до самого верха театра, который замыкает колоннада. Отсюда открывается великолепный вид на все сооружение и на селение Бусру. Ахмед, разумеется, остался внизу, но совсем не потому, что ему не хочется считать семьдесят ступенек, так по крайней мере он уверял меня, а потому якобы, что он хочет продемонстрировать мне отличную акустику. Нормальным голосом он начинает считать по-арабски: сифр, вахид, иснан (ноль, один, два). Затем он произносит все тише: слас, арба, хаме, ситт (три, четыре, пять, шесть), под конец шепчет: саб, саманин, тис, ашар (семь, восемь, девять, десять). Я без труда улавливаю каждый звук.

Неожиданно рядом с Ахмедом остановился седой пожилой мужчина. Широким движением он набрасывает шаль на шею, протягивает вперед руку и начинает громко декламировать. Четко и понятно доносится до нас его голос, и я слышу слова Катулла:

Nulla potest mulier tantum se dicere amatam vero,
quanta in amore tuo ex Parte reperta mea est...

Нет, ни одна среди женщин такой похвалиться
не может преданной дружбой, как я, Лесбия,
была тебе другом.
Крепче, чем узы любви, что когда-то двоих
нас связали,
Не было в мире еще крепких и вяжущих уз.

(Пер. А. Пиотровского)

Рим встречается с арабами

Визу в Иорданию мне оформил тогдашний иорданский посол в Дамаске, симпатичный пожилой человек; я познакомился с ним на концерте немецкого квартета Эрбена в Дамаске, и он в очень трогательной форме — он прекрасно говорит по-немецки — благодарил меня, хотя, к великому моему сожалению, я не мог приписать себе ни малейшей заслуги в этом чудесном вечере. Я ему и сказал об этом, но ему было достаточно, что я приехал из страны, в которой создают такую музыку.

Позднее я узнал, что посол еще во время первой мировой войны изучал в Берлине медицину. Несколько десятков лет назад он, будучи врачом, поселился в Дамаске, и когда-то, имея очень хорошие связи с видными иорданскими деятелями, а также пользуясь большим уважением у себя в стране, был назначен иорданским послом в Сирии. Но во время моего пребывания на Ближнем Востоке отношения между Сирией и Иорданией были часто натянутыми, главным образом из-за враждебной позиции иорданского правительства по отношению к Палестинскому движению сопротивления, и дипломатические отношения нередко прерывались. Тогда пожилой господин убирал флаг на своей вилле, расположенной на главной улице современного городского квартала, и продолжал жить как частное лицо; когда отношения восстанавливались, он снова занимал свою должность посла. Это повторялось несколько раз, и мне показалось, что пожилой господин не обращал внимания на эти инциденты.

— Дорогой юный друг, — сказал он мне при последней встрече, и я заподозрил, что он так обращается ко всем своим знакомым, которым меньше сорока, — если вы поедете в Иорданию, непременно посмотрите развалины Петры.

Этой рекомендации мы сейчас и следуем: кто знает, как долго еще будет открыта граница.

В нескольких километрах позади границы трассу пересекает дорога, проходящая через пустыню в Багдад. Она в отличном состоянии — признак того, что Иордания проявляет

интерес к туризму. Скоро мы проезжаем Джераш, античную Герасу, также основанную Селевкидами. Времени у нас в обрез, но мы решили осмотреть очень красивую триумфальную арку, воздвигнутую в честь императора Адриана, посетившего Герасу в 129 году. Хотя в нашу честь и не воздвигли арки, зато сразу же подбегает мальчик, у которого как раз для нас осталась еще одна настоящая (с гарантией) римская масляная лампа за тысячу иорданских динаров — примерно десять марок. Ахмед утверждает, что лампа не старше мальчика, но я покупаю ее за 500 динаров; правда, от его предложения сопровождать нас по местности мы вынуждены отказаться, хотя здесь есть что посмотреть: храм, театр, бани, тетрапилон — все это характерно для римского города. Бросаем взгляд на форум: колоннада вокруг огромной, в виде эллипса территории, выложенной большими каменными плитами, почти полностью сохранилась и свидетельствует о величии и значении Герасы в античном мире.

Добрых 50 километров отделяют от Джераша Амман, столицу Иордании. Она раскинулась на нескольких холмах, и кто захочет, может насчитать их семь — аналогия с Римом, на которой слишком часто акцентируют внимание проспекты для туристов.

Амман, как и многие места на Востоке, город без средневековья. Раскопки после второй мировой войны подтверждают, что уже во II тысячелетии на этом месте были поселения. В XIII веке до н. э. здесь образовалось государство аммонитов, которое потом, на рубеже тысячелетий, было завоевано напавшими на них израильскими племенами под предводительством Давида. Здесь согласно библейской легенде, он поистине по-царски избавился от своего военачальника Урии: увидев с крыши дворца его жену Вирсавию (Бат-Шеву), он велел привести ее к себе и соблазнил, а своему полководцу Иоаву приказал: «Поставьте Урию там, где будет самое сильное сражение, и отступите от него, чтобы он был поражен и умер». Вирсавия же родила Давиду сына, который победил в борьбе за власть многочисленных братьев — сыновей других жен, — и вошел в историю как царь Соломон.

Оказавшись позднее на территории южной части царства Диодохов, подвластной династии Птолемеев, город получил название Филадельфия в честь царя Птолемея II Филадельфа (примерно в 250 году до н. э.). При римлянах он превратился в важный транзитный пункт караванных путей. В нем, особенно в III столетии н. э., было построено много прекрасных зданий. Примерно в X столетии н. э. город еще упоминается в арабских источниках, но тогда он, очевидно, уже был оставлен жителями. Многие столетия о нем, казалось, забыли. В стороне от жизни спал он сном спящей красавицы. Но поцелуй, пробудивший город к жизни, был получен не от прекрасного рыцаря. Уинстон Черчилль, занимавший с 1921 по 1922 год пост министра колоний Великобритании, в рамках империалистической политики разделения сфер влияния подыскивал тогда для вновь созданной страны Трансиордании столицу. Вспомнили о какой-то Филадельфии-Аммане, которая в те времена была вряд ли больше селения в пустыне.

Прогулка по городу показала, что скачок от деревни до положения столицы страны был удачным не во всех отношениях, хотя на одном из семи холмов города протянулись великолепные дворцы помпезной резиденции короля Хусейна, тщательно отгороженные от постороннего взгляда. Некоторые кварталы с роскошными виллами говорят о том, что богатым сирийцам, особенно за прошедшие 25 лет, омраченных все же несколькими войнами, удалось сколотить весьма значительное состояние. Однако остальные городские районы явно показывают, что большинства населения этот успех не коснулся.

Но мы приехали сюда не для того, чтобы собирать материал для изучения иорданской действительности. Сегодня мы транзитники на пути в Петру, столицу царства набатеев. Разумеется, это совсем не значит, что мы способны проехать, не остановившись, мимо римского театра на четыре тысячи мест — впечатляющего здания с встроеным в горную стену полукругом рядов для зрителей.

Поскольку нам еще сегодня надо осмотреть хотя бы часть территории Петры, мы снова отправляемся в путь. Главная магистраль идет дальше на юг по направлению к Акабе, где Иордании достался небольшой уголок Красного моря. Но я уже по горло сыт великолепными

автострадами, обходящими все живописные арабские места, и поэтому мы оставляем главную магистраль и снова ползем черепашным шагом через крошечные деревушки в сопровождении ватаг веселых ребятишек, с восторгом приветствующих нас. Громко сигналив, с трудом прокладываем путь сквозь стада овец, едем мимо кур, бродячих собак и упрямых ослов. Неподалеку от Мадаба, небольшого городка с православным населением, мы проезжаем знаменитую гору Небо, на которой, согласно Библии, умер Моисей после того, как вывел из Египта еврейские племена.

По дороге Ахмед еще раз воскрешает в моей памяти некоторые факты, касающиеся арабского царства набатеев. Их существование засвидетельствовано, во всяком случае, не позднее IV века до н. э., а может быть, и значительно раньше. Племена кочевников при соприкосновении с окружающим их эллинистическо-римским миром, с которым они находились в конфронтации, проявили исключительные способности к восприятию и переработке их культурных достижений. От арамейцев они перепили письменность, приспособив ее к своей фонетической системе, и на ее основе создали письмо, которое считается прототипом современного арабского письма. В северной части «дороги благовоний», и окруженной отвесными скалами труднодоступной котловине набатеев основали свою столицу и оттуда постепенно расширяли сферу влияния. В последнем столетии до нашей эры им удалось покорить даже Дамаск и присоединить его к своему царству. Римляне, пытавшиеся присоединить царство набатеев к провинции Сирия, вначале потерпели крах. Но скоро набатеи поняли, что для них целесообразно пойти на союз с римлянами, хотя при этом возникали некоторые трудности, поскольку издали было нелегко сориентироваться в быстрой смене политического соотношения сил в Риме. Они, например, поддержали отряды Юлия Цезаря при осаде Александрии, зато после его смерти помогали убийцам в борьбе против Второго триумvirата. Наконец они вновь примкнули к господствующей партии, уничтожив в Красном море флот Антония и Клеопатры и тем самым воспрепятствовав их намерению бежать в Индию. В I веке н. э. их царство представляло собой некую разновидность протектората, а затем при Траяне оно было полностью завоевано римлянами и превращено в римскую провинцию Аравию со столицей в Буере.

Пока Ахмед рассказывает о культурных достижениях набатеев, на нашем пути опять возникает деревня. Еще издали мы увидели темное пятно. Когда подъехали ближе, стало ясно, что это большая толпа, которая двигалась нам навстречу. Впереди всех метрах в ста от толпы бежал мужчина. Он махал обеими руками, прося остановиться. Мы поравнялись с ним. Ахмед насторожился.

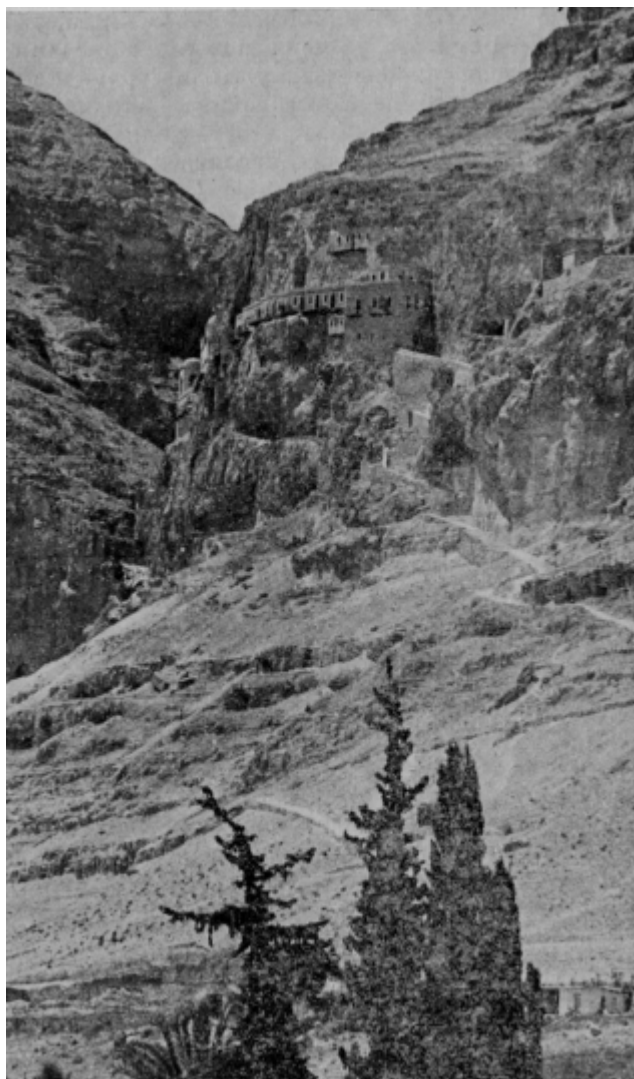
— Не останавливаться, ехать дальше! — кричит он мне. Но я уже сбавил ход до скорости шага. Может быть, случилось несчастье и мы можем помочь? Бегун, вне всякого сомнения, араб, хотя одет в европейский костюм, — рывком открывает правую дверцу машины и втискивается к нам. Его костюм запахнул глиной. На лице выражение неопишемого страха. Он зовет к нам.

— Быстро назад! — кричит Ахмед.

Ничего не понимая, я все же пытаюсь развернуть машину на узкой дороге. Но прежде чем мне удастся это сделать, толпа настигает и обступает нас. Я смотрю на перекошенные от ярости лица. Те, что стоят впереди, держат толстые палки; некоторые подняли камни и готовы бросить их. Для меня все это загадка. Я никогда не слышал, чтобы в Иордании бесчинствовали банды. И почему здесь женщины и дети, почему у всех перекошенные лица?

Все кричат на нас. Некоторые трясут закрытые изнутри дверцы. Две руки протягиваются через окно, пытаюсь вытащить меня из машины, но тут же отпускают, как только я громко кричу на них по-немецки. Вдруг тяжелый камень, пробив ветровое стекло, попадает прямо в незнакомца. Осколки стекла осыпают наши костюмы и сиденья. Ахмед смотрит на меня, пожимает плечами и открывает на своей стороне дверцу. Толпа сразу же набрасывается на незнакомца и выволакивает его из машины. В следующий миг он исчезает в этой толпе. Я запускаю мотор и даю газ. Никто не останавливает нас. Мы быстро

удаляемся и подъезжаем к селению. Оно безлюдно. Только на повороте — несколько кричащих и плачущих женщин. Немного в стороне лежит помятый мотоцикл. Ахмед говорит, что незнакомец, наверное, мотоциклом задавил ребенка одного из жителей деревни. Теперь я понимаю ту настойчивость, с какой мои друзья, хорошо знавшие местные нравы, рекомендовали ехать через деревни с исключительной осторожностью: бывает, что крестьяне в случае нанесения повреждений ребенку расправляются по старинке, не задумываясь об ответственности.

«Гора искушения» над Иорданской долиной

В нескольких километрах от деревни останавливаюсь и выхожу из машины, чувствуя, как дрожат колени. Я сажусь у обочины: надо подумать, что здесь можно предпринять. Единственное, что мы можем сделать, — это оповестить полицию. Ближайший большой населенный пункт — это Эф-Джи, как арабы называют Петру. Мы приходим в полицейский участок. Ахмед рассказывает о происшествии. Полицейский очень любезен и спокоен; он подтверждает, что мы правильно поступили, что поехали дальше. А что мы могли еще сделать! Из его реакции я делаю заключение, что жизнь мотоциклиста нисколько его не беспокоит.

Собственно, столица набатеев, объясняет нам полицейский, находится в шести километрах от участка. Но проход между скал настолько узок, что машине там не проехать. Самое лучшее — взять лошадей и отправиться туда верхом.

На лошади я не сидел с десяти лет, но лелею надежду, что животные привыкли к

туристам. Ахмед, кроме перспективы идти пешком по ущелью, все остальное приемлет с удовольствием. Лошади уже готовы, а для тех, кому трудно сесть верхом, оборудована специальная каменная «стартовая» площадка. Лошадь, как я убедился, действительно терпелива. Она, по-видимому, знает дорогу, и я полностью полагаюсь на ее чутье. Мы трусим вдоль высохшего русла реки Вади-Муса (Река Моисея). Долина становится все уже. Справа и слева — могилы, некоторые украшены колоннами и обелисками. Наконец расстояние между отвесными скалами суживается до двух метров. Сказочный, нереальный мир! Нас окружают высокие, более чем стометровые, стены из красного песчаника. Голубое небо видно теперь только через узкий просвет. Гулко раздается стук лошадиных подков. Я часто нагибаю голову, боясь стукнуться о нависшие глыбы скал. Мне ясно теперь, почему уже в предэллинистический период это место называлось «Села», что означает «скала», и позднее было переведено на греческий как «Петра». Понятно также и то, почему Скавр, знаменитый полководец Помпея, испытанный в многочисленных битвах и привыкший к победам, вынужден был, сознавая свое бессилие, снять осаду со столицы набатеев.

Узкий коридор внезапно делает поворот, темнота отступает, и нас ослепляет солнце. Сквозь полуприкрытые веки вижу перед собой в пересечении двух ущелий здание удивительной красоты — оказывается, это двухъярусный вход в храм, носящий название «Сокровищница (или замок) фараона». Фасад и все помещения вырублены прямо в скалах из красного песчаника. Вспоминаю, что во время моей поездки к финикийцам мне уже встречался подобный тип построек. Да, в селении Маратус (Амрит) храм тоже был вырублен в скале. Но здесь постройка несравненно красивее и внушительнее; этому впечатлению способствует и красный цвет песчаника. Фасад в изобилии украшают колонны, статуи и рельефы.

За храмом ущелье расширяется, и взору открывается незабываемая панорама. Высокие скалы, окружающие котловину, сверкают в косых лучах солнца всеми оттенками красного цвета. Громадная, высотой в несколько сот метров, отвесная стена украшена великолепными, богато декорированными фасадами, некоторые из них имеют по несколько этажей. Все это вытесано из камня талантливой рукой мастера. Но времени для осмотра мало: надо торопиться, чтобы, пока не зашло солнце, по возможности больше увидеть в великолепном скальном городе.

Его территория занимает большую площадь. От центра, где есть хорошо сохранившиеся руины храмов, не вырубленных в скале, а выстроенных традиционным способом, из камня, она простирается на много километров вдоль нескольких вад. Но поздно — осмотр некоторых мест придется отложить до завтра. Мы взбираемся на гору, чтобы увидеть, как заходит солнце, и долина погружается в темноту. Дорога проходит мимо могильного склепа с двумя львами у входа. По пути встречается еще много склепов и пещер, в которых жили люди. Наконец мы подходим к храму (мавзолею) Эд-Дейр, похожему на «Сокровищницу фараона», но еще большему по размеру. Его фасад имеет около 50 метров в ширину и 40 метров в высоту. Над ним на десятиметровой высоте возвышается каменная погребальная урна.

Через мощные входные ворота спускаемся в зал, тоже вырубленный в скале. Тени от мавзолея становятся длиннее и у края горы опрокидываются в пропасть. Багровый шар солнца, коснувшись горизонта, окрасил долину в золотой цвет. Песчаник принял теперь теплые желтые тона. Нас наполняет восторг перед архитектурными достижениями арабского народа набатеев, кочующие сыновья которого вышли из пустыни, осели здесь и за очень короткий промежуток времени смогли создать поразительные произведения культуры. Конечно, нельзя не заметить присутствия здесь элементов эллинистического архитектурного стиля. И все-таки даже при беглом взгляде видны черты набатейского традиционного строительного искусства.

О творческих силах этого народа говорят не только архитектурные, но и литературные памятники. Благодаря стечению счастливых обстоятельств мы познакомились с литературным произведением одного набатея, который своими критическими замечаниями

социального характера занимал лучшие умы своего времени и идеи которого находили отражение в борьбе угнетенных масс. Набатейский купец Ямбул написал труд, который следовало бы отнести к жанру путевых заметок, по это нечто большее, это — облаченное в форму рассказов о странствиях изображение желаемого общества, основанного на социальной справедливости. Он повествует о своих впечатлениях (на самом деле выдуманных) о государстве, посвященном Гелиосу — Солнцу, расположенном на острове, которому он дал название «Остров блаженных». На этом острове он встретил только счастливых и свободных людей. Там нет ни богатых, ни бедных, ни господ, ни рабов, и там не ведают ни о преступлениях, ни о войнах. Произведение Ямбула было написано во II или даже в III веке до н. э., то есть более чем за 1700 лет до «Утопии» Томаса Мора, и оказало непосредственное влияние на классовые бои в Риме раннего периода. Сельскохозяйственные рабы из Сицилии подняли восстание, объединившее за короткое время 200 тысяч борцов, и с большим трудом Риму удалось его подавить. В 132 году до н. э. вспыхнуло восстание в Пергаме, незадолго до этого покоренном Римом, и здесь восставшие основали утопическо-коммунистическое государство, назвав себя «гелиополитами», то есть «гражданами города Солнца», и создали его по образцу государства, изображенного в книге Ямбула. Восстание также было подавлено, но пламя нельзя уже было загасить; один из вождей восставших, философ Блоссий (узнав о поражении, он покончил жизнь самоубийством), был воспитателем Тиберия Гракха, передавшего идеи свободы и социальной справедливости дальше.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА И ВИЗАНТИЙСКАЯ ЭПОХА

Книга книг

Бесчисленное множество людей за прошедшие почти две тысячи лет пытались отыскать следы изложенных в Библии событий, и прежде всего найти доказательства существования человека, которого они именовали Христом (помазанником).

Сердцем, преисполненным веры, поклонялись они маленькому углублению в скале у города Вифлеема как «яслям» новорожденного сына божия, лошине у Иерусалима — как месту, где стоял крест, на котором он умер. Много серьезных ученых также старались изучить историческое содержание библейских легенд и пролить свет на истоки одной из самых значительных религий на нашей земле, которую исповедуют сотни миллионов людей.

Библия — в древнегреческом языке это слово означало не более чем «книги» — принадлежит к числу древнейших духовных памятников человечества и представляет собой произведение, отмеченное высоким литературным мастерством. В нем собраны овеванные легендами повествования об исторических событиях с отчетливым нравоучительным оттенком. Они дополняются волшебными поэтическими песнями, как, например, страстной «Песнью песней» царя Соломона, которая принадлежит к прекраснейшим образцам любовной лирики. Библия оказывала существенное влияние на духовное развитие значительной части человечества на протяжении свыше двух тысячелетий. Но в то же время догматизм и схоластика закостенелой церковной иерархии затормозили в прошедшие столетия развитие научной мысли. Импульсы, исходящие от Библии, оставили глубокий отпечаток на культурной жизни Европы. Все снова и снова европейские художники, поэты и музыканты облачали свои представления о человеке и его борьбе в библейские одежды, и каждое посещение музея свидетельствует о том, что понять великие произведения прошлых столетий без знания Библии весьма затруднительно.

Библия, которую христиане называют также священным писанием, состоит из двух частей: Ветхого завета и Нового завета. Ветхий завет содержит обнаруженные произведения ранней еврейской литературы, прежде всего Пятикнижие (пять книг «моисеевых»), которое называют еще «Законом» (др. — евр. «Тора»), и Книги пророков.

Библия — это древний, но ни в коем случае не древнейший известный литературный памятник человеческой культуры. Самые древние ее части были собраны, а некоторые впервые записаны, по-видимому, спустя почти тысячелетие после того, как они возникли в их устной форме, примерно в 450 году до н. э., то есть приблизительно на полтора тысячелетия позднее, чем упоминавшийся уже эпос о Гильгамеше (в этом произведении, между прочим, имеется множество отрывков, до малейших подробностей сходных по содержанию с отрывками из Ветхого завета, вроде, например, истории о всемирном потопе), и почти на тысячу лет после записок о путешествии Синухета-египтянина.

Большая часть Ветхого завета записана на еврейском языке, и лишь немногие отрывки — на арамейском. До недавнего времени ранние тексты считались утраченными. Наиболее древней редакцией Ветхого завета был греческий перевод, который якобы приказал сделать сын Птолемея I Птолемей II Филадельф примерно в 250 году до н. э., чтобы пополнить свою библиотеку в Александрии, насчитывавшую 600 тысяч томов — самую крупную и самую известную библиотеку того времени. Сообщается, что-де над переводом работали 72 ученых на знаменитом маяке около Александрии — высотой 180 метров, — в отдельных кельях, независимо друг от друга, и в результате было предложено 72 одинаковых текста, почему и произведение называется «Септуагинта» (семьдесят). Септуагинта легла в основу многих будущих переводов.

Сенсационное событие в исследовании Библии произошло в 1947 году, когда бедуйский мальчик в поисках заблудившейся овцы наткнулся в пещере на северо-западном берегу Мертвого моря на запечатанный глиняный кувшин, в котором хранились древние свитки из кожи и папируса. Текст на свитке из кожи длиной 7 метров был позднее идентифицирован с еврейским текстом ветхозаветной книги пророка Исайи и восходил к I столетию до н. э. Этот свиток из вад Кумран является одним из древнейших обнаруженных копий первоначального еврейского текста. (Некоторые кумранские документы относятся, видимо, к концу III века до н. э.)

Основную часть Нового завета составляют четыре «Благовествования» (Евангелия) — легенды о жизни Христа, его рождении, деяниях и смерти. Авторство этих Евангелий научно также не подтверждено. Библия приписывает их «евангелистам» Матфею, Иоанну, Марку и Луке. Кроме того, еще одному человеку, по имени Павел, принадлежали большие заслуги в распространении новой религии; его послания к христианским общинам — также важная составная часть Нового завета.

Оригинальные тексты Нового завета никогда не были обнаружены. Авторы древности пользовались большей частью папирусом, изготовленным из тростника, материалом хрупким и быстро портящимся. Только в III столетии папирус вытеснила кожа животных — способ, открытый в Пергаме 500 годами раньше².

Из-за недостаточной прочности папируса лишь немногие тексты Библии дошли до наших дней. Некоторые фрагменты Евангелия от Иоанна на греческом языке, относящиеся, видимо, ко времени правления Траяна (98–117), были обнаружены в Египте. Оба самых древних среди более или менее полных экземпляров Ветхого и Нового заветов являются копией, относящейся к IV веку: кодекс Синайский и кодекс Ватиканский. К этому времени после долгих споров было наконец установлено, какие из многочисленных рукописей, существовавших в качестве евангелий с эпизодами из жизни Христа, можно считать истинными и использовать во время богослужения, а какие отвергнуть как поддельные.

В IV веке на основе Септуагинты богослов Иероним, позднее объявленный святым, перевел Библию на латинский язык. Этот перевод, так называемая «Вульгата», был объявлен римской церковью обязательным. К нему впоследствии часто обращались при переводах

² Отсюда название «пергамен». В те времена царь Евмед задумал построить огромную библиотеку, по Птолемей, прослышав об этом, прекратил экспорт папируса, опасаясь, что новая библиотека будет конкурировать с его библиотекой в Александрии. Необходимость, как это часто бывает, мать открытий: пришлось научиться обрабатывать кожу животных для использования ее в качестве материала для письма.

Библии на другие языки.

Сначала бог создал небо и землю...

Так начинается история сотворения, первая книга Библии. Ветхий завет охватывает большой период времени, начиная с возникновения рода человеческого до воцарения Маккавеев, незадолго до начала римской гегемонии на Переднем Востоке.

Он включает в себя легенды, которые создавались племенами Израиля о возникновении их народа, рассказывает о первых царях, о жизни при дворе, о взглядах и деяниях пророков, а также о социальных течениях и битвах времени, о повседневной жизни простых людей.

В центре находится великий образ основателя религии Моисея (по-еврейски Моше), который якобы после рождения был подброшен своей матерью на берег Нила и спасен дочерью фараона. Немного ранее 1200 года до н. э. Моисей вывел израильские племена из Египта в Палестину и провозгласил десять заповедей, а также много других законов и правил. Он умер на горе Небо перед вступлением в «страну обетованную».

Никто не знает, существовал ли Моисей как историческая личность. Библия содержит великое множество легенд о его жизни, которые в других ранних литературных произведениях человечества связываются с другими личностями. Так, сообщается, что Моисей был подброшен матерью на берег Нила. Она сплела «корзиночку из камыша, заделала щели смолой, положила туда ребенка и отнесла корзинку в тростник на берег Нила».

Почти такой же текст встречается на глиняных табличках, более древних по возрасту, рассказывавших о том, как был подкинут и чудесным образом спасен Саргон Древний, правивший в Аккаде, то есть о событии, происшедшем на тысячу с лишним лет раньше, с той лишь разницей, что Саргона нашел и воспитал водонос, в то время как корзинка с Моисеем была отнесена в сад дочери фараона, где она развлекалась со своими прислужницами на берегу Нила.

Затем Ветхий завет сообщает об ожесточенной борьбе осевших ранее филистимлян с вторгшимися еврейскими племенами, которые в результате борьбы сплотились примерно в 1000 году до н. э. в государство; о поражении и самоубийстве их первого царя, Саула; о Давиде, поразившем камнем из пращи великана Голиафа, вождя филистимлян, и ставшем потом царем; о богатыре Самсоне, питавшем слабость к дочерям филистимлян и впоследствии преданном своей возлюбленной Далилой, тоже филистимлянкой (ее земляки ослепили его, но потом Самсон, исполненный страдания и ненависти, сокрушил дворец филистимлян и вместе со своей возлюбленной Далилой нашел смерть под его развалинами), но главным образом о царе Соломоне, беспощадно грабившем свой народ, чтобы превратить Иерусалим в один из самых красивых и богатых городов своего времени.

Одновременно с развитием нового государства возникла религия Моисея, которая представляла собой более высокую ступень в развитии религиозного сознания человечества: она несла в себе — впервые в истории — монотеистические черты, хотя вначале они проявлялись не в очень ясной форме. В отличие от соседних финикийских культов, которые наряду с главным богом знали еще множество баалов — почти каждый храм имел своего, — вера израильского народа все сильнее концентрировалась на одном боге — Яхве.

В Ветхом завете излагается затем история нового государства, и разнообразные свидетельства из других источников подтверждают, что ход важнейших событий в основном представлен в соответствии с исторической правдой.

В результате восстаний еврейского народа против тирании царя Соломона, против чрезмерной эксплуатации, колоссальных поборов на сооружение невиданных по своей роскоши построек царского двора государство в 933 или 928 году до н. э., всего через несколько десятилетий после его основания, распалось на две части: на Иудею и Израиль. Спустя 200 лет Израиль, северная часть государства, был покорен ассирийцами, а еще через 130 лет, примерно в 600 году, прекратила свое существование и Иудея: она была завоевана Вавилоном; одни жители были угнаны в плен, другие бежали в Египет. Но терпимость иранских правителей, утвердившихся на Переднем Востоке 60 лет спустя в результате побед

царя Кира, способствовала новому подъему. Часть эмигрантов — Библия указывает точную цифру — 42 369 — воспользовалась разрешением нового правителя и возвратилась в Иерусалим, по большая часть евреев осталась на территориях, где они нашли себе приют: в Египте и Месопотамии.

По возвращении в палестинские земли пророк Ездра кодифицировал — безусловно, не без влияния персидских идей — законы иудеев и просил персидского царя утвердить их. Многие из правил, относящихся к этому периоду, Ветхий завет ошибочно приписывает основателю религии Моисею. И все же возник кодекс взаимосвязанных правил. С этого времени всех, кто придерживался этих правил, стали называть иудеями.

Мирный период персидского господства продолжался двести лет. Потом вторгся Александр Македонский. После его смерти иудейские общины в Палестине более чем на сто лет подпали под власть сначала Птолемеев, а затем Селевкидов. Когда последние начали осуществлять эллинизацию страны и даже попытались выдворить Яхве из вновь отстроенного Иерусалимского храма и превратить его в храм Зевса, это привело к кровавому восстанию. Иуда Маккавей («Молот»), вождь восстания, добился для иудейского государства определенной самостоятельности. Стремясь расширить сферу политического влияния, он попытался опереться на Рим; сенат, рассчитывавший превратить Иудею в полезный буфер между Римом и государством Селевкидов, а также парфянами, отнесся к этому благосклонно. Рим очень ловко использовал внутреннее и внешнее положение страны, Помпей, высадившийся в 64 году до н. э. на восточном побережье Средиземного моря, в следующем году захватил Иерусалим. Отныне первосвященник должен был подчиняться римскому наместнику. Но так как римляне были не настолько сильны, чтобы контролировать громадную территорию на Переднем Востоке, они прилагали усилия к тому, чтобы найти квислинга (предателя). С этой целью была использована одна семья, которая за несколько десятков лет до и после наступления нового тысячелетия при покровительстве римлян достигла небывалого могущества, — семья Ирода. В социальной борьбе против жестокой насильственной политики Рима и этой могущественной семьи, возведенной на престол Римом, а также ее приспешников возникло христианское движение.

Мессия приходит

В основе легенд Нового завета, бесспорно, лежат исторические события (может быть, с некоторыми отклонениями), происшедшие на территории Палестины на рубеже нового тысячелетия.

В то время много пророков ходили по стране и проповедовали новое спасительное учение. Передаваемые из уст в уста истории вскоре сконцентрировались на образе одного человека, по имени Иисус, из города Назарета, который выступил со смелыми утверждениями, что перед богом, отцом, все люди равны.

«Это произошло в то время, когда от кесаря Августа вышло повеление сделать перепись по всей земле... и пошли все записываться, каждый в свой город. Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем... записаться с Мариєю, обрученною ему женою, которая была беременна... и она родила сына своего первенца, и спеленала его, и положила в ясли, потому что не было им места в гостинице». Такими словами сообщает Лука о рождении Иисуса из Назарета, сына Иосифа и Марии.

Матфей тоже говорит о том отрезке времени, к которому относится легендарное рождение спасителя. «Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода», — рассказывается об истории его рождения.

Царь Ирод (имя означает «доблестный»), прозванный также «Великим», был человеком необычайно способным и ловким, но вместе с тем очень жестоким.

События тех времен зафиксировал хронист, произведения которого сохранились. Это молодой иудейский жрец и воин Иосиф Флавий, живший во второй половине I столетия н. э.

Ему мы в первую очередь обязаны двумя произведениями: «Иудейской войной» и «Иудейскими древностями» — важнейшими источниками по истории Переднего Востока обоих столетий рубежа новой эры.

Иосиф Флавий разобрал Ирода, что называется, по косточкам. «Это был не царь, а самый жестокий из тиранов, которые когда-либо правили. Он убил множество людей, а жребий тех, кого он оставил в живых, был так печален, что они завидовали умершим».

Ирод был сыном эдомита (идумейца) по имени Антипатр, который давно уже втерся в доверие римлян и за это получил право римского гражданства. Мать Ирода была набатейка. Хотя после смерти Цезаря семья Ирода просчиталась, поставив не на ту лошадь — на убийц Цезаря — Брута и Кассия, все же изворотливому Ироду удалось снискать симпатии Антония. Он и его брат были назначены тетрархами над Иудеей. Но это назначение оспаривали внуки Маккавеев, которые считали, что их оттеснили от власти. Они вступили в союз с парфянами, которые использовали любую возможность, чтобы как-нибудь насолить римлянам. Парфяне захватили Иерусалим и убили брата Ирода. Ирод тоже чуть было не попал в плен, но в последнюю минуту сумел убежать. Ему не удалось далеко уйти, его настигли в нескольких километрах от Иерусалима, недалеко от Вифлеема, но все-таки он вырвался из окружения и бежал. В память об этом месте, где Ирод избежал смерти, позднее была построена крепость Иродион, похожая на сказочный, роскошный дворец.

Почти все святые места, связанные с христианством, находятся на палестинской земле «по эту сторону Иордана». Там же, неподалеку от Вифлеема, и развалины Иродиона. Дорога в отличие от большинства дорог в этих областях скверная. Очевидно, это место из-за непосредственной близости Иерусалима и Вифлеема не вызывает интереса у туристов. Массы приезжих устремляются к храму Рождества, к храму Погребения, к горе Елеонской, к саду Гефсиманскому, к Крестному пути, к Голгофе. В Иерусалиме и в Вифлееме вряд ли найдется клочок земли, который не был бы как-то связан с событиями, происходившими на рубеже новой эры.

Подлинные места тех событий сейчас находятся значительно глубже современной поверхности города, скрытые под метровой толщей развалин двух тысячелетий.

Но Иродион, остававшийся долгое время забытым, недавно раскопали. Здесь можно увидеть подлинные исторические свидетельства той эпохи. Поэтому я и решил мою поездку к истокам христианства начать именно отсюда.

Усеченный конус вала, на котором была построена крепость, возвышается над другими холмами этого горного плато. Ирод приказал снести верхушку соседнего холма, чтобы использовать добытую таким образом землю для наращивания горы, на которой он пожелал соорудить крепость. Арабы называют гору «Джебель-эль-Фурайдис», что означает «Гора маленького рая» — намек на роскошь и величие, окружавшие крепость-дворец Ирода.

У подножия горы мне пришлось выйти из машины. Дальше дорога, петляющая среди отбрасывавших тень кипарисов и оливковых деревьев, была непроезжей. Карабкаюсь вверх сквозь причудливые заросли. Наконец, осилив подъем, усаживаюсь на краешке каменной стены наружного кольца крепости, похожей на дворец, и вытираю пот с лица.

Сооружение это небольшое. Оно имеет круглое, в соответствии с формой усеченного конуса, основание диаметром примерно 60 метров. Складывается впечатление, что стены, окружающие крепость, выросли из каменистого склона горы. Мощная башня, высота степ которой и сейчас еще достигает почти 16 метров, делала крепость неприступной. Между внешним и внутренним кольцами крепостных стен хорошо различим широкий боевой ход. На площади в 2 тысячи квадратных метров строители Ирода создали комплекс зданий сказочной красоты — с залами, банями, бассейнами и садами. Помещения были выложены дорогим мрамором, стены покрыты цветной штукатуркой и украшены фресками. Бесчисленные основания колонн позволяют судить о том, сколь великолепным было это сооружение. Иосиф Флавий сообщает по этому поводу следующее: Ирод «окружил вершину круглыми башнями и на участке, обнесенном этим кольцом укреплений, построил такие роскошные дворцы, что не только внутри зданий являли собой блеск, но и снаружи —

крепостные стены, бойницы и крыши — потрясали расточительным богатством. Издалека он подвел в изобилии воду, стоившую больших расходов, а лестницу в 200 ступенек для подъема в гору выложил белоснежным мрамором».

Итак, ускользнув от своих преследователей у этой горы, Ирод бежал в Рим. Там его встретили благожелательно, так как римляне умели ценить квислинга, который, кроме того, принес с собою солидную взятку. Так они сделали тридцатитрехлетнего Ирода царем Иудеи. Понадобилось все же целых три года для того, чтобы новоиспеченный царь при поддержке римских легионов смог вступить во владение Иерусалимом.

Ирод знал, кому он обязан своим положением, и не забывал об этом до конца своей жизни. Он прекрасно сознавал, что без поддерживающей руки Рима у него не было шансов утвердиться у власти, и поэтому всегда стремился оправдать доверие римлян. По из-за постоянных политических неурядиц в Риме это было трудным делом, требовавшим всей его дипломатической изворотливости; к тому же хозяева в Риме часто менялись. Трудности возникли уже после убийства Цезаря, но Ироду все-таки удалось заручиться поддержкой нового влиятельного представителя Рима на Востоке — Антония. Однако Антоний был вытеснен Октавианом. Положение Ирода как друга Антония было чревато последствиями. Не долго думая — в мужестве ему отказать нельзя, как и в уверенности, что все его поступки правильны, — он отправился в логово льва. Иосиф Флавий так писал об этой встрече: Ирод вошел к Октавиану без знаков царского достоинства, с хорошо продуманной речью: «О чем я тебя прошу, так это думать не о том, чьим я был другом, но о том, что я был хорошим другом». Ирод остался царем Иудеи.

И, утвержденный снова царем, Ирод понимал, что никто не может ограничить его власть, кроме Рима, что ему все дозволено, если только он не будет ставить под сомнение власть Рима. Но Рим был далеко, и он мог решать только «кардинальные вопросы»; все решения в сфере практической политики оставались за Иродом. Это положение умный и энергичный, но вместе с тем властолюбивый и недоверчивый человек использовал весьма основательно. Он чрезвычайно жестоко грабил далеко лежащую от Рима страну, чтобы увеличить богатства своей семьи, блеск и роскошь двора. Сказочный Иродион был лишь одним из многих значительных его сооружений. За ним последовало строительство еще полдюжины крепостей. Особенно знаменитой стала крепость Масада, возведенная на скалистом плато (на западном берегу Мертвого моря), которое почти вертикально поднималось на высоту 400 метров. Каменные стены окружали дворец неслыханной роскоши и богатства. Для защиты страны от нападения набатеев он построил на восточном берегу крепость Махер. Иерихон же Ирод превратил в фешенебельный курорт с амфитеатром, ипподромами и прекрасными искусственными прудами. Но все это уступало постройкам в Иерусалиме. Дворец Ирода, крепость Антония, а главное, храм были, вероятно, самыми замечательными сооружениями его эпохи.

Замученный до крайности народ бунтовал — часто вспыхивали восстания, которые Ирод подавлял с неопикуемой жестокостью. Уже в самом начале своего правления, чтобы запугать приближенных и заставить их быть покорными, он приказал казнить 45 (из 71) членов Верховного суда. Когда он заметил, что народ слишком уж сердечно приветствовал молодого первосвященника, брата его жены Мариамны из рода Маккавеев, он во время прогулки по саду уговорил того выкупаться, и люди из свиты Ирода держали первосвященника под водой «шутки ради» до тех пор, пока из того дух не вышел вон.

Чем старше становился Ирод, тем больше росла его подозрительность, что сказалось не только на народе, но и на его собственной семье. По приказу царя были убиты трое его сыновей, два мужа его сестры, жена Мариамна и ее мать.

Ирод умер в 4 году до н. э. в Иерихоне. Он был торжественно погребен в своей любимой крепости Иродионе. Но в положении народа ничего не изменилось. Жесточайшая эксплуатация продолжалась и во время правления трех его сыновей, которые так и не смогли поделить между собой власть. И тогда они обратились к третьей судье в Риме. Император Август воспользовался этим поводом, чтобы ограничить власть семьи Ирода. Он

не поддержал ни одного из трех сыновей, а разделил государство. Вместо одного теперь три местных правителя демонстрировали свое искусство в ограблении и разорении страны.

Семья Ирода пользовалась дурной славой из-за пристрастия к роскоши и тщеславия; ее жестокость вызывала ненависть, а безнравственность — презрение. Старший из сыновей, Ирод Архелай, приказал казнить своего единоутробного брата Александра, чтобы сожительство с его женой Глафирой. Ирод Антипа, другой брат, построил на севере страны, у озера, образованного рекой Иордан и упоминаемого в Библии под названием Геннисаретского, новый город, который он освятил после того, как к власти в Риме пришел приемный сын императора Августа Тиберий. Ирод Антипа снискал благосклонность жены своего сводного брата — Иродиады. Она увидела, что он преуспевает больше, и перебралась к нему вместе со своей дочерью Саломеей. С обличением безнравственности правителей выступил проповедник, которого Новый завет, а также историк Иосиф Флавий упоминают под именем Иоанн, по прозвищу Креститель. Он был одним из многих, кто выразил недовольство народа и заклеил позором семью Ирода, бесстыдно злоупотреблявшую властью.

По настоянию своей жены Иродиады Ирод Антипа приказал схватить бесстрашного обличителя и бросить его в темницу крепости Махер. Но Иродиаде этого было мало — она потребовала головы обличителя. Евангелие от Марка повествует о его жутком конце:

«Дочь Иродиады вошла, плясала и угодила Ироду и возлежавшим с ним; царь сказал девице: проси у меня чего хочешь, и дам тебе; и клялся ей: чего ни попросишь у меня, дам тебе, даже до половины моего царства.

Она вышла и спросила у матери своей: чего просить? Та отвечала: головы Иоанна Крестителя.

И она тотчас пошла с поспешностью к царю и просила, говоря: хочу, чтобы ты дал мне теперь же на блюде голову Иоанна Крестителя.

Царь опечалился, но ради клятвы и возлежавших с ним не захотел отказать ей.

И, тотчас послав оруженосца, царь повелел принести голову его.

Он пошел, отсек ему голову в темнице и принес голову его на блюде и отдал ее девице, а девица отдала ее матери своей».

Этот рассказ всегда вызывал споры у поэтов, музыкантов, художников. Оскар Уайльд заканчивает свою известную пьесу словами Саломеи:

«А! Я целую твой рот, Иоанн. А! Я целую его, твой рот, на твоих губах вкус горечи. Это вкус крови? Нет! Может быть, это вкус любви... Они говорят, что у любви горький вкус... Только что это значит? Что это значит? Я целую твой рот, Иоанн. Я его целую, твой рот».

И даже Ирод Антипа, содрогнувшись от ужаса, отворачивается со словами: «Убить следует эту женщину!»

Глубокое разложение господствующих слоев, сопровождавшееся звериной жестокостью, все чаще вызывало восстания народных масс, которые уже трудно было подавлять даже с помощью римских легионов. Особым изуверством при этом отличался легат Вар: 2 тысячи восставших он замучил до смерти на крестах под Иерусалимом. Вар был не в большом восторге, когда узнал, что его переводят с солнечного Востока на мрачный, холодный Запад. Здесь в 9 году он вместе со своими легионами попал в засаду, устроенную германскими племенами, которые именно в этой связи впервые появились в анналах истории. Вар и его солдаты потерпели полное поражение. Он покончил с собой, бросившись на меч, — событие, представленное в старых немецких учебниках по истории так, как если бы с него началась история рода человеческого.

Все чаще в Иудее появлялись проповедники, выражавшие недовольство народа и направлявшие гнев его против господствующей семьи. Многие говорили, что пророки

предсказали приход мессии³, когда зло и страх сделают человеческое существование невыносимым. Одни утверждали даже, что мессия уже явился, другие считались мессиями, а иные и сами себя ими считали.

Среди них и оказался, очевидно, тот самый сын плотника Иосифа — Иисус из города Назарета, призванный стать основателем религии, и с именем которого, возможно, связаны черты и деяния других проповедников того времени, выступавших с мессианскими притязаниями.

Па обратный путь в Вифлеем мне понадобилось меньше получаса. И вот я стою перед тем местом, которое христианство воспевают на всех языках: перед хлебом вифлеемским, где будто бы родился Христос. Внезапно всплывают воспоминания детства. Однако здесь все совсем по-другому.

Без сомнения, церковь, построенная императором Константином в IV веке н. э., — замечательное, очень красивое сооружение, она считается самой старой христианской церковью на земле. Это базилика, четыре ряда колонн которой делят помещение на пять нефов: на центральный и на два боковых с каждой стороны. Главный неф полностью сохранился. Первоначально в церкви собственно поперечный неф отсутствовал в отличие от большинства христианских церквей более позднего периода. И только через двести лет при императоре Юстиниане позади главного алтаря и по обеим его сторонам были пристроены три апсиды, так что контуры имеют вид креста.

Темнота обступает меня, когда я спускаюсь по ступеням в грот, где родился Иисус.

При свете нескольких свечей с трудом различаю отдельные предметы. С потолка свисают медные лампы, на стенах висят ковры. У стены, обрамленной чем-то вроде гардины, за решеткой — углубление в скале, что должно означать, вероятно, корытце для животных — знаменитые ясли. Так тихо, что кажется, будто я слышу, как со свечи капает воск. Пожилая монашенка бесшумно снует взад и вперед по помещению (метров 12 в ширину и 3 в глубину). Одета в черное женщина преклонила колени перед нишей, в которой на полу звездочкой обозначено точное место рождения. На руках у нее спящий ребенок, его головка вся в темных локонах. Мальчик улыбается во сне. Он сыт и поэтому счастлив. Я желаю ему, чтобы всегда так было. Тихо и осторожно снова поднимаюсь в церковь, я не хочу мешать ее молитве. Она убеждена, что молится яслям, в которых родился Христос.

Разумеется, место рождения Христа установить невозможно. Даже теологи вынуждены признать это. Правда, они ссылаются на тот факт, что уже через 150 лет после легендарного рождения грот у Вифлеема почитался как место рождения Иисуса. В середине III века на этом особенно упорно настаивал также александрийский теолог Ориген после посещения им Палестины.

Таким образом, почитание этого священного места имело уже долгую традицию, когда император Константин решил воздвигнуть церковь в честь Иисуса Христа. Но пещер, претендовавших на то, чтобы считаться местом его рождения, было несколько. Тогда император принял решение, и с того момента, как была построена эта изумительная по красоте церковь, спор о том, где родился Христос, остается прерогативой историков.

Спорным было не только место, но и время рождения. Одно здесь несомненно: 1 год н. э., от которого на протяжении полутора тысячелетий большая часть человечества вела летосчисление, поскольку он якобы был годом рождения Христа, не может считаться возможным годом его рождения. Библия сообщает, что рождение Иисуса следует отнести ко времени правления царя Ирода, и именно к тому времени, когда он повелел произвести перепись населения.

На основании достоверных исторических данных известно, что Ирод умер уже в 4 году

³ Мессия — грецизированная форма арамейского слова со значением «помазанник», то есть соответствует греческому «Христос».

до н. э. в возрасте почти 70 лет; таким образом, перепись населения, о которой упоминает Библия, должна была проводиться по крайней мере на четыре года раньше, когда еще был жив Ирод. Историки между тем установили, что римский проконсул Кирений, который, согласно Библии, занимался организацией переписи по поручению Рима, идентичен с сенатором Квиринием, действительно находившимся в Сирии в первый раз с 10 по 7 год до н. э. Поскольку, кроме того, в 7 году расположение звезд было особенно необычным, что, возможно, и вызвало рассказы о «звезде Вифлеемской», то и сегодня богословы единогласно считают 7-й год до н. э. годом рождения Христа. Вина за ошибки приписывается одному монаху, который в 533 году получил от папы задание вычислить год рождения Христа и при этом допустил погрешности.

Если уже год рождения неизвестен точно, то день рождения определен и вовсе произвольно. На протяжении столетий не существовало точной даты; каждая область праздновала рождение Христа в разные дни. И только в VI веке император Юстиниан ввел обязательную дату — 24 декабря.

Но оставим спор о датах, о подлинности мест. Неоспоримым остается тот факт, что здесь, в Палестине, ответом народа на тиранические, враждебные ему действия высших кругов общества явилось начало социального движения, которое в своей начальной стадии содержало важные революционно-демократические элементы и которое, выражаясь словами Ф. Энгельса, вскоре широко распространилось за пределы страны «как религия рабов и вольноотпущенников, бедняков и бесправных, покоренных или рассеянных Римом народов»⁴.

Иерусалим, или «Пусть (бог) установит мир»

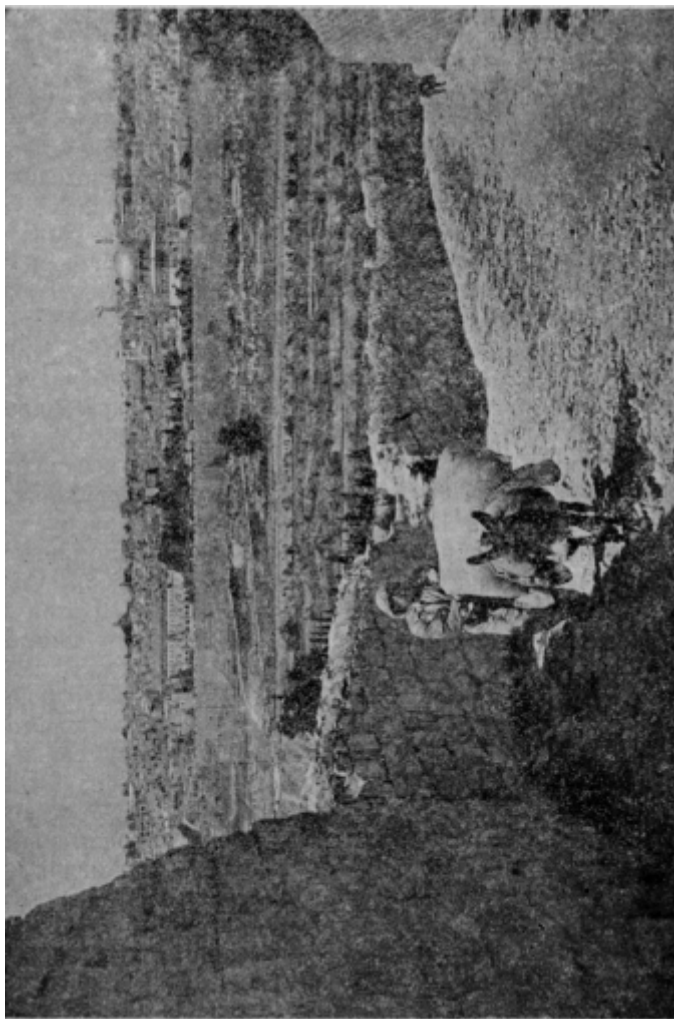
Вид с горы Олив (Елеонской) через глубокую долину Кедрова на древний город Иерусалим с его высокими стенами, лабиринтом переулков, крыш и башен, над которым высится золотой, сверкающий купол арабского Скального храма, незабываем. Здесь в III тысячелетии до н. э. осело ханаанское племя — иебуситы (иевуситы). В египетских и вавилонских текстах II и I тысячелетий до н. э. упоминается столица иебуситов Уру-Салим, что, по мнению некоторых, означает: «Пусть (бог) установит мир». Если перевод точен, желание, вложенное в эти слова, не сбылось.

В 1000 году до н. э. город завоевали израильские племена, сделав его столицей объединенного государства. При царе Соломоне Иерусалим пережил период бурного строительства. На большой широкой площади древнего города, где сейчас возвышается Скальный собор, Соломон приказал возвести свой знаменитый храм. После его смерти государство распалось, город и соседние племена многократно захватывали и грабили Иерусалим. В конце концов вся страна подпала под власть Ассирии, а затем Вавилона. Храм и все остальные постройки Соломона сгорели. Хотя иудеи, возвратившиеся из вавилонского плена, и построили новый храм, но он не мог сравниться с блеском и величием прежнего. Только Ирод продолжил усилия Соломона, чтобы сделать город метрополией Востока. Повсюду вырастали новые великолепные строения: царский дворец, крепость Антония, театр, форумы, общественные бани. На том месте, где когда-то стоял древний храм, он воздвиг здание несравненной красоты с мраморным, украшенным золотом фасадом, высотой 50 метров.

Я медленно спускаюсь с Елеонской горы в долину. Группа лукавых мальчишек пытается продать мне «подлинные ветки святого масличного дерева». Причем дорога проходит непосредственно через оливковую рощу — стоит только руку протянуть, чтобы сорвать пару веток. Торговля здесь, по-видимому, один из видов народного спорта, которым

⁴ Ф. Энгельс. К истории первоначального христианства, — *И. Маркс и Ф. Энгельс*. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 22, с. 467.

занимаются с детства.

Иерусалим. Вид с горы Елеонской

Пыльная дорога идет мимо небольшой русской православной церкви Магдалины с ее куполами-луковицами к современному зданию, крыша которого напоминает турецкую баню. Эта церковь построена в начале 20-х годов на средства различных народов и поэтому называется «церковью наций». Она возвышается над базиликой IV века в знаменитом Гефсиманском саду и призвана, вероятно, напоминать о месте, где был взят под стражу Иисус.

Вход в старый город — через Дамасские ворота. Вокруг меня снует пестрая толпа, типичная для большинства восточных городов. Крестьяне привозят свои товары, а торговцы крикливо предлагают их. Наверное, так было и во времена Иисуса, если отвлечься от многочисленных рекламных вывесок и от туристов, рассматривающих мир, по-видимому, только через объективы фотоаппаратов. Иерусалим незадолго до оккупации его Израилем предстал передо мной в своеобразном смещении живописных восточных буден, заносчивого высокомерия туристов, рафинированной спекуляции и религиозного фанатизма.

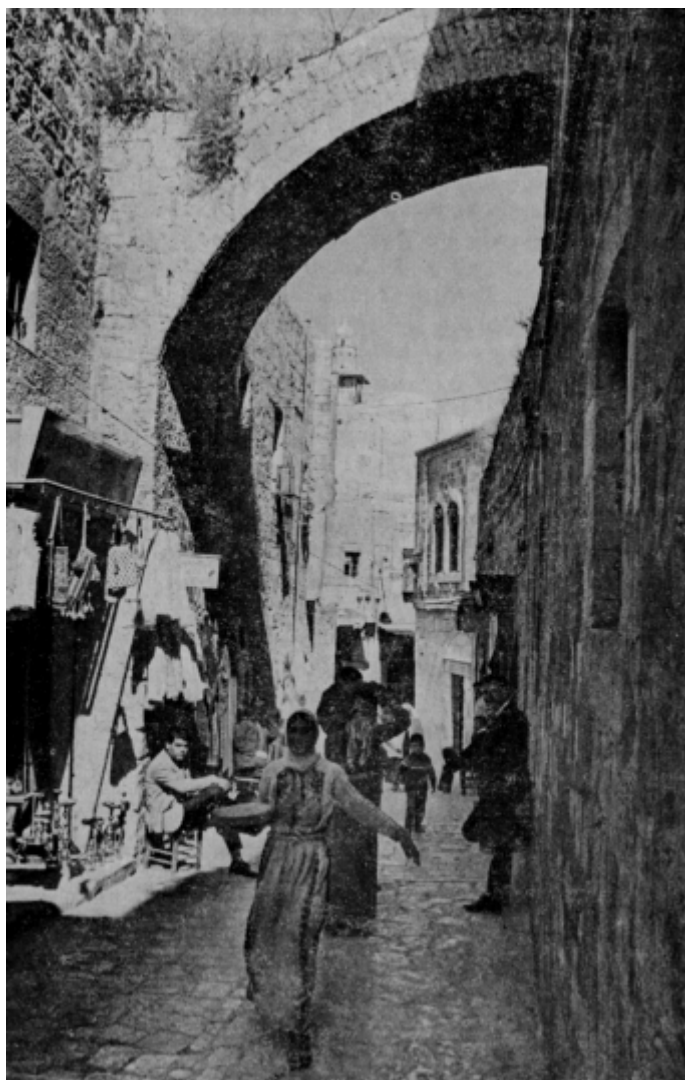
Я нанял гида, старого бородача, прежде всего потому, что хотел отвязаться от услуг его коллег по профессии. Он останавливается перед современным зданием:

— Здесь, под этим домом, находилась крепость Антония, первый дворец Ирода. Он назвал его по имени своего первого римского покровителя, противника Октавиана.

Великолепный дворец, который был одновременно крепостью, резиденцией и тюрьмой, обстоятельно описал Иосиф Флавий. Здесь жил прокуратор Понтий Пилат, когда ему передали на утверждение приговор человеку) дерзко провозгласившему себя новым мессией

и сознательно стремившемуся к смерти.

— А там, — указывает гид на здание на противоположной стороне улицы, — археологи наткнулись на мостовую римского времени, и так как в Библии говорится, что после утверждения приговора Иисуса бичевали на мостовой, то считается, что это мученичество он перенес здесь — на первом отрезке своего крестного пути.

Путь на Голгофу. Крестный путь

— А другие остановки? — тотчас спрашиваю я.

— Я могу показать вам их все, — говорит он. — Каждую пятницу здесь начинается процессия, которая проходит все четырнадцать остановок на крестном пути, до «святого гроба господня». Но все это, конечно, только символы. От древнего города вряд ли осталось несколько камней, по крайней мере на поверхности земли. Крестный путь, существующий сегодня, определили только в шестнадцатом веке францисканцы при прокладке новых улиц.

Мы не спеша идем по переулку. Я размышляю о страстном мессианском рвении человека, провозгласившего равенство всех людей перед любящим всепрощающим богом и проповедовавшего сочным языком, полным живых образов и притч, любовь к ближнему, нравственность, а также отказ от владения имуществом и ханжества. Он обращался в первую очередь к угнетенным и неправым, и такие слова, как «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, чем богатому войти в царство божие!», пережили тысячелетия.

Римские авторы того времени не обратили внимания на деяния какого-то Иисуса и на события, разыгравшиеся тогда здесь, в Иерусалиме. И лишь через много десятилетий, когда

обнаружилось множество приверженцев нового учения, в литературе появляется имя «спасителя».

В конце первого столетия Иосиф Флавий упоминает раннехристианские общины Иерусалима и в этой связи «Иисуса... который назвался помазанником»; и, во всяком случае, часть этого его сообщения ныне признается подлинной. В 115 году Тацит, известный римский историк, бывший одно время римским проконсулом в Малой Азии, толковал значение слова «христиане» ссылками на Христа, приговоренного к смерти во время правления императора Тиберия, а историк Светоний, умерший около середины II века н. э., замечает, что император Клавдий в середине I столетия изгнал из Рима «иудеев, постоянно волнуемых Христом».

Гид рассказывает о судьбе города в начале нашей эры — о восстании 66 года против римского господства, вскоре подавленного по поручению императора Нерона полководцем Веспасианом. В рядах восставших находился молодой иудейский военачальник Иосиф. Он попал в плен к римлянам и, презираемый своим народом, под именем Иосифа Флавия стал их царедворцем и одновременно одним из самых значительных историков своего времени. Тит, сын Веспасиана, который заменил в должности полководца своего отца, добившегося чести стать римским императором, в 70 году захватил город и полностью разрушил его. Храм, дворцы, купальни, театры, общественные бани были сожжены дотла. Число убитых исчислялось многими сотнями тысяч. Все, что можно увидеть сегодня, — улицы, городские стены, переулки, площади — возникло столетием позже.

Тем временем мы дошли до церкви Погребения. Она почти полностью скрыта стенами других зданий, так что рассмотреть ее с какого бы то ни было расстояния невозможно. Картина, раскрывшаяся передо мной, весьма печальна. Фасад романского стиля периода крестовых походов сильно обветшал и держится лишь с помощью стального каркаса. Но еще хуже, чем ветхость наружной части церкви, нагромождение роскоши внутри ее. Не упущено ни одной возможности продемонстрировать примитивизм и безвкусицу.

Спор о том, где в действительности находятся Голгофа, место распятия, и гроб Христа, так же древен, как и христианская легенда. Когда императору Константину пришла мысль придать больше достоинства святым местам христианства, он решил воздвигнуть здание, «по богатству и великолепию не уступающее императорскому, чтобы священные места смерти и воскресения спасителя привлекали взор и вызывали у всех почтение». Среди многочисленных мест, где имелись скальные могилы, относящиеся к периоду, служившему предметом спора, он выбрал место, где римляне возвели храм богине Афродите, и построил там великолепную церковь. Во время нашествия персов, в 614 году, она в первый раз была сожжена дотла, по вскоре построена заново. В период арабского господства, в течение 400 лет, это сооружение оставалось нетронутым, но в 1000 году разразилась новая катастрофа: его полностью уничтожил египетский халиф Хаким. От прежней гробницы в скале ничего не осталось. В середине XI столетия на развалинах церковь была отстроена вновь. При крестоносцах, которые, грабя и убивая, набросились на страну около 1100 года, чтобы спасти якобы гроб господень, строение было расширено до современных размеров.

Гид обращает мое внимание на пищу для сторожа слева от входа в церковь. Здесь живет мусульманская семья, и ключи от церкви передаются из поколения в поколение. Мы бредем сквозь непросматриваемый лабиринт капелл — так что я скоро перестану ориентироваться — в направлении к центральной части церкви, к могильной ротонде.

Здесь тоже купол поддерживается металлическими креплениями. В середине находится небольшая часовня — пример уродливой извращенности вкуса.

Я узнаю, что в начале XIX века центральная часть церкви Погребения была снова сильно повреждена. Подвыпивший богомолец неосторожно обращался со светильником и вызвал пожар, в пламени которого сгорели могильная ротонда и деревянный купол. Снова — теперь уже в пятый раз — пришлось отстраивать эту главную часть церкви. К несчастью, восстановительные работы велись людьми, неспособными ни в техническом, ни в эстетическом отношении к такого рода работе. Архитектор, например, распорядился строить

часовню в стиле турецкого рококо. Купол продержался всего 50 лет и затем был заменен новой конструкцией, но и она после землетрясения 1927 года стала нуждаться в подпорках.

Спор вокруг подлинности местонахождения могилы спасителя продолжался и в новое время. С особой силой он вспыхнул в 1889 году, когда английский генерал Джордан обнаружил скальную гробницу вне стен современного города и объявил, что она и есть могила Христа. Так как в Новом завете говорится, что место казни находилось за пределами городских стен, то его версия и сегодня находит много сторонников.

Не только мусульмане и христиане вели активную борьбу за обладание страной, где находился гроб господень. Ожесточенными были споры за раздел помещения внутри церкви — разумеется, между различными течениями христианства. После ухода рыцарей-крестоносцев помещение церкви Погребения (так мне объяснил гид) было вновь поделено между общинами христиан, и в процессе этого раздела временами вспыхивали острые столкновения, приводившие к смене владельца той или иной части помещения церкви.

Эти споры, вероятно, и стали главной причиной того, что до сих пор это место не имеет достойного вида. В настоящее время здесь представлено шесть общин: римско-католическая (латиняне), греческая, армянская, коптская, яковитская (сирийцы); небольшая обитель эфиопов стоит на крыше церкви Погребения, так как в нижних помещениях места не нашлось, и переход из одного помещения в другое является в известной мере пересечением границы. Только сердце церкви — погребальная ротонда осталась, так сказать, «международно религиозной»: пользование ею разрешено всем и определяется тщательно составленным регламентом, но предметы украшения в пей принадлежат различным владельцам. Даже богато декорированные светильники составляют собственность той или иной общины.

Я поднимаюсь по ступенькам на Голгофу, так как она тоже находится здесь. Часовня расположена на высоте 4–5 метров над полом церкви Погребения. Тут можно преклонить колени перед залитым серебром углублением в скале, там, где предположительно стоял крест Христа, а рядом в той же скале — щель, которая якобы образовалась, когда после распятия земля задрожала и скала треснула.

Тянет вновь на воздух. Мой гид берет меня под руку.

— Пойдемте, я покажу вам еще кое-что, что вас непременно заинтересует.

При этом он ухмыляется и, заметив, что я колеблюсь, добавляет:

— Это всего несколько шагов отсюда.

Действительно, от удивления я лишился дара речи, когда мы завернули за ближайший угол. Перед нами — церковь, как в сказке перенесенная сюда из какого-нибудь провинциального городка маркграфства. Это типичная евангелическая церковь конца прошлого — начала нового столетия.

Мой спутник наслаждается моим замешательством и наконец начинает рассказывать. Это немецко-лютеранская церковь Спасителя. Она была освящена в 1898 году. Тогда, снова вспоминая я, немецкие фабриканты оружия обнаружили интерес к Ближнему Востоку, и уж коли речь шла о том, чтобы наследовать «большому человеку» на Босфоре, то они должны присутствовать при дележе наследства. Само собой разумеется, что такого рода планы надо было подготовить в политическом и дипломатическом отношениях. И вот немецкая императорская чета — Вильгельм II и Августа Виктория отправились в путешествие на Передний Восток. По пути они посетили Иерусалим и использовали это обстоятельство для устранения вопиющей несправедливости истории. Когда была построена церковь Погребения и ее внутренние помещения поделены между различными религиозными общинами, протестантов еще не было. Религия императора, таким образом, была ущемлена в церкви подобно тому, как чувствовал себя ущемленным германский империализм при разделе мира. Чтобы утвердить здесь свое присутствие, было решено в непосредственной близости от церкви Погребения возвести евангелическую церковь — что и было сделано.

Императорская чета присутствовала при освящении церкви. Громадный каменный

«Железный крест» высится над боковым продольным нефом; он должен был возвестить о том, что Восток пора наконец «оздоровить» на немецкий манер.

Первые христиане

Следы раннего христианства ведут в Дамаск. Они связаны прежде всего с именем апостола Павла, которого однажды, когда его еще звали Савлом, первосвященники Иерусалима послали в Дамаск преследовать молодые христианские общины.

Легенда повествует о том, что перед воротами Дамаска Павла посетило видение и он услышал предостерегающий глас Иисуса; это так потрясло его, что он лишился зрения. Но спустя некоторое время Иисус явился Анании — старейшине небольшой христианской общины города — и призвал его отыскать гонителя христиан Савла, который между тем был уже в Дамаске, и сделать его снова зрячим, так как Савл избран им для распространения христианства среди язычников. В Новом завете говорится об указании Анании: «Господь же сказал ему: встань и пойди на улицу, так называемую Прямую, и спроси в Иудином доме тарсянина по имени Савла... Анания отвечал: Господи! Я слышал от многих о сем человеке, сколько зла сделал он святым твоим в Иерусалиме; и здесь имеет от первосвященников власть вязать всех, призывающих имя твое. Но господь сказал ему: иди, ибо он есть мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя мое пред народами и царями и сынами израилевыми».

Анания послушался и вылечил Савла. «И тотчас как бы чешуя отпала от глаз его, и вдруг он прозрел; и, встав, крестился и, приняв пищи, укрепился. И был Савл несколько дней с учениками в Дамаске».

Улица, «так называемая Прямая», сегодня уже не напоминает о прежнем великолепии, когда она, обрамленная колоннами, была главной улицей города. Теперь это главная улица базара. Перед началом городского квартала, еще и сейчас именуемого «христианским», улица проходит через ворота, имеющие форму римской арки. Ее обнаружили вскоре после войны. Фундаменты арки находились на глубине 4,4 метра под современной улицей. Так высоко лежит современный Дамаск над городом начала новой эры, так высоки массы мусора, скопившегося почти за 2 тысячи лет! Зная это, можно себе представить, как много удивительных сокровищ таится под стенами города.

В Христианском квартале, недалеко от Прямой улицы, находится небольшая часовня, расположенная в подвальном помещении со сводчатым потолком. Она принадлежала главе первой христианской общины Анании, объявленному позднее святым.

Прямая улица заканчивается у Баб-эш-шарки (Восточных ворот) — одних из семи ворот в древних стенах города. За стенами начинаются первые сады Гуты. Путь по следам Савла, ставшего уже Павлом, тянется еще несколько сот метров вдоль старого крепостного вала. Движение на улице бьет ключом: издававшие виды автомобили, запряженные ослами скрипучие повозки, тяжело нагруженные носильщики, дети, боязливо снующие взад и вперед.

На том месте, где сейчас начинается новая трасса, ведущая в аэропорт, над городской стеной поднимается современная мощная башня. В пей — маленькая часовня; она предназначена для того, чтобы напоминать о том месте, где христианская община помогла обращенному Павлу бежать из Дамаска. «Но Савл узнал об этом умысле их⁵; а они день и ночь стерегли у ворот, чтобы убить его; ученики же ночью, взявши его, спустили по стене в корзине».

Павел был спасен и стал одним из самых ревностных и пылких проповедников христианского учения. По одновременно он приглушил те положения христианской веры, которые были направлены против имущих, против господствующих классов, ограничил ее

⁵ Т. е. о замысле иудеев убить его. (Примеч. ред.)

социально-революционное содержание. Он выдвинул на первый план терпимость, присущую христианскому учению, а также подчинение народа авторитету государственной власти, враждебной ему, и тем самым сделал христианство приемлемым для правящих кругов. За воззваниями к справедливости уже не следовали призывы покончить с жестоким угнетением, свергнуть эксплуататоров. Перед лицом всемогущего Рима и его приспешников посланцы новой религии обнадеживали человечество обещаниями лучшей жизни в загробном мире, и эти обещания достигли слуха поработанных и обездоленных народов, которые бессознательно отдали себя на произвол суровой действительности классовых противоречий.

Но поскольку в начальный период распространения христианства господствующие круги почувствовали для себя угрозу со стороны социально-критических элементов нового движения, их отступничество от государственной римской религии, они начали жестокие гонения христиан, следы которых можно встретить в самых отдаленных областях Переднего Востока.

Излюбленное место отдыха горожан в окрестностях Дамаска — деревня Маалюля. Хотя она находится всего в часе езды на машине от Дамаска, поездка туда равнозначна экскурсии в давно минувшие времена. Деревня расположена в громадной котловине, окруженной высокими скалами, в конце постепенно сужающейся, поросшей виноградниками долины. Если бы не телеграфные столбы, путешественник почувствовал бы себя перенесенным в далекое прошлое. Маленькие домишки с плоскими крышами прилепились в живописном беспорядке к скале, которую венчает древний византийский монастырь.

Легенда рассказывает, что одна из учениц Павла, Фёкла, позднее объявленная святой, бежав от своего враждебно относившегося к христианской религии отца и его солдат, добралась до этой долины. Внезапно дорогу ей преградила неприступная скала, но, вняв ее страстным просьбам и мольбам, скала разверзла широкую щель, и так она смогла убежать от преследователей.

Щель в скале, протянувшаяся от гребня горы до деревни, так узка и глубока, что воспламенила фантазию деревенских жителей. В некоторых местах здесь едва смогут пройти два идущие рядом человека. Многочисленные углубления в скале, которые использовались в античный период для захоронений, по-видимому, способствуют созданию легенд. Наверняка многие пещеры, как утверждают жители деревни, служили убежищем для первых христиан.

Преодолев крутой подъем, я приближаюсь к монастырю. Бородатый священник в черной рясе с большим желтым крестом на шее черпает воду из колодца. Это красивый, сильный мужчина, на вид лет тридцати пяти. Он тотчас же приглашает меня посетить его келью. Я вынужден был почти опуститься на колени, чтобы войти в низкие ворота. Двор — как в запущенном крестьянском хозяйстве. В беспорядке свален в кучу всевозможный инструмент; в углу бодаются две козы. Каморка отшельника не подготовлена для приема гостей. Мне ничего не оставалось, как сесть на походную кровать. Священник предлагает чай. У него есть только два стакана, да и те не слишком чисты — отсутствует рука хозяйки; это, впрочем, чувствуется во всем. Наконец он находит еще и бутылку медового напитка. Видно, что он рад гостю. К сожалению, нам трудно объясниться друг с другом: по-английски он говорит очень плохо.

С большой гордостью показывает книгу, которая действительно является историческим документом большой ценности. Речь идет о рукописной арамейской Библии. Маалюля, говорит он с гордостью, относится к немногим арамейским языковым островкам, сохранившимся здесь в течение тысячелетий. А арамейский язык — это тот самый язык, на котором Иисус Назаретянин проповедовал своим соплеменникам. Поэтому Маалюля, продолжает священник, не только место, привлекающее туристов, но и притягательный центр для лингвистов, прежде всего для специалистов по семитским языкам. Арамейский — один из семитских языков, вытеснивший в I тысячелетии до н. э., в период господства ассирийцев, большинство других семитских диалектов в Сирии, а в Персидском царстве ставший ведущим официальным языком. Две книги Ветхого завета (Книга Ездры и Книга Даниила) написаны на арамейском языке, а на рубеже нашей эры он был разговорным,

обиходным языком на всей территории сирийско-палестинского региона.

Священник подводит меня к окну каморки. Великолепный вид открывается перед моим взором: глубоко внизу под нами — серые домишки деревни, перед нею — зеленая долина, а вдали простирается необозримая, безграничная Сирийская пустыня. Священник показывает на скалу вблизи монастыря и говорит: «Иисус Христос». В первый момент это до меня не доходит, но вдруг мне становится понятными его слова. Обладая некоторой толикой воображения, можно во внешних очертаниях крутой скалы различить профиль лица, а при большом желании увидеть в них черты Лица спасителя, как о них сообщает легенда.

Обратно в Дамаск я еду не по асфальтированной автостраде, а по каменистой дороге, протянувшейся у подножия отвесной стены на многие километры и напоминающей Китайскую степу. На полпути мне встречается еще один византийский монастырь, который гоже стоит на горе и как крепость возвышается над деревней Седная. Он дает ирнют большому числу монашенок, которые сразу же гостеприимно принимают пришельца, угощают его чаем и ведут затем сквозь лабиринт дворов, лестниц, ходов и террас в небольшую часовню. Живопись над дверью воспроизводит историю монастыря: император Юстиниан будто бы в 550 году проезжал эти места во время военного похода против персов. Император был страстным охотником. Однажды он преследовал оленя и вдруг, когда уже натянул тетиву, олень исчез, а вместо него явилась дева Мария, которая повелела ему построить на этом месте монастырь. Юстиниан сделал это, и первой настоятельницей монастыря стала одна из его сестер.

Сняв обувь, я вхожу в часовню. К несчастью, очень темно. Стены сплошь завешаны древними иконами в серебряных и золотых окладах. Но при плохом освещении немного увидишь. Самое ценное сокровище монастыря — изображение божьей матери, выполненное, как полагают, рукой евангелиста Луки. Лука, врач по профессии, был страстным живописцем-любителем, и поэтому этот святой считается покровителем живописцев.

Под влиянием Византии

Христианство, возникшее на Востоке и впитавшее в себя восточные традиции, быстро распространилось на огромные территории сирийско-палестинского региона. Вскоре посланники христианства стали стремиться распространить повое учение в Европе. Особое усердие проявил здесь наряду с Павлом апостол Петр; оба за распространение нового учения были казнены в Риме.

Но дальновидные советники римских правителей скоро поняли, что не следует преследовать людей, которые верят в лучшую жизнь на том свете и хотят как можно скорее приобщиться к счастью в загробном мире. Разве не сказал Иисус: «Царство мое не от мира сего!»? Поэтому разве не благоразумнее было бы отнестись с терпимостью к народному движению, направленному на борьбу за счастье в потустороннем мире и даже, может быть, поощрять его? Разве нельзя для того, чтобы идеологически обезоружить и деморализовать народ, извлечь пользу из движения, приверженцы которого требовали: «...любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас»? Довольно часто апостолы даже призывали своих последователей к послушанию государственной власти. «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от бога», — провозгласил Павел. «Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу», — сказал он в другом случае. А Петр в своем требовании пошел дальше: «Слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым».

Понимание правящими классами того, что христианское движение можно обезвредить и даже использовать его в своих интересах, возведя новое учение в государственную религию, особенно возросло в IV веке. Когда в 324 году Константин, убив своего соправителя Лициния, добился единовластия над Римской империей, он осуществил два решения всемирно-исторического значения: перенес столицу из Италии, которая стала

подвергаться набегам германцев, в экономически сильную восточную часть империи, сделав новой метрополией бывшую греческую колонию Византий, и взял под свою защиту христианство. Таким образом сложилась ситуация, которая определила развитие в последующем тысячелетии.

После гибели Западной Римской империи, развалившейся под ударами варваров, центр политического и духовно-культурного развития полностью переместился в Византию. В то время как города Запада приходили в упадок и козы паслись даже на Капитолии, в Восточной Римской империи в условиях изменившейся общественной структуры (феодализма) культура и наука достигли нового расцвета. Эта империя включала в себя наиболее зажиточные и высокоразвитые в культурном отношении области древнего Рима: Балканский полуостров, Малую Азию, Сирию, Палестину и Египет. Это были те части страны, где говорили не на латинском, а на греческом языке. Факел человеческого разума, зажженный в Риме, погас; Европа лежала в глубокой тьме. Но в Византии он вспыхнул вновь и озарил Восток. В рабовладельческий строй стали проникать элементы феодализма, которые постепенно вытеснили его. Уже в середине VI века здесь произошло событие величайшей культурно-исторической важности — разработка норм существующего римского права в «Кодексе Юстиниана». Здесь возникла, являясь прямым продолжением традиций античного строительного искусства, византийская архитектура, которая создала новый стиль — купольную базилику, — наиболее совершенно воплотившийся в знаменитой соборной церкви св. Софии, построенной при императоре Юстиниане в 537 году. Здесь по инициативе наиболее просвещенных слоев общества были созданы крупные высшие учебные заведения с несколькими факультетами, имевшие в своем распоряжении огромные библиотеки. Отсюда средневековая Европа получала важные импульсы. Но прошли еще столетия, прежде чем луч, исходящий из Византии, достиг Европы.

В византийскую эпоху весь Восток был усеян христианскими церквами. С постройками, возведенными при Константине в Вифлееме и Иерусалиме, мы уже познакомились. Великолепные божьи дома получили все города Сирии. В Буэре был воздвигнут большой собор. Христианские церкви, часто даже по нескольку, строились в Дамаске и Баальбеке, в Эсре, Суэде и во многих Других местах; в одной только Герасе их насчитывалось одиннадцать. Особенно много византийских построек, среди них и светских, можно еще и сегодня встретить в Северной Сирии, в районе Алеппо.

Тот, кому доведется разговаривать с жителем Алеппо, хорошо сделает, если воздержится высказывать свое мнение относительно преимуществ Дамаска. Например, ему не следует говорить, что Дамаск — самый древний город в мире, ибо, само собой разумеется, каждый алеппец глубоко убежден в том, что его город древнее, и будет апеллировать к хеттским документам, в которых Халпа упоминается как столица богатого царства Иамхад уже во II тысячелетии до н. э.

В других вопросах Алеппо тоже конкурирует с сирийской столицей, подобно тому как Краков — с Варшавой, Ленинград — с Москвой: в отношении числа жителей, экономического и политического значения, красоты их девушек и других важных вещей. Что бы там ни было, но, во всяком случае, Алеппо — очень древний и в настоящее время все еще очень важный город, центр политической и экономической жизни северной части Сирии, один из наиболее открытых миру, наиболее живых среди больших городов Ближнего Востока.

Арабы называют город Эш-Шахба (Серый). В Алеппо нет Барады и потому нет зеленого пояса. В городе недостает приветливых красок, которые так приятно радуют глаз в Дамаске. И все-таки независимо от этого Алеппо — живописный город, и прежде всего потому, что, несмотря на значительное промышленное развитие последних лет, он сохранил свой восточный колорит. Администрация города прилагает все усилия к тому, чтобы даже в условиях современной жизни сохранить арабские традиции. Здесь имеется одно из богатейших собраний восточных древностей: ценные находки из раскопок Тель-Халафа в сирийско-турецкой пограничной области, из аморитской метрополии Мари, из городища

Арслан-Таш, из финикийского Угарита. Все эти неповторимые сокровища прошлого находятся в настоящее время в очень современном и очень эффектном музейном здании.

Алеппо — не только центр торговли и ремесел Северной Сирии, но и наиболее удобный исходный пункт для осмотра памятников византийской культуры на сирийской земле. К наиболее ранним и самым красивым сооружениям относятся постройки Ресафы (Сергиополиса) на северных окраинах Сирийской пустыни.

Довольно прямая дорога из Алеппо на восток через 90 километров подходит к самой большой реке страны, Евфрату, и дальше ее сопровождают медленно текущие воды этой реки. Было раннее утро; покрыв примерно 180 километров, мы оставили ведущую на восток автостраду и свернули на юг. Цель нашей поездки находится километрах в сорока южнее, и до нее относительно удобно можно добраться по дороге, проходящей через пустыню. Природа предстает перед нами во всем своем блеске. Весна в разгаре, и пустыня цветет. Нежный пестрый копер из цветущих трав и диких злаков покрывает широкие пространства и скрывает каменистую песчаную почву.

Не прошло и 40 минут, как на горизонте показались стены города. Они окружили не совсем правильный четырехугольник, длина которого — примерно 500 метров, а ширина — 400. Ахмед рассказывает мне, что арамейское название «Ресафа» в византийский период было вытеснено названием «Сергиополь», в честь Сергия, который во время правления императора Диоклетиана (около 300 года н. э.) служил в дворцовой охране. При Диоклетиане кровавые преследования христиан снова привели к страшным столкновениям. Сергий, исповедовавший новое учение, пал их жертвой и был казнен здесь, в Ресафе, в 305 году. Его могила вскоре стала местом паломничества, в особенности когда прошла молва, что она чудотворна.

Мы входим на территорию церкви, воздвигнутой спустя 200 лет над могилой мученика, через великолепно украшенные Северные ворота. Церковь св. Сергия принадлежит к лучшим образцам раннего византийского искусства. Здание имеет форму трехнефной базилики с пристроенным боковым флигелем. Необычайно красив материал, из которого она построена. Это лучисто-белый гипсовый камень, кажущийся прозрачным и придающий стенам необычный блеск. Большой интерес представляют огромные цистерны. Поскольку зеркало грунтовых вод города лежит очень глубоко, дождевую воду собирали и направляли в громадные резервуары размером 58 метров в длину и 21 метр в ширину, перекрытые бочковым сводом.

Сооружения эти снова пришли в упадок после того, как сасанидский царь Хосров II в 616 году разграбил и разрушил Ресафу. Впоследствии, оставленная жителями, она канула в небытие, из которого ее теперь вырвали археологи.⁶

Цель нашего путешествия — мертвые города Северной Сирии. Маркиз де Вог, во второй половине прошлого столетия французский посол в Константинополе, а также страстный любитель-археолог, автор работ о храмах Иерусалима и о сирийских светских и церковных постройках, насчитывает их более ста. Я не смог проворить это число, но несколько десятков во время моих поездок по Сирии я видел.

Развалины мертвых городов свидетельствуют о большой плотности населения этих областей в ранневизантийский период (IV–VI столетия). Это — таинственное зрелище. Совершенно неожиданно в почти безлюдной местности, по которой пролегает лишь узкая асфальтированная дорога, появляются городские стены, башни и стены домов. Чем ближе мы подъезжаем, тем очевиднее становится, что это не населенные пункты, а покинутые поселения. Их строили на верхушках холмов и вскоре снова оставляли. Все эти маленькие городишки похожи друг на друга, как если бы они были спроектированы одним и тем же архитектурным бюро и смонтированы из заранее изготовленных строительных конструкций.

⁶ Ресафа (или Русафа) после разрушения в 616 году царем Хосровом II Парвизом была восстановлена в VIII веке и превращена в летнюю резиденцию халифов из династии Омейядов. Город существовал до XIII века, когда мамлюкский султан Египта Захир Бейбарс заставил всех жителей покинуть Ресафу. (Примеч. ред.)

Они окружены городскими степами из простого тесаного камня; из-за стен поднимается несколько башен; улицы проложены под прямым углом и хорошо асфальтированы; по обеим сторонам улиц тянутся лавки, дома и постоянные дворы; часто встречаются церкви, почти всегда это трехнефные базилики.

Дорога ведет на север, к турецкой границе, в Антиохию, город, который французские власти в 1938 году великодушно передали Турции и который там называется Антакья. «Чужое добро легко раздаривать!» — комментирует Ахмед этот акт, не признанный Сирией по сей день.

Справа и слева от дороги земля густого красно-коричневого цвета. Поля усеяны камнями, исключаящими всякую возможность механизированной обработки земли. Каждый клочок отвоевывается у камней ценой невероятных усилий. Большинство крестьян обрабатывают свои поля обыкновенной мотыгой, и мало кто является обладателем примитивного орудия, не заслуживающего называться даже плугом, так как он не переворачивает землю, а только разрыхляет ее. В него впряжены тощая корова или осел. Урожай, несмотря на хорошую почву, невелик.

Меньше чем через 40 километров мы натолкнулись на старую римскую дорогу. Эта шестиметровой ширины дорога аккуратно выложена прочными плитами из известняка. Ее полотно на протяжении более километра находится еще в отличном состоянии, и я не могу удержаться от искушения проехать по ней. Проверка свидетельствует о качественном труде римских дорожных строителей. Испытываешь весьма странное чувство, когда в XX веке едешь по дороге, представляя себе, что здесь почти 2 тысячи лет назад проходили римские легионы. Римляне располагали превосходной сетью коммуникаций, которая позволяла состоятельным гражданам даже очень отдаленных провинций без особых трудностей посещать метрополию. На могильной плите одного римлянина в Малой Азии была, например, обнаружена надпись, где сообщалось, что умерший за свою жизнь посетил Рим 70 раз.

Мы продолжаем наше путешествие. На некоторых холмах неподалеку от дороги можно снова увидеть развалины древних византийских городов; иногда я с одного места одновременно вижу три города. Над развалинами возвышаются степы христианских церквей.

Сделав несколько крюков и посетив несколько таких безотрадных городов, убогое переиздание Помпей, мы приближаемся к цели сегодняшнего дня — монастырю св. Симеона (Симона), жемчужине византийского архитектурного искусства на Ближнем Востоке и одной из самых красивых церквей эпохи раннего христианства вообще. Калат-Семан — крепость Симеона — называют сейчас арабы развалины монастыря, напоминающие о пребывании здесь монаха Симеона.

Этот монах, родившийся в 390 году, довел идею аскетизма и самоограничения в буквальном смысле «до крайности». В 412 году он уединился в горах и поселился в келье, которую устроил на колонне («столпе») а затем основал секту «столпников». Столп, постоянно наращиваемый Симеоном, достиг к моменту его смерти 20 метров высоты. На очень небольшой площади поверхности столпа Симеон провел 27 лет, молясь и проповедуя. Слава о нем распространилась по всему христианскому миру. Из многих стран и даже с мрачных, неудобных и далеких Британских островов, куда уже также пришло христианство, прибывали верующие за советом и утешением. Когда 27 октября 459 года он умер, тело его было вначале погребено на столпе, а позднее перенесено в Антиохию, а вокруг столпа построили церковь, которая является одним из самых своеобразных сооружений раннего христианского периода на Востоке, образцом изобретательности и смелости архитектурной мысли и мастерства исполнения.

Центр церкви образует столп св. Симеона. Цоколь и часть колонны еще сохранились. Вокруг нее византийские зодчие возвели восьмиугольник, каждая сторона которого — свыше 10 метров. Он был перекрыт деревянным куполом. Четыре стороны восьмиугольника открывались в четыре базилики, самая большая из них — восточная, имеющая 44 метра в длину. Три другие базилики — по 30 метров в длину. Четыре базилики вместе с

центральным восьмиугольником образуют громадную церковь с крестообразным куполом.

Это сооружение вызывает чувство благоговения перед мастерством византийских зодчих, давших полтора тысячелетия назад великолепное свидетельство человеческого таланта и трудолюбия. Одновременно в стиле этого здания отчетливо видны признаки романского строительного искусства. Как и во всех других областях Римской империи, в Византии перенимали и все лучшее у римских архитекторов, совершенствуя их мастерство и знания, и отсюда, обогащенные новым опытом, они достигли Центральной Европы, где оказали сильное влияние на формирование первой большой культурно-исторической эпохи в Европе севернее Альп — романского искусства.

ЦАРСТВО МУХАММЕДА

Новый пророк

В южносирийском городе Бусре, уже описанной нише древней столице римской провинции Аравин, в последней четверти VI века жил скромный монах. Бахира — так звали его — проповедовал не во внушительном соборе города — его оставил за собой архиепископ, — он обращался к своей пастве в старом здании, сохранившемся еще с языческих времен. Но, к досаде архиепископа, этот дом едва вмещал многочисленных слушателей монаха, в то время как прекрасный, только что построенный собор оставался почти пустым. Бахира был вдохновенным проповедником: он умел нравиться своим слушателям и увлекать их. К тому же он был «сектантом», что уже тогда вызывало любопытство его современников. Он принадлежал к секте сирийских христиан, объявившей себя сторонницей бывшего Константинопольского епископа, низложенного в 431 году Эфесским собором⁷ и сосланного в Египет. Приверженцы этой секты требовали отличать человеческую природу Христа от божественной, не воздавать божественных почестей матери его, деве Марии, что власти истолковывали как кощунственное отступничество.

Однажды Бахира заметил среди прихожан подростка, слушавшего его с особым вниманием. Широко раскрыв рот, он жадно внимал каждому слову проповедника. Бахира никогда раньше не видел этого юношу. Наверное, он был не из местных жителей. По одежде его можно было счесть за погонщика верблюдов из центральной арабской пустыни, остановившегося вместе со своим караваном в городе на ночлег, перед тем как двинуться дальше на север, в Дамаск.

Бахира не очень любил, когда среди своих слушателей видел погонщиков верблюдов; для них его проповеди были лишь приятным развлечением среди будней долгих однообразных переходов через пустыню, и уже задолго до прибытия в Буеру они думали о том, какую шутку сыграть с монахом на этот раз.

Но этот юноша был совсем не таким: на лице его монах прочел восторг, с каким он внимал ему, полностью забыв о том, что происходило вокруг. И после окончания богослужения, когда уже все разошлись, он все еще стоял, мечтательно и неподвижно опершись о колонну. И лишь когда к нему приблизился Бахира, казалось, что он очнулся от восторженного оцепенения. Испугавшись, юноша смущенно прижался всем телом к стене и стал протискиваться мимо монаха к выходу. Но у Бахиры уже пробудилось миссионерское рвение. Он схватил юношу за плечи и привел его в свое жилище, находившееся над молитвенным залом. Там до глубокой ночи рассказывал он смывшему и восприимчивому малому об удивительной жизни спасителя, называемого Иисусом Христом, и о его чудесных

⁷ Имеются в виду несториане, последователи епископа Нестория. Несторианство зародилось в Византии в IV веке, а «сирийская православная церковь» (или якобиты) возникла позже, в VI веке. В отличие от несториан якобиты признавали только божественную природу Христа и отрицали человеческую. (*Примеч. ред.*)

деяниях.

Когда на следующее утро молодой человек покидал город, это был уже плохой и невнимательный погонщик верблюдов. Невыспавшийся, с головной болью, он неохотно выполнял свои обязанности. И когда к тому же из-за его невнимательности с верблюда упало несколько мешков с дорогими пряностями и их ценное содержимое посыпалось на дорогу, начальник каравана наградил его отменной бранью. Но странно, — обычно такой чувствительный, юноша едва обратил на это внимание. Его мысли витали где-то далеко. Он видел перед собой образ монаха, слышал его страстные слова, и вот это был уже не Бахира, который только что говорил, а сам Христос, которого с благоговением слушала община. И снова в его видении стерлись черты лица: теперь это был он сам, которому внимала толпа, и он упивался ее восторгом.

Когда юноша вернулся в свой родной город Мекку, казалось, что встреча в Бусре забыта. Молодой человек обратился к делам практическим. Он помогал вести дело, в котором был занят, что принесло ему благосклонное внимание вдовы хозяина. В 25 лет он женился на своей хозяйке, которая была старше его на 15 лет, и стал зажиточным и, стало быть, уважаемым гражданином мекканской общины.

Более десятка лет он осмотрительно и с сознанием долга вел свое дело. В его родном городе не было другого мнения о нем, кроме как: добросовестный, энергичный купец. И однако же его сограждане заблуждались. Люди не знали всей правды.

Юноша, которого встретил Бахира, человек, ставший в Мекке почтенным купцом, был Мухаммед. 600 миллионов людей на земле почитают его сегодня как пророка их бога — Аллаха. Мир чтит его как одного из самых великих в истории человечества основателей религии.

Встреча юного Мухаммеда с Бахирой не абсолютно достоверна. Но доказано, что Мухаммед во время своих странствий в качестве погонщика верблюдов и предводителя караванов доходил до Сирии и что образ пророка, пришедшего спасти людей, глубоко вошел в него и его юношеские видения постоянно преследовали его.

Мухаммед начал с того, что сначала убедил в своей миссии собственную жену, что, как известно всякому, уже большое достижение. Потом он стал проповедовать в кругу семьи и друзей. Его слушали. Ему верили. Его самоуверенность росла. У него самого возникло ощущение, что он — посланник Аллаха. Он рассказывал о Бахире, приукрашивая подробности встречи: монах жаловался, что человечество не поняло миссии Христа, не вняло предостережениям бога, что должен прийти новый пророк, последний, посланный богом, чтобы спасти людей. И ему, Мухаммеду, Бахира предсказал пророческую миссию.

Так был сделан решительный шаг. Мухаммед потребовал от имени Аллаха, единственного бога, признания и послушания ему как его пророку. С благоговением слушала небольшая кучка приверженцев откровения, возведенные богом через своего пророка. Сначала Мухаммед чувствовал себя отнюдь не основателем новой религии, а скорее защитником монотеистического вероисповедания. Резко выступил он в своем родном городе против многобожия, грозил страшным судом. Этим он нарушил покой зажиточных горожан, которые стали опасаться за свои прибыли от ежегодного паломничества пилигримов к священному камню Каабы, месту встречи богов⁸. Сначала они насмехались над Мухаммедом, потом стали бойкотировать его. Это побудило его 24 сентября 622 года переселиться вместе с 300 преданными ему приверженцами в «соседнюю» Медину, находящуюся ни мало ни много в 400 километрах от Мекки, — событие, позднее названное

⁸ Кааба (по-арабски «Куб») — древнейший храм в Мекке у источника Земзем, бывший объектом паломничества бедуинских племен Хиджаза еще в доисламскую эпоху. В храме (или вокруг храма) стояли каменные идолы, обожествлявшиеся этими племенами (что некоторые исследователи ставят под сомнение). Но предметом общего почитания был знаменитый «черный камень» — находившийся в Каабе метеорит, считавшийся священным. (Примеч. ред.)

его последователями Хиджра⁹ и ставшее первым днем мусульманского летосчисления.

Придя в Медину, Мухаммед пытался снискать расположение и получить поддержку живущей там сильной иудейской общины — ведь иудеи, как и он, были против многобожия, как и он, верили в одного бога, ждали прихода мессии. Мухаммед, чувствующий себя преемником пророка, почтил святые места евреев, прежде всего Иерусалимскую скалу, на которой бог Яхве обычно встречался со своим народом и где Авраам хотел принести в жертву своего сына Исаака.

Но Мухаммед показал, что он гораздо больше, чем только богоискатель. Он оказался энергичным политиком. Он действовал решительно. Как, он, Мухаммед, не знает текста? Как раз наоборот! Только он один знает настоящий, нефальсифицированный текст! Евреи и христиане неправильно поняли откровения предыдущих пророков и перевели их на свой язык лишь отрывочно, а значительную часть вообще утаили. Резко отмежевался он теперь и от обеих религий. Из проповедника старых религий возник создатель новой религии.

Чтобы объяснить такой поворот своим приверженцам, он осуществил также и географические трансформации: все священные легенды о Иерусалиме, «центре земли», он перенес теперь на свой родной город. Каабу он объявил первым святилищем, возведенным Авраамом и его сыном Исмаилом, родоначальником арабов, которое он, Мухаммед, обещал очистить от языческих верований¹⁰. Совершая молитву, нужно в будущем обращаться в сторону Мекки, логично решил он.

Несмотря на такой смелый поворот, Мухаммед был достаточно осторожен, чтобы не отрезать для себя все пути. Иерусалим и далее оставался для его приверженцев святым городом. Свою религию Мухаммед рассматривал как продолжение великих монотеистических религий, а себя самого — как обновителя первоначального божественного вероучения. Все предшествующие пророки от Моисея до Христа — остались в высоком почете. К сожалению, недостойное человечество не поняло их откровений и не соблюдало их, поэтому единый и милосердный бог решил предпринять еще одну, последнюю попытку предстать перед людьми через него, Мухаммеда, чтобы пробудить и спасти людей. Провозглашенное в откровениях учение Мухаммед назвал «ислам», что означает «покорность» — покорность воле божьей. Приверженцев ислама стали называть «мусульманами» («покорными богу»), (Выражение «магометанин», следовательно, неправильное и приверженцами ислама не используется.)

За десять лет пребывания в Медине Мухаммед создал сильную и дисциплинированную группу последователей. С их помощью ему удалось совершить несколько успешных вооруженных операций против Мекки, и после удачно проведенных переговоров он сумел овладеть городом. Новое государство возникло под руководством Мухаммеда; ислам стал его государственной религией.

Когда в 632 году Мухаммед умер на руках своей любимой жены Айши, он не оставил никаких записок. Его высказывания передавались из уст в уста, а также записывались его грамотными приверженцами на пальмовых листьях и на шкурах. И только много лет спустя после его смерти, около 650 года, халиф Осман приказал составить сборник откровений. Так возник Коран, «часто читаемая книга», произведение, содержащее изумительные, полные

⁹ В Медине к моменту хиджры (букв. переселение) жили 5 арабских племен, из которых 3 (кейнука, курейза и надир) исповедовали иудаизм и жили более зажиточно, а два других (аус и хазрадж) еще придерживались язычества (хотя и испытывали влияние христианства), жили беднее, но были сильнее в военном отношении. Мухаммед, опираясь на своих сторонников, прибывших с ним из Мекки («мухаджиров»), и мединских последователей («ансаров»), сразу же занял в Медине независимое положение (формально он был гостем племени хазрадж) и вступил в сложные отношения со всеми племенами, стараясь привлечь их на свою сторону и заключая с ними договоры. (Примеч. ред.)

¹⁰ Авраама мусульмане называют Ибрахим. Мухаммед по соглашению с мекканской знатью убрал из Каабы языческих идолов, но сохранил поклонение «черному камню». (Примеч. ред.)

поэзии истории, которые Гёте охарактеризовал следующими словами: «Точное предписание о вещах, которые разрешаются и запрещаются, легендарные повести о еврейской и христианской религии, подробные описания всякого рода, бесконечные тавтологии составляют основу этой священной книги, которая нас всякий раз, как мы к ней приближаемся, снова отталкивает, потом снова притягивает и вызывает чувство восхищения и, наконец, принуждает к уважению».

Коран воспринимается мусульманином как слово самого бога. В 69-й суре Мухаммед провозгласил откровение, которое недвусмысленно ставит под сомнение его авторство: «А если бы он изрек на нас какие-нибудь речения, мы взяли бы его за правую руку, а потом рассекли бы у него сердечную артерию».

Поэтому текст неприкосновенен — за 1200 лет с момента его появления в нем не было изменено ни строчки, — и он действителен только на языке оригинала, так как кто бы взял на себя смелость перевести бога!

Коран стал самой важной книгой у мусульман. Он определяет религиозные обряды; он устанавливает заповеди; он провозглашает моральные, нравственные и гражданские обязанности; он до мелочей регламентирует все стороны жизни мусульманина; он своего рода советчик и руководитель во всех жизненных ситуациях; и он до наших дней остается источником правовых установлений.

Религиозные заповеди очень просты.

«Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед его пророк», — гласит заповедь. Молиться богу нужно пять раз ежедневно и обязательно в определенное время, кроме того, поощряются дополнительные благочестивые действия; предписывается ежедневное соблюдение поста в течение месяца рамадана, в остальное время рекомендуется приносить покаяния; подаяние милостыни бедным — обязанность; один раз в жизни предлагается совершить большое паломничество в Мекку — хаджж.

К нравственным и гражданским обязанностям относятся прежде всего благодарность родителям и родственникам и забота о них, готовность оказать поддержку братьям по племени и единоверцам, гостеприимство по отношению к чужестранцу, уважение образа жизни своего ближнего, честность и соблюдение условий договоров и соглашений, честность поведения в общественной жизни, нравственный образ жизни, верность долгу и доброта по отношению к подчиненному.

Предписания Корана еще и сейчас соблюдаются верующими очень строго, что составляет существенную часть в развитии тех качеств, которые повсюду можно встретить в арабском мире. Особенно сильное впечатление производит сплоченность внутри племени или большой семьи. Она не ограничивается частыми посещениями друг друга, а выражается у арабов в чувстве ответственности по отношению к родственникам.

В соответствии с откровениями, провозглашенными Мухаммедом, ему не воздаются божественные почести. В отличие от Христа он считал себя человеком среди людей, ни бессмертным, ни непогрешимым; он не мог сотворить чуда: ни исцелить больного, ни поднять со смертного одра мертвого. Лишь одно мог он требовать: беспрекословного послушания! В ряде случаев, касающихся некоторых жизненных вопросов, по-видимому очень для него важных, он позаботился о том, чтобы предусмотреть в некоторых своих откровениях известные дополнительные льготы и поблажки, позволяющие узаконить его личные желания. Ограничив, например, полигамные традиции своей родины правом иметь четырех жен, он оставил за собой привилегию сочетаться браком с неограниченным количеством женщин; и действительно, после смерти первой жены число его жен достигло весьма внушительной цифры.

Поклявшись своим женам расстаться с юной копткой и потом горько раскаявшись в своей клятве, он тут же приурочил к этому случаю одно из своих откровений, позволившее ему избавиться от этой клятвы.

Когда его любимая жена Айша в поисках потерянного ожерелья отделилась от каравана и через некоторое время ее привел назад красивый юноша, что, само собой разумеется,

вызвало кривотолки, Мухаммед объявил, что обвинение в нарушении супружеской верности должно быть подтверждено четырьмя свидетелями, иначе обвинителя следует высечь розгами. Каждому ясно, что при таких условиях нарушение супружеской верности в арабских странах остается абсолютно неизвестным.

К моменту смерти Мухаммеда его государство включало большую часть Аравийского полуострова. Ему удалось положить конец кровавым распрям между бедуинами, а также между, различными племенами и объединить арабов единой верой в Аллаха. Так он создал основу будущей арабской империи. Этот успех стал возможным только благодаря тому, что его учение соответствовало требованиям времени. Мухаммед приспособил монотеистические воззрения, имеющие в историческом плане преимущество перед многобожием, к условиям родины арабов. Кроме всего прочего, он сделал возможным для арабов переход к феодальным отношениям.

Смерть Мухаммеда повергла его приверженцев в смятение. Он не оставил для своих преемников никаких наставлений. Сына у него не было. Сторонники наследственной преемственности высказывались за Али, его двоюродного брата, который был женат на дочери Мухаммеда Фатиме. Но верх одержали те, кто выступал за избираемость преемника (халифа). И они избрали очень уважаемого соратника Мухаммеда по борьбе за его идеалы — Абу-Бакра, отца Айши. Только за два года правления ему удалось распространить свое господство на весь полуостров и обеспечить государству должный престиж.

Междоусобная борьба за власть и за законность ее наследования привела в конце концов к расколу исламской религиозной общины на суннитов, которые и сегодня составляют большинство мусульман и живут в основном в Египте, Сирии, Хиджазе и Индии, и партию Али (Шиат-Али), шиитов, которых чаще всего можно встретить в Ираке и Иране.

Преемники

Часто в истории человечества случалось так, что малоизвестные народы внезапно появлялись как бы из темноты и молниеносно наводняли огромные пространства. Однако редко бывало, чтобы подобное нашествие подчинило своему влиянию развитие большей части земли на длительный период. По арабская волна завоеваний, связанная с распространением ислама, привела к образованию великой империи, достигшей за короткий срок высочайших вершин в науке и культуре и ставшей на длительное время центром духовной жизни, импульсы которой проникли во все части известного в то время мира. Более трех четвертей тысячелетия блеск арабских халифатов распространялся далеко, на три части света — Азию, Африку и Европу. Научные знания и открытия, изложенные на арабском языке, определяли тот уровень, который мы сейчас называем мировым.

Уже в 634 году при Омаре, втором халифе, арабские войска начали совершать набеги на Египет, Сирию и Двуречье¹¹. Сначала сдержанно и осторожно. К их собственному изумлению, они не встретили сопротивления. Их могучие соседи на севере, византийцы и персы, обессилели от длительных, не прекращающихся в течение многих столетий войн друг против друга. Семитское население стран Ближнего Востока было недовольно господством Византии: оно приветствовало напавших на них арабов не только как освободителей, но и одновременно как братьев.

В этом же году в Южной Палестине произошла важная битва: быстрая и подвижная конница арабов одержала победу над неуклюжими, неповоротливыми наемниками византийской армии.

За короткое время бедуины покорили все укрепленные города. Вскоре они утратили

¹¹ Арабы впервые вторглись в Сирию и Палестину не в 634, а в 633 году, то есть не при Омаре, а еще при первом «праведном» халифе — Абу Бекре (632–634). (Примеч. ред.)

интерес к ним. Уже в 635 году арабы отважились напасть на Дамаск и захватили его¹². И хотя довольно быстро они потеряли город (годом позже после того, как полководцу Валиду удалось неожиданно для византийских полководцев, молниеносно провести свои войска от Евфрата через пустыню и одержать решительную победу у Ярмука, ныне пограничной реки между Сирией и Иорданией), город был захвачен снова. Почти без боя арабские соединения заняли Хомс, Хаму, Алеппо и Антиохию. В 638 году последовало взятие святого города Иерусалима. Одновременно другие части арабской армии разгромили Сасанидское государство и покорили Египет.

Халифу Омару удалось совершить дело, несравненно более трудное, чем завоевания: с помощью ислама он навязал арабам, кочевавшим незадолго до того в пустыне, не зная никаких административных учреждений и испытывая недоверие к любой форме власти, четкую систему организации, гарантировавшую сохранение завоеваний. Учение Мухаммеда выдержало повое испытание. Захваченными странами управляли военные губернаторы, и им было дано указание как можно меньше вмешиваться в жизнь народов завоеванных территорий и не касаться их религиозных обычаев. Так, духовные лица многих религиозных общин в этих землях сохранили свое положение, остались в основном нетронутыми гражданские административные учреждения. И в одном только случае завоеватели не шутили: если не поступала вовремя дань.

После убийства Омара в 644 году халифский трон занял Осман из рода Омейя (впоследствии династии Омейядов). При нем сыны пустыни стали моряками, потому что этого хотел Аллах. Вместо того чтобы на спинах верблюдов пересекать пустыню, они отправились на легких лодках по Средиземному морю, захватили Кипр и Родос. Осман тоже был убит (в 656 году). Теперь наконец освободилось место для Али, зятя Мухаммеда. Но эту честь оспаривал у него Муавийя, военный правитель Сирии из рода Омейя. По-видимому, Али устал от вечных распрей, поэтому он был готов отказаться от халифского трона, что не устраивало его сторонников, почувствовавших себя так скоро обманутыми после успеха, достигнутого в борьбе, длившейся десятилетия¹³. Они не могли простить Али такую слабость и в 661 г. убили его.

Так Муавийя окончательно стал халифом. Он упразднил выборность халифов и перенес центр Арабской империи, простиравшейся от Персии до Туниса, из центральной части Аравийской пустыни в центр завоеванных территорий; столицей он сделал Дамаск. При халифах Абд аль-Малике, аль-Валиде I и Хишаме государство достигло наибольших размеров: была покорена вся Северная Африка, а войско полководца Тарика переправилось через пролив, который носит его имя — Джебель ат-Тарик — гора Тарика (Гибралтар), в Европу. Под зелеными знаменами пророка войска арабов завоевали всю Испанию, перешли Пиренеи, напали на Галлию и лишь с большим трудом были остановлены воинами Карла Мартелла в битве между Туром и Пуатье в 732 году. На востоке арабские войска достигли Инда и перешли его.

На завоеванных территориях омейядские халифы ввели арабский язык в качестве официального государственного языка. Административная система была усовершенствована главным образом при Абд аль-Малике. Хорошая по тем временам почтовая служба обеспечивала быструю передачу информации. Византийские и персидские монеты были заменены собственными денежными знаками.

Завоеватели очень успешно приспособились к римско-греческой и восточной культуре,

¹² Арабы во главе с Халидом ибн аль-Валидом подошли к Дамаску в марте 634 года и взяли его в сентябре 635 года. (Примеч. ред.)

¹³ Али не собирался отказываться от сана халифа, но шел на компромисс с аристократией племени курейш, разбогатевшей в ходе арабских завоеваний. Это вызвало недовольство низов мусульманской общины, выразителями которого стали «хариджиты» («восставшие»), выступавшие за выборность халифа и верность принципам родовой демократии. Одним из хариджитов и был убит Али. (Примеч. ред.)

существовавшей прежде всего в центральных областях завоеванных территорий. Победители пришли не как разрушители; они щадили и берегли все, быстро перенимая и совершенствуя. Поразительной была их религиозная терпимость. Они отказались от насильственного обращения народов завоеванных территорий в ислам. Более того, препятствовали переходу в ислам уже хотя бы для того, чтобы не уменьшить число налогоплательщиков, так как мусульмане от уплаты податей были освобождены.

Поразительные успехи арабов нельзя объяснить одной их терпимостью. Более важным является то обстоятельство, что население завоеванных территорий встречало их как освободителей от чужеземного гнета. Но арабы не принесли с собой прогрессивного общественного порядка. Напротив, в то время, когда проповедовал Мухаммед, большая часть населения Аравийского полуострова жила еще в доклассовом обществе. Только на юг, в Йемен, проникли первые зачатки рабовладельческого строя. Исламизация арабских племен стала одновременно и началом феодализации общественных устоев. За несколько десятилетий были достигнуты успехи, на которые в Европе понадобились сотни лет. На этот период общественных преобразований приходятся большие завоевания. Государства, которые основывали арабы, были феодальными, хотя и характеризовались некоторыми особенностями, отличавшими их от европейских феодальных государств: право наследования поместья появилось позже; закрепощение шло очень медленно, зато торговля и ремесла в арабской феодальной структуре достигли расцвета значительно раньше, чем в Европе; интеллигенция как самостоятельный слой населения сформировалась быстро. С другой стороны, арабскому феодализму понадобилось значительно больше времени, чтобы освободиться от пережитков рабства.

Однако сохранить огромную империю надолго оказалось невозможным. Постоянно вспыхивали восстания против центральной власти. Поднялась даже Медина, недовольная положением провинциального города, которое ей предназначали Омейяды. Сильные восстания бушевали в восточной части империи, главным образом в Иране. Часто восстания против завоевателей прикрывались религиозными мотивами. Не прекращался спор вокруг наследия Али. С требованием признать Али и его потомков духовными и светскими наследниками Мухаммеда выступили иранцы. Они образовали союз с сектой в Двуречье, ведущей свое родословное древо от дяди Мухаммеда — Аббаса. Вот что случилось в 749 году: Абу эль-Аббас объявил себя халифом, и с ним началось господство Аббасидов. Его войско решительно разгромило Омейядов, и в 750 году был захвачен и разрушен Дамаск. Последний халиф Омейядов, Марван, был взят в плен и обезглавлен, его семья полностью истреблена. Только внуку халифа Хишама, Абд ар-Рахману, удалось бежать в Испанию, куда он прибыл в 756 году, чтобы основать там новое государство Омейядов — Кордовский халифат, который 200 лет спустя благодаря своим государственнополитическим, культурным и научным достижениям затмил Европу.

Аббасиды перенесли центр своего государства на Тигр. В 762 году халиф Мансур основал здесь новую резиденцию — Багдад. От аскетизма сынов пустыни, уже в значительной мере ослабленного при Омейядах, скоро не осталось и следа. Персидский церемониал определял обычаи при дворе Харуна ар-Рашида, халифа из «Сказок 1001 ночи», которому Византия платила большую дань и которому даже Карл Великий почтительно направил миссию. Источником неопишемого, поистине сказочного богатства семьи халифа, придворной знати, феодалов и купцов была беспощадная эксплуатация крестьян, арендаторов и пастухов. Высочайшего расцвета достигли наука и искусство. И все-таки государство Аббасидов никогда не смогло подняться до того величия и мощи, которым славилось государство династии Омейядов со столицей в Дамаске.

Мечеть Омейядов

Государство Омейядов оставило человечеству архитектурные сооружения великой красоты. Прежде всего возводились мечети как места собрания верующих. Их форма

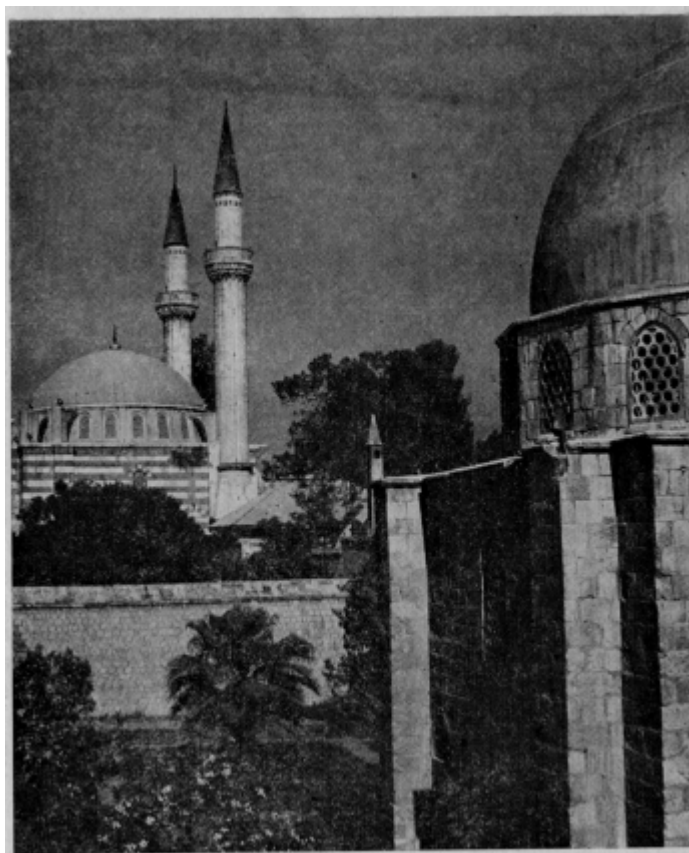
восходит к древнеарабскому типу построек: каменная стена окружает большой внутренний двор, к которому примыкают несколько отдельных помещений. Мухаммед тоже жил в одной из таких построек. Для бесед с друзьями он велел напротив жилых помещений, у каменной стены, построить крытую галерею. Крыша из тополя, глины и листьев поддерживается каменной стеной и несколькими столбами. Так сложился основной архитектурный тип мечети. На одной стороне большого двора расположен молитвенный зал с помещениями для омовения; вдоль другой стороны тянется колоннада. Наряду с большими мечетями складывается еще один тип небольшой постройки, представляющий собой, как правило, квадратное, увенчанное куполом здание двора, которое также служит верующим местом для молитв.

Великолепные образцы архитектурного искусства того периода — мечеть Омейядов в Дамаске, мечети Куббат ас-Сахра и аль-Акса в Иерусалиме, а также мечеть в Медине.

Центральные мечети того времени обычно соединялись переходами с дворцом повелителя. В то время как большая часть мечетей сохранилась, дворцы часто становились жертвой завоевателей, так что сегодня трудно найти свидетельства их существования. От дворца омейядских халифов в Дамаске не осталось никаких следов. Он довольно скоро был разрушен грабительскими, опустошительными набегами орд, которых так много довелось увидеть городу. Скучные развалины сохранились от обоих дворцов Каср аль-Хайр, построенных в пустыне к юго-западу и северо-востоку от Пальмиры.

Дорога к мечети Омейядов в Дамаске проходит через базар Хамидия. Повседневную сутолоку на базаре можно сравнить только с нашим рождественским рынком в последний воскресный вечер в канун рождества. Тот, кому доведется пройти вдоль полуторакилометровой базарной улицы — со всех сторон параллельно и перпендикулярно к ней тянутся другие старые торговые улицы и улочки, — может встретить здесь представителей всех слоев общества во всей яркой самобытности, свойственной сирийскому населению. Укутанных в черные покрывала горожанок сменяют крестьянки в пестрых традиционных одеждах; татуированные женщины-бедуинки испуганно устали на молодых девушек, отважившихся выйти на улицу в коротких, ярких, вызывающих шок платьях; за торговцами, с достоинством несущими свои животы и шарфы, следуют элегантные мужчины с тщательно подстриженными бородками; группы солдат в формах цвета хаки наводят на мысль о мощи сирийской армии; крестьяне в широких мешковатых штанах, — на голове тщательно повязан белый или клетчатый платок, перехваченный жгутом, — медлительно и осторожно торгуются; а среди них от магазина к магазину спешат сотни иностранцев из многочисленных представительств и учреждений ООН, многие из них ко всему придираются и мгновенно возмущаются, если базарный торговец, обычно понимающий немного почти все языки мира, не сразу сможет ответить на родном диалекте покупателей. Эта толпа дополняется группами туристов, часто одетых довольно эксцентрично и не допускающих мысли, что где-то что-то может быть иначе, чем у них дома. Они совсем растерялись здесь и к тому же думают, что могут скрыть свое невежество от окружающих беспомощным покачиванием головы и детским хихиканьем.

Было бы преувеличением назвать дамаский базар архитектурной достопримечательностью. Значительную часть Прямой улицы и большинство боковых переулков перекрывают своды из гофрированного листового железа. Немногие, еще красивые фасады старых зданий скрыты за ярко-пестрыми рекламными плакатами. Но, несмотря на все внешние недостатки и несуразности, каждый выход на базар становится событием.

Мечеть Сулеймана в Дамаске

Поразительно, как торговцы принаравливаются к иностранным покупателям. Они пытаются — и часто успешно — угадать национальность каждого.

— Hallo, Mister, welcome, come in, please, not to buy, only to have a look! (Здравствуйте, мистер, входите, пожалуйста, можете не покупать, только взгляните). Bonjour, Monsieur, entrez, s'il vous plaît, nous avons de brocart d'une bonne qualité! (Здравствуйте, месье, входите, пожалуйста, у нас есть прекрасная парча!) Добро пожаловать, господин, здесь совсем дешево, для вас будет особая цена, не как для американцев!

У кого же хватит сил устоять? Может быть, это удастся у первой лавки, у второй. Но потом сопротивление слабеет. Я уже поймал себя на мысли: только войду, только на минуточку. Смешными надеждами тешит себя человек: ему не удастся уговорить меня! Если я не хочу покупать, значит, не куплю! И в этот момент я уже пропал.

Чего только нет в такой маленькой лавчонке, а она не более полутора метров в ширину и четыре метра в глубину. Полки заполнены, и продавец без устали восхваляет неповторимо счастливый случай.

Мне нужна голубая сорочка сорокового размера. «Пожалуйста, господин!» Он кладет передо мной сорочку сорок первого размера, и я обращаю на это его внимание. «Действительно, вы правы, господин, сорок первый! Но, подумайте, какое это имеет значение для сорочек! И, кроме того, извините, господин, может быть, вы уже давно не измеряли себе шею. Мне кажется, что господин чуть-чуть поправился. Позвольте?» И прежде чем я успеваю что-нибудь возразить, он накидывает мне на шею рулетку-сантиметр. «Я так и знал! Посмотрите сами, господин: сорок первый размер!» Я пытаюсь заговорить и объяснить, что сорочка не для меня, а для моего сына. Но это не выводит его из равновесия. «Понимаете, мой господин, размеры иногда не совпадают. Но если вы настаиваете на сороковом размере, пожалуйста, как вам будет угодно, господин. Вот сорочка, которую вы хотели». Сорочка, оказавшаяся теперь передо мной, не голубого, а зеленого цвета. На мое возражение продавец подносит ее к свету. «Ну, что? Конечно, она не совсем голубая, может

быть, немного с зеленоватым оттенком. Это значит, что при дневном свете она будет иметь хороший зеленый цвет, но скажите, кто носит теперь голубое?»

Он выиграл! Я капитулирую. Может быть, действительно моему сыну зеленый цвет поправится больше. «Ну вот, видите, господин, я же знал, что эта сорочка вам понравится. Большое спасибо, господин, и добро пожаловать!»

Я покидаю лавку ухмыляющимся пораженцем. Я разговаривал с продавцами подобным образом несметное число раз, и это всегда доставляло мне удовольствие. Я знаю, что, продолжай я и дальше настаивать на голубом цвете и сороковом размере, это не изменило бы серьезно существа дела, так как в этом случае продавец предложил бы мне чашку кофе, а тем временем послал бы одного из толкущихся повсюду мальчишек в лавку своего брата, и там наверняка нашлась бы требуемая сорочка. Здесь столь хорошо знакомое мне выражение, как «На'мва! (Нет!)», просто не существует в словарном запасе восточного торговца.

Самый большой шум на базаре исходит от торговцев вразнос. Они торгуют с величайшей уверенностью, ловко лавируя в плотном человеческом потоке. Самые крупные представители этой братии — это владельцы ручной тележки — сооружения из двух досок, водруженных на два велосипедных колеса. «Ли́ра, ли́ра, ли́ра!» — кричат они во всю глотку; они продают товар общей ценой за один фунт: носки, детские колготки, носовые платки, как когда. Покупатели с удовольствием роются в вещах, разложенных на тележке, тщательно проверяют, прежде чем решиться на покупку. Затем идут более скромные, у них нет тележки. Они раскладывают свой товар прямо на тротуаре, подстелив старое одеяло или кусок газеты. Некоторые ставят между лавками деревянный ящик. Здесь на крохотном пространстве разложены гребешки, батарейки, зажимы и кольца для занавесей, карманные ножи, авторучки, ластики. За ними по социальной шкале базара следуют подростки, предлагающие книги и брошюры, на обложках которых изображены роскошные женщины и пижоны с бицепсами. Среди них попадаются журналы, подаренные какими-либо иностранными представительствами с целью пропаганды. Пятница для этих торговцев книг — большой день: многие магазины закрыты, поэтому они раскладывают книги прямо на тротуаре перед витринами в надежде, что кто-нибудь споткнется об их сооружения и окажется покупателем.

Наконец, идут маленькие мальчишки, часто не старше десяти, которые раскладывают прямо на земле вдоль улицы несколько дюжин платяных вешалок и с умоляющим видом предлагают прохожим жевательную резинку и лотерейные билеты.

Несмотря на сутолоку, ссоры возникают редко. У полиции почти никогда не бывает повода для вмешательства, хотя с точки зрения юридической причин достаточно. Например, вряд ли кто-нибудь из торговцев вразнос имеет разрешение властей заниматься этим делом. Но никто и не спрашивает о нем. Семьи большие, а возможности найти работу незначительны, поэтому им не мешают. Сам вопрос о разрешении торговать на Востоке неуместен. Нужно ли разрешение на сон? На то, чтобы дышать?..

В конце базара неожиданно возвышаются огромные колонны входных ворот храма Юпитера, воздвигнутые римлянами в начале III столетия на месте культового сооружения арамейцев в честь бога Хадада. Площадь римского храма была весьма внушительной: прямоугольник шириной 380 метров и длиной боковых стен 310 метров. Колонны достигают высоты 16 метров, а над ними, над изумительно красивыми коринфскими капителями, высится, как бы венчая это сооружение, богато украшенный фрагмент фронтона, который сохранился лишь частично.

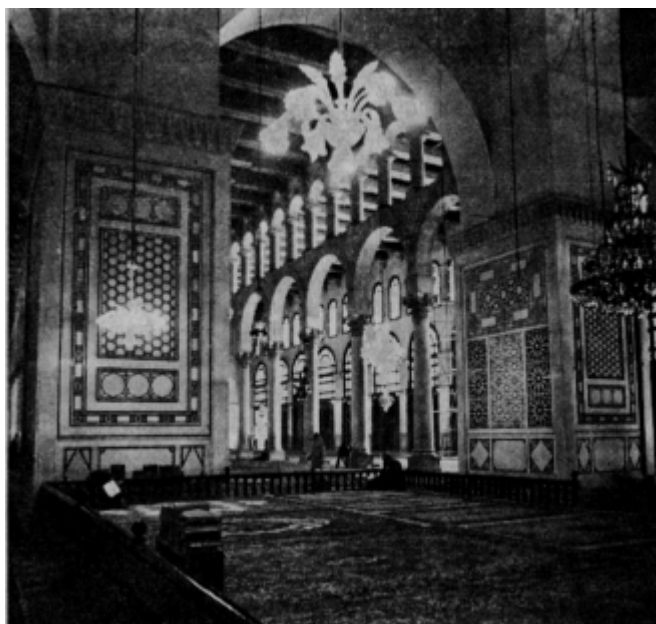
Едва ли не через 150 лет после того, как было закончено строительство храма Юпитера, император Феодосий приказал разрушить это сооружение, а на его месте воздвигнуть византийскую базилику, позднее посвященную Иоанну Крестителю. Уже Валид I начал потребовавшее колоссальных расходов строительство Великой мечети, завершенное между 706 и 715 годами. В средние века эта мечеть считалась чудом света, и, хотя она многократно подвергалась ограблению и пожарам, она и сегодня остается одним из самых удивительных памятников арабского строительного искусства.

Снаружи почти ничего не видно. Вся территория окружена высокими — с дом — стенами. Взгляд, брошенный через западный портал, открывающийся в нескольких метрах за пропилеями храма Юпитера, обнаруживает громадный внутренний двор, справа ограниченный молитвенным залом, а слева — колоннадой. Прежде чем войти в ворота, каждый верующий должен снять обувь, но головной убор остается: он не может приблизиться к своему богу с непокрытой головой, но обязательно должен быть босым. Постороннему посетителю входить в эти ворота не дозволено. Он пользуется запасным входом за плату и тоже должен снять обувь. Женщины все еще носят черную накидку, предназначенную в первую очередь для того, чтобы прикрыть обнаженные плечи. (В некоторых мечетях посетителям женского пола предлагается убрать волосы. Обнаженные руки и непокрытые волосы считаются верхом бесстыдства.)

Дверь открывается в вестибюль. Стены и купольный потолок до самого верха богато украшены мозаичными рисунками. Они изображают замки, утопающие в садах дома. Самые красивые мозаики на дворовом фасаде — слева от входа. Они пережили столетия под толстым слоем строительного раствора, которым, по всей вероятности, пуритански настроенный халиф приказал их замазать, боясь, что предметные изображения человеческого мира могут разгневать Аллаха и нанести вред его народу. Разрешалось только декоративное искусство — арабески и орнаменты. (А может быть, халиф оказался еще и мудрецом, считавшим, что со временем возможно изменится взгляд на вещи. Он не приказал разрушить великолепные произведения искусства, а лишь убрал их с поля зрения людей. Так они сохранились для нас.)

Мозаика покрывает площадь длиной 35 метров и высотой 7,5 метра. В вестибюле посетитель может вблизи осмотреть фрагменты мозаики. В византийской технике кубики стекла окрашивались или покрывались позолотой и затем очень аккуратно вдавливались в связующую массу. На переднем плане во всю длину картины изображены река, по-видимому Барада, а на ее берегах — замки, сады, дома, деревья, дарящие благословенную тень. Есть искусствоведы, считающие, что эти рисунки отражают не только панораму Дамаска, но и наиболее характерные виды других городов Востока, например Иерусалима, Антиохии, Византии. Искусствовед Катарина Отто Дорн дает следующее описание мозаики: «Поражает исключительное качество... это касается не только великолепной техники исполнения, но и художественного уровня. На золотой основе, составляющей общий фон, разворачивается великолепная гамма цветовых тонов, их богатство особенно проявляется в изображении деревьев с различными оттенками — от зеленого до серо-голубого, на фоне которых ярко выделяется листва; взор восхищает также изображение реки в лазурных и аквамаринových тонах, как бы окаймленной серебряной пеной прибоя. В высшей степени хороши живые рисунки самих деревьев — кипарисовых, оливковых, яблоневых, грушевых и цитрусовых, причем фрукты, выполненные с помощью тончайших цветовых нюансов, почти пластичны».

Обращает на себя внимание, что здесь в отличие от других светских построек того же периода встречаются только предметные изображения и ни одного человеческого.

В мечети Омейядов

Три стороны большого двора окружены аркадами, причем первоначально две круглые колонны всегда сменялись четырехугольными пилястрами. Этого принципа, разумеется, не всегда придерживались последовательно при осуществлении некоторых реконструкции.

Перед большой стеной, украшенной мозаикой, на восьми колоннах стоит прелестное миниатюрное купольное сооружение. Это была сокровищница халифа, в которую нет непосредственного входа с земли. На восьми его стенах современные ремесленники восстановили прекрасную мозаику, весьма близкую к оригиналу: роскошные орнаменты чередуются в ней с изображением финиковых пальм.

Со двора в молитвенный зал длиной 136 метров и шириной 37 метров ведут 22 входа с воротами. Два ряда колонн с коринфскими капителями делят его в продольном направлении на три нефа. Каждый неф венчает конструкция с остроконечной крышей. Продольные нефы посередине разделены на две части широким поперечным нефом. Громадные пилястры поддерживают купол, унося его далеко в небо. Это архитектурное членение развилось во времена Омейядов, и с тех пор его можно обнаружить во многих мечетях.

Три других архитектурных нововведения в конструкции мечетей также восходят ко времени Омейядов: ниша для молитвы, кафедра для чтения Корана и проповедей, минарет. Ниша для молений, называемая арабами «михраб», первоначально предназначалась как почетное место для халифа или людей высокого положения; в настоящее время она используется проповедником. Богато украшенный главный михраб Великой мечети венчается куполом, украшенным изображением сталактитов, часто встречающихся в арабской архитектуре и даже в мебели как декоративный элемент. Кафедра, называемая «мимбар», обычно устанавливается в нескольких шагах слева от молельной ниши у стены. От кафедры в зал ведет лестница. С кафедры по пятницам проповедник читает еженедельную молитву.

Само появление минарета явилось, видимо, результатом случая. Строители мечети Омейядов обнаружили фундамент римского храмового сооружения, который был использован и для постройки византийской церкви. Римский храм имел на каждом из четырех углов башню. Строителю эта идея понравилась, и он приказал для мечети также построить четыре башни на римском фундаменте, и постепенно вошло в привычку созывать верующих на молитву с башни. Мечеть с тех пор немыслима хотя бы без одной башни. Не все из четырех первоначальных минаретов мечети Омейядов открыты сейчас для обозрения. Самый древний — минарет Невесты, четырехугольная башня XII века, ведущая к колоннаде

и связанная воедино с меньшим основанием площади. Юго-западный минарет (Мухаммеда) был построен в 1488 году в стиле архитектуры египетских мамлюков: изящная, многократно сочлененная круглая башня. Минарет Иисуса сооружен в 1340 году; он носит это имя, потому что, согласно преданию, Иисус должен сойти именно здесь, чтобы помочь людям в решающей битве со злом.

У муэдзина, созывающего верующих на молитву, служба нелегкая. Пять раз в сутки должен он взбираться по винтовой лестнице, чтобы с площадки минарета выполнить свои обязанности. Уже ранним утром, до восхода солнца, его крик пронзает тишину ночи. Он будит верующих и неверующих, и горе тому, кто живет поблизости от мечети! Удивительно ли, что он облегчает свою участь при помощи современной техники, которая и увеличивает радиус действия его голоса и успешно служит Аллаху? Теперь он сидит в маленькой каморке на первом этаже и вверяет свой голос микрофону; его зов разносится репродуктором, укрепленным на вершине минарета, — красивее, а главное, громче, чем раньше.

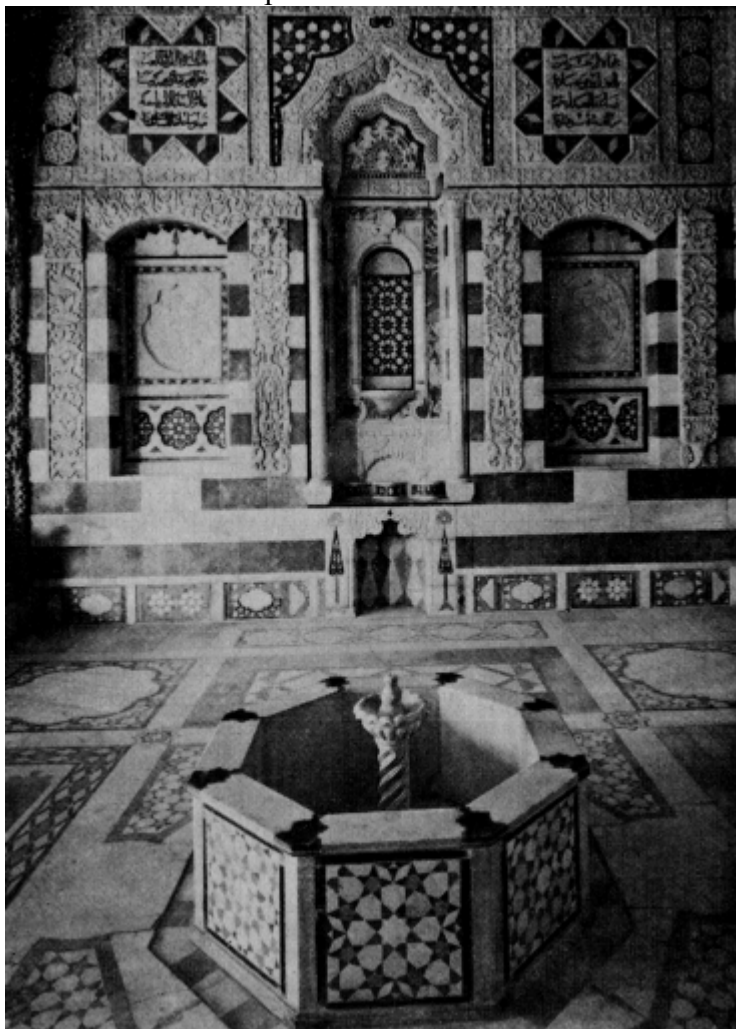
Мечеть Омейядов обладает еще одной особенностью, которой нельзя пренебречь: между двумя колоннами стоит большой мраморный гроб. Здесь особенно много молящихся. Некоторые из них касаются решетки, останавливают перед пей своих детей, целуют ее. Здесь якобы хранится голова Иоанна Крестителя, которого одинаково почитают и христиане и мусульмане. Само собой разумеется, что три города борются за честь иметь эту голову в своих стенах: наряду с Дамаском на это претендуют Стамбул и Хомс.

Осмотр мечети Омейядов навел на мысль о том, как сильно отличается христианская церковь от исламского молельного дома, даже в отношении их целевого назначения: христианская церковь — это прежде всего дом божий, и каждый, кто переступил ее порог, пришел помолиться богу. Мечеть же прежде всего — место собрания верующих, место встреч друзей и одновременно учебный центр, а также место, где можно обменяться мнениями. Мечеть открыта каждому верующему, поэтому мусульмане идут в нее по-настоящему просто, естественно. На огромном полу мечети Омейядов можно увидеть группы молящихся мужчин, серьезный взгляд которых устремлен в сторону Мекки. Как солдаты, стоят они позади проповедника, аккуратно соблюдая ряды: по его примеру падают на колени, быстро наклоняются вперед, касаются пола, и в такой неудобной позе застывают на несколько секунд, пока по знаку не выпрямляются, затем поднимаются с колен. Через несколько секунд упражнение начинается сначала, и это повторяется довольно долго. Я встречал верующих, которые выдерживали подобную процедуру добрых полчаса, а некоторые совершали молитву не пять раз в сутки, как положено, а почти каждый час. Немного в стороне от молящихся мужчин сидят женщины. Они, очевидно, заняты интересной болтовней, разговаривают громко и непринужденно. Вокруг них весело возятся ребяташки. Мечеть — прохладное и приятное место отдыха.

В другом конце мечети группа студентов с разгоряченными лицами спорит о боге и о мире. В нескольких шагах от них за колонной лежит, вытянувшись во весь рост, юноша и, широко раскрыв рот, спит сном праведника. Его громкий храп не нарушает ничьего благоговения.

В противоположность мечети Омейядов храм «Купол скалы» в Иерусалиме предназначен не для того, чтобы верующие ежедневно творили свои молитвы; это — место паломничества. Он был воздвигнут при халифе Абд аль-Малике в 690 году на богатом традициями месте над священной скалой, в противовес Каабе в Мекке, поскольку жители Мекки и Медины восстали против династии Омейядов и поддержали Ибн аз-Зубейра, который обещал положить конец их убогому существованию жалких провинциалов и вернуть Мекке былую славу столичного города. Абд аль-Малик стремился преуменьшить значение Мекки и Медины и воспрепятствовать паломничеству мусульман в языческие края, вспомнив толкования, распространяемые Мухаммедом во время пребывания его в Медине, когда он еще домогался благосклонности тамошних евреев. Из истории о скале, пупе земли, исходил халиф, когда приказал возвести здание такой красоты и изысканности, которое должно было бы превзойти все существовавшие до того времени сооружения.

Другим преимуществом храма в Иерусалиме по сравнению с мечетью Омейядов является прекрасная панорама, которая открывается перед взором посетителя с Елеонской горы на большую площадь, называемую арабами Харам аш-Шариф, то есть «Благородное святилище». Не заслоненный другими строениями, посреди площади возвышается храм «Купол скалы». Каждого, кто видит его, ослепляет блеск золота, исходящий от купола, в котором отражаются солнечные лучи. Строители и ремесленники Абд аль-Малика оправдали желания и надежды своего повелителя. Было создано несравненное здание удивительной гармонии, которое должно было быть свидетельством всемогущества бога и которое до сих пор является верхом человеческого мастерства.

Замок Бойд ад-Дин

Форму основания храма мы уже встречали в византийских церквях: оно образует правильный восьмигранник. Боковые стороны его имеют длину более 20 метров, а высоту — 9,5 метра. Над ним возвышается купол, диаметр которого равен длине боковой стороны, а высота достигает свыше 35 метров. Купол деревянный, покрыт медными пластинками. Наружные стены, первоначально украшенные большими мозаичными панно, созданными во времена османов, при Сулеймане II в середине XVI века были заменены эмалированной фаянсовой облицовкой.

Посетитель входит в храм через Западные ворота. Внутреннее помещение четко разграничено на три части: наружный обвод, отделенный восемью угловыми пилястрами, между которыми местами стоят по две колонны; средний обвод, внутренний предел которого ограничивается оградой восьмиугольной формы и замыкается кругом колонн; в центре находится голая скала. Ее природная безыскусность резко контрастирует с великолепной

мозаикой обводов. Во многих местах можно увидеть искусственные углубления, служившие финикийцам для жертвенного огня.

Примерно через 150 лет после окончания строительства храма родились новые легенды, связавшие историю скалы с именем Мухаммеда. Он будто бы совершил отсюда короткое вознесение, и отпечаток его ноги, сохранившийся до наших дней, вызывает удивление, равно как и отпечаток ноги Иисуса у церкви Вознесения на Елеопской горе. Вне всякого сомнения, одна религия здесь немножко «подсмотрела» у другой, и поэтому не удивительно, что крестоносцы, захватив в 1099 году Иерусалим, стали энергично оспаривать подлинность отпечатка ноги Мухаммеда. В отпечатке они узнали след ноги Христа и заявили, что вознесение Христа произошло отсюда.

Поездка в пустыню

Признаюсь честно: меня предупреждали. Поездка ко дворцу Каср аль-Хайр аль-Гарби, который был возведен халифом Хишамом в 727 году, небезопасна, особенно если ехать без местного проводника. Дорога часто теряется в бесконечных развилках, и здесь можно легко заблудиться.

Но я счел предостережения преувеличенными. Я уже ездил в эту пустыню и знаю, что она мало похожа на ту, какой я себе ее представлял. Действительно, Сирийскую пустыню можно скорее сравнить с сухой каменистой степью, и лишь изредка встречался мне ландшафт, напоминающий египетскую пустыню с перемещающимися дюнами очень мелкого песка, которые начинаются сразу же за окраинами Капра.

Кроме того, я полагал, что знаю дорогу. Я несколько раз пролетал над пустыней из Дамаска в Пальмиру и дальше на Дейр-аз-Зор. Во время одного из таких полетов я и наметил цель своего путешествия. Отчетливо различил я тогда квадратное сооружение, типичное для халифских дворцов позднего периода, увидел громадные цистерны и башню в юго-восточном углу и решил отыскать этот дворец на земле.

Как уже было сказано, я знал дорогу, по крайней мере с высоты двух тысяч метров, и тогда у меня сложилось впечатление, что дорога вовсе не так сложна и что главное — не сбиться с пути. Нужно лишь постоянно двигаться на север.

Наиболее благоприятное время для такой поездки — май: период дождей прошел, а жара еще не наступила. Я покидаю Дамаск в шесть часов утра и еду в северном направлении вместе с супружеской парой — Петером и Катрин, с которыми я подружился. Перед отъездом на родину они хотели непременно совершить путешествие по пустыне.

Дорога круто взбирается вверх. В Кутейфе, небольшом гарнизонном городке в 40 километрах от Дамаска, я сворачиваю с главной магистрали в сторону пустыни. Обширное, отливающее серебром пространство на востоке вселяет уверенность в том, что я на правильном пути: это соленое озеро Джеруд. За ним проезжаю две-три деревни.

В Атне каменные стены какой-то большой постройки, возвышающейся над деревней, вызывают у меня желание выйти из машины. Это, должно быть, руины римского форта или укрепленного лагеря. Позднее арабы превратили его в караван-сарай, место отдыха на караванном пути из Пальмиры в Дамаск. Кругом валяются обломки колонн, и римская арка открывает вход в стойло для ослов. Жители деревни, гостеприимные, как все арабы, приглашают нас разделить с ними трапезу. Видно, европейцы появляются туг не часто. Крестьяне не отказываются даже удовлетворить желание Петера сфотографировать группу молодых женщин, и пожилой мужчина бранит свою дочь за то, что она стыдливо отворачивается. Напоминания старика о долге гостеприимства, по-видимому, возымели действие. Девушка решительно поворачивает к нам голову, и под смех окружающих Петер делает снимок. К сожалению, мы не можем принять предложение остаться. Время торопит: зовет Хишам.

Дорога становится все более однообразной. Наконец, проехав немало километров, мы снова натолкнулись на живых существ: пастух и стадо с удивлением рассматривают

необыкновенную повозку. Четыре собаки пастуха отделяются от стада и устремляются к нам; увертываясь, пропускают автомобиль и гонятся за ним с той стороны, где я сижу. Они высоко подпрыгивают у опущенного стекла и так лают, что мне становится страшно. Только бы не случилось аварии, думаю я и прибавляю скорость, насколько позволяет дорога. И только километра через два собаки отстали.

Наконец вдали показывается Эль-Карьятейн, деревня в пустыне, насчитывающая 6 тысяч жителей, административный центр с отделением полиции. Я останавливаюсь у бензоколонки. Хозяин ее немного говорит по-французски. Он заметно радуется разнообразию, которое привносит наш приезд. В придачу к бензину мы получаем по чашке арабского кофе. Скоро вокруг нас собирается большая группа местных жителей. Меня спрашивают, не в Пальмиру ли мы едем. Сообщение о цели нашей поездки вызывает удивленное покачивание головами. О развалинах арабского замка в пустыне, по-видимому, никто не слышал. Откуда мы едем, спрашивает молодой человек, и у меня возникает чувство, что в его вопросе проскользнуло недоверие. Ничего удивительного, вдруг какой-нибудь империалистический шпион маскирует свои истинные намерения археологическими интересами! Хорошо по крайней мере, что он знает про замок Хишам.

От руин не так уж много осталось, говорит молодой человек, и, между прочим, сам он родом из Дамаска и поэтому знает, что найденные во время раскопок предметы хранятся в музее столицы. Зачем же нам нужно непременно в пустыню и что там можно еще увидеть?

Мне трудно сформулировать ответ. Как объяснить этому молодому человеку, чтобы он понял: для меня представляют интерес не просто пара древних булыжников и, уж конечно, не то, что хранится за стеклянными витринами, а страна, ландшафт и прежде всего люди, живущие на этой земле, и что я надеюсь лучше понять настоящее страны, если пройду по следам ее прошлого. К счастью, владелец бензоколонки снова вмешивается в разговор. Он, конечно же, считает страх молодого человека по поводу шпионов преувеличенным и приглашает нас зайти в дом и разделить с ним трапезу. Его отец — и с этими словами он подталкивает вперед пожилого мужчину, в котором по белому платку, повязанному вокруг фески, можно узнать хаджи, человека, совершившего паломничество в Мекку, — говорит, что в воздухе чувствуется приближение песчаной бури. Поэтому будет лучше, если мы останемся у него переночевать. Это предложение вызвало у нас улыбку. Еще нет и девяти часов; солнце светит, как обычно, ярко. Я уже узнал много способов, которыми пользуются гостеприимные арабы, чтобы сделать приглашение более убедительным; по никто до этого еще не клялся песчаной бурей. Нет, к сожалению, я должен отказаться: график времени не позволяет длительные остановки. Как хотите, отвечает хозяин бензоколонки и передает мой ответ отцу. Я вижу, как старик покачивает головой и настойчиво уговаривает сына. Развалины, переводит хозяин бензоколонки, стоят уже более тысячи лет и, наверное, будут стоять еще и завтра. Дальше он уже не переводит. Я только слышу многократные обращения к Аллаху. Он считает, что человеку не пристало строить планы, это дано лишь богу. Он уверен, что Аллах не одобряет нашей поспешности. «Эх, старик, — думаю я, — у тебя много времени, никто и ничто не висит над тобой, что не успеешь сегодня, сделаешь завтра. Ну а мне сегодня нужно быть в Пальмире, я забронировал там номер. А завтра утром у меня назначена встреча в Дамаске, которую нельзя пропустить. Стало быть, я должен ехать». Я плачу за бензин; мыжимаем много рук; тихо гудит мотор, и скоро Эль-Карьятейн, последний населенный пункт на пути к нашей цели, остается позади.

Бессмысленно придерживаться следа. Земля твердая и ровная. Я мог бы дать газ и закрыть глаза. На много километров вокруг ни одного препятствия. Снова проходит почти два часа. Судя по счетчику, мы скоро должны увидеть башню дворца. Нам повезло: мы снова наткнулись на овечьи стада, принадлежащие, несомненно, кочующим поблизости бедуинам. Пастух смотрит на нас с опаской, когда я мчусь по пустыне прямо на него. «Каср аль-Хайр аль-Гарби», — говорю я, вопросительно глядя на него. Он непонимающе смотрит на меня. Я повторяю ту же фразу громче, по безуспешно: пастух не понимает меня. Или он никогда не слышал о развалинах, что, впрочем, и не удивительно для кочевника, или, может быть,

местные жители по-другому называют это место. Я говорю «Хатрак» и еду к другому стаду, которое я заметил во время разговора с пастухом. Это совсем недалеко, километрах в пяти отсюда. Собаки пастуха на этот раз недолго бегут за нами — я могу круче развернуться. Надеюсь, теперь мне больше повезет. Я много раз повторяю название, как заклинание, с каждым разом все громче, и ловлю себя на том, что проявляю ту же невоспитанность, которую высмеиваю у других людей, когда отсутствие знания языка пытаются возместить повышенным тоном.

Никто не понимает, чего я хочу. Я делаю паузу, чтобы успокоить нервы, и прихлебываю из термоса. Пастух тоже делает глоток; мы делим апельсин пополам, а потом я начинаю все сначала, совсем, тихо и отчетливо: Каср аль-Хаир аль-Гарби. Может быть, я произношу это название настолько неправильно для арабских ушей, что меня нельзя понять? Я меняю ударение, звуковую окраску. Я вижу, как мучительно неловко пастуху, повстречавшему посередине пустыни чужеземца, который непрерывно издает одни и те же непонятные звуки. Вдруг он настораживается, воистину тень понимания скользит по его загорелому лицу. Да, вот он сияет, усердно кивает головой и указывает рукой вдаль, в пустыню. Направление, которое он показывает, лежит значительно восточнее, чем то, в каком я ехал до сих пор. Неужели я действительно так сильно отклонился? Но он, наверное, прав: если бы мы были на верном пути, то давно бы уже увидели башню развалин. Я благодарю пастуха и резко поворачиваю на восток, к горной цепи.

Вдруг я замечаю, что небо изменило цвет. Исчезла сияющая голубизна. Оно кажется пасмурным, потемнело, за несколько минут приобретая багрово-серую окраску. Вскоре мне становится ясно: опасения старика из Эль-Карьятейна сбылись — надвигается песчаная буря. Только этого нам еще не хватало!

Я уже отчетливо ощущаю вкус песка. Он забирается в рот, скрипит на зубах, набивается в глаза и уши. И, по всей вероятности, в мотор! Вскоре становится так темно, что я больше не различаю дороги. Горы давно исчезли. Я включаю фары, но это бесполезно. Останавливаю машину и выключаю мотор; стекло я давно уже закрыл. Нам не остается ничего другого, как ждать конца бури. Из опыта, приобретенного мною и в городе, и на дорогах страны, я знал, что буря должна пройти через несколько минут, но может длиться часами.

Между тем наступил такой мрак, что я перестал различать даже эмблему над радиатором. Песок проникает во все щели. Приборный щиток, сиденья — все покрывается тонким слоем песка. Я бросаю взгляд на часы — пока еще нет причины волноваться: с начала бури прошло не более 20 минут. И — мне кажется только или на самом деле — становится светлее? Нет, буря действительно кончается, дорога снова постепенно вырисовывается из темноты. А еще через десять минут сияет солнце, как будто оно нас никогда и не предавало.

Теперь начинается самое трудное: завести мотор! Сердце колотится от волнения. Сначала я протер ветровое стекло, приборный щиток, сиденья, чтобы оттянуть решающий момент, но этого все равно не миновать. Решительный поворот ключа зажигания, и я едва отваживаюсь поверить — мотор работает! Правда, сначала он еще немного чихает, но вскоре это проходит; он работает послушно, четко, как будто ничего и не случилось. Вот видишь, старик из Эль-Карьятейна, думаю я, а ты хотел, чтобы мы из-за какой-то маленькой песчаной бури отказались продолжать поездку! И это при современной-то технике!

Направление, указанное нам пастухом, уводит нас из равнины. Дорога становится хуже. Пришлось пересечь несколько вад. Скоро дорога и вовсе кончилась. А развалин все еще не видно! Вместо этого камни на склонах гор, которые я пересекаю, становятся все крупнее. Приходится требовать от машины слишком многого. Сначала я еще извиняюсь перед ней, когда камни царапают днище кузова и подвески, но скоро перестаю это делать: привычка притупляет чувства! И все же царапанье причиняет мне боль. Такая дорога для осла, а не для машины — камни величиной со среднюю тыкву. Меня прошибает пот. Приходится бесконечно сворачивать, отъезжать назад. Снова пересекаю вад. При этом

обнаруживаю, что по ней можно отлично ехать, почти так же, как по дороге. Мой оптимизм растет: я снова могу ехать вперед, могу даже включить третью скорость.

Однако мне не следовало этого делать. Неожиданно оказывается, что подпочва вади состоит из сплошного песка. На второй скорости я, может быть, прошел бы. А так машина потеряла скорость, как бы «провалилась». Мы застряли. После нескольких попыток выбраться, дав полный газ, мы увязли по самую ось. Выходим из машины в раскаленный полдень, откатываем колеса, ставим домкрат, подкладываем камни, но все напрасно: мы здорово увязли. Собственными силами больше ничего не сделаешь. Нужно искать помощь. Но где ее взять посреди пустыни? Солнце стоит почти в зените. Сейчас немного больше 13 часов. Но жалобы и проклятия здесь не помогут. Нужно что-то предпринять. Я стал карабкаться вверх по крутому склону, надеясь с его вершины осмотреть пустыню. И надежда не обманывает. Первое, что я вижу, — башня Каср аль-Хайр аль-Гарби; хотя она и очень далеко, но ее видно в бинокль. А приблизительно на полпути я различаю несколько черных пятен: шатры бедуинов. Я снова вижу выход из положения, и настроение мое улучшается. После короткого совещания мы решаем отправиться пешком. Я запираю машину, и мы трогаемся в путь.

Солнце палит нещадно. Мы вынуждены спуститься в ущелье, а на другой стороне снова карабкаться вверх; при этом мы часто теряем из виду шатры. По-видимому, это значительно дальше, чем мне показалось, так как идем уже час, а к шатрам почти не приблизились. Наконец-то через два с половиной часа нам это удастся. Три шатра стоят перед нами, и их обитатели уже заметили нас. Из переднего шатра нам навстречу выходит женщина. Вокруг нее тявкают собаки, и я надеюсь только на то, что они ей послушны. Примерно в ста метрах от шатра мы встречаемся. Я кланяюсь, не зная, принято ли это здесь. Наверное, я произвожу смешное впечатление: странник в пустыне, светлокожий, в тонких спортивных трусах и рубашке, в спортивных тапочках, на груди огромный бинокль. Мой друг — тоже в спортивной одежде — тащится с фотоаппаратом. Больше всего вызывает удивление его белокурая жена в шортах. Женщина-бедуинка приносит канистру, льет нам на руки воду. Я понимаю: где-то в другом месте хлеб и соль, а здесь — вода. Я подношу канистру к губам и пью самый вкусный напиток, какой только можно вообразить.

Нас приглашают в шатер. Еще три женщины, одна пожилая и две молодые, здороваются с нами, жестом приглашая сесть. Прекрасные пестрые ковры устилают утрамбованную землю. Под спину и под руки мне подкладывают подушки; я вытягиваю ноги — такое блаженство.

В пустыне, пожалуй, редко случается, чтобы обливающийся потом европеец пришел пешком, и поэтому я испытываю потребность объяснить, что нас сюда занесло. Но женщин, по-видимому, это не особенно интересует. Они деловито снуют туда-сюда, и скоро нам подносят в изящной фарфоровой чашке горький, сдобренный всевозможными специями арабский кофе, который нужно пить маленькими глотками, чтобы не выпрыгнуло сердце. Этот черный как уголь экстракт гостю подливают до тех пор, пока чашка, возвращаясь, не запрыгает у него между пальцами. Кто сделает такое движение после первой чашки, вызовет подозрение: значит, кофе ему не понравился; но тот, кто забудет это сделать после третьей чашки, не соблюдет меру. Я это делаю после второй. В стакане подают холодную воду, и только теперь начинается «беседа». Я могу, по крайней мере в общих чертах, объяснить им, что мы, конечно, не пойдем через пустыню пешком, что у нас есть автомобиль, который застрял и не может двигаться дальше.

Я спрашиваюсь, есть ли у племени машина. Этот вопрос не настолько абсурден, как это может показаться европейскому читателю. У современных бедуинов, как и везде, существуют социальные противоречия. Многие шейхи, несмотря на скромный образ жизни, совсем не бедны. Я неоднократно видел перед шатрами бедуинов грузовики и даже элегантные, но весьма мощные легковые машины. И здесь нам, кажется, тоже повезло. Да, у племени есть грузовик, но он сейчас в пути вместе с мужчинами: они уехали за водой для скота. Когда он возвратится? Теперь уже скоро, через полчаса, может быть, через час. Но

сегодня уже поздно что-либо предпринимать. Мы вполне можем здесь переночевать.

Так заманчиво провести ночь в шатре бедуинов, но нам нужно ехать дальше: я вспоминаю, что обещал из Пальмиры позвонить в Дамаск нашим друзьям и сообщить им о благополучном прибытии. Они будут беспокоиться, если не будет звонка.

Я уже много раз ошибался относительно представлений арабов о времени. «Сейчас» может означать много часов, а «бадеин» («скоро») — дни и недели. Я опасаясь, что здесь, у бедуинов, данные о времени могут оказаться еще менее точными, поэтому я был приятно поражен, когда уже через полчаса женщины обратили паше внимание на высокое облако ныли, показавшееся на горизонте. Скоро можно было отчетливо различить грузовик. Он направляется к шатрам, находящимся километрах в пяти отсюда и принадлежащим этому же племени, и там останавливается. Наши хозяйки уверяют нас, что они сгрузят там только несколько бурдюков с водой и сразу же приедут сюда.

Но ничего подобного не произошло, грузовик стоит, где стоял. В бинокль я вижу, что его окружил народ. В голову закрадывается тревожная мысль: неужели нас и дальше будут преследовать неудачи? Не хватает выдержки спокойно сидеть в шатре и ждать. Женщины, улыбаясь, покачивают головой, когда мы начинаем прощаться. Они совсем не понимают нашего беспокойства. Но мы уходим, чтобы не лишиться душевного равновесия.

Пять километров проходим быстро. Уже издали замечаю, что мои опасения обоснованны. Бастует мотор грузовика. Чтобы доказать нам свои благие намерения, бедуины пытаются еще несколько раз столкнуть грузовик с места, но напрасно. Где-то в гвинейской саванне я однажды наткнулся на проржавевший грузовик, на котором какой-то шутник намалевал «Мартин Лютер», потому что машина, казалось, говорила: «Здесь я стою, и не могу иначе...» Такое же впечатление производит грузовик, с которым мы связывали все наши надежды. Взгляд, брошенный под капот, заставляет меня содрогнуться. Чудо, что машина до сих пор еще ходила. Отдельные части мотора, невероятно загрязненные песком, перевязаны проволокой и даже бечевкой. Кабель и проводка перепутались. Нет, невозможно, чтобы два чуда могли произойти в один день. Теперь положение определенно становится серьезным. Сейчас шесть часов. Через два часа зайдет солнце. Я веду переговоры с бедуинами, чтобы они проводили нас пешком до нашей машины. Нужно ехать дальше во что бы то ни стало. Мы не можем оставить машину на всю ночь. Но люди расходятся; осталось только несколько молодых мужчин с грузовика. По у них тоже нет ни малейшего желания идти с нами, они показывают на грузовик и на солнце и говорят «букра» («завтра»). Наконец мне удается уговорить троих. Это смелые на вид парни. Они почти двухметрового роста, сильные, темно-коричневые от загара. Я настаиваю на том, чтобы отправиться сейчас же, но вдруг замечаю, как один из парней, спрятавшись за грузовик, достает громадный пистолет и перезаряжает его. Жуткие картины проносятся у меня в мозгу. В старых книжках я читал про разбойников в пустыне. Я уже вижу нас с разбитыми черепами, зарытых в песок, машина разграблена. Но отступать нельзя, чтобы не превратиться окончательно в посмешище. Мы идем, и Катрин с большим трудом поспевает за нами. Мне это даже нравится, потому что таким образом мы можем держаться на полшага позади парней.

Меня постоянно спрашивают, где я оставил машину. Ну как я могу описать это место, если у долин нет названий, а у скал — нумерации? Я только все время показываю в направлении горной цепи. Сейчас по крайней мере не так жарко, как в полдень, и даже тянет приятный прохладный сквознячок. Идти становится легче. Мы пересекаем несколько ущелий и поднимаемся на вершину высокого холма, откуда я надеялся увидеть машину. К моему ужасу, я ничего не обнаружил. Только новые холмы, новые долины. Я теряю уверенность. Неужели мы заблудились? Горный хребет выглядит так же, как и всякий другой, и через каждое ущелье проходит вади. Мои арабские провожатые идут несколько поодаль от нас, так что мы продвигаемся широкой стрелковой цепью с горы на гору. Солнце достигает горизонта. Неожиданно мы потеряли из виду бедуинов. Наши зовы не находят ответа. Может быть, они не слышат нас? Страшное подозрение растет: они не хотят нас слышать! Измученные вконец, мы опускаемся на камень. Чувствую себя совсем разбитым,

колени дрожат. Как-то неожиданно быстро наступила темнота. Наш зов в буквальном смысле слова — глас вопиющего в пустыне. Я проклиная древний замок и мое легкомыслие — становлюсь самокритичным. Кой черт погнал меня в это путешествие? Разве я не могу удовлетвориться археологическими находками и реконструированными экспонатами в музее Дамаска, расположенном менее чем в пяти минутах ходьбы от моего дома? Разве нельзя прожить, не повидав последнюю руину Сирии?

Теперь я ощущаю, что голоден и хочу пить и что становится холодно. Пиджак и брюки я оставил в машине, когда мы покинули ее в полуденный зной. Я слышал о резких перепадах температуры в пустыне от дня к ночи, но не предполагал, что это так скверно. Мне жутко холодно, я весь дрожу. То же самое испытывают и мои друзья. Надо двигаться, чтобы согреться. К счастью, взошла луна, и от нее исходит слабый свет. Что лучше, соображаю я, поискать пещеру в скале, чтобы там провести ночь, или просто бежать отсюда в надежде наткнуться на шатры бедуинов? Холод помогает принять решение. Мы вскакиваем и шагаем назад, в том направлении, где предполагаем найти шатры. «Шагаем» сказано слишком громко — больше спотыкаемся. Пробираться в глубоких ущельях впотьмах нелегко, но нас подгоняет холод. И вдруг с высоты холма Катрин замечает, хотя и очень далеко, две или три слабо светящиеся точки. Это, наверное, лампочки в шатрах. Снова появляется надежда; мы уже не чувствуем себя столь покинутыми и одинокими. Ощущая новый прилив сил, направляемся к огонькам. В ущельях постоянно теряем их из виду, но теперь ненадолго. Наконец я слышу тихое позвякивание колокольчиков: поблизости овечьи стада — значит, скоро доберемся. Но возникает новая опасность: собаки! Я уже слышу их лай. Мой детский опыт общения с собаками подсказывает: только не убегать, даже если очень страшно, иначе пропал. Подбираем несколько подходящих камней. До палатки еще метров триста. Пускаем в ход все наше оружие: бросаем камни и рычим изо всех сил, чтобы запугать собак и главным образом привлечь внимание обитателей шатра. Все ругательства, которые мне приходят на ум, цензурные и нецензурные, я выкрикиваю собакам. И действительно, на какой-то момент их это сдерживает. А потом приходит помощь. Из шатра раздается голос, и собаки отбегают от нас. Навстречу идет человек. Мы спасены.

И, только оказавшись внутри шатра, я замечаю, что это тот самый, на который мы наткнулись после полудня. Женщины посмеиваются украдкой. Героями мы не выглядим, скорее похожи на воинов, возвратившихся домой после проигранного сражения. Они же сразу тогда предложили нам переночевать в шатре, но мы решили, что этого не стоит делать, а оказалось, что стоит. И, несмотря на это, они сейчас трогательно ухаживают за нами, стягивают с нас обувь, поливают воду на руки и на ноги. На плечи мне накинута овчина. И кофе уже принесли. Силы стали возвращаться. Я начинаю осматриваться. Как и в первый раз, мы в «гостиной» на ковре у задней стенки шатра. Прямо напротив меня сидит старик, который избавил нас от собак. Он с наслаждением попыхивает трубкой из наргиле, внимательно рассматривая пришельцев, но не произносит ни слова. Нас разделяет небольшое углубление в земле. Это очаг, в котором горит овечий и верблюжий навоз. Между стариком и огнем стоят в ряд словно по ранжиру четыре больших хорошо начищенных оловянных кувшина с характерными, вытянутыми, как клюв птицы, носиками. Рядом на металлическом стержне, воткнутом в землю, подвешена мазутная лампа, разливающая яркий свет, который и привел нас сюда. Позади старика стоит великолепный, богато украшенный резьбой и перламутровой инкрустацией сундук, как бы отгораживающий соседнюю комнату. Там в полутьме трое малышей в рубашонках резвятся с двумя ягнятами, привязанными веревками за задние ноги к колышкам, вбитым в землю на расстоянии двух метров друг от друга, что дает ягням возможность немного передвигаться. Помещение справа скрыто от нашего взора большими соломенными циновками.

Нам недолго удастся созерцать внутреннее убранство шатра. Принесли еду. Сначала это была большая миска кислого молока, которое здесь называют «лабан». Без лабана арабская кухня немыслима, более того: лабан хорош на все случаи жизни. Он хорош и в жару и в холод, утоляет и голод и жажду, служит и едой и лекарством, которое можно принимать

вовнутрь и употреблять наружно. К лабану подается очень сладкий горячий чай и холодное молоко. Я чувствую разницу между резким вкусом козьего молока (оно вызывает не слишком приятные воспоминания детства) и более мягким — верблюжьего. Постепенно согреваюсь. Если бы не мысль о друзьях, ждущих звонка, я мог бы сказать, что мне хорошо.

Снаружи снова затыкали собаки. Одна из женщин выходит посмотреть. К моему удивлению, из темноты выступают трое мужчин пашей поисковой команды. Они шумно здороваются, радуясь, что снова видят нас. Оказывается, они нас долго искали, опасаясь, что с нами что-то случилось. Машину они так и не нашли. «Букра», — утешают они нас. Я начинаю лучше понимать значение этого слова в условиях пустыни.

После радостных приветствий я отваживаюсь признаться, как меня испугало, когда один из них перед уходом на поиски машины перезаряжал пистолет. Все добродушно посмеялись надо мной, а тот, у которого пистолет, снова вытаскивает свою тяжелую «пушку» и многословно объясняет ее систему. При этом он размахивает дулом пистолета перед самым моим носом, и я боюсь, что все-таки стану его жертвой. Почти каждый бедуин, объясняет он, имеет при себе оружие. Ему необходимо это для защиты от волков и гиен. «Счастье, — думаю я, — что во время ночного марша звери отнеслись с уважением к нашим мирным намерениям и безоружному состоянию».

Разумеется, я размышлял о том, что принесет нам завтрашний день. Будет ли машина у моих хозяев? Они уверяют нас, что нет основания беспокоиться: возвратится машина из Хомса, а кроме того, у соседней семьи (всего лишь в 30–40 километрах отсюда) есть трактор, которым мы сможем воспользоваться рано утром.

Я облегченно вздыхаю.

Пока мы разговариваем, появляются женщины с большим медным блюдом. На нем лежит жареный барашек. Он аккуратно прикрыт рисом. Видна только голова, и у меня такое чувство, что она с печалью и укоризной обращена ко мне. Я украдкой смотрю в сторону. Действительно, там прыгает теперь только один ягненок. Другой лежит передо мной на блюде.

Старик по оставляет времени для сантиментов. Он высоко засучивает рукава, тщательно моет руки и запускает их в самое нутро барашка, перебирает там пальцами, пока ему не кажется, что нащупал самый лакомый кусок, и шлепает его мне вместе с большой порцией риса на лепешку. Это сигнал к началу трапезы. Все тянутся к блюду. Ловкими движениями пальцев они скатывают рис в небольшие шарики и отправляют их в рот. Я пытаюсь им подражать, и у меня получается лучше, чем я предполагал. Все едят с удовольствием — жуют, чавкают, причмокивают, облизываются. Мясо молодого барашка тает во рту. Рис приправлен орехами и всевозможными пряностями. Проходит немного времени, и на блюде остаются только голова и несколько костей. Снова приходят женщины — они не принимали участия в еде, — приносят мыло и воду, снова медленно поливают нам на руки и то же самое делают для других мужчин. Когда все убрано, бедуинки подсаживаются к нам. Предоставляется случай рассмотреть их. У меня складывается впечатление, что они в обществе мужчин ведут себя гораздо непринужденнее и свободнее, чем женщины в городах, за исключением тех, кто уже сознательно приобщился к новой жизни или происходит из семей, связанных с европейскими традициями. Женщины-бедуинки, а также крестьянки не знают покрывала. Это привилегия горожанок мелкобуржуазного сословия, которые почти не выходят из дома, ибо даже покупки делают в основном мужчины, и не потому, что хотят помочь по дому, а из желания по возможности оградить женщину от контакта с внешним миром. Лица женщин сильно загорели. На них много татуировки — на лбу, подбородке и даже на губах, и всю свою «сберегательную книжку» они носят на себе: руки богато украшены многочисленными золотыми кольцами, подарками родственников и мужа, — единственное богатство, которое остается лично им, даже в том случае, если мужа прогонят их. Самая молодая женщина (думаю, она не старше 14 лет), очевидно, жена нашего друга с пистолетом. Это очень красивая девушка с огромными карими глазами. В левой ноздре у нее крошечный блестящий драгоценный

камень. И все-таки мне показалось, что ведет она себя не как женщина, а как шаловливый ребенок. Меня это больше не удивляет, поскольку я уже встречал жен значительно моложе этой. Другая женщина, ненамного старше, начинает кормить грудью младенца. Преисполненная счастья и гордости, она смотрит, как он энергично сосет грудь и причмокивает, а под конец, так же как и наши матери, похлопывает его по спинке, чтобы помочь ему отрыгнуть воздух.

Между тем подходят родственники, все они хотят посмотреть на удивительных иностранцев, которые, как говорят, неожиданно появились в пустыне почти нагишом. Я насчитываю двенадцать мужчин и семь женщин. Среди них один кое-как объясняется по-английски. Лет двадцать с лишним назад он служил в иорданской армии, в так называемом арабском легионе, организованном английскими офицерами, чтобы поддержать их влияние в стране, и находившемся долгое время под их командованием. В качестве доказательства он показывает нам отвратительный шрам на ягодице, приобретенный якобы в каких-то боях. Нарочито наивно спрашиваю, не иорданец ли он. «Я бедуин, — с гордостью отвечает он, — сейчас и во веки веков». «Трудно ли пересечь границу?» «Нет, — заверяет он, — бедуины имеют право передвигаться в пределах пустыни, невзирая на границы». Вопрос, давно ли племя в Сирийской пустыне, несколько смутил моего собеседника. Оказывается, оно здесь уже много лет. Я узнаю, что имеется еще несколько племен бедуинов, стада которых состоят главным образом из верблюдов. Эти племена еще в состоянии вести кочевой образ жизни, но число таких племен сильно сокращается. Верблюды уже невыгодны как транспортное средство: их вытеснил автомобиль. Сейчас основное богатство бедуинов — овечьи стада. Но с ними невозможно передвигаться на большие расстояния. Мой собеседник рассказывает об этих изменениях с некоторой грустью, как говорят о «добрых старых временах», трудности и беды которых прикрыты романтической завесой прошлого. Речь идет, таким образом, если я правильно понял, о полукочевниках — кочевниках, переходящих к оседлости. «Есть ли племена, строящие себе дома?» Он отрицательно качает головой: «Нет, — говорит он, — хотя пытались строить, по в каменных домах жить невозможно». Беседа прерывается. Забеспокоились другие бедуины. Они хотят следить за разговором и просят переводить. Тема вызывает у всех одобрение. Нет, в домах жить невозможно. Но мне кажется, что это мнение не связано с желанием возобновить кочевье на большие расстояния. «Ходит ли кто-нибудь в школу?» — спрашиваю я. «Нет, куда же ходить?» Никто из присутствующих не умеет ни читать, ни писать. Все взоры устремляются на мужчину, который несколько смущен всеобщим вниманием. Его сын посещает в Хомсе специальную школу, организованную правительством для детей бедуинов, и еще несколько сыновей племени последовало этому примеру. Кроме того, здесь как-то однажды появился учитель, который утверждал, что его послало правительство учить их детей. Но он быстро уехал.

«Кто же вождь племени, — задаю я новый вопрос, — и существуют ли еще кровная месть и межплеменная вражда? И вмешивается ли тогда, полиция?» Мужчина становится более сдержанным. Нет, полиции здесь не увидишь. Бедуины в состоянии сами урегулировать свои дела. А кровной мести давно уже нет. Разве что случаются в племени несправедливости, и тогда некоторые из его членов расплачиваются жизнью и имуществом. Но решать эти вопросы — дело старейшин, семейных комитетов, они же выбирают шейха. Эта должность уже в течение многих поколений сохраняется в одной семье.

Разговор постепенно угасает. Моему переводчику, разумеется, не всегда удастся найти нужные слова. Во время длинных пауз все молчат. Арабы мастера молчать. Только старик курит наргиле. Он и мне предложил сделать то же самое, по, чтобы избежать публичного скандала, я отказался. Петер последовал моему примеру. Другим же не пристало курить наргиле в присутствии старика. Зато почти все, в том числе женщины и мальчики — последним едва ли минуло десять лет, — курят сигареты, которые они сами скручивают на особый манер, давно испытанным способом.

Через несколько часов темы для разговора окончательно иссякли, мы выдохлись, глаза

слипаются. Женщины готовят нам постель на ковре, где мы сидим. Они приносят мягкие, очень чистые одеяла и подушки. Мы ложимся, а сверху накрываемся овечьим тулупом. Вскоре все уходит, и мы остаемся одни. Брезент, который во всю длину шатра лежал на полу, приподняли свободным концом вверх и пристегнули к боковому полотнищу. Свет убавили, прикрутив лампу, и скоро наступила полная тишина. Я мгновенно засыпаю, провалившись как в бездну.

Когда я просыпаюсь в первый раз, встревоженный беспокойными снами, и медленно прихожу в себя, то вижу на стенке шатра огромную тень с рогами, как у черта. По затем я с облегчением опускаюсь на свое ложе. Громадный козел сорвался с привязи и нанес визит в теплый шатер. Вслед за этим появляется женщина и, хихикая, уводит его.

Вторично я просыпаюсь уже в пять часов. Зверски холодно. Я выхожу из палатки. Необыкновенная картина открывается мне: Утренняя зоря залила пустыню золотом. Вскоре поднимается огненный шар. Три шатра отбрасывают длинные тени. В нескольких сотнях метров от меня пасется небольшое стадо верблюдов, десять или двенадцать голов. Продрогший, я возвращаюсь и забираюсь под тулуп. Только здесь еще и можно выдержать холод. Вокруг пас начинается движение. Я слышу необычный, ритмично скрипящий звук. Это дребезжит жесть. Едва я поднялся, как появляется женщина с кувшином. Она аккуратно льет мне на руки воду. Я могу умыться. Бросаю взгляд в другие помещения. Размер шатра примерно 20 метров в длину и 5 метров в глубину. Опорные стойки делят его на четыре равные части. Помещение справа от меня — «спальня». Соломенная циновка длиной в несколько метров и шириной почти в человеческий рост положена так, что образует спиралеобразный коридор, заканчивающийся в отгороженной «спальне». Я бросаю осторожный взгляд на циновку. Молодая мать возится со своим малышом. Одеяла и ковры тщательно закатаны и аккуратно сложены друг на друга. Рядом со «спальней» — кухня. Теперь я могу увидеть, как делают лепешки. Над очагом лежит старая крышка из листового гофрированного железа выпуклой поверхностью наружу, как зонтик. Одной стороной на земле, другой — на камне. Женщина проворно месит тесто, придавая ему форму шара, раскатывает в тонкий пласт и ловким движением бросает его на горячую поверхность крышки. Мгновение спустя тесто становится золотистым. Женщина быстро переворачивает лепешку, и вот она уже готова, золотистая, ароматная, хрустящая.

Петер и Катрин тоже встали. Между тем готов кофе, и завтрак начинается. Сначала опять подают лабан, затем свежие лепешки. Вслед за ними передо мной ставят большую тарелку своеобразной бело-желтой массы в виде топких слоев, уложенных друг на друга, и горшок с золотистой тягучей жидкостью. Я пробую из горшка — это мед, но не могу попить, что собой представляет желто-белая влажная масса. Одна из женщин приносит горшок с кипяченым молоком, рукой снимает жирную пенку и кладет поверх лепешки на мою тарелку. Теперь мне показывают, как надо все это есть. Лепешку макают в мед, потом отрывают кусок молочной пенки, свертывают трубочкой и отправляют все это в рот. Вкус как у конфеты.

Я осторожно спрашиваю о тракторе; «Потом, потом», — говорит хозяин. Сначала он должен привезти воды из источника и съездить к стадам. Без воды нет скотины, а без скотины нет мяса, нет кожи, одеял, одежды, обуви. Мы не можем остаться глухими к этим аргументам. Итак, мы продолжаем ждать. Издали меня иронически приветствует башня дворца. Подожди, думаю я упрямо, я еще завоюю тебя!

А пока завязываю дружбу с верблюдами. Здесь исключительно одnogорбые верблюды — дромадеры. С помощью Петера я вскарабкиваюсь на такого дромадера, который и не думает подниматься со мной на ноги. И только когда маленький карапуз что-то говорит ему, он поднимается, но сначала задними ногами так, что я едва удерживаю равновесие, чтобы не упасть. Под уговоры малыша он начинает двигаться. Мне даже удается удержаться наверху, но через несколько минут у меня начинает болеть все тело.

Так проходит время. К 11 часам действительно прибывает трактор. За рулем сидит один из тех молодых людей, что сопровождали нас вчера вечером. Мы прощаемся с

хозяевами. Мне хочется сказать им много приятных слов, но, к сожалению, я не могу ничего выразить по-арабски. Я говорю им это по-немецки. Многословно, длинно и подробно я высказываю им свою благодарность, а они прощаются с нами на своем языке. Бедуины понимают меня, и я понимаю их. В добрый путь, говорят они, и пусть будет с нами благословение Аллаха, пусть он защитит нас от голода и жажды, от болезни и непогоды. Пусть будем здоровы мы и наши семьи, наши дети и дети наших детей теперь и всегда. Мы машем им, пока возможно. Это продолжается не слишком долго. Мы сидим на предохранительном щитке задних колес, и мне стоит больших усилий, чтобы не свалиться.

Снова направляемся в Эль-Карьятейн, боясь сбиться с пути. У заправочной колонки нас оживленно приветствуют. Здесь беспокоились в связи с песчаной бурей. Я чувствую себя перед стариком несколько смущенным, но он не разыгрывает из себя победителя, а, наоборот, подзывает подростка — это тоже его сын — и велит ему сесть на трактор и поехать с нами, чтобы потом помочь. Как же он вернется, спрашиваю, ведь трактор останется у бедуинов! «Малеш, — говорит он, — наверняка будет оказия, если не завтра, то послезавтра». Я молча выслушиваю эти рассуждения, говорящие о том, как арабы понимают время, и об их гостеприимстве. Еще много воды утечет, прежде чем я постигну образ мыслей людей этой земли.

Опять многословное прощание, и опять мы возвращаемся в пустыню. Я внимательно слежу за тем, как хал накануне. Без особого труда нахожу то место, где пернул на восток, как показал пастух. Водитель трактора качает головой, поняв, что мы изменили направление. Еще бы несколько километров — и я заметил бы башню. Слишком поздно; по-видимому, пастух все-таки неправильно меня понял. Когда мы приближаемся к твердой, гористой местности, водитель хочет повернуть назад: здесь не пройдет никакая машина — склон слишком крутой, слишком большие камни. Да нет же, уверяю я, мы на правильном пути. Скоро действительно находим вади, ставшее для нас роковым, а вслед за тем и следы машины. Сердце мое стучит: она должна быть за следующим поворотом. И впрямь машина тут, в целостности и сохранности. От сердца отлегло. С помощью трактора мы вытащили машину за какие-нибудь четверть часа. Я счастлив, а молодые люди радуются хорошему бакшишу. Они вывозят нас на дорогу — можно продолжать путь. Как на ладони перед нами Каср аль-Хайр аль-Гарби. Через несколько минут подъезжаем к дворцу. Я чувствую себя полководцем, которому долго осаждаемая крепость после переменных военных успехов наконец сдалась.

«Во имя Аллаха, милостивого и милосердного нет бога, кроме Аллаха единственного, который не имеет себе равных. Абдаллах Хишам, повелитель верующих, коего бог наградил, приказывает возвести это здание в месяце раджаб в году 104». Когда Хишам в 727 году отдал этот приказ о строительстве дворца, он был властелином государства, простиравшегося от Испании до Индии. Никого не было могущественнее его, истинного внука бедуинов. Богатство и блеск излучала миру столица его государства — Дамаск. Из дальних концов земли приходили люди полюбоваться ее великолепием. Но Хишам оказался настоящим потомком сынов пустыни. Он пытался бежать от людской толпы, от мирской суеты, полный недоверия и подозрительности к домам. Он ушел в пустыню, где надеялся обрести покой, — подальше от лихорадочной жизни столицы, поближе к своим бедуинам, которые чувствуют так же, как он.

Но место, которое Хишам избрал для дворца, в те времена выглядело иначе, чем во время моего посещения. Уже более чем за полтысячелетия до Хишама трудолюбивые руки создали посреди пустыни цветущий оазис. В первом столетии нашей эры арабское население Пальмиры сделало на горной реке Барде, протекающей в 17 километрах от дворца, запруду, перекрыв реку каменной стеной, которую и сейчас еще можно видеть; возникло водохранилище. Пространство между двумя параллельными степами, выложенными из больших квадратных плит тесаного камня, было заполнено мелкими камнями и щебнем. От этого водохранилища шел подземный канал к большой цистерне, находящейся поблизости от будущего дворца. Боковая сторона квадратной цистерны была предположительно 60

метров, глубина — 4–5 метров. С помощью этого ирригационного сооружения в пустыне появился оазис. К сожалению, других построек, сделанных руками жителей Пальмиры, не сохранилось. Позднее, уже в византийский период, здесь были воздвигнуты строения, от которых осталась только высокая башня — объект наших долгих поисков. Эта башня образует ныне северо-западный угол омейядского дворца.

Отчетливо вырисовываются фундаменты каменных стен дворца, свидетельствующие о его квадратной форме. Строго геометрическое членение этого сооружения говорит о пристрастии арабов к симметрии. Длина наружных стен дворца — примерно 70 метров. На каждом углу, за исключением уже упомянутой северо-западной башни, возвышалась мощная круглая башня. Такие же башни были построены также посередине каждой стены, но они выступали из-за стены лишь наполовину. Ворота на восточной стороне были схвачены двумя такими полубашнями. К очень высокой когда-то наружной стене — высота ее, должно быть, достигала 28 метров — примыкали расположившиеся на двух ярусах 120 жилых комнат. Все, комнаты имели выход во внутренний двор, на широкую галерею, которая также двумя ярусами опоясывала этот двор. Раньше дворец был окружен зверинцем. Этот идеальный план арабского дворца стал образцом для многих сооружений более позднего времени — великолепных крепостей и замков, воздвигнутых в период расцвета Кордовского халифата в Испании. (Даже арабское слово «аль-кастр», что значит «замок», превращается в «алькасар» — для обозначения того же понятия в испанском языке.) Но влияние арабского строительного искусства распространилось не только на Испанию. Фридрих II, внук Барбароссы, германский император и король Сицилии, был очарован культурой Востока, с которой он познакомился в странах Средиземноморья и во время крестовых походов на Ближний Восток. В стремлении приобщить свою страну к этой высокой культуре он приказал построить в Сицилии много дворцов по образцу арабского строительного искусства, и они оказали влияние на мастеров — строителей средневековых орденов укреплённых замков.

На следующий день я сравниваю великолепно выполненные реконструкции отдельных частей дворца в дамасском музее с моими впечатлениями. Умелые руки снова сложили здесь осколки обнаруженных во время раскопок мозаичных орнаментов в длинные настенные фриз, восстановили отдельные части колоннады.

Наряду с залом были реконструированы входные ворота с огромными полубашнями, причем удалось использовать многие оригинальные части. Детали из отделочного гипса украшают прямоугольные поверхности с вклиненными в них башнями. Что касается орнамента, то здесь посетителя поражает еще одна, особая деталь историко-искусствоведческого плана. В отличие от мечетей этого периода, содержание мозаик которых, как мы уже видели, ограничивалось изображением природы и архитектурного ландшафта, то есть изображением того, что окружает человека, светская архитектура того же периода изображает самого человека.

Уже у входных ворот пришедшего приветствует бюст халифа. Над ним — сидящая пара, художественное изображение которой явно заимствовано с надгробных фигур Пальмиры. Рядом расположились несколько обнаженных до пояса женских фигур. Во внутреннем дворе также находился фриз с рельефным изображением всадника размером выше человеческого роста, многих мужских и женских фигур.

Но самое сильное впечатление производят две огромные фрески, обе более 10 метров высотой и 4,5 метра шириной, также выставленные в музее, и не как настенные панно — они были найдены на полу дворца. Одна фреска изображает женщину с обнаженным бюстом, держащую в руке платок с фруктами, — по всей вероятности подражание древним изображениям богини плодородия; два фантастических морских существа играют вокруг нее. Другая изображает халифа на охоте, мчащегося в стремительном галопе на лошади. В левой руке он держит лук, а правой натягивает тетиву и направляет стрелу. Над изображением халифа можно увидеть двух женщин-музыкантш, укутанных в развевающиеся одежды фиолетового цвета. Игрой на гитаре и флейте они занимают гостей, пока не

возвратятся охотники.

Таков, значит, был Хишам, повелитель верующих, которого наградила Аллах. Я очень рад, что встретился с ним здесь, в музее, и там, в пустыне, на развалинах его замка. Уже уходя из музея, встречаю директора и рассказываю ему, что побывал во дворце в пустыне. Он задумчиво покачивает головой. «Вы довольны поездкой?» Я не колеблясь отвечаю: «Да, это была незабываемо прекрасная поездка!»

Другие находки из дворцов того времени тоже характеризуют Омейядов как жизнерадостных властителей, и ничто не говорит о тех пуританских чертах, которыми их наделяют представители различных исламских течений более позднего времени, вплоть до наших дней. Примерно в 80 километрах от Аммана, в иорданской пустыне, стоит Каср Амра, небольшой охотничий замок с купальней, построенный Валидом I между 711 и 715 годами. Так как строительным материалом для постройки дворца служил красный песчаник, то арабы называли его «маленьким красным замком». Здесь еще сохранилась прекрасная настенная живопись. Она изображает сцены охоты, а также группы танцовщиц и купальщиц, и, по-видимому, художники, создавая эти натуралистические произведения, не испытывали страха перед наказанием. Таким образом искусство того времени обстоятельно рассказывает нам об уладах властителей и о жизни тех, кто создавал им условия для наслаждений. Есть даже изображение самого легкомысленного из династии Омейядов — Валида II, прославившегося, несмотря на запрет Мухаммеда, как непьющий пьяница, охотник и поэт, который устроил попойку на святом камне Каабы в Мекке, Но нет ни одной картины, где были бы показаны крестьянин на пашне, пекарь в пекарне, виноградарь, выжимающий сок из винограда, каменщик, строящий дворец. Жизнь народа не была объектом, достойным воплощения в искусстве.

Культурные достижения арабов

То, что такие слова, как мокко и дамаст, арабеска и арак, халиф и минарет, — арабского происхождения, знают все. Но что такие слова, как бушлат, шапка, блуза, алкоголь, карусель, шах, чек, алгебра и цифра, заимствованы из арабского языка или через арабов попали в Европу, известно немногим. Значительное количество слов арабского происхождения в европейских языках говорит о том, что арабское влияние на европейскую культуру отнюдь не ограничивается только влиянием на архитектуру.

Выдающиеся достижения арабских завоевателей в культурной и научной областях объясняются различными причинами. Наиболее существенные из них — интерес и терпимость к культурам захваченных ими обширных территорий, уважение к научным исследованиям, стремление к знаниям. В то время как апостол Павел с упреком вопрошал своих христианских братьев: «Не обратил ли бог мудрость мира сего в безумие» — и в то время как еще в 1209 году синод в Париже запретил монахам заниматься изучением естественнонаучных книг, Коран советовал искать знаний с колыбели до могилы и учил, что обучение наукам молитве подобно. В то время как патриарх Александрийский велел закрыть всемирно известную библиотеку, изгнать ее ученых, а книги сжечь, у арабов приобретение книг стало страстью, а обладание ими — символом общественного положения. По всему миру разъезжали агенты арабов, имея при себе громадные суммы денег, чтобы закупить наиболее ценные сочинения. Книги взыскивались с побежденных в качестве военной контрибуции. Книги собирались как музейные экспонаты, но гораздо важнее то, что их переводили. Переписчики, переплетчики и прежде всего переводчики принадлежали к самым уважаемым и самым высокооплачиваемым подданным государства. Халифы ценили переведенные с иностранных языков книги на вес золота. В больших городах создавались специальные ведомства переводов. Одним из первых указов Омейядов был указ о постройке бумажной фабрики. Принц Омейядов Халид бен-Джезид, который чувствовал себя обойденным в престолонаследовании, сконцентрировал свои средства и честолюбие на том, чтобы способствовать развитию науки и культуры: он стал первым меценатом

средневековья, щедрым заказчиком переводов и исследований.

В то время как умение читать и писать ограничивалось в Европе небольшим кругом монахов и других духовных лиц и когда Карл Великий уже в преклонном возрасте пытался овладеть этим искусством, в каждой из многочисленных мечетей арабского государства была создана школа Корана, а большие мечети сами превратились в университеты, где знаменитейшие ученые состязались друг с другом в искусстве излагать свои познания перед заинтересованными слушателями и в диспутах с коллегами.

После того как знания арабов обогатились знаниями прежде всего античного мира и византийской эпохи, начался следующий этап — собственного получения и переработки знаний и совершенствования. При этом в коем случае не следует, как это иногда пытаются делать запутавшиеся в европейском высокомерии историки, умалять значения арабов в сохранении ценностей античного мира для культуры человечества, и в том, что эти сокровища для нас не потеряны, — огромная заслуга арабских ученых. Бесчисленное множество выдающихся ученых, вышедших из арабских школ, скоро приступили, опираясь на приобретенные знания, к собственным исследованиям, изысканиям и публикациям своих произведений. Уже примерно в 1000 году книготорговец Ибн ан-Надим смог издать десяти томный «Каталог знаний», содержащий все доступные ему арабские публикации.

Особенно велик вклад, внесенный арабоязычными народами в области естественных и точных дисциплин, прежде всего в математике.

Когда арабы создавали свою империю, в Европе счет производился на основе так называемых римских цифр, то есть заимствованной у римлян системы, где значения чисел выражались определенными буквами (которые, впрочем, развились из цифр): I—1, X—10, C—100, M—1000. С этой системой мы знакомы еще по древним памятникам. Каждый знает, как трудно и к тому же неудобно чтение таких цифр, не говоря уже о счете. Но в Индии развитие цифр началось уже в IV веке, а позднее, в VI веке, там произошел скачок от значащих цифр к позиционному написанию чисел сначала от 1 до 9. Новая система дала возможность выразить любое большое число с помощью этих немногих знаков без того, чтобы писать бесконечно длинную последовательность чисел, нанизанных друг на друга, так как при позиционной системе каждая цифра в зависимости от ее места в ряду чисел выражает разное число. Теперь стало возможным развитие более простой системы счисления и прежде всего переход к письменному счету. Введение нуля как символа «пустого места» в числовой системе усовершенствовало одно из величайших открытий в истории человечества.

Уже вскоре после вторжения арабов на Ближний Восток туда проникла и новая система счисления. Об этом уже в 662 году сообщает сирийский ученый Север Себохт, глава школы ученых и настоятель монастыря на Евфрате. Всего через сто лет благодаря переводу индийского учебника арифметики новый метод находит широкое распространение. Мухаммед аль-Хорезми, который принадлежал к числу талантливейших ученых своего времени, примерно в 800 году обработал этот труд, развил дальше десятичную систему, написал введение к четырем основным действиям арифметики и исчислению дробей и добавил еще сборник задач, который он назвал «Аль-Габр ва-ль-мукабала», что приблизительно означает «Исчисление и противопоставления». Когда много столетий спустя эти книги через Испанию попали в Европу, то первое слово из сборника упражнений было искажено и стало словом «алгебра», а из имени автора возникло слово «algorithmic» («алгоритм»), под которым в средние века понимали искусство исчисления по десятичной системе, а сегодня — каждый метод вычисления, подчиняющийся определенному правилу.

Когда новый вид счета проник в Европу, вместе с ним пришли и новые цифры, в Европе называемые «арабскими». По арабы, которые применяют их в модифицированной форме, справедливо называют их «индийскими». Вместо арабского выражения для нуля — сифр (пустота) — в качестве обозначения определенных числовых выражений вводится цифра 0.

Тому, кто полагает, что новая система из-за очевидных преимуществ распространилась в Европе так же быстро, как в свое время в арабском мире, придется разочароваться. Еще и

700 лет спустя после аль-Хорезми во времена нашего великого математика Адама Ризе учебники арифметики печатались как словарь: на одной стороне — неудобные римские цифры, на другой — «новые арабские».

Заимствование, усовершенствование и распространение новой системы счисления были величайшими достижениями в истории культуры. Они создали предпосылку для дальнейшего развития математики и вызвали грандиозный подъем математических и естественнонаучных исследований среди ученых арабского мира. Им принадлежит заслуга приведения в систему арифметики, в особенности алгебры, и дальнейшего развития и применения их в повседневном быту и научных трудах.

Успехи в математике создали основу для новых открытий в области физики. Особенно выдающиеся успехи были достигнуты в астрономии. Не может не поражать тесная связь обитателей пустыни со звездным небом.

Арабский мир выдвинул ученых универсальной эрудиции. Один из величайших среди них, аль-Кинди, живший в IX столетии, был математиком, физиком, астрономом, естествоиспытателем и философом, медиком и музыковедом. Подытожив и обобщив свои познания, отражавшие уровень науки того времени, он изложил их в двухстах трудах.

Если аль-Кинди мог позволить себе критически исследовать Коран и публично заявить о нем как о недобросовестной махинации, и его за это не уничтожили как еретика, что, несомненно, случилось бы с ним при подобном отношении к Библии в Европе, то это свидетельствует о терпимости, характерной для арабского общества тех времен.

В начале X столетия аль-Батани, изучая произведения Птолемея, переведенные аль-Кинди на арабский язык, обнаружил у египетского ученого существенные ошибки и опроверг многие из его концепций. Он углубил познания человечества о положении Земли во Вселенной; ему удалось исключительно точно определить путь движения Солнца; он первым рассчитал отклонение земной орбиты от ее оси, так называемый эксцентриситет; он усовершенствовал исчисление синус функции и тем самым явился основоположником сферической тригонометрии. 500–600 лет спустя его произведения появились в латинском переводе в Европе, и аль-Батани под именем Альбатений стал очень известным и высоко ценимым авторитетом для ученых эпохи Возрождения.

Спустя еще столетие после аль-Батани, около 1000 года, естествоиспытатель аль-Хасан ибн аль-Хайтап, известный нам под именем Альхасан, открыл, что небесные тела излучают собственный свет и что свету для своего движения необходимо время. Он опроверг мнение Эвклида о том, что человек получает понятие об окружающем мире с помощью исходящих из глаза зрительных лучей, и описал зрительный процесс как чистый акт восприятия. Для своих исследований он построил своеобразную камеру-обскуру. Ему удалось исключительно точно вычислить высоту земной атмосферы. На его трудах учились все великие ученые средневековья — от Бэкона до Ньютона, от Коперника до Кеплера, от Леонардо да Винчи до Галилея.

«Главный врач имел обыкновение каждое утро навещать своих пациентов, справляться об их здоровье и выслушивать их пожелания. Его сопровождали врачи-ассистенты и санитары, и все предписания, касающиеся медикаментов и диеты для пациентов, выполнялись точно и неукоснительно. Потом он возвращался в больницу и обычно садился в большой аудитории, читал книги и готовился к лекциям...

При больнице была обширная библиотека со множеством книг и манускриптов, расставленных в высоких книжных шкафах в главном зале. Много студентов и врачей приходили сюда и садились у его ног. Он учил студентов, спорил с врачами на медицинские темы, обсуждая интересные случаи из практики».

Этот доклад о буднях главного врача относится не к нашему времени. Известный медик сейчас готовится к лекции не в аудитории, а в своем удобном кабинете. И студенты больше не сидят у ног учителя. По цитата из доклада, из которого я опустил только имена, заслуживает внимания, так как ему ни мало ни много 700 лет. Это доклад о сирийском враче и писателе Усабийе, изучавшем медицину в дамасской больнице имени Нури. Ему, сыну

главного врача и племяннику директора дамасской глазной клиники, мы обязаны сведениями по арабской медицине, насчитывавшей к тому времени сотни лет.

В течение многих столетий, когда знания эллинов и римлян были совсем неизвестны в Европе, арабская гигиена и медицина считались самыми передовыми в мире.

До 900 года арабские медики имели большие заслуг в открытии произведений Галена и других великих медиков древности. С этого времени, опираясь на полученные сведения, они привели искусство врачевания к новому расцвету, определившему мировой уровень по меньшей мере на полтысячи лет.

Около 900 года ар-Рази, именуемый в Европе Расас, написал самую большую медицинскую энциклопедию своего времени. В основе его сочинений лежали многолетняя, насчитывавшая десятки лет врачебная практика и опыт главного врача самых крупных больниц. При этом он изучал эпидемии инфекционных заболеваний, разработал поразительно эффективные методы лечения оспы, кори, желчнокаменной и почечнокаменной болезней, цистита и ревматизма. Кроме того, он выпустил несметное количество небольших работ, и главная среди них справочник «Медицина» под очень привлекательным названием: «Книга для тех, у кого нет поблизости врача». Он успешно боролся за авторитет врачебного сословия. В то время как в Европе еще в течение многих столетий вообще не было и речи о самостоятельном сословии врачей и искусство исцеления было предоставлено цирюльникам, ар-Рази выступил за то, чтобы допуск к врачебной практике обязательно утверждался решением государственной комиссии, что действительно было введено в государстве Аббасидов через несколько лет после его смерти. На склоне жизни ар-Рази обратился к изучению вопросов философского характера он занимался учением Демокрита об атоме, развил его дальше и объявил себя сторонником атеизма. Памятник в аудитории Высшей медицинской школы в Париже увековечивает заслуги одного из величайших медиков всех времен.

Рядом с ним стоит скульптура другого врача и ученого, звезда которого светила в Европе, может быть, еще ярче, чем звезда ар-Рази, — это Абу Али Хусейн ибн-Сина, известный в Европе под именем Авиценны. Он жил с 980 по 1037 год. Его «Канон» на протяжении пятисот лет был своего рода сводом законов для медиков и еще в прошлом столетии входил в учебные программы университетов. В те времена Ибн-Сина, как и большинство его коллег, был не только врачом — за свои исследования и познания его прозвали «князем наук». В главном произведении Ибн Сины под Названием «Книга здоровья», состоящем из 18 томов, он суммировал все знания своего времени и распределил их, руководствуясь научными принципами классификации.

Весь мир повергала в изумление уже упомянутая больница имени Нури в Дамаске, построенная по приказу султана Нур-ад-Днна Зенги в 1154 году. Средства на ее строительство он получил от франкского короля, попавшего в плен во время крестового похода и отпущенного на свободу лишь после того, как тот уплатил крупный выкуп. Усабийя писал о больнице, что это был громадный комплекс с отдельными зданиями для каждого отделения, расположенный среди зеленых насаждений. Когда молодой египетский полководец аль-Мансур Калавун, излечившись от тяжелой желтухи, захватившей его во время похода, покидал эту больницу, он дал торжественную клятву, что воздвигнет такое же учреждение в Каире, как только станет султаном. Он сдержал слово, и больница Мансура в Каире стала даже лучше, чем дамасская.

Ислам в очень большой степени способствовал быстрому развитию гигиены и здравоохранения в арабском мире — в полную противоположность христианской религии, которая вовсе не интересовалась этими вопросами. Она заботилась о спасении души, а отнюдь не тела и либо рассматривала болезнь как наказание господне, либо видела в ней деяние дьявола. В обоих случаях она рекомендовала молитвы или набожные притчи как лучшее средство для исцеления. В противоположность этому Мухаммед возвел ежедневные омовения в религиозный культ, и мечети стали центрами не только народного образования, но и гигиены: нет ни одной мечети без помещения для омовения, ни один верующий не

начнет главную молитву, не совершив предварительно предписанного Кораном омовения.

Повсюду в арабском мире в дополнение к помещениям для омовения в мечетях возникали общественные бани. Известно, что в Багдаде к концу тысячелетия имелось много таких бань. Теперь можно представить тот ужас, который охватил ат-Тартуши, посланника халифа, посетившего Центральную Европу, чтобы передать приветствие своего господина императору «Священной Римской империи германской нации» Оттону I. «Но ты не увидишь ничего более грязного, чем они! — сообщает он о наших предках. — Они моются только раз или два в год холодной водой. Но одежду свою они не стирают; надев раз, они носят ее, пока она на них не истлеет».

Арабы были также лучшими географами своего времени. Многие из них совершали далекие путешествия и записывали впечатления. В первой половине XII века географ аль-Идриси составил атлас с 71 картой, среди которых была карта мира, и написал учебник географии. В XIII веке арабы создали глобус. Знания арабских исследователей, астрономов и географов, стали предпосылкой для века открытий, центр которого — трагизм арабской истории! — переместился в Западную Европу, на берега Атлантики, что явилось началом упадка арабского мира.

В XIV веке работал самый известный арабский географ, имя которого упоминалось уже при описании места, где произошло убийство Авеля, — Ибн-Баттута. Он объездил весь известный в ту пору мир, пересек Малую Азию, Месопотамию, Персию, посетил Индию, Цейлон, Бенгалию, Китай и Суматру, создал прекрасные описания Северной Африки, Египта, Сирии. Позднее в своих путешествиях он добрался до Восточной и Западной Африки и Испании. Здесь Ибн-Баттуту спросили, не собирается ли он предпринять путешествие в глубь Европы. Путешественник в ужасе ответил: «Нет, нет, путешествие на север, в страну мрака?» Это было не для него; это было бы для него слишком утомительно.

Заканчивая главу о культурных и научных достижениях арабов, я позволю себе небольшое отступление от темы. Оно обращено прежде всего к тем читателям, которые собираются швырнуть книгу об стену, поскольку в ней беспрестанно поносятся европейская история. Я хотел бы заверить их: я далек от мысли дискредитировать наших общих предков и ничего не имею против германцев, а также против их соседей на Востоке и Западе. Вы ничего не можете изменить в том факте, что исторически они сложились довольно поздно. Следует учесть, что потом они заставили достаточно много говорить о себе. Но я лишь дал понять, что человеческая история начинается не с кимбров и тевтонов и что к тому времени, когда Арминий сражался с римлянами, история других народов насчитывала уже тысячелетия; за многие века эти народы создали и передали человечеству бессмертные ценности.

Ведь еще и сейчас широко распространена практика рассматривать мир сквозь европоцентристские очки, начиная с битвы в Тевтобургском лесу или по меньшей мере с Карла Великого. Реакционная историография уже давно пытается умалить выдающиеся достижения византийских и арабских народов в средние века и распространить теорию, согласно которой культурные ценности древности, достигшие апогея у греков и римлян, были восприняты вторгшимися германскими племенами и прямым путем перенесены в «Священную Римскую империю германской нации».

Это утверждение ложно с самого начала. Исторические факты свидетельствуют о том, что центр материальной и духовной культуры после гибели Рима переместился в Византию и — после победы арабов вместе с ними — в арабские халифаты.

Здесь великое историческое наследие, долго находившееся в состоянии забвения, возродилось и расцвело. Отсюда прежние научные познания и результаты новых исследований распространились в Центральную Европу; в какой-то мере через Болгарию и Россию, отчасти через королевство Фридриха II Сицилийского, где ими вдохновились итальянские города, а частично через Омейядский халифат в Испании. Недооценка византийской и арабской культуры в известном смысле расчищает дорогу фашистской концепции о превосходстве «нордической расы». Сегодня она служит также тем

реакционным силам, которые бредят о «европейской миссии» в борьбе против социализма и национально-освободительного движения.

Крестоносцы

Блеск и роскошь государства Аббасидов не могли скрыть, того обстоятельства, что его раздирали серьезные внутренние противоречия. Окраинные области Сирии и Египта, некогда центры политической и культурной жизни, переживали состояние застоя. Восстания во всех частях халифата привели к отпадению обширных провинций; в Испании в 756 году возникло повое государство Омейядов; Египет отпал в 868 году. Персы, которые никогда не были арабизированы (хотя и переняли ислам, правда только в его шиитской форме, сохранив, однако, собственный язык), продолжали свое развитие самостоятельно. Так в период господства династии Аббасидов разрушилось единство арабской мировой империи, а вместе с тем единство и тождество арабской империи с исламским миром.

Крупные социальные волнения сотрясали страну. Уже в 869 году Ибн Мухаммед, бывший раб, начал борьбу за освобождение бесправных. Опираясь на африканцев-рабов, насильственно расселенных на берегах Персидского залива, он создал в Бусре некую форму первобытного коммунистического общества и продержался более 14 лет¹⁴. Лишь с большим трудом объединенным армиям господствующего класса удалось разгромить это государство, и жестоко поплатились те, кто посягнул на право эксплуататоров эксплуатировать. Но задушить пламя восстания надолго не удалось. Уже через 50 лет другой арабский борец за свободу, Хамдан, прозванный Карматом, возглавил борьбу бесправных крестьян, издольщиков и пастухов на освобожденных им территориях¹⁵. Он тоже начал претворять в жизнь некоторые принципы первобытного коммунизма. С берегов Персидского залива это движение молниеносно, как степной пожар, распространилось на большую часть Месопотамии, Сирии, Египта и Северной Африки и достигло районов Северной Индии. После смерти основателя движения его социальный характер, завуалированный религиозными наслоениями, нередко подменялся просто борьбой за власть. В Северной Африке во главе государства стал Убейдаллах, объявивший себя Махди (то есть мессией). Он вел свой род от Мухаммеда — через дочь Мухаммеда Фатиму, — и по этой причине основанная им династия именовалась династией фатимидов. В 969 году Фатимиды завоевали Каир. Карматское восстание окончилось неудачей в 930 году после завоевания Мекки и скандального перевоза священного камня Каабы в столицу карматов Аль-Ахсу¹⁶.

Багдадские халифы в эти беспокойные времена не доверяли соотечественникам. Для защиты своей власти они привлекали тюркских солдат. Именно это обстоятельство и стало для них роковым. Защитники из племени Сельджуков поняли слабости халифов. Они отделили светскую власть от духовной, Аббасидам передали духовные учреждения, а себя

¹⁴ Восстание рабов-африканцев (зинджей) в 869–883 годах, преследовавшее вначале цели свержения деспотии Аббасидов и пользовавшееся поддержкой неимущих низов халифата, впоследствии привело к созданию зинджами «своего» халифата, в котором их командная верхушка фактически выродилась в крупных феодалов и рабовладельцев. Это привело к распаду союза зинджей со свободными тружениками и в конечном итоге к их военному поражению. *(Примеч. ред.)*

¹⁵ Есть сведения, что движение карматов началось раньше и что их отряды участвовали в восстании зинджей. *(Примеч. ред.)*

¹⁶ Карматские восстания происходили в течение всего X века и первой половины XI века в Сирии, Ираке, Иране и Средней Азии. С 899 года и до середины XI века сильное государство карматов (иногда захватывавшее соседние области Аравии и Ирака) существовало в Бахрейне. Устранив крупное феодальное землевладение, карматы Бахрейна все же сохраняли общинное рабство. *(Примеч. ред.)*

сделали властелинами, по-арабски султанами¹⁷. Они начали жестокую борьбу с Фатимидами. И ареной этой борьбы стала Сирия. Часто страна меняла своего сюзерена. Шестой халиф Фатимидов, аль-Хаким, чрезвычайно фанатичный и ограниченный властелин, от которого идут многие пуританские черты позднего ислама, приказал разграбить завоеванный им в 1009 году Иерусалим. Пострадали особенно чтимые христианами святыни. Это событие активизировало Европу. Оно послужило предлогом для грабительского похода европейского христианского мира на Ближний Восток. Многие слои населения Европы были заинтересованы в этом разбойничьем походе. Феодалы, фантазия которых давно была возбуждена рассказами о сказочном богатстве арабов, надеялись на большую добычу. Несмотря на жестокую эксплуатацию своих крепостных, а также ввиду отсталости производительных сил им пока еще не удалось скопить богатства. Особенно тяжело было лишаемым земельных владений младшим сыновьям, которые наконец получили предлог для удовлетворения жажды деятельности и возможность покончить со своим бедственным положением. Папство надеялось значительно расширить сферу влияния, что было бы весьма кстати в борьбе с православными царями. Оно мечтало о захвате мусульманских территорий и о насаждении там христианства, дабы обрести давно и страстно желаемое превосходство над византийской церковью. Это, может быть, даже открыло бы возможность при некотором нажиме снова вернуть вероломных братьев в лоно единственно благословенной церкви. Цветущие города Италии чувствовали себя экономически ущемленными из-за конкуренции арабов, у которых шансов для торговли было значительно больше. Так сложилась солидная основа для разбойничьего сообщества. После нападения халифа аль-Хакима был наконец найден повод для прикрытия захватнических планов: речь пошла о защите... ну если не отечества, то по крайней мере гроба господня. В 1095 году на Клермонском соборе папа Урбан II провозгласил решение о начале крестового похода¹⁸.

Большинство крестоносцев понятия не имели, где находится Иерусалим, как далеко до него, и в каждом городе, куда они приходили, спрашивали — близка ли цель. Но с самого начала они осуществляли свои грабительские планы, что оказалось более легким делом: они устроили страшную кровавую резню европейских евреев. В Шпейере, в Вормсе, в Майнце, в Кельне они убивали их сотнями, смотря по обстоятельствам, и захватывали их имущество. Когда наконец первые отряды крестоносцев столкнулись с сельджуками, рыцари были наголову разбиты.

Во время последующих крестовых походов удалось в конце концов с большим трудом захватить узкую полосу на восточном побережье Средиземного моря, между Синайским полуостровом и Антиохией. Крестоносцы овладели Яффой, Аккрой, Триполи, Антиохией. Наконец им удалось взять Иерусалим. Они совершали массовые убийства мусульманского населения и сконцентрировали внимание на том, чтобы добытые таким образом богатства унести с собой. Крестьяне завоеванных ими территорий были превращены в крепостных.

Крестоносцам никогда не удалось продвинуться на Восток дальше узкой прибрежной полосы и там укрепиться. Такие города, как Дамаск, Хомс, Хама, Алеппо, расположенные едва ли далее 80 километров от морского побережья, никогда не были ими завоеваны. Правда, рыцари пытались защитить свои скромные завоевания с помощью почти

¹⁷ Аббасиды утратили политическую власть фактически в 915 году, когда Багдад был занят войсками иранских феодалов — Буидов (или Буейхидов). Разгром Буидов объединением тюркских племен во главе с династией Сельджуков привел к переходу в 1055 году политической власти к последним, по формально Аббасиды оставались халифами и при Буидах и при Сельджуках. (*Примеч. ред.*)

¹⁸ Фактически в 1096 году было два крестовых похода: весенний — фанатизированной крестьянской бедноты из Франции и Западной Германии — и осенний (захвативший и 1097-й год) — хорошо вооруженных рыцарей Нормандии, Лотарингии, Южной Франции и Италии. Неудачу потерпел первый поход, большинство участников которого погибли еще до вступления на земли ислама. Второй же поход закончился удачно (взятием Иерусалима). Официально он и назван первым крестовым походом. (*Примеч. ред.*)

безупречной системы крепостей, которые они создали, используя, как правило, для этой цели арабские замки. Тем не менее, когда султану Саладину удалось сплотить арабов под своей эгидой, захватчики были быстро оттеснены. Саладин — собственно, Салах-ад-Дин, что означает «Благочестие веры», — был даже не арабом, а курдом, который за заслуги перед династией Фатимидов в Каире был назначен визирем. По скоро он использовал свое положение, чтобы свергнуть халифа (1171 год), захватить власть и стать наконец властелином всего Египта и Сирии. Затем он двинулся против крестоносцев. В битве у Тивериадского озера он нанес им тяжелое поражение. Вскоре был отвоеван Иерусалим, крестоносцы были оттеснены на короткую и узкую прибрежную полосу между Тиром и Тартусом.

Недовольные трудностями, с которыми они столкнулись в борьбе с арабами, крестоносцы стали снова искать пути легкой наживы. Их внимание привлекла Византия. Если жители ее и не были язычниками, то все равно они были ренегатами, не признававшими папу. Разве это не так же плохо? И в другом отношении византийцы были похожи на арабов: они были богаты и у них можно было добыть несметные сокровища!

Итак, войско римско-христианских крестоносцев двинулось в 4-й крестовый поход уж не на Иерусалим, а на христианскую Византию.

Константинополь, считавшийся одним из красивейших и богатейших городов того времени, был жестоко разграблен. Прекрасные, неповторимые произведения искусства и библиотеки погибли в пламени пожаров. Были разграблены церкви и даже могильные склепы, уничтожена большая часть населения. Хотя в 1261 году удалось ликвидировать созданную крестоносцами Латинскую империю и восстановить Византию, тем не менее государство уже никогда не смогло оправиться от удара. Это чудовищное злодеяние, больше чем какое-либо другое событие, ускорило конец Византийской империи.

С Аккрой крестоносцы потеряли в 1291 году свой последний опорный пункт на арабской земле. Влияние крестовых походов на арабский мир было незначительным. Осталось множество превосходных замков-крепостей, свидетельствующих об изобретательской мысли и усердии их строителей. Только в районе прибрежной полосы между Тартусом и Латакией протяженностью не более 90 километров я насчитал их 36. Ну а кто захочет, может увидеть немало блондинов, заметно выделяющихся среди жителей деревень, расположенных вокруг крепостей, — также наследие крестовых походов.

Исключительно важным было влияние крестовых походов на Европу, особенно на Италию. Оживились торговые отношения с Востоком. Итальянские и южнофранцузские города извлекли из этого выгоду. Их суда захватили значительную часть торговых операций в Средиземном море. Византия, их главный конкурент, практически была устранена. Развивалось текстильное ремесло. Получили распространение новые виды тканей, такие, как камчатная, бархат. В Европу проник способ выращивания шелковичных червей. Наряду с производством шерстяных тканей стало развиваться производство бумажных тканей. Были освоены такие культуры, как рис, кукуруза, сахарный тростник. Итальянские города, особенно Венеция, восприняли у арабов опыт изготовления стекла. Ускорило развитие товарно-денежных отношений.

Невозможно переоценить влияние крестовых походов на духовное и культурное развитие Европы. Беспомощно стояли каждый раз в большинстве своем неграмотные рыцари перед многочисленными большими библиотеками «язычников». Сначала нерешительно, затем увереннее наиболее умные из европейских христиан занялись переводами книг с арабского. Произведения античности попали таким образом в Европу. В это же время в европейских языках появилось много арабских слов.

Сицилия при Фридрихе II и цветущие итальянские города-государства были первыми, кто воспринял научные и культурные достижения и подготовил Возрождение.

Европейский быт также не избежал арабского влияния. Знакомство с пряностями Востока и появление уже упомянутых новых продуктов изменили питание, новые ткани одежду, сделав ее ярче и привлекательнее. Люди стали более чистоплотными. Появились

бани. Вряд ли кого-нибудь удивит и тот факт, что некоторые рыцари пытались насадить у себя на родине обычай иметь четырех жен.

В эрфуртском кафедральном соборе есть могильная плита, напоминающая о графе Эрнсте фон Гляйхене. Он был участником крестовых походов, познал очарование Ближнего Востока (стран утренней зари) и находился под его властью. На плите он изображен с двумя женщинами. С одной он был обвенчан в Германии, другую привез с Востока. Но не только это обстоятельство послужило поводом, чтобы упомянуть о нем. По-видимому, тогда подобное повторялось часто, и духовенство вынуждено было выступать против таких случаев на собраниях высокого собора. Заслуживает внимания поведение жены графа фон Гляйхена. После того как она убедилась, что присутствие соперницы никак не сказывается на ней, а, наоборот, что, введя в дом арабскую женщину, ее супруг внес в супружеские покои радость Востока, они дружно жили втроем, и даже могила их не разъединила. Все-таки опыт заимствования восточных обычаев сильно взволновал умы. Еще и сейчас про это можно прочесть на стене ратуши в Эрфурте как об истории, угрожающей морали города и его отцам.

Сирийский порт Тартус, когда я приехал туда в первый раз, показался мне довольно унылым захолустьем. Казалось, город проспал историю. Но спустя всего несколько лет я увидел, что новое время постучалось в ворота и этого города и население готово его впустить. Изменения вызваны двумя прогрессивными решениями сирийского правительства: Тартус подключили к строящейся железнодорожной сети на участке Хомс — Алеппо, и он станет конечным пунктом первого сирийского магистрального трубопровода, по которому открытая с помощью советских геологов и освоенная при поддержке советских специалистов и техники сирийская нефть будет поступать на побережье. Уже сейчас миллионы тонн нефти проходят по трубам и здесь, в новой нефтяной гавани, погружаются в танкеры. Многие рабочие Тартуса обрели работу. Сирийский пролетариат получил точку опоры.

Но цель моего рассказа не промышленные объекты города. Тартус — прекрасный пункт для осмотра древних свидетельств времен крестовых походов. Особенный интерес представляет сооружение тех дней — бывший собор Notre-Dame de Tartose (Собор тартусской богородицы). Он стоит посреди арабского города и являет собой необыкновенное зрелище. Богато украшенный фасад хорошо сохранившейся христианской церкви XII–XIII веков, архитектура которой включает в себя элементы отчасти романского, отчасти готического стилей, напоминает, скорее всего, замок средневекового французского города.

Местность эта имеет интересную историю. Уже в период раннего христианства Тартус приобрел большое значение. Его часовня девы Марии, предположительно старейшая в эпоху христианства, была знаменита уже в IV веке, главным образом благодаря изображению богородицы, которое считается подлинным произведением апостола, врача и художника Луки. Слава этого места еще более возросла, когда во время землетрясения в 387 году капелла была разрушена, а алтарь и изображение девы Марии остались невредимыми. Кого удивит, что его сразу же наделили чудотворной силой? Сюда приходило множество пилигримов, чтобы поклониться этому изображению в надежде на исцеление или на исполнение желаний. Когда в 1099 году сюда пришли рыцари-крестоносцы, они начали расширять город и на месте прежней часовни, используя частично ее фундамент, возвели собор. Город стал резиденцией епископа, а когда здесь позднее укрепились тамплиеры, они построили мощную крепость в кольце оборонительных сооружений; парадные залы, капелла и главная башня крепости еще и сегодня находятся в хорошем состоянии.

Потом, после вторичного завоевания этой области арабами, собор длительное время служил им мечетью, пока его не превратили в культурно-исторический музей, дающий посетителю возможность ознакомиться с прошлым сирийской части средиземноморского региона.

Наиболее значительная и лучше всего сохранившаяся из многочисленных крепостей-замков, построенных крестоносцами в Сирии, — Крак де Шевалье (Крепость рыцаря) — находится недалеко от Тартуса.

Когда передо мной возникли огромные степы развалин крепости, мне стали понятны восторженные высказывания всех, кто здесь побывал. Это один из самых внушительных памятников средневекового искусства возведения фортификационных сооружений, какие есть где-либо на свете. Замок стоит высоко над равниной, на горе высотой 750 метров. Узкая дорога, часто петляя, кончалась почти у самых главных ворот. Раньше подход к воротам был, несомненно, защищен подъемным мостом. Сейчас несколько ступеней удобно ведут в крепость. Над дверью надпись на арабском, которую гид переводит как напоминание об «обновлении этой благословенной крепости при султани Бейбарсе в 1271 году».

Наружное кольцо крепостной стены усилено тринадцатью мощными башнями; стены, как и башни, хорошо сохранились. Наружные и внутренние стены разделяет широкий ров. За внутренней стеной расположены различные помещения крепости, в частности большой парадный зал длиной 25 метров, окруженный великолепной крытой галереей.

По парадной лестнице я поднялся на верхний двор, а из него в главную башню, откуда открывается прекрасный вид на всю территорию крепости и ее окрестности. У подножия горы расположилась деревня Эль-Хосн; сюда несколько лет назад переселили семьи, которые до этого жили в проходах и помещениях крепости. Недалеко отсюда находится монастырь св. Георгия, заложенный еще при императоре Юстиниане. Вдали отчетливо видна Калаат аль-Бейда (Башня белого замка) — другая крепость крестоносцев на пути от Тартуса к Крак де Шевалье. Их располагали таким образом, чтобы из одной крепости была видна по крайней мере еще одна. Таким образом, в относительно короткое время можно было на большие расстояния передавать световые сигналы и сообщения — например, о приближающемся вражеском войске.

На востоке я различаю серебристый блеск озера Хомс, а за ним взгляд теряется в бесконечной дали Сирийской пустыни. на западе раскинулось Средиземное море, и у горизонта небо сливается с водой.

О мощности крепости свидетельствует тот факт, что Даже самому выдающемуся мусульманскому полководцу, султану Саладину, несмотря на усиленную осаду, не удалось ее взять. Ему пришлось уйти ни с чем, а вскоре после этого он умер. К сожалению, даже после смерти Саладина потомки крестоносцев не оставили его в покое. Семьсот лет спустя не кто иной, как Вильгельм II, кайзер Германии, нарушил покой Саладина. Когда кайзер во время уже упомянутого путешествия на Восток прибыл в Дамаск, то счел себя обязанным сделать благородный жест по отношению к своим турецким друзьям. Он подарил Саладину, покоившемуся в мавзолее неподалеку от мечети Омейядов в прекрасном, резного дерева гробу работы XII века, претенциозный мраморный гроб, и останки Саладина переложили в вильгельмовскую драгоценность. К счастью, еще и сегодня можно получить приблизительное представление о красоте оригинального гроба, так как ближайший советник султана, гроб которого стоит рядом с гробом султана, не удостоился от Вильгельма чести перезахоронения.

Примерно через 80 лет после смерти Саладина другому султану удалось захватить крепость. Его имя упоминается в многочисленных настенных надписях Крак де Шевалье. Это султан Бейбарс. Он тоже был не арабом, а мамлюком. Бейбарс успешно вел борьбу на двух фронтах: он захватывал одну за другой христианские крепости: Керак, Сафед, Белый Замок и, наконец, Крак де Шевалье, и вскоре после этого крестоносцы снова исчезли с Востока. Но значительно более важным для истории было то, что Бейбарсу удалось остановить продвижение монгольских войск, завоевавших при Хулагу, внуке Чингисхана, Багдад, Алеппо, Хаму, Хомс, затем Дамаск и добивших при этом давно подорванное изнутри государство Аббасидов. Множество людей погибло тогда. Только при взятии Багдада было убито 800 тысяч человек. Победа Бейбарса при Айн-Джалуте остановила дальнейшее продвижение монголов и тем самым создала возможность оттеснить их за Евфрат.

Но уже в 1400 году государство вновь подверглось нападению монгольских орд под предводительством Тимура. Правда, мамлюкам снова удалось выдержать натиск монголов, но Сирия была страшно опустошена. Дамаск и Алеппо лежали в развалинах, ирригационные

сооружения, еще пригодные для эксплуатации, были полностью разрушены. Каждый десятый житель был казнен, а сирийские ремесленники высланы в Самарканд, роскошную и цветущую столицу Тимура. Пашни превратились в степь. Казалось, что настал конец арабского мира.

ОСМАНСКОЕ ГОСПОДСТВО

Упущенная связь со временем

Разрушения и опустошения, вызванные нашествием монголов, остановили развитие арабского мира. Одновременно обострились классовые противоречия внутри государства. Кроме социальных волнений, явившихся следствием этих событий, политической и религиозной борьбы, существовали еще два обстоятельства внешнего характера, которые подготовили упадок арабского Востока: перемещение торговых путей в Атлантику и порабощение этого региона османским государством.

Как мы видели, именно арабы создали предпосылки для возникновения новой теории в отношении Земли, ее места во Вселенной, ее формы. Арабские ученые-географы расширили и уточнили представление об известном тогда мире. Но арабам не удалось пожать плоды своих знаний. У них не хватило сил реализовать их на практике. Вместо арабских парусников моря бороздили галеры итальянских городов-республик и каравеллы европейских государств, расположенных на побережье Атлантики. Мореплаватели из Генуи и Венеции, Барселоны и Лиссабона использовали полученные арабами знания, в том числе умение ориентироваться по созвездиям, чтобы найти новые пути для торговли с Востоком, так как богатые купцы, их доверители, не хотели прибегать к посредничеству арабских торговцев. Во время одной из таких исследовательских экспедиций генуэзец Христофор Колумб с небольшим испанским флотом достиг в 1492 году берегов Америки, а португальский мореплаватель Васко да Гама на пути в Индию в конце столетия обогнул мыс Доброй Надежды — через две с лишним тысячи лет после финикийцев, которые обогнули Африку на корабле, плывя в противоположном направлении. Под командой португальца Магеллана была достигнута наконец южная оконечность Америки. И хотя Магеллан во время этой экспедиции погиб, ей удалось все-таки впервые в истории осуществить кругосветное путешествие.

С открытием этих морских путей сухопутные коммуникации через арабские земли, ставшие небезопасными, утратили значение. Центры экономического развития тогдашнего мира переместились с Переднего Востока в прибрежные города Западной Европы, что ускорило там распад феодального строя и переход к ранним формам капиталистического способа производства. Наступила новая эпоха. Глубокий обморок, в котором находились арабские страны Ближнего Востока, помешал им вступить в новый век.

Пользу из кровавой борьбы, бушевавшей на Переднем Востоке между Византией и крестоносцами, между мамлюками и монголами, извлекли турецкие племена, объединившиеся в начале XIV столетия при Османе I в союз государств. Преемники Османа I сумели весьма ловко использовать распад халифата арабов, государств византийцев и монголов, чтобы сколотить империю. Когда со смертью Тимура распалась и его держава, они в начале XV века расширили свои границы далеко за пределы сегодняшней Турции. Через 50 лет, в 1453 году, они были уже настолько сильны, что смогли завоевать Константинополь. Турки построили там свою новую столицу. Затем они начали готовиться к захвату арабских территорий. В начале XVI века они захватили центральную часть Сирии, и началось чужеземное владычество, которое длилось 400 лет. Арабские земли стали объектом эксплуатации турецких султанов. Господство феодально-абсолютистской Османской империи затормозило развитие ранних форм капитализма в этих областях и привело к упадку Сирии.

Упадок культуры арабских государств сопровождался экономическим. Турецкий язык все больше вытеснял из общественной жизни арабский, хотя религии это не касалось. Повседневную жизнь определяли турецкие обычаи, испытывавшие на себе влияние персидских и византийских традиций. Наука была втиснута в схоластические рамки. Всякое духовное и политическое движение, не поддерживавшее турецкие власти, жестоко подавлялось. Саван покрыл Сирию — и это в то время, когда Европа переживала годы бурного развития производительных сил.

История оставила самые разнообразные следы в судьбах народов и не в последнюю очередь в их... меню. Турист, приехавший в Болгарию, считает кебаб типично болгарским блюдом. Это баранина, мелко нарубленная и нанизанная в виде колбаски на шампур, как шашлык, щедро приправленная чесноком и другими пряностями и зажаренная на углях. Тот, кто побывает в Югославии, может встретить это острое кушанье в югославском ресторане, но здесь оно называется кебабшиши. Однако еще больше он будет поражен, обнаружив это блюдо в арабских странах, где его едят, запивая араком, — анисовой водкой. (Арабы уверяют, подмигивая при этом, что Мухаммед не считал арак алкогольным напитком.)

Ответ на вопрос, в чем причина столь широкого в территориальном смысле распространения этого кушанья, дает встреча с Турцией. Там оно тоже считается типично национальным. Следы общности многовековой истории большинства областей Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока бесчисленны, и по сей день их можно обнаружить не только в еде и одежде, но и в строительном искусстве.

Дворец паши

Дворец Азема в Дамаске — одно из наиболее впечатляющих светских сооружений периода турецкого господства, где счастливо сочетались турецкие и арабские элементы строительного искусства. Он, подобно окну, позволяет заглянуть в прошлое. Как этого требует исламская традиция, снаружи дворец кажется простым и скромным. Серая, высокая, без украшений глиняная стена окружает большую — размером в 5500 квадратных метров — площадь в центре Старого города, поблизости от мечети Омейядов. Но едва посетитель войдет в ворота, как перед его взором открывается мир роскоши, изобилия, красоты. Большой внутренний двор, выложенный мраморными плитами, украшают заботливо ухоженные цветочные клумбы и цитрусовые деревья, дарящие благословенную тень. Фонтаны дают прохладу и летом. С трех сторон двор окружен крытой колоннадой, откуда двери ведут в многочисленные помещения дворца.

Дворец возведен наместником турецкого султана Асад-пашой аль-Аземом в XVIII веке. Для его постройки были скуплены или просто реквизированы драгоценности из домов местного населения. Кто увидит дворец, тот поймет, что должность наместника была весьма выгодной; не удивительно поэтому, что в Дамаске за 180 лет сменилось 130 наместников.

В соответствии с исламскими понятиями, дворец строго разделен на две части: официальную (саламлик), где губернатор решал служебные дела и принимал посетителей (разрешалось входить только мужчинам), и харамлик — часть, которая была предназначена для семьи и личной сферы общения. Сирийская служба охраны памятников древностей превратила этот дворец в национальный музей и музей народного искусства. Чтобы посетители могли наглядно представить себе нравы и обычаи прошлого, им показывают некоторые сцены из повседневной жизни минувших столетий, изображенные посредством восковых фигур.

Экскурсия по музею интересна и поучительна и для местных жителей, и для иностранцев. На низком мягком диване, гордый и недоступный, восседает паша, на голове у него красная феска и шарф; на почтительном расстоянии в ожидании приказов расположились визири и писари. Они находятся в великолепном помещении со стенами, выложенными мрамором, с высокими, в два этажа, потолками. Даже летом в комнате царит приятная прохлада. На консолях в многочисленных нишах — дорогие вещи из фаянса,

прекрасные изделия из стекла и фарфора. В другом помещении можно увидеть женщин, наряжающих невесту к свадьбе. Инкрустированная мебель — удивительная работа сирийских столяров, которые и сегодня хранят традиции своего искусства. В различных залах показывают умение ремесленники: горшечники, вязальщики ковров, стеклодувы, ткачи, золотых дел мастера, граверы. Несколько фигур демонстрируют национальную одежду сирийских крестьян. Особое восхищение вызывают бани дворца. Поражает уже само обилие купальных помещений. Для различных температур имеются разные отделения; рядом расположены залы для массажа и отдыха.

Дворец Азема стал музеем несколько десятков лет назад. Естественно, организаторы его не ставили перед собой задачу, да и не имели возможности запечатлеть реальную картину жизни общества того времени. Поражают не восковые фигуры, а то, как музей приукрашивает и прославляет положение и порядки, существовавшие в те далекие времена. Вот эмир, он по-отечески строго и в то же время добродушно смотрит на вас; рядом с ним сидят такие прилежные, такие честные советники; а вот его веселые дочери в обществе хорошо воспитанных подруг; тут трудолюбивые и жизнерадостные служанки; а там прилежные и довольные крестьяне. Замученного, страдающего и борющегося народа во дворце Азема не увидишь. Абсолютно отсутствует какое бы то ни было свидетельство страданий народа, который давал возможность эмиру жить в роскоши. Ни одного признака, напоминающего о потоках крови, пролитой властями по приказу султана, чтобы сохранить власть над страной.

Леди между фронтами

В борьбе против турецкого засилья эмиру Фахр ад-Дину в начале XVII века удалось освободить значительную часть Центральной Сирии. Но в 1635 году эмир был взят в плен, а затем казнен в Стамбуле (так стал именоваться Константинополь после захвата его турками).

В начале XIX века османское господство над Востоком было основательно поколеблено Египтом. Хотя мамлюки в XIII веке распространили здесь свою власть и, как мы видели, успешно боролись против монгольского нашествия и крестоносцев, в начале XVI века они тоже вынуждены были признать османский суверенитет. Но султан находился далеко, и мамлюки продолжали почти неограниченно господствовать как феодальная каста. Османские наместники опирались на них, осуществляя политику подавления и эксплуатации Египта. Когда наконец в начале XIX века вспыхнуло широкое народное восстание против угнетателей, оно в равной степени было направлено как против турецких наместников, так и против мамлюкских беев. Вожди народного движения поставили наместником Мухаммеда Али, албанского военачальника, примкнувшего к турецкой оккупационной армии и пришедшего с ней в Египет. Это событие положило начало новому периоду в истории Ближнего Востока.

Мухаммед Али пытался задержать упадок Египта, сопровождавшийся экономической разрухой и отсталостью. Чтобы преодолеть сопротивление мамлюкских беев, он использовал против них типичные методы, применявшиеся восточными деспотами: пригласил их на званый пир в свой каирский замок, распорядился закрыть ворота, угостил, а затем приказал убить захмелевших гостей.

Упрочив таким образом власть, Мухаммед Али сумел изменить обстановку в стране, покончить с зависимостью от Турции и освободить Сирию от влияния Стамбула.

В политической жизни того времени в Центральной Сирии единолично господствовал эмир Башир II, властитель из друзской династии Шехабов. Этот эмир стремился использовать египетско-турецкие разногласия и овладеть всей Сирией. Он пытался распространить свое господство на другие части страны: подавить сепаратистские устремления соперничающих друг с другом вождей различных областей и вместе с тем уменьшить отсталость Сирии, в особенности ее прибрежной части. Неумолимую жестокость он проявлял к вышедшим из повиновения друзским шейхам, истребив их вместе с семьями и

разрушив их жилища, а на этом месте, на склонах Ливанских гор, он поселил крестьян-маронитов и способствовал тому, чтобы они сажали тутовые деревья для разведения шелковичных червей. Стремясь снискать симпатии маронитского духовенства, Башир II сам стал маронитом, однако официально не объявил о своей принадлежности к христианству, что не помешало ему лишить власти помещиков-маронитов, не желавших признавать за эмиром верховную власть.

Башир II построил для себя в горах Ливана на отвесной скале у края глубокого ущелья замок, который принадлежит к блестящим образцам восточной архитектуры начала XIX столетия. Сейчас к нему проложены дороги.

Путь от Дамаска лежит по хорошо известной трассе, ведущей на Бейрут. На этот раз дорога, свободна от снега. И все-таки переезд через Ливанские горы связан с трудностями: перевал закрыт облаками. Тот, кто знает, как тяжело ехать в тумане даже по ровной дороге, может понять, что такая дорога, к тому же изобилующая многочисленными поворотами над глубокими пропастями, сильно действует на нервы. К счастью, я еще способен различать лиловую полосу, проходящую посередине трассы, и светящиеся стоп-сигналы идущих впереди автомобилей. Чем круче поднимается дорога, тем прозрачнее и золотистее становятся облака, и вдруг они разрываются. Сверкающее солнце так ослепляет, что я закрываю глаза. Когда привыкаю к свету, то, к своему изумлению, замечаю, что облака не исчезли, а как огромные пуховые подушки расстилаются внизу справа и слева от меня. Дорога пробилла облачное покрывало, и я нахожусь над облаками. Такое я много раз переживал в самолете, но в автомобиле — никогда. Небо ярко-голубое; конусы высочайших гор Ливана поднимаются из ватных шаров, как сахарные головы. Вдали меня приветствует Корнат ал-Сауда, еще покрытая шапкой снега.

К сожалению, прекрасное видение продолжается недолго. Дорога снова проваливается в грязную сероватость, внезапно устремляется вверх, и лишь через 10 километров, которые я проползаю черепашным шагом, одеяло облаков остается позади.

Вскоре я должен свернуть с главной магистрали, ведущей на Бейрут. К счастью, погода меняется к лучшему. Облака разрываются, и солнце заливает местность золотом. У земли своеобразный красно-коричневый цвет. Теперь путь лежит через большие сосновые леса. Здесь растет особая разновидность сосны — пиния, типичная для средиземноморских областей. Лес наполнен стрекотом кузнечиков и цикад. Трудно даже вообразить, какой шум способны производить эти маленькие насекомые. В ушах трещит, впечатление такое, будто всю местность оглашает резкий металлический звон.

Еще несколько километров, и показались отроги Ливанских гор, Барухские горы, где растет еще одна кедровая роща, хотя и поменьше. Но моя цель — Бейт ад-Дин, знаменитый дворец эмира Башира.

Бейт ад-Дин — это красивая деревушка с населением, может быть, в тысячу человек. Окрестные горы покрыты густыми лесами. На некоторых склонах — тщательно возделанные виноградники и плантации тутового дерева. Дворец, расположенный в конце деревушки, в настоящее время служит летней резиденцией президента Ливана, но большая часть его открыта посетителям и является одной из самых привлекательных достопримечательностей в окрестностях столицы. Поскольку эта местность расположена высоко, климат здесь всегда приятный, даже летом.

Двое часовых при въезде в большие ворота служат больше объектами для фотографирования, чем для охраны территории. На фоне черных мундиров живописно выделяются белые ремни, патронные сумки, гамаши и золотые шнурки. Один из часовых приветливо улыбается мне, когда я несколько неуверенно, не знаю, дозволено ли фотографировать военный объект, вытаскиваю фотоаппарат.

Большой внутренний двор, выложенный каменными плитами, залит солнцем. Посередине двора — бассейн с фонтаном. Двухэтажные аркады украшают своими грациозными сводами фасад здания; они окружают двор с трех сторон и дают тень. Во внутреннюю часть дворца можно попасть через огромную арку, выложенную цветными

мраморными плитами. Из второго двора перед посетителем открывается великолепный вид на долину и на горы с террасами, расположенными напротив дворца. Вокруг этого двора раскинулись прекрасные ухоженные сады с высокими густыми кипарисами.

Баширу II, владельцу волшебного дворца, не суждено было провести здесь остаток жизни. В начале правления он сотрудничал с Османской империей, упрочив свое положение как вассал Высокой Порты. Но когда Мухаммед Али решил стать независимым от Стамбула, Башир II отнесся к этому очень благосклонно. Во время войны между египетской армией под предводительством сына Мухаммеда Али, Ибрагим-паши, и турецкими войсками его симпатии были целиком на стороне Египта, так как любое ослабление Турции было ему на руку. Но ему недолго пришлось находиться в роли наблюдателя. Ибрагим-паша недвусмысленно потребовал от него участия в борьбе вместе с войсками, и Башир II не смог противиться этому требованию. Война шла успешно; Акка, Дамаск и Хомс были освобождены союзниками. Ибрагим-паша перешел горы Тавра и напал на Анатолию. Победа казалась близкой.

Но тут вмешались великие европейские державы, в первую очередь Англия, Россия, Пруссия и Австрия, стремившиеся воспользоваться благоприятной ситуацией, чтобы укрепиться на Ближнем Востоке. Дальнейшее ослабление Турции в пользу Египта, союзника Франции, не входило в их планы. Мухаммед Али был выпущен отвести войска и возвратить все завоеванные им территории. Эмир Башир пал жертвой интриг в этой игре. В 1840 году он был арестован англичанами и спустя десять лет умер. И только через сто лет после его смерти, в 1948 году, его прах был перенесен в Бейт ад-Дин.

В эту паутину политических событий на Ближнем Востоке удивительным образом оказалась втянута жизнь одной необыкновенной женщины — Эстер Стэнхоуп, отпрыска известной английской дворянской семьи. Ее дедушкой был британский премьер-министр Питт Старший, а Питт Младший, великий британский противник Наполеона, был ее дядей.

Леди Стэнхоуп родилась в 1776 году. Ее отец, граф Чарлз лорд Стэнхоуп, член палаты общин, а позднее палаты лордов, писатель и ученый, был человеком высокоодаренным. Свою дворянскую семью он не устраивал, так как занимался обыкновенными полезными делами. Например, создал печатный станок, названный его именем, и усовершенствовал стереотипию, написал труды по математике и механике. Но больше всего его родственников оскорбляло то, что он, граф, разделял идеи Французской революции и страстно ее защищал.

Питт Младший взял к себе одаренную и умную племянницу. Она вела у дяди-холостяка до самой его смерти хозяйство и дом, ставший центром блестящих собраний многочисленных обществ. Благодаря исключительной энергии и уму она стала вскоре наиболее близкой и влиятельной помощницей премьера, и критики в то время утверждали, что судьба Великобритании находится в ее руках. Когда премьер умер, леди Эстер было 30 лет, и возникшая вокруг нее пустота угнетала ее. Она много занималась вопросами происхождения религии, и в круг ее интересов все больше и больше входил Восток. В возрасте 34 лет она решила совершить путешествие на Ближний Восток — решение, которое уже само по себе свидетельствует о ее мужестве. После полной приключений поездки, когда ее корабль потерпел крушение и она потеряла большую часть состояния, леди Эстер добралась наконец до берегов Ливана. В первые годы пребывания на Востоке отважная женщина объездила верхом все отдаленные районы Сирии. Во время этих путешествий на нее неоднократно нападали разбойничьи отряды бедуинов и ее брали в плен. Но леди Эстер была исключительной личностью. Благодаря уверенной манере держаться ей всегда удавалось уйти невредимой; часто она умела вызвать симпатию и уважение бедуинов и дальнейший путь продолжала уже под их защитой.

Так она оказалась в Дамаске, где снова попала в неприятную ситуацию, когда стало известно о ее идее объединить христианство и ислам в единую религию. Чтобы избежать жестоких нападков, леди Эстер пришлось покинуть город. Верхом через пустыню она добралась до Пальмиры, считавшейся в то время недостижимой. Наконец в 1818 году, возвратившись на ливанское побережье, она поселилась на холме, неподалеку от деревушки

Джуин. Отсюда леди Эстер, некогда принимавшая участие в управлении Британской империей, пыталась вмешиваться в ближневосточную политику. Находясь в своем имении, она поддерживала связи со многими арабскими высокопоставленными лицами. Даже противники леди Эстер не могли отказать ей в уважении. Европейцы, случайно попавшие на Восток, среди которых был французский поэт и политик Ламартин, рассказывали поразительные истории о ее влиянии и положении. Нередко ей приходилось защищаться от мародерствующих банд. Но вскоре леди Эстер поссорилась и с эмиром Баширом. Когда она попыталась натравить на эмира друзей, тот послал против нее войска; но она успешно организовала защиту своей усадьбы, где нашли приют нуждающиеся и преследуемые. Когда в 1832 году Ибрагим-паша захватил Аккру, леди Эстер снова предоставила в своем доме убежище бежавшим из города и защищала их от египетских отрядов.

В народных массах «Ситт» («госпожа») вначале почиталась как святая. Люди приходили к ней за советом и помощью, а нередко просили защиты от произвола и преследований. С возрастом, однако, у леди Эстер появились некоторые странности. Вообще-то странной она была всегда, но постепенно становилась чудной. Она занялась магией и астрологией. Потом у нее иссякли средства к существованию, и к ней пришло одиночество. Умерла она в возрасте 63 лет, с помраченным рассудком, за год до изгнания турками ее врага Башира II. Память об этой оригинальной женщине жива до сих пор.

Меня давно уже привлекала мысль пойти по следам леди Эстер, которой удалось, будучи иностранкой, снискать уважение вождей арабских племен и шейхов-феодалов и которая отважилась вступить в борьбу с сильными мира того, с эмиром Баширом II и Ибрагим-пашой. Джуин находится в стороне от известных туристских маршрутов Ливана, но расстояние, которое отделяет ее от Бейт ад-Дина, сейчас сократилось до одного часа езды на автомобиле.

Узкая ухабистая дорога идет вдоль живописных склонов горы, пересекает крутизну вершин и спускается в долины — ландшафт, характерный для побережья Средиземного моря. На каменистых склонах трудолюбивые крестьяне соорудили узкие террасы, чтобы получить дополнительные участки пахотной земли, удобные для сбора дождевой воды. За этими крошечными пашнями ухаживают, как за садами.

Джуин еще меньше, чем Бейт ад-Дин. Она окружена плантациями оливковых деревьев. При въезде в деревушку висит дощечка: «К склепу леди Стэнхоуп». Маленькое скромное кафе в центре деревушки носит ее имя. Какой-то мальчуган тотчас же вызывается проводить меня к леди Эстер. Я сразу даю ему понять, что живу в Дамаске, то есть, значит, вроде бы местный, ни в коем случае не американец, чтобы он рассчитывал на вознаграждение в пределах разумного. Путь мимо гранатовых и фиговых насаждений занимает, наверное, добрый час, и; вот мы подходим к холму с остатками усадьбы леди.

На вершине холма можно увидеть развалины небольшого помещичьего дома и некоторых построек — значит, здесь была ее «резиденция». Я останавливаюсь перед скромной могилой плитой, которую позднее положили ее друзья. С трудом разбираю надпись: «Леди Эстер Стэнхоуп, родилась 12 марта 1776, умерла 23 июня 1839». Это память об удивительной женщине.

Живой паша

Ахмед уже несколько раз обещал познакомить меня с пашой наших дней, одним из своих многочисленных родственников, но все медлил.

Я с нетерпением ждал знакомства с этим представителем умирающего мира, мне хотелось увидеть его в изменяющемся окружении, и поэтому я снова и снова просил Ахмеда устроить встречу. Сегодня наконец это должно произойти.

Паша живет в Алеппо. Его усадьба в центре города совсем не похожа на сказочный замок из «1001 ночи», но я уже давно привык к тому, чтобы по каменным стенам, ограждающим дом, не делать поспешных выводов об интерьере самого дома. По когда паша

принял нас в своем зале для аудиенций, я все-таки был разочарован. Я ожидал увидеть дворец Азема в миниатюре. Вместо этого мы расположились в безвкусно обставленной в стиле псевдорокко комнате: кривоногие, вычурные, украшенные позолотой и обтянутые узорчатым шелком, неудобные стулья; такой же стол с имитированной мраморной плитой; справа и слева от двери — две встроенные стеклянные витрины: в одной, как нам сразу же горделиво объявил хозяин, мейсенский фарфор, в другой — розентальский, аккуратно отделенные друг от друга.

К счастью, мы недолго остаемся в этом салоне, который, по-видимому, у богатых арабов является своего рода символом занимаемого положения; я уже неоднократно бывал в таких салопах, и всегда они производили одинаково неприятное впечатление. После кофе нас повели обедать в другое помещение, и тут мои надежды сбылись. Стены выложены изумительной эмалированной плиткой, с узорами в виде стилизованных цветов и геометрических фигур. Посреди стены небольшая ниша. Ее купол украшен изображениями сталактитов, которые уже много тысячелетий пользуются на Востоке большой популярностью. Из ниши струится вода, сбегая вниз по эмалированной плитке, что позволяет без кондиционера, даже в самые жаркие дни, поддерживать приятную прохладу в помещении; особенно украшает зал потолок с великолепной резьбой и инкрустацией. Кругом лежат чудесные ковры с вытканым на них богатым орнаментом: прямоугольными полями, тюльпанами, розетками, цветами, звездами и другими причудливыми фигурами. Мебель — образец мастерства. Снова и снова появляется восьмиугольник как основная форма или элемент украшения: на крышке стола изображены четыре концентрических восьмиугольника, грани которых инкрустированы слоновой костью, перламутром, деревом разных пород. Табуретки тоже восьмиугольные. Боковые стороны кресла украшены орнаментом в виде арабского письма.

Хозяин дома — назовем его Фейсал — мужчина лет шестидесяти, на голове у него красная феска, повязанная вокруг платком: знак того, что ее обладатель, хаджи, совершил паломничество в Мекку, что вызывает особое уважение единоверцев. Он носит шарф, повязанный вокруг живота, и широкие шальвары. Он безмятежно попыхивает наргиле и неодобрительно покачивает головой, не понимая, как это иностранец может отказаться от удовольствия выкурить трубку.

Беседа долгое время проходит в уверениях взаимного расположения и пожеланиях всех благ семье. А пользуюсь случаем, чтобы спросить о здоровье его жены. Слава Аллаху, они здоровы, говорит он. Мне становится ясно, что он принадлежит к тем немногим, которые, пользуясь разрешением Аллаха, позволяют себе иметь несколько жен. В самом деле, господин Фейсал называет трех жен, «принадлежащих ему».

Ахмед и раньше мне как-то рассказывал, что Мухаммед в самой категорической форме требует от мужчины, который хочет иметь несколько жен, чтобы он одинаково относился к каждой из них. И не только из экономических соображений. В результате этого требования Мухаммеда, как полагает Ахмед, разрешение иметь четырех жен практически аннулировано, ибо какой мужчина в состоянии в течение длительного времени пользоваться им. Может быть, именно это и объясняет, почему процент полигамных браков, по крайней мере в сегодняшней Сирии, очень незначителен. В прошлом многоженство встречалось намного чаще, и по самым различным причинам: богатые демонстрировали таким образом благосостояние, свои возможности создать для каждой жены подобающий ее положению образ жизни, а бедняки, в особенности бедные крестьяне, использовали своих жен и кучу детей как дешевую рабочую силу.

Разговор скоро переходит на детей, и меня ждет новый сюрприз.

— У меня восемь детей, — отвечает господин Фейсал на мой вопрос, и, слава Аллаху, все здоровы и в порядке.

Я хотел узнать, сколько из них мальчиков, по хозяин дома, по-видимому, не понял вопроса.

— Восемь, — повторяет он недоумевая.

Ахмед улыбается и объясняет мне, что у его родственника восемь сыновей и четыре дочери, но на вопрос о числе детей принято называть, особенно у арабов, придерживающихся традиции, только сыновей; девочки в счет не идут. Между прочим, у его родственника недавно было четыре жены, но самую младшую он прогнал, так как она в третий раз родила ему девочку.

Ахмед переводит паше то, что он мне объяснил, и господин Фейсал усердно кивает головой. Да, она была очень привлекательной и милой женщиной, но женщина, которая может рожать только девочек, лишена благословения Аллаха. Поэтому он, к сожалению, был вынужден ее прогнать.

Хозяин дома интересуется обычаями моей родины. Я пытаюсь объяснить восточному помещику, что ГДР хочет создать всем своим гражданам социальное обеспечение и благосостояние. Он смотрит удивленно, непонимающе переводит взгляд на Ахмеда, чтобы удостовериться, что я говорю серьезно.

— Это невозможно! — говорит он затем тоном, не допускающим возражений.

— Благосостояние возможно только для некоторых, не может быть благосостояния для всех, так как благосостояние — это не просто богатство, оно означает, что человек имеет еще что-то, чего не имеют другие. Должны же быть люди, вынужденные работать, чтобы их трудом пользовались другие.

Этого не отнимешь у старика — у него классовая точка зрения, а именно точка зрения его класса. Я понимаю, что поступаю глупо, но все же пытаюсь ему объяснить, что в условиях обобществленных средств производства... Фейсал перебивает меня, и поскольку он по-прежнему приветлив, то, скорее всего, он ничего не понял. Очень возможно, что Ахмед перевел как-то иначе, так как ухмыляется он совершенно бесстыдно.

И снова, покачивая головой, старик повторяет:

— Благосостояние для всех! А кто же будет водить мой автомобиль и мыть его? Нет!

Очевидно, ему надоело продолжать этот нелепый разговор.

— Время, когда не будет бедности, это конец нашего благосостояния, это ведь конец света, — заканчивает он дискуссию.

Я ошеломлен реакционной логикой этого человека, не умеющего ни читать, ни писать. Разговор принимает другое направление. Фейсал хочет показать мне свои богатства. Часть своих владений он вынужден был отдать во время земельной реформы, но, будучи предусмотрительным, он своевременно переключился на торговлю сельскохозяйственной продукцией. Прежде всего паша зарабатывает на скупке и продаже земляного ореха (арахиса). Он приглашает нас осмотреть его склады. Мы соглашаемся. Фейсал дважды дергает за кисточку, висящую около его кресла, и, когда мы выходим на порог, перед нами останавливается кабриолет марки «Импалла». Шофер распахивает дверцу машины. Нужно проехать всего лишь триста метров. Мы останавливаемся перед несколькими большими помещениями, построенными, вероятно, совсем недавно. Дюжина рабочих переворачивают горы арахиса. А рядом разгружают еще несколько грузовиков, тоже с арахисом. Фейсал торжествующе смотрит на меня.

— И что вы делаете со всем этим? — спрашиваю.

— Я продаю товар в Европу, — объясняет он. — Он идет нарасхват.

Масло, добываемое из арахисовых орехов, используется в пищу и служит сырьем для изготовления маргарина, а жмых — прекрасный корм для скота; он содержит примерно 50 % белка и 20 % жира, то есть имеет большую питательную ценность.

Мы возвращаемся в дом. Там нас ждет традиционно приготовленный барашек. Пришли несколько сыновей Фейсала. Двое из них врачи, а мой сосед по столу был полковником сирийского военно-воздушного флота, но в 40 лет его отправили на пенсию.

— По-видимому, новые господа сочли меня недостаточно падежным, — говорит бывший полковник, и он убежден в этом. Сейчас он тоже занимается торговлей, представляя несколько иностранных фирм в стране.

— И правительство относится к этому терпимо? — Он кивает на мой вопрос и

добавляет, что никто не знает, как долго это еще продлится. Несколько лет назад была уже предпринята попытка вытеснить частных торговцев, и тогда он перевел свой капитал в Бейрут, там у него тоже есть квартира. А пока он не хочет отказываться от возможности увеличить свои прибыли.

— Кто знает, что будет дальше. Мы все в руках Аллаха, — заключает он меланхолически.

Аллаху, должно быть, тяжело. Бедняки молят его дать им работу, повысить зарплату, защищать их от гнета богатых, а те просят его подольше сохранить возможность эксплуатировать неимущих.

Время истекает. Нам нужно возвращаться в Дамаск, и мы прощаемся с хозяином, представителем ушедших времен. Его жен я так и не увидел и поэтому не смог поблагодарить их за вкусную еду.

Восстаньте, арабы!

В Бейруте есть площадь Мучеников. Здесь по приказу турецких оккупантов в мае 1916 года были публично казнены 32 сирийских патриота, выступавшие за дело арабского освобождения¹⁹. Этот варварский акт должен был окончательно сломить сопротивление против проклятой тирании. На самом деле он явился началом конца господства Османской империи, которое тяготело над Сирией ровно 400 лет.

Движение сопротивления против османского засилья приобрело особую силу в связи с новым осознанием арабским народом великих исторических традиций. Сначала, в середине XIX века, образовались культурные общества, призывающие признать достижения арабских ученых и возродить арабский язык, на котором тогда не печатались даже книги²⁰. В то время Ибрагим Язиджи написал стихотворение, которое начиналось словами программного характера: «Поднимайтесь, арабы, и проснитесь!».

Вскоре, большей частью по инициативе сирийской интеллигенции, стали появляться первые журналы на арабском языке. Они освещали вопросы культуры, но издавались за границей, так как османские власти жестоко карали любую попытку арабских патриотов заявить о себе публично. Однако, даже когда первоначально эти попытки ограничивались лишь сферой культуры, они, несомненно, способствовали подготовке национального освободительного движения арабских народов.

Первые результаты сказались в Бейруте, где в 1875 году небольшая группа восторженных молодых сирийцев основала тайное общество, поставившее своей целью освобождение арабского отечества от иностранного угнетения. Организаторы создали местные группы во многих сирийских городах, например в Дамаске и Триполи. Участники этих групп по ночам наклеивали на стены плакаты с требованиями предоставить Сирии независимость и признать арабский язык официальным.

Хотя мужественные люди, объединившиеся в эти организации, и пали вскоре жертвами террора османских палачей, но их деятельность существенно способствовала возникновению арабского национализма.

Наконец в 1904 году во французском изгнании сформировалась Лига за освобождение арабского отечества. Один из руководителей лиги, Наджиб Азури, опубликовал книгу «Пробуждение арабской нации».

Революция младотурков 1908–1909 годов лишь ненадолго облегчила деятельность

¹⁹ 6 мая 1916 года были повешены 14 арабских лидеров в Бейруте и 7 в Дамаске, остальные казнены позже. (Примеч. ред.)

²⁰ Арабская литература в XVI–XVIII веках переживала упадок и даже вытеснялась литературой на турецком языке. Однако книгопечатание в арабских странах существовало с 1610 года (первая типография — в Дейр Казхийе в Ливане). В Сирии первая арабская типография возникла в Халебе в 1702 году. (Примеч. ред.)

арабских националистических организаций. Скоро политика отуречивания, проводимая новым правительством Стамбула, заставила арабские освободительные организации вновь уйти в подполье. Важный успех был достигнут в 1913 году на Парижском конгрессе, когда большинство организаций выступило с единой программой. Значительную часть делегатов и руководителей конгресса составляли сирийцы. Цель конгресса была предельно скромной, на нем не выдвигалось требования самостоятельности для арабских стран — участники довольствовались лишь требованием предоставить арабам некоторые политические права, в частности право участвовать в совместных решениях, связанных с административным управлением арабских территорий в рамках турецкого государства — и признания арабского языка официальным языком в арабских провинциях.

Но даже такие ограниченные требования вызвали ожесточение турецких властей. Разумеется, они были вынуждены воздержаться от намерения немедленно расправиться с арабскими патриотами. Именно в это время английские и французские империалисты предпринимают попытку привлечь к себе симпатии арабов для осуществления своих корыстных замыслов, противоречащих интересам немецких империалистов и их турецкого союзника. Но когда разразилась война, и особенно после успешной обороны Дарданелл против британских войск, которыми в то время командовал министр военно-морского флота Уинстон Черчилль, турецкое верховное командование почувствовало себя снова достаточно сильным, чтобы нанести удар арабским патриотам. Многочисленные сторонники арабского освободительного движения — среди них представители арабской интеллигенции, коммерсанты и патриоты из других слоев общества — были арестованы и депортированы в Турцию. Многие предстали перед судом военного трибунала. 58 из них были приговорены в Бейруте к смертной казни, в том числе 47 — заочно; 11 патриотов, схваченных турецкой военщиной, были переданы в руки палача²¹. Другая группа — 21 мужественный патриот, приговоренный к смерти в Сирии, — была казнена на рассвете 6 мая того же года в Дамаске.

Но эти террористические акты не смогли подавить революционного движения. Напротив, тысячи новых борцов заняли место погибших. Господство султана неудержимо приближалось к концу. Однако час освобождения заставил себя ждать еще полстолетия. Прежних угнетателей сменили новые.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ИМПЕРИАЛИЗМА

Большое предательство

Правительства Англии и особенно Франции уже давно протянули свои щупальца на Ближний Восток. В 1525 году король Франции Франциск I, к ужасу своих европейских коронованных коллег, заключил договор о взаимопомощи с Сулейманом Великим. Этот альянс между «христианнейшим королем» и предводителем «неверных» рассматривался государями Европы как крупный скандал. Но Франциск I не обратил на это внимания, поскольку он знал, что этот шаг, положивший начало особому положению католической Франции на османской земле, вызовет необходимость полной переоценки факторов европейской политики, считавшихся до этого времени постоянными. Как Валуа, так и Бурбоны неуклонно придерживались этой политики взаимного согласия с Османской империей и распространяли свое влияние главным образом на восточное побережье Средиземного моря. При этом важную роль играли сирийцы маронитского вероисповедания, сохранившие свои христианские традиции в Ливанских горах. Людовик XIV в 1649 году пошел еще дальше, выдав им грамоты, в которых заявил, что берет под свое особое

²¹ К смертной казни были приговорены 40 человек, а заочно — еще 70. Всего к лету 1916 года на смерть были осуждены 816 человек. *(Примеч. ред.)*

покровительство патриархов-маронитов, а также всех прелатов, духовных и светских христиан-маронитов, и прежде всего тех, что живут на территории Ливана... Тем самым территория западнее Ливанских гор оказалась в привилегированном положении, сильно отличавшемся от положения других арабских территорий, находившихся под властью Османской империи, и вскоре получила своего рода внутривосточную автономию.

Скандалную попытку, имевшую целью расширить французское влияние в этой области, предпринял Наполеон. В 1799 году вместе со своими войсками он направился на побережье Средиземного моря и осадил крепость Аккру. Но во время обороны османского наместника поддерживал английский флот, поэтому турки смогли удержать крепость. Наполеон, в войсках которого свирепствовала чума, вынужден был отступить, предварительно приказав убить четыре тысячи военнопленных.

Ближний Восток все больше становится объектом притязаний иностранных государств, их игральным мячом, районом, где сталкивались прежде всего француженско-британские интересы, что особенно отчетливо проявилось спустя 40 лет, когда европейские великие державы заставили Мухаммеда-Али вернуть Турции все отнятые у нее сирийские земли. Еще через 20 лет, в 1860 году, в Бейруте высадились французские войска, выступившие на стороне маронитов в их борьбе с друзами. Турецкий султан был вынужден предоставить Ливану широкую автономию, что вполне соответствовало колониальным устремлениям Франции.

И опять главным образом Франция и Англия в последнюю треть прошлого столетия пытались экономически подкрепить свои усилия по обеспечению политического влияния на Ближнем Востоке, причем Англия утверждалась в основном на территории между Евфратом и Тигром, то есть в современном Ираке, и в Палестине, а Франция укрепляла свои позиции в остальной части Сирии.

История XX века полна страшных преступлений, совершенных империализмом. К самым отвратительным и коварным из них относится его политика по отношению к арабским народам. Империалисты не останавливались ни перед какой подлостью: от предательства до нарушения договора, от изгнания мирных крестьян со своих полей до отправки их в огромные концентрационные лагеря, от убийств отдельных патриотов до жестоких бомбардировок незащищенных людей в городах и деревнях.

Когда британские и французские империалисты старались все более расширить сферу своего влияния на Ближнем Востоке, неожиданно появился еще один конкурент, высматривавший себе место под солнцем в мире, уже в значительной степени поделенном: это было германское кайзеровское государство, превратившееся после победоносной войны с Францией в хищного, жаждущего добычи империалистического волка с огромным аппетитом. Взгляд его пал на Ближний Восток. Здесь он рассчитывал найти для себя широкое поле деятельности. Германский кайзер Вильгельм II тотчас заявил о притязаниях немецкой крупной буржуазии. После того как он завязал «вечные узы дружбы» с турецким султаном, он предпринял в 1898 году шумный визит в Дамаск и Иерусалим. Как мы уже знаем, кайзер преподнес султану Саладину роскошный гроб, а городу на горе Елеонской — протестантскую церковь. По все это была лишь мишура. Важно было то, что германским монополистам удалось получить концессию на постройку Багдадской железной дороги. Строительство этой дороги, исключительное право на которое Османская империя дала немцам, началось в конце прошлого столетия. Вскоре немцы разработали проект Хиджазской железной дороги якобы для того, чтобы связать Дамаск со святым городом Меккой, а на самом деле с целью включить в планы немецких империалистов также и территории Саудовской Аравии.

Сначала все было тихо. И вдруг посреди пустыни появляется небольшое, крытое красной черепицей здание вокзала, перенесенное как будто по мановению руки волшебника из Марка или Лаузитца в пустыню между Дамаском и Амманом. Если подойти к зданию ближе, то нетрудно убедиться, что почти все совпадало: небольшой грязный зал ожидания, черная доска с расписанием, окошечко дежурного по вокзалу, в стене перед домиком —

скамья, в нескольких шагах от него — будка с двумя дверями: одной — для мужчин, другой — для женщин; не забыт даже крошечный садик вдоль рельсов. Абсолютно очевидно, что немецкие конструкторы не слишком-то себя утруждали обдумыванием того, чтобы как-то приспособить строительную идею к арабскому пейзажу. «Что хорошо для Германии, то хорошо и для остального мира», — наверное, рассуждали они. Так типовой проект небольших немецких вокзалов был перенесен в арабскую пустыню.

Между прочим, не только маленькие вокзалы на многочисленных станциях Хиджазской железной дороги, но и Центральный вокзал в Дамаске как две капли воды похож на вокзалы небольших городов, построенных в Германии в начале века.

Развитие инфраструктуры Османской империи облегчало проникновение немецкого капитала к район Ближнего Востока и наносило весьма ощутимый ущерб английской и французской конкуренции. Одни видели в этом угрозу для своих коммуникаций между Суэцким каналом и Индией — а мечтали они, например Черчилль и Ллойд-Джордж, об установлении протектората над Средневосточной империей, простиравшейся от Египта и Сирии до Индии. Другие опасались угрозы их традиционным притязаниям на отдельные территории Сирии, главным образом на прибрежные районы. Когда в 1913 году кайзер решил направить в Турцию группу ведущих военных специалистов под руководством генерала Лимана фон Сандерса с поручением реорганизовать турецкую армию по прусскому образцу, они забили тревогу. Стремясь ослабить германо-турецкий альянс, британские империалисты начали проявлять интерес к арабскому освободительному движению, направленному против турецкого господства. На Ближний Восток засылались английские, а позднее французские и американские агенты, часто под видом археологов, чтобы приобрести влияние на арабских вождей. Из них наибольших успехов добился легендарный британский агент Т. Е. Лоуренс.

Лоуренс действительно одно время занимался археологией. Согласно официальному документу, он прибыл в Сирию, чтобы собрать материал о замках крестоносцев. За годы, проведенные на Ближнем Востоке, он в совершенстве овладел арабским языком, изучив несколько диалектов. Благодаря превосходному знанию языка, всех сторон жизни, быта, а также образа мыслей арабов ему удалось войти в доверие арабских шейхов и спровоцировать их на антитурецкие выступления. Особенно большого доверия он добился у шерифа Хусейна, который в период турецкого господства владел Хиджазом, то есть значительной частью нынешней Саудовской Аравии, и вел свое родословное древо от самого пророка. Кроме того, эмир Хиджаза был главой центров исламского мира — городов Мекки и Медины, — где находились места деяний пророка и Кааба — величайшая святыня ислама.

Скоро Лоуренс стал своим человеком при дворе Хусейна. Когда началась первая мировая война, Лоуренс пытался втянуть Хусейна в совместные действия с арабскими патриотами и побудить его принять участие в восстании против турецкого засилья, которое должно было бы ослабить юго-восточный фланг германо-турецкого альянса. Хусейн по определению Лоуренса, «был почтенным, хитрым, своенравным и в высшей степени благочестивым человеком». Он находился под большим влиянием своего британского советника и ждал лишь случая, чтобы избавиться от турецкого господства.

В 1915 году он отправил своего сына Фейсала в Дамаск для установления контактов с Центром арабских тайных обществ. Но Хусейн был человеком осторожным. Он хотел действовать наверняка, а не просто полагаться на посулы Лоуренса; он потребовал гарантий от британского правительства и получил их. Правительство его британского величества в ходе письменных переговоров, продолжавшихся в течение 1915 года, заверило Хусейна, что он сможет объединить территории Арабского Востока со своим королевством, если решится взять на себя руководство восстанием арабов против Турции.

Поверив письменным заверениям англичан, Хусейн дал согласие. Восстание разразилось летом 1916 года. Фейсал взял на себя военное руководство при сотрудничестве Лоуренса, и в изнурительных боях в пустыне ему удалось отрезать базы турецких войск от источников снабжения, уничтожив только что построенные участки Хиджазской железной

дороги. Британские войска под командованием генерала Алленби объединились с арабскими вооруженными силами и уничтожили турецкие соединения. Немецкий генерал Лиман фон Сандерс взял на себя непосредственное командование турецкими вооруженными силами, но изменить что-либо он уже был не в состоянии. 1 октября 1918 года Фейсал, Алленби и Лоуренс бок о бок вступили в Дамаск под приветствия и ликование арабского населения, полагавшего, что цель освободительной борьбы достигнута. Поколения боролись за независимое арабское государство, и много пламенных патриотов было убито турецкими оккупантами. Теперь, казалось, пришел час освобождения.

Но британское правительство ни на минуту не думало сдержать данное арабам слово. Еще во время переговоров с Хусейном британские и французские империалисты пытались договориться о разделе между собой сфер влияния в процессе колониального порабощения арабских народов после разгрома Османской империи, для чего, собственно, им и понадобилась поддержка арабов. После длительных тайных переговоров обе стороны пришли к соглашению, и в 1916 году дипломаты Сайкс и Пико заключили по получению своих правительств соглашение, о котором арабы узнали только после того как молодое Советское государство опубликовало тайные документы из царских архивов. Лоуренс позднее открыто подтвердил факт предательства, заявив по поводу британских договоров с Хусейном: «С самого начала было ясно, что, если мы выиграем войну, это обещание станет пустой бумагой, и если бы я был честным другом арабов, то посоветовал бы им идти по домам и употребить свою жизнь не для таких целей... Я пошел на обман, будучи убежден, что арабская помощь была необходима для нашей быстрой победы на Востоке и что лучше, если мы выиграем и нарушим слово, чем если проиграем».

Возмущение арабов предательством было безграничным. После освобождения арабских территорий от турецкого владычества Фейсал, поверив в гарантии британского правительства, принялся за организацию независимого государства Сирия, которое занимало бы территорию от гор Тавра до Синая. Но союзники тотчас же заявили протест. Французские дивизии высадились в Ливане и оккупировали прибрежную полосу. Англичане претендовали на Палестину, а Фейсалу они передали управление центральными сирийскими областями. Сын Хусейна уже собирался капитулировать, когда конгресс сирийских патриотов, состоявшийся в Дамаске в мае 1920 года, объявил об основании Сирийского королевства и провозгласил Фейсала королем. Но империалисты были полны решимости растоптать этот акт национального самоопределения. На переговорах между Францией и Англией соглашение Сайкса — Пико было модифицировано, и наконец в 1920 году в договоре, подписанном в Сан-Ремо, было установлено следующее разграничение сфер влияния: основываясь, в частности, на ст. 22 Устава Лиги наций Франция берет себе сирийские провинции, а Англия — Месопотамию и Палестину под предлогом мандатного управления. Франция тут же поспешила воспользоваться своими, вытекающими из этого соглашения правами. Из Бейрута в направлении на Дамаск двинулись вооруженные новейшей техникой французские войска. 14 июля 1920 года командующий французскими войсками в Сирии генерал Гуро предъявил Фейсалу ультиматум, в котором потребовал от него в течение четырех дней удовлетворить все требования французов.

Условия были настолько бесчеловечны, что Гуро, горевший желанием оккупировать столицу и всю Центральную Сирию, надеялся, что Фейсал ни при каких обстоятельствах не примет их. К его досаде, Фейсал капитулировал очень быстро, но даже это не могло удержать генерала от того, чтобы осуществить преступные планы. Он отдал своим войскам приказ продвигаться дальше в направлении Дамаска, а позднее цинично заявил, что известие о капитуляции он вовремя не получил. Под командованием молодого военного министра правительства Юсуфа Азме слабо обученные и плохо вооруженные сирийские войсковые соединения двинулись против французов. К ним присоединилась группа патриотов Сирии. Под Маисалуном, в нескольких километрах от Дамаска, мужественно боровшиеся сирийские соединения были разбиты французскими колониальными солдатами, вооруженными тапками и пулеметами. Большинство защитников Дамаска во главе с Юсуфом Азме погибли. О битве

сегодня напоминает кладбище героев, расположенное у автострады Бейрут — Дамаск. Оно призывает сирийскую молодежь проявлять бдительность по отношению к империалистам. Народ лишний раз убедился в том, что они готовы пойти на любое предательство, если у народа не хватает сил дать им отпор.

Но предательство империалистов по отношению к арабам этим не исчерпывается. Наряду с традиционной политикой «разделяй и властвуй», подкупом отдельных шерифов (благородных) и жесточайшего террора, направленного против патриотов, империалисты создали себе новый инструмент, чтобы воспрепятствовать развитию освободительного движения арабов, — сионизм.

Сионизм развился в националистическое движение еврейской буржуазии, которая рассчитывала отвлечь народ от борьбы на стороне прогрессивных сил против империализма и расизма и ориентировать их на создание собственного еврейского государства. Оно должно было возникнуть там, где три тысячи лет назад несколько израильских племен объединились в государство, последние следы которого были уничтожены почти две тысячи лет назад римлянами: на арабской территории Палестины, где примерно в середине прошлого столетия проживало лишь ничтожное еврейское меньшинство, около 11 тысяч человек, и, кстати, в полной гармонии с мусульманами и христианами. Оно говорило по-арабски и считало его своим родным языком. Но эти евреи тоже не были потомками населения иудейских государств, а в большинстве своем правнуками испанских евреев, пришедших после изгнания их из Испании в конце XV века в области, расположенные на восточном побережье Средиземного моря. Сионизм, ориентирующий евреев XX века на возрождение еврейского государства в Палестине, с самого начала имел антиарабское направление, и империалисты очень скоро поняли, как ловко они могут использовать это движение в своих целях.

Идеолог сионизма Герцль благодаря сильной финансовой поддержке еврейских кругов Европы и Америки уже в начале XX века смог договориться с турецким султаном о покупке Палестины. Хотя предложение было весьма соблазнительным и султан вначале, казалось, склонялся к тому, чтобы принять его, однако он все-таки вынужден был отказаться, ибо как приверженец ислама боялся вызвать гнев своих единомышленников.

После этого неудачного дебюта разрабатывались планы поселить еврейских эмигрантов в Южной Америке, но и они не увенчались успехом. Наконец британский министр колоний Джозеф Чемберлен предложил для этих целей кусок плодородной земли в Уганде, и даже Герцль поддержал идею, но на сионистском конгрессе в 1904 году этот план был отвергнут, прежде всего из-за активного противодействия д-ра Хаима Вейцмана, взявшего на себя руководство сионистским движением. Вейцман проводил экстремистско-антиарабский курс и заявил, что непосредственной целью сионистского движения является образование государства Израиль на арабской земле. Герцль, глубоко разочарованный ходом событий, покончил жизнь самоубийством в возрасте 44 лет.

Как химик Вейцман имел большие заслуги перед военной промышленностью Англии. Он разработал способ получения из диких каштанов очень нужного для производства взрывчатых веществ ацетона и в результате ликвидировал зависимость Англии от заокеанского сырья, что имело для нее исключительно важное значение в первой мировой войне. Он ловко сумел использовать положение ученого, работавшего на военные цели и поставившего свои способности на службу британской великодержавной политике, а также свое личное знакомство с лордом Артуром Бальфуром, позднее министром иностранных дел, чтобы добиться от британского правительства поддержки сионистских требований. Дальновидные британские государственные деятели, вооруженные опытом многовековой колониальной политики, вовремя осознали, что их «неестественный» союз с арабами против германо-турецкого альянса будет разрушен в процессе роста арабского национализма. Они почувствовали, что сионистское движение может помешать расширению арабского освободительного движения. Поэтому британское правительство поощряло сионизм. В ноябре 1917 года в письме, которое лорд Бальфур направил миллионеру Ротшильду и ведущим представителям сионистского движения, он обещал поддержать идею создания

«очага для еврейского народа» в Палестине.

Этот шаг был недвусмысленно направлен против арабов. Одновременно он должен был, как выразился позднее Ллойд Джордж, тогдашний премьер-министр Великобритании, в критическом военном положении, в каком находилась Англия осенью 1917 года, воздействовать на американских евреев, чтобы они оказали поддержку делу союзников.

Таким образом, арабские народы снова были обмануты. Представьте себе: британское правительство обещало территорию, не принадлежащую ему, а находившуюся под властью Турции, арабам, которые ее населяют; в это же время оно разделило территорию без ведома арабов между собой и своими французскими союзниками; наконец, оно обещало значительную часть этой территории еще одной заинтересованной стороне, опять же без ведома арабов. Трагические последствия этой политики, ее губительное влияние ощутимы еще и сейчас. Единственный человек, понимавший это, — будущий британский премьер-министр Рамсей Макдональд — уже в 1922 году следующим образом характеризовал британскую политику и ее последствия: «Мы стимулируем арабское восстание против Турции, обещая создать арабское королевство, присоединив к нему Палестину. В то же время мы поощряем евреев помогать нам, обещая отдать им Палестину для заселения и владения. И одновременно мы тайно заключаем с Францией договор Сайкс — Пико, согласно которому делится та же самая территория, которую по указанию британского правительства британский генерал-губернатор Египта обещал арабам. Это история грубой двойной игры, и мы не можем надеяться, что нам удастся уйти от ее неизбежных последствий».

Если исходить из того, что выражение «двойная игра» содержит в себе истинное положение вещей в очень сдержанной дипломатической форме, то к этому добавить абсолютно нечего.

Соппротивление ширится

— Скоро уже минет пятьдесят лет с той поры, но я помню еще все подробности тех драматических дней.

Мужчине, сидевшему напротив меня на низенькой скамейке под тенистым деревом во внутреннем дворе арабского дома в Старом Дамаске, я дал бы не больше 50 лет, ну, самое большое 55, если бы Ахмед не сказал мне, что он участвовал в исторических боях против французских оккупантов в середине 20-х годов. Значит, он должен быть значительно старше.

Мустафа Хасани, хозяин дома, замечает, как я с недоумением высчитываю годы, и смеется.

— Я был тогда очень молодым, мне, кажется, только стукнуло шестнадцать, — рассказывает он, — и именно поэтому мой брат ничего не рассказывал мне о тайных приготовлениях к восстанию. «Ты еще слишком мал, Мустафа, — говорил он мне, — подожди, пока усы вырастут!» Вы можете себе представить, как я был зол на него. Нас всех сжигала ненависть к французам, все мечтали о смелых подвигах. Вы, конечно, знаете, как это бывает, когда молод и ничего не знаешь, кроме бедности и унижений, кроме голода и подавленности. Я не имел никакого представления о цене жизни, и каждый из нас был готов жертвовать собой, чтобы кончилось рабство, чтобы французские захватчики были изгнаны. Но мой брат, который десятью годами старше меня, только и твердил: «Ты еще мал, Мустафа!» И если иногда я особенно настойчиво клянчил, чтобы он взял меня с собой на тайную встречу, и говорил ему, что я готов отдать жизнь, он серьезно возражал мне: «Что ты понимаешь в жизни! Конечно, есть ситуации, когда нельзя щадить ее, если не хочешь позора. Но нельзя легкомысленно швыряться жизнью. Наша задача не умереть, а освободить родину, прогнать французских оккупантов». И, шлепнув меня по заднему месту, заканчивал: «Ты хочешь непременно быть героем, именно поэтому ты для нас слишком молод».

Хозяин дома тянется за наргиле.

— Вы понимаете, конечно, что слова брата меня не убеждали. Я начал тайно красться

за ним, когда по вечерам он уходил из дома. Обстановка в Сирии обострялась со дня на день. Генерал Гуро, разбивший наше храброе войско при Маисалуне, был в свое время назначен французским Верховным комиссаром. Он жестоко преследовал тысячи сирийских патриотов, осмелившихся требовать права, обещанные им когда-то союзниками. Но, несмотря на страшный террор, ему не удалось восстановить в стране спокойствие, необходимое французским империалистам для того, чтобы беспрепятственно грабить страну. Таким образом, в 1923 году генерал Гуро был заменен генералом Вейганом.

— Это тот самый, который организовал польскую контрреволюционную армию Пилсудского для борьбы с молодой Советской властью?

— Да, тот самый! — подтвердил хозяин дома. — Мы не заметили большой разницы между ним и его предшественником: насилие продолжалось, и много патриотов исчезло в застенках французской военной полиции. И все-таки разница была, но я тогда еще был слишком молод, чтобы понять ее. Генерал Вейган пытался расколоть антифранцузский единый фронт сирийцев, обеспечивая зажиточным слоям населения широкие возможности экономической деятельности, чтобы подкупить их или по крайней мере удержать от участия в последовательной борьбе. Собственно говоря, методы генерала не были новы: так или иначе они практиковались империалистами и раньше и позднее, у нас и еще где-то. И очень успешными они тоже не были. Слишком сильно народ ненавидел захватчиков. А те, кто хотел заработать на сделке с оккупационными властями, очень быстро оказывались вне сирийского общества. Число вооруженных акций против врага росло.

Однажды вечером — мой брат, как обычно, когда наступили сумерки, исчез — я снова вышел из дома, надеясь увидеть что-нибудь волнующее, может быть, даже встретить его самого или его друзей. Переулки были окутаны глубокой тьмой. Мне хорошо был знаком каждый уголок Старого города. Казалось, даже кошки и собаки знали меня, потому что, попадаясь мне навстречу, они не издавали ни звука.

Вдруг тишину ночи разорвал сильный взрыв. Мне показалось, что я отчетливо почувствовал ударную волну. Хлопали ставни, с низких крыш скатывалась глина. Спустя мгновение снова наступила тишина. Но потом я услышал крики — это были французы. Кричало одновременно много людей; отдавались приказы. Раздался выстрел, потом еще и еще. Я знал уже наверняка: взрыв произошел в полицейском участке, где недавно были расквартированы французские солдаты, поскольку сирийским отрядам полиции, хотя ими командовали французские офицеры, больше не доверяли.

У меня бешено забилося сердце. Страх это был или волнение? Кто знает! Я почти не заметил, как начался дождь. Осторожно и неслышно — я ходил босиком — крался я вперед по направлению к полицейскому участку. Там все еще продолжалась перестрелка. Скоро я услышал тяжелую поступь сапог, подбитых гвоздями. Это могли быть только французы. Я еще сильнее прижался к стене в тени дома, прежде чем поползти дальше. Через несколько минут — я приближался к перекрестку двух переулков, а расстояние между домами не превышало здесь трех метров — мне показалось, что где-то совсем рядом дышит человек. Я не сразу различил в темноте несколько бочек, поставленных друг на друга. Может быть, за ними кто-то скрывался? Я боялся пошевелиться. Тяжелые шаги солдат приближались. Я затаил дыхание и еще глубже вжался в стену. Отряд французских солдат промчался в нескольких шагах от меня через перекресток; в темноте я не смог определить, сколько их было. Топот быстро удалялся. Снова стало тихо. Я устоял на бочки, стоявшие передо мной. Если там скрывался человек, то это мог быть только кто-нибудь из наших, сирийцев. Но я уже больше ничего не слышал. Может быть, мне все это только почудилось? Я медленно, на ощупь пробирался дальше. Осторожно я заглянул за бочки. Мое сердце остановилось: там лежал человек, одетый в галабийю. Он лежал неподвижно, и, казалось, жизнь оставила его. Когда я наклонился над ним, то с трудом смог сдержать крик: я узнал своего брата! Вся его одежда была запачкана кровью. В полном отчаянии, дрожащими пальцами я расстегнул на нем рубашку и попытался услышать биение сердца, но не услышал. Слезы хлынули у меня из глаз, я шептал ему на ухо всякие ласкательные имена,

которые слышал, когда мать разговаривала с младшими братьями и сестрами. Я гладил его лицо. Вдруг он открыл глаза; он узнал меня и устало улыбнулся. «Я же запретил тебе...» — начал он... но у него не хватило сил.

Я лихорадочно пытался сообразить, что нужно сделать. Я мог бы взвалить брата на плечи и унести, но меня легко могли заметить, не говоря уже о том, что я не знал, где и как можно было ухватиться, чтобы поднять его. Кивком головы он попросил меня наклониться.

— Кажется, меня немного прихватило, — сказал он едва слышно, — в ногу и в плечо. Возьми мой пояс и перевяжи ногу. — Я сделал, как он сказал. Его рот исказила гримаса.

— Раз уж ты здесь, — прошептал он, — то можешь сделать кое-что полезное. Беги к Михаилу, ты знаешь, где он живет, и передай, что охрана полицейского участка сегодня ночью была усилена и что проклятые собаки, очевидно, заранее знали о наших намерениях. Есть предатель. А теперь беги!

Я, конечно, отказывался оставить его одного в таком положении. Он снова улыбнулся и вытер мне слезы запачканными в крови руками.

— А теперь ты пойдешь и передашь сообщение. Это приказ, понял? — И через некоторое время добавил: — Пойми, так ты лучше всего можешь помочь мне. Если ты меня потащишь, то принесешь прямо в руки французов. Ну, беги, а то скоро начнет светать!

Я понял, что он прав и что один я не смогу ему помочь. Я побежал так быстро, как только мог, в христианский квартал. Вы, очевидно, знаете, что Михаил — друг моего брата — происходил не из мусульман, а был христианином. Его отец и дед держали пекарню неподалеку от Восточных ворот в Старом городе. Между нами и арабами-христианами, насколько мне помнится, никогда не было трений. Только мы праздновали пятницу, евреи — субботу, а христиане — воскресенье. Сирийцы-христиане чувствовали и чувствуют то же, что и мы, — они арабы и боролись вместе с нами против оккупантов.

— Итак, я бежал, бежал так быстро, как только мог, к дому Михаила. Кругом сновали французские патрули, но мне каждый раз удавалось вовремя прижаться в тени ниши какого-нибудь дома, так что меня не заметили. Скоро я добежал до пекарни. Когда на мой стук дверь открылась, первым вопросом Михаила был, не идет ли кто за мной. На это я с чистой совестью мог ответить отрицательно. Никто не бежал за мной в темноте, уверил я, и, уж во всяком случае, ни один француз. Михаил провел меня во внутренний двор. Я рассказал все, что поручил мне брат. Михаил исчез за дверью. Сквозь щели наружу проникал слабый свет. Я слышал приглушенные голоса. Очевидно, у него было много людей. Через несколько минут из комнаты вышли три человека и через дворовые ворота исчезли в темноте. Вскоре после этого пришел и Михаил. «Наши друзья отвлекут французов, — коротко объяснил он, — и тогда мы попытаемся забрать твоего брата».

Мы ждали, наверное, еще минут десять, которые показались мне вечностью. Вдруг снова началась странная перестрелка, но шум на этот раз доносился не из центра Старого города, а от вокзала. Михаил дал сигнал к выходу. Мы еще слышали голоса французских солдат, но они удалялись. Действительно, мы не встретили ни одной живой души. Казалось, город вымер. Скоро мы пришли на то место, где я оставил брата. Он опять потерял сознание. Михаил, изучавший медицину в Дамасском университете, осторожно осмотрел его. «Я думаю, ему повезло, — утешил он меня. — Он ослабел только от потери крови». Мы осторожно положили его на одеяло. Я хотел показать дорогу к нашему дому, но Михаил отрицательно покачал головой: «Если подозрения твоего брата основательны, то идти в ваш дом небезопасно. Мы отнесем его к надежным друзьям».

Мы беспрепятственно добрались до курдского квартала и остановились перед довольно обветшалым домом. Михаил ритмично постучал в дверь, после чего она сразу же приоткрылась. Пас впустили. Это был дом стеклодува; там и выходили брага.

Хозяин дома прерывает свое повествование.

— Самое главное — о том, как я впервые участвовал в борьбе против оккупантов, — я рассказал.

Он вопросительно посмотрел на меня и продолжал:

— Меня приняли в Организацию сопротивления. Предателя мы скоро разоблачили. Покровительство французов не очень ему помогло. Через несколько дней после этих событий его выловили из Барады с дыркой в голове.

— Ну а что стало с вашим братом?

— Да, диагноз Михаила подтвердился. Это были рваные раны. Мой брат быстро выздоровел и снова включился в борьбу, однако несколько лет спустя попал в руки французов, и они расстреляли его. По об этом рассказывать сегодня уже поздно. Я расскажу вам в другой раз.

Восстание

Я часто бывал в доме Мустафы Хасани, знаю его жену и многих его сыновей и дочерей. И всякий раз я настоятельно просил его рассказать о восстании сирийского народа в середине 20-х годов против французской колониальной армии: ведь это одно из наиболее значительных боевых выступлений арабов против империализма.

— Как я уже говорил, после нападения на полицейский участок мне разрешили участвовать в борьбе. Хотя брат все еще называл меня малышом, но меня это уже не очень обижало, потому что я знал: я могу быть полезным. Французы усилили контроль и усовершенствовали систему шпионажа и подслушивания. Тот, кого заставляли вечером на улице, знал, что его арестуют, избьют, вышлют или расстреляют на месте. По и днем тоже участились полицейские облавы и налеты. Сирийцу вообще стало трудно появляться на улице. И тут Михаил вспомнил о моем едва пробивавшемся пушке над верхней губой. Ему пришла мысль использовать для нелегальной работы обычай городских женщин-мусульманок закрывать лицо покрывалом. Я надевал длинную женскую одежду, волосы и лоб повязывал платком и натягивал темное покрывало на нижнюю часть лица. Оставались одни глаза. В этом маскарадном костюме меня использовали в качестве связного даже среди бела дня. Таким образом я познакомился со многими членами организации, передал в штаб множество сообщений о положении дел и инструкций на боевые посты.

Возмущение против оккупантов росло. Наши удары становились все более эффективными. Мы уже больше не довольствовались тем, чтобы бросить пару гранат в полицейский участок, а пытались проникнуть в караульное помещение и захватить оружие и амуницию. Такие же акции совершались и в других местах, в первую очередь в Бейруте и Алеппо. Но нам было ясно одно: чтобы добиться успеха, надо привлечь к борьбе крестьянские массы. Поэтому мы уже давно старались наладить тайное сотрудничество с вождями крестьянских организаций сопротивления. Выдающуюся роль играл тогда Султан аль-Атраш, не очень богатый шейх небольшой деревни в Друзских горах, неподалеку от теперешнего окружного города Сувейды. Этот храбрый крестьянский вождь сколотил в суровых горах на юге страны небольшой партизанский отряд. Когда французский комендант округа Сувейда как-то отдал приказ ограбить это местечко, арестовать нескольких крестьян и выселить их, несколько друзских вождей пожаловались верховному комиссару в Дамаске генералу Саррайлю. Они напомнили ему о договоре двадцать первого года, по которому Франция гарантировала друзам определенную форму самоуправления. Но генерал разорвал договор на глазах делегации, нескольких делегатов посадил под арест, а потом выслал их в деревню, находящуюся в пустыне.

Когда известие об этой провокации донеслось до горных деревень, друзы восстали и уничтожили несколько французских опорных пунктов. За несколько дней весь район оказался в руках восставших. Французам понадобилось, очевидно, некоторое время, чтобы осмыслить серьезность сложившейся обстановки. Карательные экспедиции, посланные для устрашения сувейдского гарнизона и примкнувшей к нему крестьянской армии, были уничтожены восставшими, которые успели уже создать временное национальное

правительство²². Несколько разведывательных броневых автомобилей и пушек, сорок пулеметов и две тысячи ружей попали в руки партизан.

Мои дамасские друзья получили сообщение из Бейрута, что французы решили усилить войска соединениями из других своих колоний, расположенных на Средиземном море, и под командованием генерала Гамелена направить все войска против восставшей Сирии. Надо было оповестить об этом Султана аль-Атраша. Поскольку, по мнению моих друзей, я хорошо себя зарекомендовал в качестве связного, мне и было поручено передать сообщение в его штаб. На этот раз я переоделся не женщиной, а мальчиком-пастухом.

После очень утомительной езды верхом на осле — пришлось много раз обходить французские соединения — я действительно наткнулся на главную квартиру Султана аль-Атраша. Меня привели к нему, и я передал, что мне было поручено. Атраш похвалил меня, велел сесть и приказал принести свежего козьего молока. По прежде чем кто-то поставил его передо мной, я уснул.

Позднее я много раз в качестве связного проделывал этот путь из Друзских гор в Дамаск. Штаб в горах был предупрежден. Он спокойно готовился к встрече с неприятелем. В конце сентября произошло первое большое сражение под Сувейдой, и крестьянская армия, слабо вооруженная, но полная ненависти к угнетателям, нанесла войскам генерала Гамелена тяжелое поражение. Вслед за этим удалось окружить и полностью уничтожить французский армейский корпус в горах Хаурана. Тогда погибло почти восемь тысяч французских наемников, которые позволили своим господам отправить их на верную смерть. Лишь немногим, отбившимся от своих частей французам удалось бежать²³.

Когда весть об этой победе долетела до Дамаска, нас охватила неопишуемая радость. Жители города, смеясь и плача, обнимали друг друга. Многие, у кого были ружья, палили от радости в воздух, к большому огорчению моего брата, который напоминал всем о том, что бой еще не выигран, что в Дамаске стоит французский гарнизон.

Насколько он был прав, подтвердилось быстро. Прочесывая Гуту, французские войска натолкнулись на небольшой партизанский отряд. В бою погибли партизаны и несколько деревенских жителей. Стремясь запугать население столицы, солдаты приволокли их трупы в Дамаск и выставили для обозрения. Но их расчет не оправдался. Это варварское преступление вызвало взрыв народного возмущения. Пламя восстания разгорелось сильнее, и поддерживала его победа в Друзских горах. В ходе ожесточенных уличных боев французские солдаты были вытеснены из города, а когда к нам на помощь подошли партизанские отряды из близлежащих деревень, победа была уже в наших руках. Восставшие подошли к дворцу верховного комиссара. Его самого давно уж и след простыл, почти вся охрана разбежалась. Толпа штурмовала здание и сорвала трехцветный французский флаг. Потом были заняты казармы, солдаты бежали. Сирийский народ стал наконец снова хозяином Дамаска, своего древнего города.

Мустафа Хасани ненадолго замолкает, погруженный в свои мысли. Тихо. Ни ветерка. Я не решаюсь прервать молчание. Словно очнувшись, хозяин дома выпрямляется и смотрит в пустоту.

— Наша радость была недолгой, — продолжает он. — Через несколько дней после этого меня разбудил своеобразный, никогда ранее не слышанный мною рокот, который

²² Повстанцы заняли Сувейду, но французский гарнизон продолжал обороняться в ее цитадели. Факт создания повстанцами временного национального правительства» многими историками (в том числе арабскими) ставится под сомнение. (Примеч. ред.)

²³ Речь идет о наемниках, так как французы обычно использовали в Сирии «сирийских легионеров», то есть солдат местного происхождения (главным образом христиан, неарабов или членов некоторых религиозных сект), или колониальные войска из уроженцев Магриба, Мадагаскара и других «владений Франции» того времени, а также международных авантюристов и преступников из так называемого Иностранного легиона. (Примеч. ред.)

наполнял воздух. Я не сразу понял, что этот нарастающий гул исходит от самолетов. Подобно мне, почти никто из дамаскинцев никогда еще не видел такого летающего чудовища. Многие выбежали на улицы и уставились широко раскрытыми глазами на машины. Их было с десятков, а то и больше; от шума, который они производили, казалось, лопнут барабанные перепонки. Вдруг из самолетов посыпались небольшие продолговатые сосуды. Никто из нас раньше не слышал, что эти сосуды назывались бомбами. При полете они покачивались в воздухе. Мы стояли и смотрели, как падали бомбы. А когда они исчезли, за крышами домов в небо поднялись огромные грязно-серые облака. И сразу же послышался грохот взрывов, и только тогда большинство из нас поняло, что это смертоносные снаряды.

Страшная, неопишуемая паника охватила людей. Почти никому не пришло в голову укрыться, искать убежища. Да из этого ничего бы и не вышло, потому что жилищ с подвалами практически не существовало. Все снова и снова прилетали группы самолетов, сбрасывали свой несущий смерть груз и исчезали за горизонтом. Небо потемнело от дыма пожаров и пыли рушившихся зданий. Люди воздевали руки и бесконечно призывали Аллаха, пока не падали, пораженные осколками бомб или свалившейся на них стеной дома. Я видел, как несколько мужчин стреляли из старых карабинов или даже из пистолетов в воздух, разумеется безрезультатно. Казалось, город погрузился в пепел и золу.

Когда через три дня бомбардировка прекратилась, большая часть города лежала в развалинах. Погибло несколько тысяч людей — мужчин, женщин, стариков и детей. Десятки тысяч остались без крова. И неповторимые свидетели тысячелетней культуры исчезли, погребенные пеплом.

Под прикрытием бомбардировщиков французские солдаты захватили гарнизонные службы и снова установили в стране колониальный режим. Много патриотов погибло в боях, среди них и наш стеклодун. Тот, кто не погиб и находился на подозрении как участник борьбы, был арестован и расстрелян. В их числе Михаил, мужественный студент-медик. Лишь немногим — в том числе и мне с братом — удалось уйти из Дамаска и пробиться к сельским партизанам.

Французы думали, что с помощью варварского террора можно поставить наш народ на колени, но они просчитались. Хотя они и смогли утвердиться в больших городах, но эти города были уже ненадежными островками в бурлящем море. Партизанские бои вспыхивали с повой силой. Арабские патриоты из многих стран, в особенности из стран Ближнего Востока, спешили в Сирию, чтобы помочь нам. Скоро мы контролировали почти всю территорию страны.

Оккупанты пытались получить передышку, чтобы укрепить свою армию. Они отозвали неудачливого генерала Саррайля и назначили верховным комиссаром опытного дипломата де Жувенеля, который вступил в переговоры с нашим руководством. Само собой разумеется, французы не стремились достигнуть каких-либо результатов; они хотели только выиграть время. И это им удалось. Между тем французская армия, насчитывавшая к началу восстания двенадцать тысяч человек, была увеличена до ста тысяч. В апреле 1926 года этим соединениям удалось захватить Сувейду, но аль-Атраш продолжал вести партизанскую войну в неприступных горах до тех пор, пока в 1927 году он не был оттеснен превосходящими силами противника на иорданскую территорию, где англичане интернировали его, а затем выдали французам.

Мустафа Хасани снов молчит, погружившись в воспоминания. Мой вопрос: «А что произошло с твоим братом?», по-видимому, не дошел до его слуха, так как он продолжает молчать. Неожиданно он встает, исчезает за дверью гостиной и через несколько минут возвращается. В руках у него старая фотография. Это страшная фотография. На площади, окруженной каменными домами, лежит длинный ряд убитых, руки у большинства из них широко раскинуты. Головы одних были повязаны клетчатыми платками, другие — с непокрытыми головами; некоторые в пиджаках и брюках, большинство же одеты в галабийю. На краю площади — два пулемета в боевой готовности. Рядом с ними солдаты с любопытством смотрят на убитых. Несколько офицеров, верхом на лошадях, размахивают

саблями. На заднем плане, на другом конце площади, — солдаты с ружьями к ноге.

— Один из убитых мой брат! — говорит Мустафа. Я вопросительно смотрю на него.

— Я уже говорил вам, что после ужасной бомбардировки нам удалось выбраться из Дамаска. Мы снова ушли к партизанам, действовавшим против французов из Гуты. У брата там было много друзей, и его встретили с радостью. Само собой разумеется, я не отходил от него ни на шаг. Мы провели несколько операций, в основном успешных, но были и менее удачные. Среди партизан находились и такие, которых ввели в заблуждение переговоры верховного комиссара с нашими представителями. Они считали, что не следует мешать этим переговорам, тем более что нам обещали отменить систему мандата, дать возможность создать собственное правительство и принять конституцию. Но скоро стало совершенно ясно: все это лишь приманка, на самом же деле французы и не думали предоставлять нам независимость. Мы опять решили активизировать военные действия. Но очень уж много времени было потеряно. Силы противника слишком превосходили наши. Хотя в августе двадцать шестого года нам удалось еще раз ворваться в Дамаск и взять под контроль многие районы города, французы тотчас же стали бомбить город. Их главнокомандующий цинично заявил, что бомбардировка будет продолжаться до тех пор, пока мы не капитулируем, даже если не останется в живых ни одной женщины, ни одного ребенка. А когда к французам подошли новые соединения, наши боеприпасы были на исходе. Если нам удавалось напасть на отряд противника и захватить его боеприпасы, мы могли еще стрелять. Наконец наш квартал окружили. Французы заявили, что прекратят бомбардировку гражданского населения, когда им выдадут, как они выражались, подстрекателей. Они обещали обращаться с ними как с военнопленными. Брат и несколько его друзей, не в состоянии больше выносить жестокую расправу над мирным населением, решили капитулировать.

Я никогда не забуду тот вечер. Я кричал на брата, что он сумасшедший, если верит слову ненавистных французов. Он обнял меня и только сказал, улыбаясь: «Кто, собственно, тебе сказал, что я верю их слову? Но они, по крайней мере сегодня, сильнее, и я не вижу другой возможности положить конец убийству».

Между тем молодая жена брата узнала о его намерениях и ворвалась в помещение штаба. Началась ужасная сцена. Она прибежала с ребенком, с их двухлетним сыном, — хозяин дома показал на мужчину лет сорока, обведенного на фотографии кружком, — и протянула ому ребенка. Когда он взял его на руки, женщина повалилась на пол и обхватила руками ноги мужа. Наконец ему удалось высвободиться и выйти из дома, где его ждали французы. Уже на следующее утро его вместе со многими другими сирийскими патриотами — руководителями восстания и простыми солдатами — расстреляли здесь, на этой площади.

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ К СВОБОДЕ

Революционеры и революция

— Из рассказов моего дяди ты знаешь, сколько мне лет, — заговорил Юсеф. Мы в первый раз отправились вместе в крошечную деревушку на Евфрате, которая в те времена называлась Табка. Он, племянник Мустафы Хасани, и был тем самым ребенком, из-за которого его отец отдался в руки французов, когда началось восстание.

Нам предстоял долгий путь через Хомс в Алеппо и оттуда еще 135 километров на восток до места, где позднее была возведена плотина. Юсеф, проучившийся несколько лет в Советском Союзе, был одним из тех сирийских инженеров, которые с самого начала приняли участие в строительстве огромной плотины на Евфрате. Я сидел за рулем, а Юсеф рассказывал мне о своей жизни — жизни сирийского коммуниста, ставшей частицей истории Сирийской коммунистической партии (СКП).

— Мне было два года, когда в двадцать шестом убили моего отца. За два года до этого

первые коммунистические кружки в Сирии объединились в Коммунистическую партию. Это были небольшие группы сирийских патриотов, которые под влиянием Октябрьской революции и благодаря собственному опыту, обретенному в борьбе, научились смотреть за кулисы империалистической политики и распознавать скрытый механизм угнетения и тех, кто им орудует. Обращение Ленина «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» дошло и до нас.

Когда началось восстание против французов, небольшие коммунистические группы не были сильны. Борьба унесла из жизни многих мужественных товарищей. Примерно через пять лет после этого разрозненные организации вновь объединились. Еще несколько лет прошло в поисках ясной марксистско-ленинской линии, пока в тридцать четвертом году партия выбрала новое руководство во главе с генеральным секретарем Халедом Багдашем. С этого времени СКП стала надежным оплотом сирийского пролетариата и всего народа Сирии; у нее были ясные задачи, которые она последовательно проводила в жизнь, закаляясь в бесчисленных классовых боях.

— Твой дядя коммунист?

— Нет, он не коммунист, хотя во многом очень близок к нам. Он, так же как и его сын Ибрагим, с которым ты тоже тогда познакомился, подпал под сильное влияние арабского национализма. Ради этих идей он и его товарищи сражались против иностранных захватчиков, и многие тогда отдали свою жизнь. Но в то же время их национализм постоянно мешал им видеть себя частью движения за прогресс, охватившего весь мир, действовать в соответствии с этим.

— Ну, и как же ты при таком окружении пришел в партию?

— Тогда для меня, как и для каждого из нас, многие факторы имели значение, и это продолжалось довольно долго. Важным катализатором, конечно, явилось разочарование, которое постигло Сирию и которое я пережил, когда была завоевана независимость. Разумеется, я — и это стало нашей семейной традицией — уже в сороковых годах участвовал в борьбе против французов. Тогда сложилась весьма своеобразная ситуация: французы в Сирии воевали против французов. Когда Францию оккупировали нацисты, она, как известно, некоторое время терпела профашистский режим Виши. Сторонники этого режима во главе с маршалом Петеном претендовали на французские колониальные владения и практически передавали их Гитлеру, что угрожало непосредственно британским позициям в Ираке. Поэтому англичане и французы — сторонники де Голля, высадившись на ливанском побережье, начали жестокие бои с войсками правительства Виши. Покончив с петеновцами, деголлевцы вцепились в волосы англичанам, так как британское правительство делало все возможное, чтобы, воспользовавшись обмороком Франции, присоединить к своим колониям Сирию.

Положение, в котором оказались я и большинство моих друзей, принимавших участие в борьбе против французского колониального режима, было в высшей степени нелепым. Имелись и такие, которые хотели заключить пакт с Гитлером, потому что они видели в нем врага Англии и рассуждали по принципу: «Враг моего врага — мой друг». Другие же считали: «Кто не араб, тому не следует доверять, и надо вести борьбу со всеми». Только коммунисты в состоянии были распутать клубок, раскрыть глаза на обстановку в мире, помочь мне правильно определить наш участок фронта. Я начинал понимать суть войны и увидел, что мы в глазах империалистов были лишь игральным мячом, пешкой на шахматной доске. Одновременно я начал понимать также роль Советского Союза, выступавшего в интересах колониальных угнетенных народов и стремившегося к тому, чтобы эта война стала не только концом немецко-фашистского империализма, но и одновременно концом империалистической колониальной системы. И действительно, когда закончилась война, Англия и Франция пытались закрепить свои позиции также и на Ближнем Востоке, хотя они уже не в силах были сделать это. Но потребовалась еще упорная борьба и здесь, в стране, и на международной арене, чтобы Франция смогла предоставить нам независимость не только формально — это мы ее заставили сделать еще в сорок первом, — но и на деле: вывести

французские войска из Сирии, что произошло семнадцатого апреля сорок шестого года, — это наш национальный праздник.

Некоторое время Юсеф молчал и смотрел на окна машины. Мы пересекли Небк, небольшой городок на полпути между Дамаском и Хомсом, место сильных боев между партизанами и французскими войсками в середине 20-х годов.

— И все-таки, что решило твою судьбу? — спросил я, боясь упустить нить разговора.

— Я уже говорил, что был глубоко разочарован развитием событий в независимой Сирии. Сколько надежд мы связывали с тем днем, когда наконец будет спущен французский флаг! Сколько слез, сколько крови было за это пролито! Французы ушли, у нас было собственное правительство. Некоторое время оно существовало за счет опьянения радостью победы, которую переживали народные массы. Мы были свободны, счастливы, едины. Но когда угар радости освобождения прошел, мы вдруг обнаружили, что абсолютно ничего не изменилось. Правда, в министерских креслах не сидели больше французы. Все декреты подписывались сирийцами. Но содержание декретов, если говорить о некоторых мероприятиях, проведенных в последовавшие после освобождения годы, не улучшило положения сирийского народа. И когда молодой рабочий класс сделал попытку напомнить о том, что независимость страны была завоевана не только для сирийской буржуазии, но и для всех трудящихся, то тут сразу же со всей жестокостью обнаружился классовый характер этого государства. Забастовки подавлялись с помощью полиции и армии, а Коммунистическая партия после двух лет легального существования была запрещена; то же самое произошло и с профсоюзами. Иллюзия, что Сирия после освобождения от французов стала государством сирийцев, лопнула как мыльный пузырь. Сирийское государство оказалось государством буржуазии и феодалов.

Сознать это было очень больно. Событием, которое выбило меня из седла, был мой арест в сорок восьмом году. На этот раз я был арестован сирийцами, моими соотечественниками, за участие в забастовке. Меня вскоре выпустили. Положение в стране становилось все хуже. Вследствие усилившегося народного движения буржуазия была не в состоянии удержаться у власти. Правительства сменялись одно за другим. В этой ситуации наш господствующий класс сделал то, что делают его собратья по классу во всем мире, если над их властью и их прибылями нависает угроза, — призвал сильного человека, диктатора. Естественно, что тут активно вмешались иностранные империалисты. Сначала профранцузской фракции удалось поставить у власти агента Франции, но вскоре он был убит. Англичане протолкнули одну из своих марионеток в качестве военного диктатора. Его тоже убили. Затем пришел час американцев. Они навязали полковника Шишекли, который ликвидировал все остатки буржуазной демократии. Были запрещены все политические партии.

— А ты где работал тогда?

— В то время я работал на текстильной фабрике в Дамаске. Тогда, да, пожалуй, и сейчас еще это была самая большая прядильная фабрика в стране. Нас, рабочих, было около трех тысяч. Условия труда на нашем предприятии по сравнению с условиями труда на таких же предприятиях в Европе были несравненно хуже. Профсоюз, действовавший в нелегальных условиях, призвал к сидячей забастовке. на призыв откликнулась едва ли половина рабочих. Остальные боялись потерять место на фабрике: их удерживал страх перед голодом. Тогда войска заняли фабрику. Мы стояли друг против друга: солдаты — все сирийцы — со вскинутыми ружьями и мы — рабочие. Какой-то капитан крикнул: «Кто за забастовку, выйти вперед!» Прошло несколько бесконечно долгих минут. Время, казалось, тянулось очень долго. И тогда из рядов вышел пожилой рабочий. Я знал его, знал, что у него тоже есть семья. Его тут же избили, арестовали и увели. Больше никто не решился выйти. Нас загнали в помещение фабрики, и мы приступили к работе.

Юсеф опять замолчал. Лицо его стало еще серьезнее. Мне не хотелось прерывать ход его мыслей. Наконец он снова заговорил:

— Я не знаю, сможешь ли ты понять меня. Чувство стыда за то, что мы оставили

старика одного, невыносимо жгло меня. К тому же я тогда твердо решил тоже выйти вперед. И все же я не смог себя заставить сделать это. Я по-настоящему ненавидел себя и был близок к тому, чтобы наложить на себя руки. Я чувствовал, что должен сделать что-то такое, что смыло бы с меня этот позор, и совершил нечто абсолютно бессмысленное: на куске материи намалевал лозунг «Долой Шишекли!» и развернул его перед воротами казармы. Там я стал спорить с солдатами, желая им объяснить, что они сирийцы, а значит, мои братья.

Естественно, меня тут же арестовали. Я оказался в военной тюрьме в Дамаске, пользующейся очень дурной славой. Ты наверняка видел стены, похожие на крепостные, на горе при выезде из Дамаска в направлении Бейрута. Там меня чудовищно избили и топтали сапогами. Потом бросили в камеру. Когда я пришел в себя, то увидел, что около меня лежит пожилой рабочий, тот самый, который на фабрике не испугался солдат. На него было страшно смотреть, он почти не мог двигаться, но все же пытался улыбнуться, и, когда я хотел извиниться, что оставил его одного, он покачал головой. То есть покачать головой он уже не мог, у него вздрогнули только уголки рта, но я понял его. «Главное, победить себя!» — хотел он сказать. Он умер в ту же ночь. Я вышел из тюрьмы только через пять месяцев, когда удалось свергнуть ненавистного диктатора, между прочим, с помощью патриотически настроенных частей армии. Очутившись снова на свободе, я вступил в СКП.

Дальше мы едем молча. Каждый ушел в свои мысли. Сколько жертв уже принесено в борьбе против эксплуататоров! Но зато сколько героев она породила! И сколько новых жертв и героев понадобится, чтобы завершить ее!

Вдали показались первые дома Хомса. Я убавил скорость. Юсеф показывал рукой на запад.

— Видишь, там, на краю города, светится факел?

Я не мог его видеть, так как сидел за рулем и мне нужно было следить за дорогой. Но Юсеф этого не замечал. С большой гордостью он рассказывал, что там находится нефтеперерабатывающий завод; яркое пламя свидетельствовало о том, что горит газ. Это первое большое предприятие, построенное в Сирии социалистической страной в 1958 году, — результат договора с правительством ЧССР.

Юсефа невозможно остановить, если у него появляется предлог рассказать об успехах Сирии.

— Нефтеперерабатывающий завод занимался в то время переработкой нефти, добываемой на севере Ирака и идущей по нефтепроводу через Сирию к Средиземному морю, в нефтяные порты Банияс и Триполи; один находится в Сирии, другой — в нескольких километрах южнее, в Ливане.

Я вспомнил, что оба нефтяных порта я как-то проезжал несколько лет тому назад.

— В то время, — продолжал Юсеф, — все это еще принадлежало компании «Ирак Петролеум»: источники добычи в Ираке, трубы, насосные станции нефтепровода и танкерные установки в Сирии. И только нефтеперерабатывающий завод в Хомсе с самого начала был сирийской собственностью и нашей гордостью. Он перерабатывал тогда ежегодно примерно миллион тонн природной нефти в бензин. Эту нефть мы, разумеется, должны были покупать у «Ирак Петролеум Компани» по установленным продажным ценам.

— А у себя вы не нашли нефти?

— Вот это-то и злило нас. Повсюду на арабских территориях имелась нефть, а как раз у нас, где правительство под давлением прогрессивных сил решилось все национальное сырье использовать на национальных предприятиях и не предоставлять никаких лицензий иностранным фирмам, именно у нас ее почему-то не оказалось! Здесь было что-то нечисто.

— Но кто-то все-таки искал у вас нефть?

Юсеф употребил английское жаргонное выражение, которое можно было бы лучше всего перевести как «вот тут-то собака и зарыта».

— Это была ИПК, которая получила лицензию на изыскательские работы еще в тридцать восьмом году, а в пятьдесят пятом было передано двадцать восемь лицензий на бурение нефти одной американской компании, а годом позже западногерманская компания

«Конкордия» получила сорок девять лицензий. Но странное дело, все эти фирмы ничего не нашли. Сейчас мы знаем, что они не хотели ничего находить.

— Этого я не понимаю, — перебиваю я Юсефа. — Никогда капиталисты не вложат деньги в то, что не принесет им прибыли.

— Это звучит вполне логично, — говорит он, — и в данном случае так оно и было. Но подумай: в то время нефть текла рекой; выражение «энергетический кризис» тогда еще было неизвестно. Фирмы скупили права на разведку нефти, чтобы сначала устранить конкуренцию, а позднее обеспечить себе привилегии. Они не были заинтересованы в том, чтобы как можно быстрее получить результаты разведывательных изысканий. К тому же у них не было твердых политических позиций в отношении Сирии. Сирийское правительство на этот раз уже под влиянием баасистов в шестьдесят четвертом году, подводя итоги проведенных геологических изысканий, прекратило выдачу лицензий на бурение нефти. Оно покончило с мошенничеством империалистов, приняв закон о национализации всех полезных ископаемых. Все иностранные фирмы потеряли права на разведочные работы.

— Насколько мне известно, вы обратились тогда к Советскому Союзу с просьбой о поддержке.

— Именно так. У нас не было ни специалистов, ни машин, чтобы самим проводить изыскательские работы, и наше правительство вступило в переговоры с Советским Союзом, и он выразил готовность предоставить нам и то и другое. Сразу же выявилась существенная разница между так называемой помощью западных стран развивающимся странам, которая на деле представляет собой лишь замаскированную форму эксплуатации, и истинной экономической помощью, оказываемой развивающейся стране страной социалистической. Советский Союз согласился помочь, не думая о том, чтобы результаты геологических изысканий использовать в его целях. Фирмы империалистических государств стремились захватить богатые месторождения и эксплуатировать сирийское сырье и дешевую силу сирийских рабочих. Советский Союз предоставил кредиты, прислал специалистов и технику, но результаты этих работ остались национальным достоянием Сирии.

— Стало быть, геологические изыскания были успешными?

— Вот именно. Можешь себе представить, какой это был сюрприз и для наших буржуазных специалистов, которые убеждали наше правительство в бесполезности новой попытки. Они доказывали, что самые крупные специалисты, самые опытные фирмы пытались это делать и ничего не вышло, что же тут может сделать Советский Союз? Советские геологи должны были начать практически с нуля, так как их, разумеется, не посвятили в результаты двадцатипятилетней работы западных фирм. И все-таки они нашли нефть и природный газ, и очень скоро. Сразу после этого СССР прислал нам специалистов и машины для освоения найденных богатых месторождений. В семьдесят втором году в Сирии было добыто более шести миллионов тонн нефти. Новый, принадлежащий Сирии нефтепровод длиной шестьсот пятьдесят километров протянулся с нефтяных месторождений через пустыню к Средиземному морю; в новом нефтяном порте Тартус, построенном опять-таки с помощью социалистических стран, сирийскую нефть погружают в большие танкеры. А нефтеперерабатывающий завод в Хомсе благодаря этой нефти повысил свою производственную мощность на два и семь десятых миллиона тонн в год, — гордо подвел баланс успехов Юсеф, — и снова с помощью ЧССР. Мы гордимся тем, что были первой арабской страной, народ которой стал хозяином всех предприятий нефтяной промышленности, начиная с добычи нефти, ее транспортировки, очистки и кончая продажей. Богатство нации принадлежит нации благодаря помощи наших друзей и благодаря политике, служащей интересам народа.

Между тем мы подъехали в Алеппо и остановились, чтобы пройтись по базару, который представляет собой особую достопримечательность города. Бесспорно одно: он намного лучше, чем базар в Дамаске. Множество низких каменных сводов, используемых в качестве ларьков, покрывает большую территорию, разделенную сетью тоже крытых рядов на прямоугольники. Юсеф выразил желание помочь мне купить на память о моем

пребывании на Востоке небольшой настенный ковер.

Как только мы ступили на территорию базара, пошли в ход все наши органы чувств. Каждый ряд предназначен для продажи определенного вида товаров ремесленного производства. Мы начинаем с ряда, где продаются ткани. Глаза тонут в пестрых красках всевозможных материй: блестящая золотая и серебряная парча, белый дамаст, сверкающие яркие шелка. Само собой разумеется, что покупатель может рыться в тканях сколько душе угодно. Крестьянки, стоящие возле нас, так сильно тянут и дергают материал, чтобы проверить его прочность, что даже страх берет.

Внезапно краски исчезают, в права вступает обоняние. Мы находимся в рядах, где продаются пряности. Все благодатные запахи Востока смешались здесь в один волшебный аромат. За углом начинаются плодовые ряды. Горы великолепных фруктов заполняют прилавки. Никто здесь не покупает, не попробовав на вкус, достаточно ли созрел плод.

Теперь наше внимание привлекает другая картина: в небольших простых ларьках висят сотни, даже тысячи золотых браслетов и цепочек, жемчужных коле и драгоценных колец с топазами, агатами и другими благородными камнями, ослепляя покупателя. По соседству — продажа кожаных изделий — всевозможных фасонов сандалии и сумки распространяют запах натуральной кожи.

В отличие от дамасского базара иностранцы здесь довольно редко нарушают гармонию живописной картины. Крестьяне, как и две тысячи лет назад, все привозят на ослах и, после того как продадут товар, уезжают верхом, продираясь сквозь сутолоку базара.

Наконец мы пришли в ту часть, где продают ковры. «Входите, господин, не желаете ли кофе?» Мы входим и садимся на низкие табуретки. Драгоценного покупателя угощают чашкой кофе или лимонным соком, даже если он покупает только сорочку. При большой покупке, такой, например, как покупка ковра, внимание к покупателю — явление само собой разумеющееся. Оно просто необходимо, и поскольку сделка должна удовлетворить обе стороны, то она может продолжаться несколько часов. Хозяин магазина смотрит на меня оценивающим взглядом. «Господин хочет купить ковер? Здесь вы получите самые лучшие на всем Востоке! Ну, как вот этот — из Белуджистана? Или вот этот — армянский молитвенный, которому, вероятно, двести лет, лучшего качества, пожалуйста, убедитесь сами! Вот этот персидский особенно хорош! А как насчет вот этого — из Туркестана? Или вон тот — из Смирны?» Не уставая, разворачивает он один за другим ковры, высоко поднимая их, поднося к свету. Решать трудно. Юсеф помогает при сортировке: в правую кучу — ковры, которые сразу отпадают, в левую — интересные экземпляры. Потом следует второй осмотр, третий. Постепенно растет правая куча. Наконец слева остаются только три.

— Господин не может решиться? Это понятно. Все три очень хороши; видно, что господин разбирается в коврах. У меня есть для вас предложение: возьмите все три домой. Мадам наверняка выберет. Кроме того, дома вы сможете лучше оценить их в употреблении. А недели через две-три вы придете снова и скажете мне, какой вы, выбрали. Или купите все три. Или все три принесите назад, как вам будет угодно.

Я совершенно ошеломлен от такой предупредительности и такого доверия, так как мне никогда не приходилось раньше бывать в этом магазине. Я хочу оставить свой адрес, но продавец отказывается взять его.

— Для чего, мой господин? Здесь есть мой, этого достаточно. Нет, нет, прошу вас, у нас задаток не требуется. Доверие за доверие!

Мы упаковываем ковры и прощаемся. Нас провожают самыми лучшими пожеланиями, и здесь я вновь убеждаюсь в том, чему часто был свидетелем: за исключением некоторых сувенирных магазинов, специально предназначенных для туристов, торговля на базаре ведется исключительно солидно и с достоинством. Это вовсе не значит, что продавец отказывается от того, чтобы запросить цену повыше, если предоставляется такая возможность. Кто платит сразу, сам виноват, что остается в убытке. Торговаться — это естественно и отнюдь не противоречит этике достойного проведения сделки. Но никогда мне не приходилось видеть или слышать, чтобы за высокую цену пытались сбыть плохой товар,

выдавая его за хороший.

Если продавец говорит, что ткань — английская шерсть или что камень — йеменский агат, то покупатель может быть абсолютно уверен в этом. И нет нужды проверять, после того как продавец отмерил материал на костюм; он непременно отрежет вам от рулона заказанную длину, даже если покупатель ему совершенно незнаком. А если покупатель вызывает симпатию, то отрез окажется на 10 сантиметров больше: поздравляю с хорошей покупкой, господин, и приходите скорее снова!

Мы продолжаем наш путь. Алеппо очень быстро остался позади, и уже близка цель нашей поездки — место будущего строительства плотины на Евфрате. Наш разговор перешел на эту тему.

— Эта история имеет очень много общего с тем, что я тебе рассказал, — говорит Юсеф. — Это история мошенничества и подлости империалистов и одновременно — помощи стран социализма. В шестьдесят первом году правительство ФРГ вызвалось предоставить кредит в размере пятисот миллионов для разработки проекта плотины. Но заключение договора, а значит, и начало строительства постоянно откладывалось. В шестьдесят втором году Бонн дал понять, что в качестве компенсации сирийское правительство должно передать ФРГ права на проведение изыскательских работ на нефть и на ее эксплуатацию. Становилось все очевиднее: евфратский кредит обусловлен соответствующими экономическими и политическими условиями. Нас хотели шантажировать. Но наше правительство не пошло на это. Слишком уже велико было давление народных сил, выступавших против политики уступок Западу.

Хотя годом позже договор бы подписан из-за опасения, что Сирия пойдет на более тесное сближение с социалистическими странами, но прошло еще два года, и ничего за тем не последовало. Поэтому в шестьдесят пятом году наше правительство обратилось к Советскому Союзу, который сразу же ознакомился с возможностями проведения изыскательских работ, и уже в апреле шестьдесят шестого года был заключен договор, приблизивший нас к исполнению нашей самой большой мечты.

На обочине дороги появился указатель. «Внимание, нам нужно теперь свернуть налево!» — сказал Юсеф. Мы сворачиваем с автострады, ведущей в Ирак. Теперь уже недалеко. Через несколько километров мы миновали убогие крестьянские домишки и прибыли в Табку. Юсеф чал мне знак, чтобы я подрулил к похожему на барак зданию и там остановился.

Мы вышли из машины. Юсеф пошел вперед. За расшатанным письменным столом сидел широкоплечий мужчина, с которым Юсеф перекинулся несколькими словами.

Еще несколько мужчин, склонившихся над картой, подняли головы. Юсеф представил меня сначала мужчине за письменным столом. Это был ведущий инженер. Его лицо, показавшееся сначала не очень приветливым из-за того, что его оторвали от дела, разгладилось, когда Юсеф объяснил ему, что это друг из демократической Германии. «Ахлан ва сахлан». «You are welcome!» («Добро пожаловать!») — приветствует он меня. Между тем Юсеф обратился к тем, что сидели над картами, и на хорошем русском языке сказал: «Это товарищ из ГДР». Сердечное «здравствуйте» дополнило трехязычную встречу.

Так как все равно уже наступил вечер, инженеры решили закончить работу и с готовностью стали рассказывать о масштабах плотины:

— В настоящее время мы заняты поисками наиболее подходящего места для строительства. Согласно нашим предварительным расчетам, это должно быть где-то здесь. — Сирийский инженер ткнул пальцем в карту. — Длина плотины будет примерно четыре с половиной километра, а высота — шестьдесят метров. Озеро, которое возникнет в результате постройки плотины, будет примерно восемьдесят километров в длину и двадцать километров в ширину. Это позволит обводнить много деревень, жители которых — приблизительно шестьдесят тысяч человек — переселятся в новые, современные деревни, построенные на плодородных землях по берегам озера. Запланировано, что у плотины будет установлено восемь турбин мощностью по сто тысяч киловатт. Тем самым количество

электроэнергии, производимое в стране в настоящее время, увеличится в четыре раза, и огромные северные области Сирии будут электрифицированы. Это особенно ускорит развитие промышленности Алеппо, но и в этом районе мы планируем построить новые предприятия. Плотина на Евфрате будет самым большим гидротехническим и одновременно самым значительным ирригационным проектом на Ближнем Востоке после Асуанской плотины на Ниле и удвоит сирийский национальный доход.

Между тем служащая-сирийка принесла на подносе горячую фасоль, хлеб и чай. Павел, один из советских инженеров, поколдовал и извлек из портфеля несколько банок с консервами, а из шкафа для чертежных инструментов — бутылку, и мы основательно подкрепились.

— Ваши семьи не здесь? — спросил я зачем-то.

— Нет, — сказал Павел, — точнее, пока не здесь. Жена начальника, — он показал на ведущего инженера, — находится в трехстах пятидесяти километрах отсюда — в Латакии; жена Юсефа, вы знаете, — в пятистах километрах — в Дамаске, жена Игоря — в двух тысячах пятистах километрах — в Киеве, а моя семья — дальше всех, она в Новосибирске, в пяти тысячах километрах отсюда.

— Но это ненадолго. — Сирийский инженер был настроен очень оптимистически. — Здесь скоро вырастет город с прекрасными домами, школами, детскими садами, и наши семьи будут жить там.

— Так оно и будет, только мы тогда, — Игорь показал на себя и своего товарища, — будем строить новую плотину, где-нибудь в Африке или в Азии, плотину, которая избавит людей от голода.

Это был повод чокнуться. Мы выпили за дружбу, за мир, за наши семьи.

Наутро, умывшись на улице, вылив друг другу по миске воды на голову, мы сели в «лендровер» и отправились к реке. Когда через несколько минут мы прибыли на место и вышли из машины, меня охватило нечто вроде смятения: передо мной сползала вниз каменистая земля, а рядом лениво текла желтая, грязная вода реки. В нескольких шагах слева от нас стоял генераторный агрегат, а метрах в ста справа — два бензиновых бака, выкрашенных в красный и желтый цвета и поставленных на козлы. В беспорядке валялись несколько сваленных труб. И это — строительная площадка Евфратской плотины, которая изменит облик Сирии?

Юсеф заметил мое недоумение и, смеясь, хлопнул меня по плечу.

— Ты как-то рассказывал мне, что не смог в жалких холмах и могилах Мари увидеть роскошь и величие города в прошлом. Сейчас у тебя получается еще хуже: ты не способен заглянуть в будущее!

И он с восторгом рассказал мне:

— Смотри, там, впереди, будет построена плотина; там и приблизительно там будут установлены турбины. Здесь будет начинаться озеро. Наконец можно будет покончить с засухой и наводнениями во время половодий, бичом этого края, и обработать много тысяч гектаров плодородной пахотной земли. А там, где стоит барак, в котором мы только что были, вырастут новые заводы и город на тридцать-пятьдесят тысяч человек, он станет центром сирийского рабочего класса. И электроэнергию они будут получать от турбин плотины. Это такие дела, с помощью которых удастся преобразить древний, отсталый Восток; это битвы в которых мы окончательно разобьем империалистов и внутреннюю реакцию. Вот посмотришь.

5 июля 1973 года я во второй раз поехал на плотину. За прошедшие годы там многое изменилось. В Алеппо вместе с Юсефом мы сели в современный удобный автовагон, который повез нас на восток.

— Ты можешь вспомнить наш прошлый разговор? — спрашивает Юсеф. — За это время мы почти закончили строительство плотины; через несколько минут ты сам сможешь в этом убедиться. Вся наша страна очень сильно развилась за прошедшие годы. Под Пальмирой, где ты «встречался» с царицей Зенобией, были обнаружены значительные

месторождения фосфатов — главным образом с помощью Польши, уже давно начато производство азотных удобрений. Существовавшая еще с тридцатых годов отрасль текстильной промышленности — производство хлопчатобумажной пряжи, трикотажа и тканей — сильно расширилась, в основном благодаря машинам, поставленным нам ГДР, и европейские страны должны быть готовы к тому, что в скором времени они будут получать от нас все меньше хлопка и будут вынуждены покупать нашу готовую продукцию.

Построены сахарные заводы и предприятия по переработке овощей и фруктов. Производство цемента, начавшееся в тридцатом году — построенный тогда цементный завод в Дамаске был первым заводом в Сирии, — значительно возросло. Между прочим, участие ГДР в великих планах индустриализации Сирии можно видеть в самом прямом смысле этого слова. Несколько цементных заводов построено из ее продукции, и предусмотрено строительство еще нескольких. Самые большие элеваторы, а также многочисленные трансформаторные подстанции для электрификации страны сооружены твоими соотечественниками. Вообще строительство инфраструктуры с помощью социалистических стран было для нас особенно важным делом.

Новый автовагон быстро доставляет нас к месту назначения. Он действительно современен и удобен, плохо только, что набилось много народу. С нами в Табку поехало много людей на праздник открытия плотины.

Когда мы прибыли, я не сразу смог сориентироваться, потому что хорошо помнил жалкие глиняные лачуги и барак, в котором жили инженеры. Разница колоссальная. Возник современный город. В многоэтажные дома поселили уже 30 тысяч человек, в первую очередь 11 тысяч сирийских строителей и их семьи, а также советских инженеров и специалистов — примерно тысячу. На вокзале и на улицах царит страшная сутолока. Собрались все местные жители, и тысячи людей приехали из других районов, чтобы увидеть, как закроется последняя щель плотины, а с ней прервется и древний путь Евфрата. Уже через несколько минут я потерял Юсефа из виду. На всех перекрестках ликующие сирийцы громко выражали свой восторг. «Да здравствует арабо-советская дружба!» — кричал кто-то из толпы, поднятый на плечи окружающими, и опять изо всех сил, насколько позволяют глотки, отвечал ему многоголосый хор. В который раз слышится главный лозунг партии Баас (Партии арабского социалистического возрождения): «Единство, свобода, социализм!»

Я подхвачен ликующей толпой и теряю всякую ориентацию. Несколько арабов, приняв меня за русского, хватают и сажают на плечи. Я наслаждаюсь чувством симпатии и признательности: к чему разочаровывать? «Русский» здесь синоним всего хорошего, доброго, прогрессивного; это относится и ко всему социалистическому содружеству. Стало быть, и ко мне тоже. От старого барака не осталось и следа. С высоты плеч сирийских рабочих я могу хорошо рассмотреть всю окрестность. Мощно поднимается плотина, выделяясь среди высоких кранов.

Президент Сирии обращается к тысячам людей. Он благодарит сирийских рабочих и инженеров и выражает благодарность советским друзьям за их помощь, характеризуя плотину как памятник дружбы между арабским и советским народами. Да, это памятник двадцатого столетия — не фараонам и царям, не кровавым победам или военным завоеваниям, а народам. Наступает торжественный момент: нажатие на кнопку, и многотонные цементные блоки устремляются в коричневые воды и на вечные времена преграждают им путь. Эта кнопка закрывает плотину, но одновременно открывает новую эру в истории Сирии. Мечта стала действительностью.

Во многих местах рабочие снимают полотно с больших стендов. «Мадинат-ас-Саура» («Город революции») — написано на них. Так будет отныне называться город — достойным именем в честь незабываемого, поистине революционного подвига.

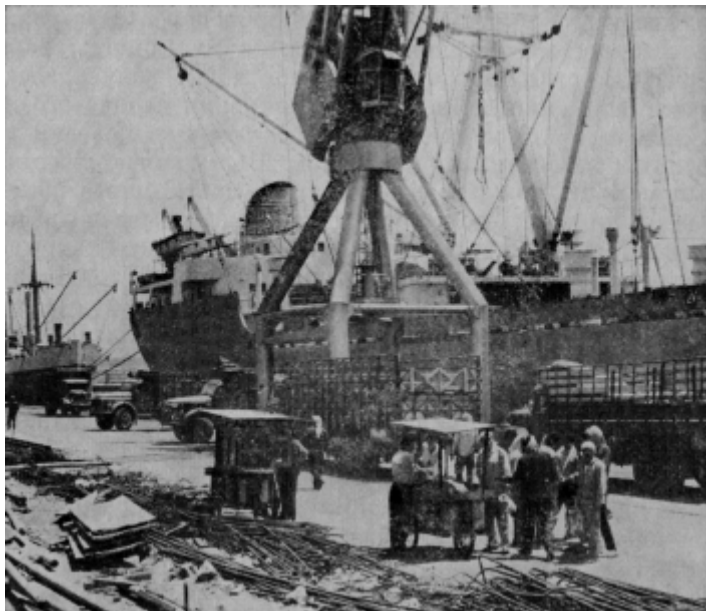
Из сообщения АДН от 18 марта 1978 года:

«Гидроэнергетический комплекс на Евфрате, самый грандиозный народнохозяйственный проект в истории Сирии, в субботу окончательно сдан в эксплуатацию. Пуск в эксплуатацию последнего из восьми турбогенераторов

явился завершающим актом двенадцатилетнего тесного сотрудничества между сирийскими и советскими строителями и специалистами с момента подписания договора в январе 1966 года. В большом торжественном митинге, состоявшемся по поводу открытия плотины, приняли участие президент Хафез Асад, советская правительственная делегация, а также десятки тысяч строителей плотины и пионеры освоения целины!»

Возрождение

Наконец эта встреча должна произойти. С того времени, когда я был в последний раз в отцовском доме Ибрагима Хасани, я больше не видел его. Тогда он почти не принимал участия в разговоре. Юсеф, его двоюродный брат, позднее рассказал мне, что он стал учителем, а сейчас работает в сельскохозяйственном управлении губернаторства Латакия. В этой должности его вместе с несколькими коллегами делегировали в ГДР, а после возвращения он просил передать мне, что если я захочу присутствовать на торжественном открытии сельского кооператива, то должен скорее приехать к нему в Латанию.

В порту Латании

Опоздав на несколько минут, я оказываюсь в условленном месте, рядом с небольшим чистеньким отелем «Гамаль» на морской набережной. Ибрагим уже стоит у входа и ждет меня. Ужасно неприятное чувство давит, как тяжелый груз: во всем мире от немцев ждут пунктуальности. Ибрагим не один: около него стоит небольшого роста худощавый мужчина с большими усами. Мы знакомимся. Спутника Ибрагима зовут Рифаи, он из дирекции окружного археологического управления.

При обсуждении программы я оказываюсь в сложном положении. Ибрагим хочет показать мне современную Латанию, а г-н Рифаи слышал, что я интересуюсь еще и древней историей, и он хотел бы провести меня по всем историческим местам. Оба горят миссионерским пылом, чтобы показать мне прошлое и настоящее величие города. Я постоянно раздираем между прошлым и настоящим.

Ибрагим хочет продемонстрировать мне квартал современных вилл, а г-н Рифаи презрительно отмахивается и говорит о них как о бетонных ящиках, в которых в отличие от традиционных квартир без кондиционеров жить невозможно. Он тащит меня к римским колоннам с коринфскими капителями, и его охватывает гнев, когда он слышит, как Ибрагим

отзывается о «древних булыжниках» как о старом хламе. Ибрагим смотрит на часы и говорит, что надо непременно осмотреть еще маслобойню, табачную фабрику, но в первую очередь — порт. Но г-н Рифаи так быстро свои позиции не сдает. Сначала я должен полюбоваться и сфотографировать триумфальную арку, раскопанную лишь несколько лет назад, и он быстро чертит каблуком на земле: триумфальная арка была сооружена над местом пересечения двух главных улиц, одну из арок окружала высокая колоннада, построенная, по всей вероятности, при Септимии Севере примерно в 200 году, по, возможно, и раньше. Он хотел потащить пас в несколько мечетей и на гору, находящуюся в центре города, где стоял замок крестоносцев, от которого не осталось и следа.

Но тут протестует Ибрагим. Он вталкивает нас в свой «шевроле» и везет в порт. Мы проезжаем через большие ворота, и у нас никто ничего не проверяет. Машина, по-видимому, говорит сама за себя. Проезжаем мимо длинных рядов складских помещений до набережной. В то время как г-н Рифаи рассказывает, что здесь сохранились также остатки средневековых портовых сооружений и цоколь маяка XIV века, Ибрагим сообщает, что современный порт был построен в середине 30-х годов. На причале стоят и разгружаются несколько судов; к сожалению, именно сейчас нет ни одного из ГДР. Но многие из кранов сделаны в Магдебурге, гордо замечаю я.

Г-н Рифаи предпринимает еще одну попытку соблазнить меня прошлым, но когда узнает, что я уже ознакомился с Угаритом и другими финикийскими поселениями и даже со всеми окрестными рыцарскими замками, разочарованно прощается. Теперь можно возвращаться в отель.

Мы сидели за бутылкой вина, поданного к ужину, и Ибрагим спросил, не говорит ли мне о чем-нибудь название отеля. Я пожимаю плечами. Гамаль очень распространенное арабское имя, о чем оно должно мне говорить?

— Отель, — рассказывает Ибрагим, — первоначально, в конце пятидесятых годов, был назван в честь Гамаль Абдель Насера. Тогда Сирия и Египет составляли единый союз. Этот союз, как известно, продержался с пятьдесят восьмого по шестьдесят первый год. Хотя в то время были уже конфликтные ситуации — египетская буржуазия злоупотребляла идеей арабского единства и пыталась поставить в безвыходное положение сирийских предпринимателей, — мы, баасисты, были решительно против раскола.

В первый раз Ибрагим упомянул, что он — член партии Баас. Я раньше знал об этом — слышал от Юсефа — и как раз поэтому был очень заинтересован во встрече с Ибрагимом. Мне хотелось не от посторонних, а от бааси-ста узнать о партии, пришедшей к власти в 1963 году в Сирии и имеющей большое влияние в других арабских странах. Обычно баасисты умалчивают о своей партийной принадлежности. Партия, долгие годы находившаяся на нелегальном положении и продолжающая оставаться нелегальной в отдаленных областях арабского мира, предпочитает конспирацию, даже когда она у власти. Известны имена лишь нескольких ее лидеров.

Но разговор возвращается к названию отеля.

— После того как союз распался, местному сирийскому правительству, которое несло ответственность за этот раскол, по-видимому, не доставляло особого удовольствия видеть имя египетского президента, и отель «Гамаль Абдель Насер» превратился в отель «Гамаль». Между тем воспоминания об ошибочных целях и методах объединения давно потускнели; Насер, умерший в семидесятом году, доказал, что он был крупным государственным деятелем. Хотя между ним и нами, баасистами, часто возникали серьезные разногласия, но это все в прошлом: хозяин этого отеля давно уже открыто демонстрирует свое преклонение перед ним.

Ибрагим оглядывается и делает хозяину, который в ожидании стоит в дверях, знак подойти.

— Сейчас вы получите доказательство!

Он что-то шепчет ему на ухо, и тот, несколько раз поклонившись, исчезает, а затем возвращается с книгой и, раскрыв ее, кладет передо мной. Это книга для почетных гостей.

Все происходит так, как будто совершается священнодействие. На первой странице я вижу несколько строчек, написанных на арабском языке, и Ибрагим переводит мне написанные рукой Гамаль Абдель Насера слова, в которых он выразил удовлетворение по поводу обслуживания в этом отеле. Я не могу не согласиться с мнением Насера. Еда — жаркое с перцем — и вино превосходны.

Ибрагиму не терпится рассказать о своей поездке в ГДР. По-видимому, впечатления у него самые хорошие. Но он не скрывает, что ехал туда с предубеждениями, с недоверием. Однако наши усилия построить новое общество, в котором нужда, нищета, безработица, страх перед завтрашним днем для всех его граждан — понятия незнакомые, произвели на него очень сильное впечатление.

— Конечно, — говорит он задумчиво, — я знаю страны, где больше комфорта и роскоши, — достаточно лишь взглянуть на Бейрут, но там комфорт, которым пользуются очень немногие, и он оплачивается нищетой масс. А мы, баасисты, хотим социальной справедливости.

— Это — повод. Я прошу рассказать что-нибудь о том, как он пришел в партию Баас?

— Ну, что же рассказать вам? — начинает он. — Вы знакомы с моим отцом. После сражений двадцатых годов он не мог оставаться в Дамаске. Пока он был молод, его тоже преследовали французы, и он нашел пристанище у дяди, брата моей матери, крестьянина из деревни неподалеку от Хомса. Там мой отец женился, и там в 1933 году родился я. В отличие от моих сверстников, не посещавших школу, потому что поблизости ее не было, я мог ходить в школу в Хомс — в оба конца это составляло «всего» двенадцать километров.

Для тех крестьянских сыновей, у которых были способности, существовали практически только две возможности бежать от отсталой деревенской жизни: вступить в армию или стать учителем. Оба пути оказались одинаково трудными: много предложений и мало свободных мест. Я добивался места в учительской семинарии и, к счастью, был принят. Но когда закончил учебу, не мог найти работу. В Сирии не было ни одного вакантного места. Тогда я отправился в Ливан. Вы, конечно, знаете, что французы уже давно предпринимали попытки отделить Ливан от Сирии. В конце сорок третьего года они передали функции управления ливанским властям; после вывода французских войск в сорок шестом году образовались два независимых государства — Сирия и Ливан, связанные только таможенным союзом. Но и он через четыре года был ликвидирован: развивающаяся сирийская буржуазия нуждалась в таможенных тарифах, чтобы защитить собственную продукцию от импорта, а ливанская торговая буржуазия, поощряемая французами, с введением таможенных тарифов почувствовала, что ее коммерческая деятельность ущемлена.

Что касается меня, то мне повезло, и я нашел вакантное место учителя неподалеку от Бейрута. Среди учителей было очень много прогрессивно настроенных патриотов. Бок о бок с другими трудящимися мы боролись против попыток иностранного вмешательства. Это было время «доктрины Эйзенхауэра»: США пытались распространить свое влияние на Ближнем Востоке. Президент США получил полномочия по своему усмотрению вкладывать финансовые средства на Ближнем Востоке и вводить туда вооруженные силы, чтобы поддержать там позиции Запада.

Ливанский президент Шамун принял в марте пятьдесят седьмого года «доктрину Эйзенхауэра». Ответом на это были мощные антиимпериалистические выступления масс, направленные против этой политики капитулянтства. Летом следующего года они вылились наконец в широкое народное восстание. Разумеется, я был его участником. Мы, восставшие, взяли под свой контроль три четверти территории страны. Шамун был свергнут. Тогда он попытался спастись, призвав в страну американские войска. Начались ожесточенные бои, настоящие уличные сражения. Может быть, нам не удалось бы продержаться долго против американских войск, но мы были не одни. Наряду с арабскими странами нас поддерживали социалистические страны, и прежде всего Советский Союз, разоблачившие перед мировой общественностью махинации империалистов. Если суэцкий кризис, когда Израиль при

поддержке французов и англичан пытался за наш счет расширить свою территорию, можно считать часом рождения дружбы между арабскими и социалистическими странами в период после второй мировой войны, то борьба против американских захватчиков была новым испытанием. США вынуждены были прекратить свою агрессию. Ливанский президент Шехаб отклонил «доктрину Эйзенхауэра» и стал проводить политику нейтралитета Ливана.

— Вы хотели рассказать мне, как пришли в партию Баас.

— Да, верно, — говорит Ибрагим несколько нерешительно. — Возможно, все было бы иначе, если бы я не встретил Мухаммеда. Он был, как и я, учителем, пламенным патриотом. Когда он рассказывал своим ученикам о великом прошлом арабского народа, то забывал обо всем на свете. Он полностью отдавал себя борьбе. Я восхищался им. Вскоре он взял меня с собой ночью расклеивать призывы на стенах домов. Спустя какое-то время нас схватили полицейские и избили. Он пытался агитировать фараонов и за это был особенно жестоко избит. Потом он взял меня на нелегальную встречу представителей партии Баас. Когда в пятьдесят восьмом году началось восстание, он был одним из его организаторов и погиб, пытаясь гранатой уничтожить пулемет, обстреливавший с фланга наши баррикады.

Ибрагим снова замолкает, зажигая сигарету, и дрожание рук выдает его внутреннее волнение.

— Когда восстание кончилось, я стал членом партии. Я был молод, политически неопытен, полон энтузиазма. Конечно, тогда я еще не сумел понять реакционной сущности тех вождей, которые основали партию в сороковом году и дали ей название Баас, то есть «Партия арабского социалистического возрождения» (ПАСВ). Слово «баас» означает «возрождение», и оно должно напоминать о славном времени, когда арабский мир считался самым прогрессивным на земле. Я поддерживал ее пламенные призывы осознать прошлое величие нашего народа; я восхищался ее мужественной борьбой против диктатуры Шишкли, против реакционного Багдадского пакта, который хотели нам навязать США, и против «доктрины Эйзенхауэра», а личная скромность членов партии производила на меня впечатление. Возможно, что наше тогдашнее руководство действительно верило в возможность среднего промежуточного пути между социалистическим и капиталистическим.

— А сегодня, — перебиваю я его, — сегодня партия больше не верит в такой третий путь?

Ибрагим медлит, уходит от прямого ответа.

— С тех пор многое изменилось, — говорит он осторожно, — за эти годы нам удалось взять власть в свои руки, и мы смогли давать конкретные практические ответы на многие вопросы, касающиеся развития страны. Скоро обнаружилось, что среднего пути не существует, и это поняло большинство. Стало ясно, кто честно ищет решения в интересах народа, а кто хочет лишь сохранить в завуалированной форме свои прежние привилегии.

— А как, собственно говоря, партия пришла к власти?

— Знаете, ситуация тогда оказалась очень благоприятной. Власть буквально лежала на дороге, и нам нужно было только наклониться, чтобы поднять ее.

Когда Ибрагим встречает мой несколько недоумевающий взгляд, он поясняет:

— Я должен снова возвратиться к вопросу о союзе с Египтом. Насер назначил наместником своего генерала Амера, того самого, который позднее, после израильской агрессии шестьдесят седьмого года и связанным с нею неудачным для нас ходом событий, застрелился. Амер сразу же начал террористический поход против всех прогрессивных сил страны. Военный путч шестьдесят первого года, повлиявший на выход Сирии из состава Объединенной Арабской Республики, разразился как раз в то время, когда Насер издал свои первые декреты о национализации и когда началось развитие, которое вы, — Ибрагим улыбается и не уточняет, кого он имеет в виду под «вы», — называете некапиталистическим развитием. Как раз именно это и явилось поводом для сирийской буржуазии, чтобы наконец выйти из состава ОАР. Буржуазные правительства, сформированные после выхода Сирии из ОАР, — мы называем их «правительствами откола» — стремились ликвидировать все

прогрессивные мероприятия, осуществленные в последний период, когда Сирия еще входила в состав ОАР; все трудности легли на плечи простых людей. По стране прокатилась волна забастовок. Бастовали даже учителя. У руководящих деятелей в эти годы не существовало единого мнения о том, как вытащить воз из грязи. Это привело к частой смене правительств. — Ибрагим задумывается и считает на пальцах. — За полтора года у нас сменилось тогда пять правительств. Короче говоря, страна находилась в состоянии дезорганизации, а правительства были недееспособными. В общем, все зависело от армии. А там, как вы знаете, у нас было много сторонников, честных патриотов, людей из народа, готовых нас поддержать. И тогда достаточно было всего одного соединения зенитной артиллерии, которое овладело всеми важными объектами Дамаска.

— И тут пришло ваше время! — добавил я.

— Тогда мы, молодые баасисты, тоже думали так. Наконец-то мы получили возможность хотя бы в одной арабской стране строить наши судьбы так, как нам этого хотелось. Но, к сожалению, нас ждало жестокое разочарование. Все продолжало оставаться по-прежнему, как будто бы ничего не случилось. Возьмем, например, земельную реформу. В шестьдесят третьем году земли, конфискованной у крупных землевладельцев, было не больше, чем в предыдущем году, когда у власти стояли «правительства откола», а земли, розданной малоземельным крестьянам, было даже на одну треть меньше, чем в шестьдесят втором году; сирийских капиталистов не тронули. Вместо этого правительство преследовало левые силы, например сирийских коммунистов, и, желая заручиться поддержкой буржуазии, делало все, чтобы вытеснить представителей левых из своих рядов. И в этой ситуации мы, молодые члены партии, связанной с народом, почувствовали, что необходимо выбросить из седла оппортунистов и возглавить движение, которое ясно показало бы, что мы — партия народа, партия трудящихся.

— И когда же это произошло?

— Эти события трудно связать с каким-то определенным отрезком времени. Они разворачивались постепенно, шаг за шагом. Не обошлось без провалов и ошибок, как это обычно и бывает в политической борьбе. Так, год шестьдесят пятый был годом больших мероприятий по национализации, которая выбила почву из-под ног сирийской буржуазии. Но при проведении земельной реформы и при индустриализации страны были, как вы знаете, достигнуты значительные успехи. Особенно в последние годы. Несмотря на громадный ущерб, причиненный продолжающейся израильской агрессией, Сирия добилась ощутимого экономического подъема. Мы объединились с другими левыми силами, научились в борьбе с империалистами опираться на народ и на социалистические страны.

Я соображаю, удобно ли задать один весьма щекотливый вопрос. Наконец решаюсь:

— Как вы относитесь к сирийским коммунистам?

Ибрагим отвечает не сразу. Затем он начинает говорить, по слова звучат как-то очень осторожно, и я чувствую, что он в чем-то не уверен. Только я не знаю, объясняется ли эта неуверенность его собственной оценкой событий или обдумыванием, можно ли открыто высказав свое мнение иностранцу.

— Вы знаете, что я и Юсеф двоюродные братья. Мы происходим из одной семьи. Политическая борьба привела нас в разные отряды борцов; временами мы жестоко враждовали. В шестьдесят третьем году люди, выдававшие себя за баасистов, организовали кровавый поход против коммунистов и вынудили нас прибегнуть к некоторым террористическим актам. Однако коммунисты считали, что мы не что иное, как ограниченные мелкие буржуа. Между тем и они и мы набирались опыта. Нужно признать, что с шестьдесят пятого года коммунисты энергично поддерживают все прогрессивные мероприятия, предпринятые партией Баас. Мы тем временем имели возможность неоднократно убедиться в том, что мы готовы сотрудничать со всеми патриотами, независимо от их мировоззрения.

— Не предоставляя, однако, — перебиваю я, — равных возможностей другим демократическим и антиимпериалистическим силам в стране организованно участвовать в

политической жизни. Надеюсь, вы не поймете меня превратно, но иногда у меня создается впечатление, что вы хотели ограничить роль коммунистов правом аплодировать вам.

Ибрагим улыбается, он не рассердился на мою откровенность.

— Разумеется, мы еще не избавились от страха, что коммунисты только используют нас для того, чтобы взять руководство в свои руки, а потом от нас отделаться. Чтобы атмосфера доверия установилась, нужно время. Но успехи были достигнуты, несомненно, большие. Создание Прогрессивного национального фронта в семьдесят втором году, разработка и принятие на демократических началах новой конституции в следующем году, а также выборы в народные советы показали это.

После продолжительной паузы Ибрагим подводит итог сказанному.

— Я знаю, что существует еще много враждебных сил, но поверьте мне, что после того, как я побывал в вашей стране, я знаю лучше, чем когда бы то ни было, что успех нашей борьбы против империалистов и сионистов зависит от тесного сотрудничества всех левых в Сирии и от укрепления нашего союза с социалистическими странами.

К этому мне, собственно, добавить нечего.

Собрание в деревне

Мы хотели выехать еще час назад, но Ибрагима невозможно было оторвать от приемника. Он очень взволнован. Израиль снова совершил нападение на палестинские населенные пункты. Г-н Рифаи, который пожелал поехать с нами, только что вошел и сразу начал что-то быстро говорить Ибрагиму, энергично жестикулируя. Пришли хозяин и еще несколько гостей. Я ничего не понимал в горячем споре, уловив только, что положение на Ближнем Востоке снова обострилось. Наконец Ибрагим встает и говорит:

— Нужно ехать, иначе мы опоздаем.

Перед тем как отправиться к крестьянам, я немного ознакомился с положением дел в деревне, и прежде всего с проблемами земельной реформы, проштудировал брошюры партии Баас, полистал статистический ежегодник. Первый закон о земельной реформе вышел в 1958 году, еще в период союза с Египтом. В то время 50 процентов пахотной земли находилось в руках 2 процентов сельского населения. Робкая попытка ограничить власть помещиков осуществлялась постепенно и медленно. Придя в 1963 году к власти, руководство партии Баас более конкретно сформулировало закон о земельной реформе и под давлением прогрессивных сил ускорило его реализацию. Но крупные землевладельцы не были полностью экспроприированы. Им разрешалось удержать за собой значительные участки земли, в пять раз превышающие участки, отданные новым крестьянам, и, что самое худшее, они сами могли выбирать себе землю. Ясно, что они взяли лучшую. В их руках остались также вся техника, скот, оросительные сооружения. Так как большая часть земли не была замерена и официально учтена, у них имелись дополнительные возможности обойти статью закона. Экспроприированную землю батракам и малоземельным крестьянам выделили не сразу; иногда они получали ее лишь через несколько лет. Одновременно государство сдавало землю в аренду тем крестьянам, которые были в состоянии вносить арендную плату. Естественно, это играло на руку деревенским богатым. Во время поездки я все время пытаюсь втянуть Ибрагима и его спутника в разговор о положении в деревне, но мне это не удается. Их мысли в Палестине.

Между тем мы свернули с асфальтированного шоссе. Теперь перед нами только подобие дороги. Хорошо, что у Ибрагима «лендровер». Мы проезжаем вдоль глубоких ущелий, мимо громадных, выше человеческого роста кактусов. Иногда встречаются убогие лачуги. На одном из холмов — низкая каменная стена с белым куполом. Я вопросительно киваю в направлении купола.

— Это гробница шейха, деревенского старосты, который пользовался особым уважением.

В нескольких шагах от дороги осел вращает ворот. Женщины и дети из колодца

достають воду, наполняют сосуды, либо кожаные, либо сделанные из резиновых рукавов. Наполненные водой сосуды грузят на маленьких осликах, и те доставляют их к жилищам. Женщины ставят большие кувшины на голову; их движения при этом очень грациозны.

— Кому принадлежат эти источники? — интересуюсь я. И мне показалось, что Ибрагим смутился.

— Они принадлежат владельцу поля.

— И он продает воду?

— Да, он продает ее; в частности, он берет натурой. Этот колодец очень богат водой. Видите небольшие каналы? Источник орошает также близлежащие поля. За это хозяин получает часть урожая.

Я непонимающе качаю головой. Ибрагим замечает это.

— Вы правы, это завуалированная форма эксплуатации крестьянского населения. Но мы должны все вопросы решать постепенно, шаг за шагом. За это время уже многие кооперативы начали сами строить себе колодцы, где вода подается бензиновыми насосами. Бурение и приобретение насосов производится с помощью государственных кредитов.

Вдали снова появляется несколько домов.

— Вот мы и приехали, — говорит Ибрагим.

Кажется, это большая деревня. Подбегает множество взъерошенных собак, пролаивают нам обычное «добро пожаловать». Наряду со знакомым мне уже типом четырехугольных глиняных построек я вижу несколько домиков, напоминающих большие пчелиные улья.

— Этот стиль, — комментирует г-н Рифаи, — возник из-за недостатка дерева. Дома в виде ящиков требуют по меньшей мере нескольких балочных перекрытий. Но для самых бедных жителей деревни дерево дорого, поэтому они решают проблему таким способом.

Между тем мы подъехали к большой толпе. Крестьяне хлопают в ладоши, когда мы выходим из машины. Опять, как я сразу заметил, пришли одни мужчины, чтобы приветствовать нас. Как обычно, кто-то выкрикивает лозунги, а остальные отвечают в такт. Я улавливаю обрывки слов: говорится о единстве арабов, о расцвете Сирийской Арабской Республики, о партии Баас, о социализме. Мы пожимаем множество рук. Это представители местного народного совета, избранные во время первых выборов в мае этого года, и другие почетные лица. Крестьяне несколько смущены тем, что среди прибывших находится иностранец, европеец. Но когда было объявлено, что я из демократической Германии, страх исчезает, и скоро в лозунгах оратора слышится арабское название нашей республики. «Да здравствует дружба между Сирийской Арабской Республикой и ГДР!» — кричат они, и все восторженно аплодируют.

Наконец начинает говорить Ибрагим, и толпа крестьян с большой серьезностью внимает его словам. Г-н Рифаи переводит мне некоторые места из его речи. Ибрагим говорит о новой угрозе со стороны Израиля. Он рассказывает о том, что Израиль при поддержке США превратился в вооруженную до зубов крепость империализма и что не проходит и дня, чтобы он не посылал смерть и страдания на арабские территории. Он говорит также о том, что у арабских народов много друзей, прежде всего в социалистических странах, что есть Советский Союз, который помогает арабским государствам удержаться в борьбе против замыслов агрессоров. Он еще раз приветствует представителя ГДР — страны, которая постоянно и последовательно стояла на защите интересов арабов. И снова деревенская площадь вторит лозунгам о дружбе между нашими народами.

Ибрагим упоминает о своей поездке в ГДР. Он передает крестьянам привет от немецких крестьян и рассказывает о тесном сотрудничестве между крестьянскими союзами обеих стран. Наконец он переходит к вопросу о положении сельского хозяйства в Сирии. Он дает оценку земельной реформе и созданию кооператива и выражает уверенность, что крестьяне деревни отдадут все силы, чтобы рационально вести хозяйство, так как высокие урожаи — это тоже вклад в борьбу против империалистической и сионистской угрозы.

После вступительной речи председателя местного народного комитета настроение повышается. Молодые мужчины начинают танцевать. Они кладут руки на плечи друг другу

и топают ногами по земле. Первый в ряду машет платком над головой; время от времени он издает пронзительные крики. Стоящие вокруг хлопают в ритм ладошами и подзадоривают танцующих. Несколько деревенских красавиц отважились теперь выйти из домов и смотрят на мужчин с почтительного расстояния. Когда они замечают, что на них смотрят, то стыдливо отворачиваются.

Но вот танец закончен. Нас приглашают обедать, и мы входим в дом председателя крестьянского союза. В скромном продолговатом помещении нет абсолютно никакой мебели, кроме сундука. В степу вбито несколько гвоздей, и на них висит кое-какая одежда. Утрамбованный глиняный пол покрывают два ковра. А на столе уже расставлены кушанья: гороховая каша, чесночная подливка, салат, лук, баклажанная икра, нарезанная морковь, черная фасоль, вареная баранина, завернутая в виноградные листья, грушеобразной формы пирожки, начиненные барьим фаршем; вокруг на полу стоят глиняные сосуды, наполненные баклажанами.

Нас приглашают садиться. Хозяин, очевидно, думает, что мне не очень удобно сидеть на полу, и подсовывает мне подушку. Молодой человек, сын хозяина, приносит горку вкусно пахнущих хрустящих лепешек. Каждый получает по лепешке и расстилает ее перед собой как салфетку. Остальные лепешки разрезают на небольшие полосы. Края полоски загибают вверх и тогда ими удобно поддевать из мисок еду, чаще всего кашеобразной консистенции.

Теперь вносят традиционного барашка. Его глаза печально устремлены на меня. Хозяин собственноручно накладывает на мою лепешку самые вкусные куски барашка. Когда мы покончили с едой, Ибрагим подтягивает к себе небольшой японский транзистор. Я слышу пламенные призывы. Ибрагим задумчиво покачивает головой. Все лица помрачнели.

С помощью г-на Рифаи я пытаюсь расспросить нескольких сидящих поблизости от меня крестьян об их жизни и о роли кооператива. Из ответов я понял, что эта роль ограничивается получением государственных кредитов для покупки машин и другого общественного инвентаря, чтобы повысить производительность труда. Кооператив занимается также закупкой оборудования для ирригационных сооружений, организацией коллективной работы и сбыта сельскохозяйственной продукции. Я спрашиваю, имеются ли случаи коллективного производства. Председатель кооператива ведет меня в поле. Это поле стало плодородным благодаря системе оросительных сооружений, которые создал кооператив, оно обрабатывается коллективно. Таким образом, оно, как говорит Ибрагим, пример, указывающий дорогу в будущее.

Война и мир

Когда мы снова вернулись в Латанию, город находился в сильном волнении. Транзисторный приемник Ибрагима в машине не работал, мы не знали, что случилось, по-видимому, нечто серьезное. В отеле нас встретила взволнованная группа людей. Все говорили наперебой. Наконец мне с трудом удается что-то узнать. Оказывается, опять начались боевые действия. Известия с фронта благоприятные. Египетские соединения образовали по ту сторону Суэцкого канала, на Сирийском полуострове, оккупированном Израилем в 1967 году, пять предмостных позиций и теперь успешно продвигаются по этой территории. Огонь надежды загорелся в глазах мужчин.

Естественно, событие горячо обсуждается. И только поздно вечером, когда большинство гостей ушло, Ибрагим и г-н Рифаи подсаживаются ко мне. Они только что прослушали передачу Би-Би-Си и комментируют сообщение.

— Оказывается, агрессоры — мы! — Ибрагим яростно грызет свою трубку.

— На протяжении всех лет израильтяне не раз устраивали военные провокации против Сирии, Египта и Ливана. Они оккупируют наши территории. Как можно быть агрессором, когда воюешь против вражеской оккупации? Наши войска сражаются на сирийской и на египетской территориях, а не на израильской! Враг находится далеко от своих границ. Продолжение оккупации — это постоянная агрессия.

Я пытаюсь успокоить Ибрагима. Комментатор Би-Би-Си отстаивает, естественно, политику империалистов, это же ясно. Ситуация подходящая, чтобы еще раз услышать о палестинской проблеме с точки зрения арабов.

— Дело началось с того, — начинает Ибрагим, — что британские империалисты после первой мировой войны в соответствии с декларацией Бальфура способствовали переселению евреев со всех концов мира в Палестину — контролируемую ими территорию. Задача состояла в том, чтобы с помощью еврейских эмигрантов держать в узде арабское освободительное движение. В нашу страну привезли десятки тысяч евреев, даже не спросив нас об этом. Еврейские организации обладали большими денежными средствами. Их финансировали крупные монополии. Они тотчас же начали скупать по дешевке плодородные земли и строить еврейские поселения. В это же время они создали военизированные организации, чтобы иметь возможность силой сломить наше сопротивление.

Шли годы; все чаще происходили столкновения между нами и агрессорами. В это время изменилась международная обстановка. Наши акции в империалистической игре поднялись. Это было вызвано тем, что власть в Германии захватили фашисты. Неожиданно, как это уже было во время первой мировой войны, англичане стали снова печься о благе арабов. Они беспокоились о судьбе своих владений «к востоку от Суэца». Чтобы нас больше не раздражать и не побуждать к заключению союза с Германией, что, кстати, не исключали некоторые наши руководители, они перестали переселять евреев в Палестину.

Ибрагим рассказывает о самых грязных махинациях в длинной истории преступлений империализма. Как раз тогда, когда фашисты преследовали и уничтожали евреев по всей Европе, когда евреи особенно остро нуждались в убежище, перед ними закрылись двери. Я вспоминаю, что слышал о случаях, когда европейские евреи, сумевшие откупиться от нацистов или как-то бежать, неделями плавали на маленьких судах в Средиземном море без пищи, без воды, так как британская армия в Палестине не разрешала им сойти на берег.

— Но едва только закончилась война и мир освободился от фашистской угрозы, — продолжает Ибрагим, — едва была ликвидирована опасность вторжения гитлеровской Германии на Ближний Восток, британские, а в еще большей степени американские империалисты, в значительной мере занявшие место своих британских союзников в этом районе, опять делают ставку на сионизм. Снова стали переселять евреев, а с ними возобновились вооруженные конфликты. Когда наконец Великобритания передала свой мандат на управление Палестиной ООН, агрессоры провозгласили государство Израиль. Естественно, мы не могли смотреть на это сложа руки, и, таким образом, сразу же началась ожесточенная борьба.

Ибрагим замолкает и дает мне время поразмыслить. К этому моменту в Палестине проживало уже 675 тысяч евреев. Оптимальным выходом из этого положения было бы, несомненно, образование двунационального государства Палестина, в котором как арабы, так и евреи были бы предоставлены в соответствии с их численностью в демографическом составе страны. Но с этим решением не были согласны ни арабы, ни евреи. Слишком много гнева накопилось за прошедшие годы. Таким образом, оставалась только возможность разделения страны на арабское государство Палестину и на израильское государство. Альтернативы для разделения не было. Сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла решение в связи с этой ситуацией и определила границы Израиля в соответствии с демографическим делением групп населения. Но и это решение не признали ни арабы, ни евреи. В ходе войны, которую с большой ожесточенностью вели обе стороны, Израилю удалось, воспользовавшись отсутствием единства в арабских странах, дополнительно аннексировать примерно шесть тысяч пятьсот квадратных километров из территории, предусмотренной решением ООН для государства Палестина, и, пройдя пустыню Негев, захватить выход к Красному морю у Эйлата.

— Тогда, после поражения, около девятисот тысяч палестинцев были насильственно изгнаны израильтянами. — В разговор включился г-н Рифаи. — Они должны были искать себе прибежище в лагерях соседних арабских стран. Трагедия моего народа достигла новой

ступени.

— А что стало с территориями Палестины, не оккупированными Израилем?

— Они остались под властью тех арабских государств, войска которых оккупировали эти территории до конца войны 1949 года: в южной оконечности Палестины, в так называемой полосе Газа, Египет создал особое управление этой территорией. Король Хашимитов в Аммане сразу же полностью присоединил Западную Иорданию к своему государству, которое теперь, поскольку оно не было больше расположено только по ту сторону Иордана, изменило название Трансиордания на Хашимитское Королевство Иордания. Сионисты создали на земле Палестины империалистический, хорошо организованный, вооруженный до зубов опорный пункт-плацдарм для проведения антиарабской, расистской политики.

Это действительно потрясающий факт, и мне самому понадобилось довольно много времени, чтобы осознать, что представители одной и той же группы людей, которые в своей истории бесконечно долго терпели гнет расизма, сами оказались способными осуществлять политику расизма. Как бы то ни было, но это факт. Политика израильской правящей клики по отношению к арабам является полностью расистской и шовинистической. Их цель — создание великой израильской империи от Средиземного моря до Евфрата, и поэтому они развязали несколько кровавых войн против соседних арабских стран и, таким образом, увеличили страдания и лишения палестинского народа.

— Жаль, — заканчиваю я ход своей мысли, — что палестинцы на протяжении длительного времени не имели единого руководства, ясной политической программы, идеологического базиса. Следствием этого явились экстремистские настроения, нереальные решения и необдуманные действия, нанесшие вред престижу палестинской борьбы.

— Вы не совсем правы, — говорит Ибрагим, в то время как г-н Рифаи молчит, — вы должны принять во внимание отчаяние нашего народа. Многие не видели иного выхода, особенно после неудачного исхода июньской войны шестьдесят седьмого года. Нам понадобилось, должен сказать, много времени на то, чтобы осознать значение политической борьбы и ущерб, нанесенный террористическими акциями. С другой стороны, мы не можем согласиться с тем, что каждый акт сопротивления квалифицируется как терроризм.

Когда началась передача последних известий, мои собеседники сели у радиоприемника. Сообщения опять хорошие. Сирийские и египетские войска, очевидно, научились владеть оружием. Даже западные комментаторы говорят о тяжелых боях, в которые втянуты израильские соединения.

Я прощаюсь с друзьями и возвращаюсь к себе. Долго не могу заснуть. Меня охватывают воспоминания о драматических днях в июне 1967 года. Я помню, как первоначальное ожидание победы уступило место глубокому, непередаваемому отчаянию, когда израильские агрессоры оказались сильнее. Позднее в беседах с европейцами я слышал немыслимые суждения и утверждения о ходе этой войны. Как высокомерные, так и невежественные люди говорили, покачивая головой, о численном соотношении между арабами и израильтянами. Но при этом они забывали, что, во-первых, только 3 из 14 арабских стран участвовали в борьбе. С другой стороны, численность населения имеет, очевидно, менее важное значение, чем его мобилизационные возможности. Однако важнейшей причиной поражения арабских войск была, несомненно, та, что руководство трех арабских армий было не в состоянии действовать по координированному плану. К тому же, арабские солдаты — преимущественно жители сельских местностей. Они ни разу в жизни не видели фабрики, никогда не соприкасались с современной машиной. Хотя они и совершали героические подвиги, но в отношении воинской дисциплины и владения военной техникой далеко уступали отлично обученным израильским соединениям. С тревогой задаю себе вопрос: будет ли оправдан и сегодняшний оптимизм моих друзей дальнейшим ходом боевых действий?

Прошло три дня. Я просыпаюсь от ужасного грохота. Стены небольшого отеля дрожат; рамы ходят ходуном; с потолка сыплется штукатурка. Я выскакиваю из постели, спешу к

окну. Уже двадцать восемь лет не слышал я таких звуков, но я не забыл их. Кто может когда-нибудь забыть взрывы бомб и гранат! Из окна ничего невозможно разглядеть. Но сомнений не остается: бомбят Латакию. Взрывы — в одном-двух километрах отсюда.

Я быстро набрасываю что-то на себя и спешу в гостиную. Там все уже кричат наперебой. Женщины бьют себя руками по голове. Дети плачут и прячутся в длинных юбках матерей. В каждом углу я наталкиваюсь на спорящих людей. Подходит Ибрагим. Он сообщает, что совершен налет на порт. Более точных сведений у него нет. По-видимому, бомбят также и другие районы Сирии, в том числе и Дамаск.

Я решаю немедленно ехать назад. Ибрагим и г-н Рифаи хотят присоединиться ко мне. Это меня весьма устраивает: если задержит армейский патруль, то с их помощью мне будет легче объяснить, что я не израильский шпион. Мы берем с собой немного провианта и едем. Действительно, уже на выезде из Латакии нас остановили, но тут же пропустили. Отсюда, с небольшого холма, мы видим густые облака черного дыма над портом. Едем вдоль побережья на юг. День теплый. Поля и рощи залиты яркими лучами солнца. Можно было бы забыть о войне. Но перед Тартусом над побережьем снова видны темные клубы дыма. Бомбили также сооружения у окончания нового трубопровода, идущего из сирийских нефтеносных районов. Кругом мечутся обезумевшие люди. Мы не можем останавливаться, за городом сворачиваем на восток по направлению к Хомсу. Петляя, дорога уходит в горы. Показался замок крестоносцев Крак де Шевалье. Военного транспорта не видно.

Скоро мы уже подъезжаем к плоскогорью, откуда виден Хомс. Вдруг Ибрагим вскрикивает и показывает вперед. У нас перехватывает дыхание: плотное облако дыма висит над нефтеперерабатывающим заводом. Сомнений нет: его бомбили. Дорога, идущая мимо завода, закрыта. Нас направляют по обходному пути. Хотя мне трудно оценить нанесенный ущерб, но ясно, что завод охвачен пожаром только частично. Гордость сирийской промышленности, один из важнейших объектов страны лежит в развалинах. Я осторожно бросаю взгляд на Ибрагима. Его лицо как будто окаменело.

За Хомсом ехать стало трудно. Дорога на Дамаск забита гражданским транспортом. Мы долго ждем. Ни у кого нет желания разговаривать. Наконец можно ехать дальше. Длинная цепь автомашин протянулась к югу. Очень утомительно так медленно двигаться. Мы пересекаем плоскогорье. Слева простирается кажущаяся бесконечной каменистая земля Сирийской пустыни. Справа тянутся отроги Антиливана. Перед нами снова пробка. В небе появляются несколько точек. Они быстро увеличиваются. Сомнений нет: это самолеты. Они летят вдоль шоссе, прямо на нас. Вдруг вспыхнули желтые огни. Ибрагим толкает меня. Вылезай, живо! Израильтяне!

Одним прыжком приземляюсь в придорожной канаве. Действительно, бандиты обстреливают нас из пулеметов. Над нами пролетают две или три тени. Некоторое время я лежу еще в канаве, но опасность, кажется, миновала. Только теперь замечаю, что прыгнул в крапиву. Лицо и руки в крови. Но могло быть и хуже. В нескольких сотнях метров от нас горят машины. Одного мужчину ранило в плечо. Грозящие кулаки вздымаются вверх. Проклятия звучат все громче. Мы снова садимся в машину.

Через час-полтора пути нас останавливает армейский патруль. Солдат обращается к Ибрагиму. Тот кивает.

— Нам нужно проехать несколько километров в пустыню. Там лагерь палестинских беженцев. Несколько израильских самолетов — вероятно, те, что обстреляли нас, — бомбили и лагерь. Должно быть, там много убитых и раненых. Нас просят взять нескольких раненых в Дамаск.

Конечно, я согласен. Едем по каменистой местности. Колонна автомобилей оставляет позади себя длинный хвост пыли. Мы вынуждены поднять стекла, хотя очень жарко. Я с трудом различаю движущуюся перед нами машину.

Г-н Рифаи, почти все время молчавший, неожиданно откашливается.

— Я знаю дорогу, я знаю лагерь! — говорит он и добавляет: — Я прожил там семь лет.

От неожиданности я быстро поворачиваюсь к нему, — Я уже говорил вам, что я

палестинец. Родился под Хайфой. В сорок восьмом году, когда мне было шестнадцать, меня и моих родственников изгнали. У родителей было небольшое хозяйство, — в основном апельсиновые плантации. Потом семь лет я провел здесь, в этом лагере, мерз И голодал вместе с родителями, братьями и сестрами. Трое моих братьев родились здесь, двое умерли. У старшего брата и его жены родились здесь дети в примитивных палатках, которые вы сейчас увидите. Уже перед израильской агрессией шестьдесят седьмого года так жили более миллиона человек: семьсот тысяч в Иордании, триста тысяч в районе полосы Газа, сто шестьдесят тысяч в Ливане и свыше ста тысяч в Сирии, большинство не могло найти работу. Едва лишь четвертой части палестинцев удалось покинуть лагерь. К ним отношусь и я. В Сирии живут мои родственники. Они взяли меня к себе. Но большинство обречено на существование в этих палатках. Это безрадостная жизнь — без всякой перспективы, можете мне поверить!

Вдали показались первые палатки. Еще немного, и мы у цели. Лагерь большой, здесь наверняка живет несколько тысяч человек. Уже издалека видно, как во многих местах к небу поднимается дым. Когда мы подъезжаем ближе, то видим картину, которую трудно передать. На площадке лежат несколько десятков убитых — мужчин, женщин, детей, окруженных большой толпой. Пронзительные вопли женщин потрясают. Полные гнева клятвы и проклятия обрушиваются в адрес убийц. В лазарете работает один врач, несколько человек помогают ему. Нет ни одеял, ни перевязочного материала, ни медикаментов. Мы берем в машину женщину с ребенком — ему, должно быть, лет семь. Когда я уже собираюсь отехать, в машину втискивается мужчина. Он не ранен, и я отказываюсь его взять. Начинается горячая словесная перепалка.

— Это отец ребенка — говорит г-н Рифаи, пересаживаясь вперед. — Возьмите его!

Я подчиняюсь, хотя, конечно, разумнее было бы взять еще одного раненого. Но ничего не поделаешь. Я осторожно трогаюсь с места. Женщина и ребенок беспрестанно жалобно стонут. Мужчина молчит. Его лицо ничего не выражает, словно он не понимает, что происходит вокруг. Еду очень медленно. Женщина, кажется, потеряла сознание. Остановить машину? Ибрагим отрицательно качает головой. Что мы можем тут сделать! Наконец приехали в Дамаск. Первая больница, к которой я подъезжаю, переполнена, следующая — тоже. Сворачиваем к казарме, где прямо во дворе расположился полевой лазарет. Вокруг лежат раненые. Я останавливаю машину. Мужчина выходит, хватается ребенка и несет его в палатку. Две девушки в форме, наверное студентки, поднимают женщину и уносят ее. Ибрагим и г-н Рифаи прощаются. Когда я наконец оказываюсь в своей квартире, у меня едва хватает сил раздеться и лечь.

Двумя неделями позже война окончилась. Замолчали орудия. Мы сидим в квартире Хасани знакомой компанией: хозяин дома, его сын Ибрагим, его двоюродный брат Юсеф, Ахмед, г-н Рифаи и я. Тема... может ли быть она иной, кроме войны?

Снова шумят голоса. Снова противоречивые мнения, оценки. Но у меня создалось впечатление, что мои друзья держат головы выше. Воспоминания о поражении 1967 года отодвинулись.

— Израильтяне не прошли дальше, по крайней мере здесь, в Сирии, — говорит Ибрагим.

— А на Суэцком фронте наши египетские братья перешли через канал и создали прочные опорные пункты на Синае, — добавляет г-н Рифаи.

— Одному богу известно, — говорит Юсеф, — почему они вдруг остановились. В израильской штаб-квартире, по-видимому, царит большой беспорядок. На успех арабов, очевидно, не рассчитывали.

— Жаль только, что израильские соединения продвинулись на юге до капала, так что теперь Каир под угрозой, — включается в разговор хозяин дома..

— Дьяволу только известно, как это могло опять произойти! — ругается Юсеф. — Счастье, что Советскому Союзу удалось в Совете Безопасности настоять на немедленном прекращении военных действий. Но послушайте: через несколько недель люди, которые

повинны в том, что допустили ошибки в военных операциях арабов, будут кричать: «Советский Союз со своей мирной инициативой помешал нам одержать полную победу!»

Хозяин дома подводит итог:

— Действительно, паши войска показали, что научились обращаться с оружием...

— Израиль будет вынужден возвратить оккупированные территории. Вряд ли долго продлится мир на Ближнем Востоке.

— Израиль должен признать права нашего палестинского народа.

— Мы все должны отстаивать это право.

Все кричат одновременно.

— Израиль должен прекратить террористические акции против арабских государств.

— Израиль должен исчезнуть! Израиль не имеет права на существование в арабском мире! — Голос г-на Рифаи срывается. — Нас сто миллионов! Мы в состоянии выдержать еще четыре войны, или десять, или даже двадцать. Мы можем даже позволить себе проиграть столько же войн. И наш народ будет жить и в конце концов все-таки одержит победу.

И вдруг все замолчали. Я смотрю на каждого в отдельности. Юсеф качает головой, хозяин дома — тоже. Ибрагим уставился в пол. Ахмед встает и начинает возбужденно бегать по комнате.

— Нет, — говорит он наконец, — это не выход! Хватит разрушений: нефтеперерабатывающий завод в Хомсе — груда развалин, портовые сооружения в Латакии, Баниясе и Тартусе сильно повреждены, то же самое — с электростанцией в Хомсе и обеими электростанциями в Дамаске. Разрушено множество небольших предприятий, много мостов и зданий. Мертвых еще никто не считал. Нет, так дальше продолжаться не может!

— Ты что, хочешь капитулировать? — кричит на него г-н Рифаи.

— Глупости! — решительно возражает Ибрагим, — Мы должны продолжать борьбу, никто не говорит о капитуляции. Наоборот! Мы должны сражаться более обдуманно и разумно, мобилизовать мировое общественное мнение против агрессора, а не обращать его против нас.

— А ваше мнение? — хозяин дома обращается ко мне. Я отказываюсь отвечать. Я не имею права вмешиваться и к тому же очень слабо разбираюсь в ситуации. Но хозяин настаивает:

— Вы говорите как дипломат. Но вы не дипломат. Мы просто хотим услышать ваше мнение.

Почему, собственно, я должен ходить вокруг да около? Здесь честные люди, жаждущие получить честный ответ на четко поставленный вопрос, и, кстати, они уже все сказали сами.

— Целиком и полностью согласен с Ибрагимом, — говорю я наконец. — Необходимо разоблачать агрессивную политику Израиля. Никогда еще предпосылки для этого не были столь благоприятными. Если арабские государства объединятся и будут прочно опираться на своих друзей, то можно заставить израильтян возвратить оккупированные территории, и палестинцы смогут создать свое собственное государство.

— Прежде всего следует понять наконец, где наши друзья и где — враги, — добавляет Юсеф. — Правительства всех арабских государств должны прекратить торгашескую политику, лавировать между теми и этими. Паше отношение к тем, кто помогает нам удержаться в борьбе с сионизмом, и к тем, кто восстанавливает сионистов против нас и натравливает их на нас, не может руководствоваться тактическими соображениями.

Я вскакиваю. Сейчас нужно сказать правду.

— И мои друзья должны прийти к признанию права Израиля на существование.

Все молчат, у всех опущены глаза. Наконец Ибрагим говорит:

— Я должен признаться, что нам очень трудно примириться с существованием Израиля на арабской земле. Вы подумайте, сколько ненависти накопилось за десятки лет агрессии, как тяжело бремя, отягощающее мирное сосуществование арабов и евреев.

— Причем арабы и евреи на Ближнем Востоке всегда мирно сосуществовали, — снова

вмешивается г-н Рифаи, — на протяжении тысячелетий. Их история, — он снова обращается ко мне, — полна преследований евреев, еврейских погромов; в Испании, в царской России, в Германии евреев уничтожали тысячами, миллионами. Здесь, у нас, столкновения почти неизвестны. Даже сейчас, в тяжелые дни войны, евреи живут в Дамаске, есть еврейский квартал.

— В самом деле, бессмысленно упрекать нас в том, что мы антисемиты, — вмешивается Ибрагим. — Как можем мы быть антисемитами, когда мы сами семиты, то есть, если рассматривать вопрос с исторической точки зрения, мы — родственные народы. То, что мы воюем, — результат разбойничьей политики Израиля.

— Конечно, — подтверждает Юсеф, — сионизм необходимо уничтожить, поскольку он есть не что иное, как буржуазный национализм. Вы не хотите попятить, — обращается Юсеф к родственникам — что в Израиле тоже есть бедняки, рабское. Г-н Рифаи хочет перебить, но Юсеф опережает его.

— Знаю, что ты хочешь сказать. Я не возражаю, обманутые... Фашисты тоже ввели немецкий пролетариат в заблуждение, он участвовал и войне против Советского Союза. Но Советский Союз сумел отличить одних немцев от других. Уже ведя войну, он стремился очистить сознание немецких солдат от яда фашизма. И сегодня существует ГДР. Поэтому я вам скажу: все против сионизма, но при этом вы не должны упускать из виду два понятия: реакционные круги в арабском мире и наших братьев, борющихся против сионизма в Израиле.

Г-н Рифаи снова подскочил и обращается к Юсефу. Он говорит по-арабски, и я не могу его понять.

— О чем он? — спрашиваю я Ибрагима.

— Г-н Рифаи сказал, что уважает моего двоюродного брата, хотя тот и коммунист. Он готов также сотрудничать с арабскими коммунистами. Но израильских коммунистов вообще не существует, израильтянин-коммунист — это исключено. Тот, кто находится на территории империалистического лагеря, служит империализму.

Г-н Рифаи почти ни у кого не находит поддержки. Большинство признает, что в Израиле тоже растет сопротивление агрессивной политике. Юсеф рассказывает о мужественной борьбе небольшой коммунистической фракции в кнессете, о покушении на генерального секретаря Коммунистической партии Израиля Вильнера, об израильском офицере Амосе Кенане, отказавшемся взрывать жилые дома и школы на оккупированной арабской территории и изгонять население, об израильском адвокате Фелиции Лангер, защищающей в суде арабских патриотов.

Все внимательно слушают его. И все-таки я замечаю, что сомнение не исчезло с лиц моих друзей. Им трудно увидеть ситуацию на Ближнем Востоке под углом зрения Юсефа, с позиции коммуниста, истинного патриота.

Но я уверен: события прошедших недель доказали силу арабских народов в борьбе против агрессоров; укрепился их боевой дух и тем самым повысилась способность к реалистической, трезвой оценке ситуации. Пусть Израиль извлечет для себя урок. Одно бесспорно: ничто так сильно не угрожает существованию Израиля, как его агрессивная политика. Если он это осознал, значит, сохранил еще память об ужасных жертвах и потерях последних дней.

ЭПИЛОГ

Снова сижу я на серой скале у вершин Касьюна. Это мое любимое место, главным образом потому, что отсюда открывается прекрасный вид. Взгляд блуждает над морем домов Дамаска и дальше — по зеленым садам Гуты, теряясь в блеклой желтизне Сирийской пустыни. Сюда я впервые вскарабкался в поте лица пятнадцать лет назад в поисках детей Адама и Евы. Отсюда я прощался с Дамаском, у меня было минорное настроение, и я

хорошо прочувствовал тогда слова поэта, который сказал, что прощание — это всегда немного умирание.

Город изменился. Выросли новые современные дома, родились дети; многие умерли и похоронены. Живые изменились. Я встретил друзей. Все стали старше, набрались опыта. В деле обеспечения мира достигнуты большие успехи, но были и неудачи. А вот очаг кризиса — Ближний Восток — остался. Прогрессивное развитие некоторых арабских государств приняло конкретные очертания. Углубилось социальное содержание национально-освободительного движения. Империалисты, долгое время полагавшиеся в деле сохранения своих интересов на Ближнем Востоке исключительно на Израиль, изменили стратегию и перешли к более активному использованию арабской реакции. В связи с этим отчетливее стали проявляться классовые позиции, скрываемые ранее от поверхностного наблюдателя завесой религиозных и расистских предрассудков. Арабские и израильские реакционеры начали тайно, а иногда и открыто искать общие точки соприкосновения. Это привело к поляризации сил в арабском мире и одновременно к обострению противоречий. Не ослабевая, идет борьба за то, что на языке дипломатов называется мирным политическим решением ближневосточной проблемы. Это звучит, может быть, несколько сухо. Но будущие судьбы моих друзей и многих миллионов людей в этом регионе будут зависеть от того, каким образом будет достигнута эта цель. Контур решения вырисовываются в пламени борьбы.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Записки журналиста из ГДР Ханса Майбаума созданы на основе впечатлений от личного знакомства с Сирией. Но это не просто путевые заметки. Для автора они во многом служат поводом для подробного рассказа не только о настоящем, но и о прошлом Сирии, о прославивших ее землю древневосточных государствах и народах, об отдаленных предках современных сирийцев, о блестящем вкладе уроженцев Сирии в мировую культуру. Естественно, речь идет при этом не о современной, а об исторической Сирии, которая охватывала помимо территории нынешней Сирийской Арабской Республики также Ливан и Палестину. Во всех этих странах автор побывал, и везде он стремился как бы равномерно распределить свое внимание между приметами минувшего и тем, что совершалось у него на глазах.

Несомненной заслугой Х. Майбаума является его умение заинтересовать читателя. И дело тут не в броских заголовках, не в умелом подборе наиболее «детективных» исторических сюжетов, но в подкупающих читателя юморе и самоиронии автора, хотя все это есть и, естественно, увлекает и вызывает симпатию. Главное — в горячем желании автора передать колорит и аромат Сирии, ее природы, ее жизни и истории, традиций и легенд. Начиная повествование буквально «от Адама», Майбаум сразу же дает читателю почувствовать тесную связь легенд и сказаний, рожденных на сирийской земле, с общечеловеческой цивилизацией. Здесь не просто распространены мифы об Адаме и Еве, Каине и Авеле. Здесь «точно знают», где жили Адам и Ева до грехопадения, и «точно укажут» могилу Авеля — предмет поклонения не только сирийцев, но и арабов из соседних стран. А разве не символизируют связь времен и различных эпох древнеримские колонны, используемые в некоторых сирийских деревнях в качестве подпорок для хлевов и курятников? И тут же, спрятав озорную улыбку, автор совершенно серьезно и обстоятельно рассказывает об археологических раскопках в Иерихоне, а затем сам себя перебивает довольно едким описанием американских туристов на Мертвом море.

Возможно, не все читатели в должной мере оценят стиль повествования Х. Майбаума, на первый взгляд не отличающийся строгой приверженностью к какому-либо одному жанру. Но считать так было бы ошибочно. Вернее будет предположить, что автор тяготел к новому жанру, который, сочетая легкость и фундированность, смешное и серьезное, стремится совместить непосредственные впечатления от увиденного с тем, что было прочитано,

изучено и в ряде случаев исследовано. Для такого рода изложения избранные автором форма и стиль довольно удачны и могут удовлетворить самые разнообразные вкусы.

В самом деле, куда бы автор ни ехал, где бы он ни находился, он везде жадно наблюдает жизнь и людей, охотно общается с крестьянами, торговцами, бедуинами, интеллигентами, предприимчивой и вездесущей детворой. И хотя при поверхностном взгляде может сложиться впечатление, что древняя история, памятники, археологические находки и раскопки — любимые сюжеты автора, он как-то очень умело и почти незаметно знакомит нас с теми, кто сегодня живет на земле Сирии. И нам они хорошо запоминаются — рассудительный молодой учитель Ахмед Кош, его невеста Лейла, пылкая поборница женского равноправия, веселый и несколько легкомысленный левантинец Хасан, старый паша Фейсал, убежденный в вечности неравенства между людьми, ветеран освободительной борьбы 20-х годов Мустафа Хасани, рассказ которого является ценным для историка свидетельством непосредственного участника сирийской национально-революционной войны 1925–1927 годов. Даже случайные встречи — с незнакомым шофером по дороге в Апамену, с добровольным гидом Насером в Баальбеке, со слушателями концерта знаменитой певицы Умм Кульсум, с родственниками Ахмеда или с бедуинами Сирийской пустыни — дают очень много интересного для понимания национального характера арабов.

На страницах книги сменяют друг друга царства шумеров, ассирийцев, вавилонян, древних египтян, боги Финикии и древнего Рима, полководцы античной Греции, владыки эллинистических государств, арабские халифы и мамлюкские султаны.

Надо отдать должное автору — он проштудировал немало трудов, посвященных далекому прошлому страны, и его можно поздравить с тем, что в своих экскурсах в древность он в целом придерживается фактов, добытых современной наукой. Это большое достижение, если вспомнить о множестве путевых заметок по Востоку, авторы которых, неизменно обращаясь с древностью весьма фамильярно, лихо пересказывали ошеломленному читателю безграмотно составленные туристские проспекты или сведения, почерпнутые у столь же малограмотных гидов или просто собеседников. Поэтому мы уверенно рекомендуем широкой публике и исторические материалы, обильно вкрапленные в репортажи Х. Майбаума. Заметим, однако, что автор все же не специалист по древнему Востоку и в его работе имеется целый ряд неточностей. Мы позволили себе внести в текст уточнения, касающиеся дат жизни или деятельности участников событий, да и самих событий, по оговаривая этого специально в примечаниях. Они в данном случае лишь перегрузили бы изложение, лишив его известной доли живости и занимательности, тем более что книга в целом посвящена не древности. Автора гораздо больше волнует, как живут арабы сегодня. Поэтому экскурсии в древнюю историю обычно возникают как результат наблюдения той жизни, которую автор видел собственными глазами. Посещение того или иного памятника старины, места раскопок или развалин древней крепости — не более чем эпизоды долгого рассказа автора об арабах Сирии, о том, что их волнует и что составляет главное в особенностях их быта, психологии, культуры, искусства, национального самосознания.

То же самое относится и к Ливану, и к Иордании. Исторические связи этих стран с Сирией (понимаемой в ее современных границах) настолько тесны, что фактически пет языковых и этнических различий между арабами Сирии, Ливана и Иордании (вернее, Палестины, так как большинство арабов Иордании, как и арабов Израиля, по происхождению палестинцы). Различия между этими странами и народами, их населяющими, в основном политические и социально-экономические. Иордания — монархия с преобладающим феодально-помещичьим характером правящего класса и религиозным авторитетом царствующей династии Хашимитов, ведущей свою генеалогию от рода самого Мухаммеда, основателя ислама. Ливан — буржуазная республика, но с сильными традициями патриархальной клановости (характерными не только для крестьян горных районов, но и для горожан) и крайне неоднородным в религиозном отношении составом населения. Вследствие всех этих особенностей «арабская Швейцария» (как любили когда-то

называть Ливан сами арабы), страна с исключительно развитой торговлей, банковской системой и относительно многочисленной буржуазией, всегда была политически консервативной, основывавшей свою внутреннюю стабильность на шатком равновесии религиозных течений, сект и персональных группировок. А попытка демократических сил Ливана в 70-х годах покончить с таким положением натолкнулась на бешеное сопротивление буржуазно-клерикальных правых группировок, открыто поддержанных США, Израилем и некоторыми реакционными режимами мусульманского мира.

Автор вскользь упоминает о трагических событиях 1975–1976 годов в Ливане. Но главное его внимание — Ливану, который он видел задолго до разрушительных военных действий. Тот Ливан, ослепляя блеском фешенебельных отелей, заснеженных горных хребтов и выставляемого напоказ процветания, одновременно изумлял масштабами социальных контрастов, имущественного и всякого прочего неравенства, весьма выразительно представшего Майбауму в виде нищего гетто палестинских беженцев среди ультрасовременных билдингов бейрутского центра. Автор совершенно прав, утверждая при этом: «Кто видел эти социальные противоречия, тот лучше поймет причину жестоких боев, которые потрясают страну в последние годы».

Упор, сделанный в этой фразе на социальный характер подмеченных контрастов, очень точен. Реакционеры всех мастей, как на Западе, так и на Востоке, пытаются уверить весь мир, что все существо конфликта, продолжающего исподволь раздирать Ливан с начала 70-х годов, якобы сводится к наличию в стране палестинских беженцев и опирающихся на них отрядов Палестинского движения сопротивления (ПДС). На самом деле речь идет о самой настоящей классовой борьбе между большинством буржуазии Ливана (имеющей отлично вооруженные Израилем и США войска) и угнетенными массами трудового народа страны. В этой борьбе палестинские беженцы — естественные союзники неимущих ливанцев. Усердно преувеличиваемый реакционерами религиозный аспект внутриливанских столкновений (преимущественно христианской буржуазии с преимущественно мусульманскими трудящимися) решающей роли не играет. Мусульманская реакция и внутри и вне Ливана поддерживает правобуржуазные силы (в рядах которых еще в 1975 году были обнаружены и мусульмане и иудеи), а среди сторонников национально-патриотических сил Ливана (в том числе среди ливанских марксистов) и палестинцев немало христиан.

Книга Х. Майбаума, не затрагивающая кровавых событий 70-х годов в Ливане, тем по менее неплохо знакомит читателя с тем, как и почему страна шла к этим событиям. Автор умеет иногда в двух словах, бегло и вроде бы отрывочно, показать те характерные черты Ливана и ливанской ситуации, наблюдавшихся им в 60-х годах, которые должны были привести к нынешнему конфликту. Читателю ясно, что на фоне гигантских социальных сдвигов, которые произошли или происходят на наших глазах во всем арабском мире, невозможно было сколько-нибудь продолжительное сосуществование мира неимущих низов Ливана и палестинских беженцев с миром богатых, бесстыдно кейфующих бездельников, буквально не знающих, куда деть себя и свои деньги. Сочно описанное автором «Казино дю Либан» и повседневные заботы ливанских тружеников — вещи абсолютно несовместимые.

Однако стоит еще раз повторить: главное в книге — жизнь арабов современной Сирии, их повседневные проблемы и заботы, а также пути решения этих проблем. Рассказывая о легендах и памятниках истории сирийских арабов, автор исходит из того, что они — часть культурного наследия сегодняшних граждан Сирии, следовательно, неотъемлемая часть их жизни. Особенно относится это к разделу «Царство Мухаммеда», в котором изложено с нелишней в данном случае подробностью все то важное, что относится к происхождению и особенностям религии ислама, ее воздействию на политическую эволюцию и культуру арабов (особенно архитектуру), а также почти все, что известно об арабской культуре средних веков, являющейся классическим наследием современной культуры как арабских, так и многих других народов, испытавших в свое время сильное влияние культуры халифата. Увлекаясь, автор местами уж слишком детально рассказывает об истории стран халифата, довольно далеких от Сирии. Но понять его можно: во-первых, арабы любой страны считают

культуру и историю всех стран халифата своим национальным достоянием; во-вторых, излагая историю какой-либо арабской страны в средние века, очень трудно абстрагироваться от фактически существовавшего в то время не только культурно-языкового, но и политического единства арабских и многих мусульманских стран.

В еще большей степени национальные традиции арабов Сирии определяют достижения освободительной борьбы нового и новейшего времени. Автор уделяет им меньше внимания (если не считать рассказа Мустафы Хасани), но говорит о них также достаточно подробно и четко.

Не случайно свой рассказ о Сирии Х. Майбаум заканчивает повествованием о встречах и беседах с двумя молодыми сирийцами — Юсефом и Ибрагимом. Они — двоюродные братья, принадлежащие к разным партиям — компартии Сирии и правящей Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ). Но, несмотря на разногласия между ними, они оба — патриоты, отдающие все делу борьбы за счастье своего народа и за освобождение арабских земель от израильских оккупантов.

Три поездки Х. Майбаума в Сирию дали богатый материал для его очерков. В них очень много самых разнообразных сведений, иногда столь разнообразных, что у неискушенного читателя складывается поначалу довольно пестрое и не во всем ясное представление о том, что же автор увидел и узнал. Но, закрывая книгу и вспоминая прочитанное, получаешь в целом верное представление о прошлом и настоящем дружественной нам арабской страны, находящейся в самом сердце Ближнего Востока, о ее замечательной культуре и славных патриотических традициях, о ее мужественном и трудолюбивом народе.

Р. Г. Ланда

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ханс Майбаум
СИРИЯ — перекресток путей народов
Путешествие в историю и современность

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1982

Hans Maibaum
SYRIEN KREUZWEG DER VÖLKER
VEB F. A. Brockhaus Verlag
Leipzig, 1979

Редакционная коллегия
К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), Л. В. АЛАЕВ, А. Б. ДАВИДСОН,
И. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ,
Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНЯ

Сокращенный перевод с немецкого Т. С. РАЙСКОЙ

Ответственные редакторы Г. М. БАУЭР и Р. Г. ЛАНДА

Автор послесловия и примечаний Р. Г. ЛАНДА

Майбаум Х.

М14 Сирия — перекресток путей народов. Пер. с нем. Т. С. Райской. Послесл. Р. Г. Ланды. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982.

320 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

Книга автора из ГДР Х. Майбаума не только рассказывает о Сирийской Арабской Республике, ее прошлом и настоящем, но и знакомит читателя с историей и современностью всего Ближнего Востока. Рассказы об истории удачно переплетаются с описанием путешествий автора по Востоку.

М 1905020000-007 142-81

013(02)-82

91(И5)

© VEB F. A. Brockhaus Verlag, 1979.

© Перевод, послесловие и примечания: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982.

Ханс Майбаум

СИРИЯ — ПЕРЕКРЕСТОК ПУТЕЙ НАРОДОВ

Путешествие в историю и современность

Утверждено к печати редколлегией серии «Рассказы о странах Востока»

Редактор *Р. Г. Стороженко*

Художник *Э. Л. Эрман*. Художественный редактор *Б. Л. Резников* Технический редактор *Л. Е. Синенко*. Корректор *Г. В. Стригова*

ИБ № 14240

Сдано в набор 04.05.81. Подписано к печати 26.11.81. Формат 84х1081/32 Бумага книжно-журнальная № 2 Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 16,8. Усл. кр. — отт. 17, 32. Уч. — изд. л. 17,58. Тираж 30000 экз. Изд. № 4941. Зак. № 506 Цена 1 р. 80 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»

Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

2-я типография издательства «Наука». 121009 Москва, Шубинский пер., 10